Алекс Бухнер

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Alex Buchner

OSTFRONT 1944

TSCHERKASSY · TARNOPOL · KRIM · WITEBSK · BOBRUISK · BRODY · JASSY · KISCHINEW

Алекс Бухнер

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

ЧЕРКАССЫ • ТЕРНОПОЛЬ • КРЫМ • ВИТЕБСК • БОБРУЙСК • БРОДЫ • ЯССЫ • КИШИНЕВ

1944

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62
Б94

Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой

Бухнер А.
Б94 Восточный фронт. Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинев. 1944 / Пер. с англ. В.Д. Кайдалова. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 365 с.

ISBN 978-5-227-04213-2

В начале 1944 года превосходство Красной армии стало очевидным и катастрофическим для вермахта на всем перешедшем к обороне Восточном фронте. Отныне германские войска лишь отступали под неослабевающим напором советских войск...

Известный немецкий историк Алекс Бухнер прослеживает ход главных оборонительных сражений войск вермахта в 1944 году. Черкассы и Тернополь, Крым и Севастополь, Витебск, Бобруйск и Минск, Броды, Яссы и Вуткани вошли в историю Второй мировой войны как синонимы невероятно жестоких боев с трагическим исходом. На основе документальных материалов, включая сводки вермахта о положении на фронте и воспоминания непосредственных участников боевых действий, автор не только представил наиболее полную историческую картину событий, но и дал внятное объяснение причин катастрофы войск вермахта на Восточном фронте.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-04213-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба окруженной в Сталинграде германской 6-й армии, завершившаяся в начале 1943 года, стала поворотным пунктом всей Восточной кампании. Отныне германские войска лишь отступали под неослабевающим напором Советов. В начале 1944 года превосходство Красной армии стало уже столь очевидным (для всех, но не для упрямо утверждавшего обратное высшего руководства Германии), что оно достигло катастрофических размеров на всем перешедшем к обороне Восточном фронте, на котором к этому времени одни только сухопутные войска потеряли более полумиллиона германских офицеров и солдат павшими в боях, пропавшими без вести и взятыми в плен. (Кроме того, помимо существенных потерь других видов вооруженных сил Германии (ВВС и ВМС) огромные безвозвратные потери на Восточном фронте к этому времени понесли союзники Германии, особенно Румыния, Венгрия, Италия. — *Ред.*)

Эта катастрофа началась котлом под Черкассами, в котором были уничтожены два корпуса. Затем она же продолжилась разгромом гарнизона крепости Тернополь, слишком поздно осуществленным оставлением Крыма, общим отступлением (полным разгромом. — *Ред.*) группы армий «Центр», безрезультатной попыткой прорыва целого армейского корпуса из окружения под Бродами и, наконец, завершилась крахом всей германской группы армий «Южная Украина» в Румынии. (В перечне тяжелых поражений Германии и ее союзников на Восточном фронте в 1944 году автор упустил разгром группы армий «Север» под Ленинградом и Новгородом в январе—феврале, а также разгром группы армий «Юг» и группы армий «А» на Правобережной Украине в январе—апреле. 4 сентября 1944 года под тяжелыми ударами (в июне—августе) советских войск вышла из войны Финляндия. В июле—ноябре наши войска освободили почти всю Прибалтику (Эстонскую ССР, Лат-

вийскую ССР, кроме Курляндии, Литовскую ССР). В октябре советские армия и флот разгромили немцев в Заполярье, освободили также норвежский Киркенес. А в конце 1944 года Красная армия (перед этим в августе—сентябре выведя из войны Румынию и Болгарию) в ходе боев в Венгрии окружила ее столицу Будапешт. — *Ред.*) Сотни тысяч германских солдат были обречены нести свой жребий, испытывая всяческие лишения, страдания, жертвы и смерть, выполняя свой долг доблестно, самоотреченно, не изменяя фронтовому товариществу, несмотря на все страхи и сомнения. Граничило с чудом, что немецкий солдат-пехотинец, несмотря на все тяжелейшие поражения неслыханного масштаба, еще мог сражаться и противостоять неприятелю.

Черкассы и Тернополь, Крым и Севастополь, Витебск, Бобруйск и Минск, Броды, Яссы и Вуткани[1] вошли в историю Второй мировой войны как синонимы немыслимо жестоких боев с трагическим исходом.

Эти воистину драматические события, тогда замалчиваемые, даже в послевоенные времена вплоть до наших дней упоминаются лишь в отдельных исторических исследованиях и едва знакомы массовому читателю. В настоящей книге все они, пожалуй, впервые описаны вместе, причем наряду с чисто историческим описанием событий представлен боевой путь отдельных частей и приводятся воспоминания непосредственных участников этих сражений, чтобы читатель в полной мере мог представить себе весь повседневный ад, в котором те действовали.

Эта книга однажды должна была быть написана — для того, чтобы подобное никогда больше не повторилось.

Алекс Бухнер

---

[1] В у т к а н и — поселок на востоке Румынии в уезде Васлуй. (*Примеч. пер.*)

ВВЕДЕНИЕ

31 января 1933 года Адольф Гитлер вполне законным образом был назначен тогдашним рейхспрезидентом фон Гинденбургом рейхсканцлером. Быстро укрепившись в этой должности благодаря внутри- и внешнеполитическим успехам, он вскоре стал полновластным правителем страны. Будучи вождем созданной им национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) (НСДАП была создана еще до Гитлера, как немецкая рабочая партия (ДАП), в 1919 году. Но вступивший в нее Гитлер вместе с другими фронтовиками, прежде всего Ремом, сделал ее по-настоящему массовой. С 1920 года партия приняла окончательное название, Гитлер официально ее возглавил с 1921 года. — *Ред.*) со всеми ее вездесущими органами и службами, Гитлер в качестве рейхсканцлера стал главой правительства страны, а с 1934 года и рейхспрезидентом в одном лице (после слияния в результате референдума постов канцлера и президента (после смерти Гинденбурга) Гитлер получил официальный титул фюрера и канцлера германского рейха. — *Ред.*), с 1938 года — еще и Верховным главнокомандующим германским вермахтом, присовокупив к этому также и титул фюрера (вождя) немецкого народа.

После развязанной им 1 сентября 1939 года войны против Польши, ознаменовавшей начало Второй мировой войны, и превозносимый пропагандой после новых победоносных кампаний в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, Югославии, Греции (в том числе на Крите) и в Северной Африке как «величайший военачальник всех времен», Гитлер после начала развязанной им войны против Советского Союза потерял всякое представление о соотношении достижимых военных целей и сил возглавляемого им вермахта, который стал единственной опорой страны — ее политических и экономических интересов, ее престижа. Непомерная самопереоценка фюрера, когда он зимой 1941 года на-

значил себя еще и Верховным главнокомандующим сухопутных сил, выразилась, в частности, в выражении: «Примитивное планирование операций на Восточном фронте доступно любому человеку».

Однако позднее, с гибелью 6-й армии зимой 1942/43 года в Сталинграде и с последним ограниченным и неудачным германским наступлением летом 1943 года в районе севернее Белгорода и южнее Орла, ошибочное руководство Гитлера военными действиями на Востоке стало вполне очевидным. С этого времени пополненные советские войска предпринимали все новые и новые наступательные операции на всем пространстве советско-германского фронта от Финляндии (точнее, Заполярья — Северной Финляндии. — *Ред.*) до Черного моря, тогда как все более и более слабевшие в боях германские дивизии постоянно отступали, оказавшись в конце концов разгромленными. Оценка Гитлером противника в лице Советов заключалась, собственно, в том, что он выдавал желаемое за действительное, считая, что его противник находится на грани поражения, тогда как истинное положение дел было прямо противоположным его мнению. Всю гитлеровскую стратегию перед лицом постоянно продвигавшегося вперед противника, изматывающую собственные германские войска, можно выразить одной фразой: не уступать ни единого метра уже занятой территории[1*], сопротивляться любой ценой, переход к эластичной обороне невозможен. Однако еще Фридрих II Великий сказал: «Тому, кто будет только обороняться, оборонять будет нечего». Гитлер же, напротив, без каких-либо разумных доводов твердил снова и снова: «Стоять! Держаться! Ни шагу назад!» Требуемая им оборона плацдармов, «оплотов», грандиозных выступов фронтов и т. д. лишь подчеркивала эти упрямые и навязчивые мысли. На оперативных картах фюрер видел лишь нанесенные на них обозначения многочисленных германских дивизий и корпусов, даже не задумываясь о том, что эти соединения давно уже в значительной мере обескровлены и зачастую сохранили едва ли половину своей ударной силы.

Гитлер рассматривал высших военачальников, даже фельдмаршалов и командующих армиями, как простых исполнителей своих приказов, достаточно часто по своему произволу заменял и делал козлами отпущения за собственные полководческие ошибки. Свобода принятия решений была до такой степени ограни-

---

[1*] Сравните его с выражением: «Там, где ступила нога германского солдата, он уже никогда не отступит». (*Здесь и далее со знаком* — Примеч. авт.*)

чена, что, например, отступление на каком-либо фронте, даже малейшее выравнивание линии фронта, либо введение в бой отдельной дивизии и т. д. должно было быть предварительно согласовано с фюрером в ставке Верховного главнокомандования «Вольфшанце» у Растенбурга (Восточная Пруссия) или в любимом Берхтесгадене и получить его личное одобрение. Сколь жесткую позицию он занимал при этих согласованиях, свидетельствуют два примера. Когда зимой в декабре 1941 года генерал Шпонек осмелился самостоятельно отступить со своим корпусом (состоявшим из одной-единственной дивизии) на Керченский полуостров, поскольку возникла опасность быть отрезанным от основных частей армии, то генерал по приказу Гитлера предстал перед военным трибуналом, был приговорен к смерти (смертная казнь была заменена заключением в крепости) и позднее расстрелян (в июле 1944 года, эсэсовцами Гиммлера. — *Ред.*). Весной 1944 года Гитлер объявил «крепостью» город Ровно на Украине с его гарнизоном в 600 человек. Неприятель уже вошел в город, какие бы то ни было резервы отсутствовали. Генерал-лейтенант Кох поэтому приказал продолжить оборону несколько юго-западнее Ровно. За это самостоятельное решение он по приказу Гитлера был приговорен имперским военным трибуналом по обвинению в «неисполнении приказа» к смертной казни. Лишь контрудар группы армий дал возможность Коху, пониженному в звании до майора, снова вернуться на фронт для «искупления» своего проступка.

Короче говоря — Гитлер видел ситуацию такой, какой ему хотелось ее видеть, и какие бы то ни было чрезвычайные обстоятельства он не хотел принимать во внимание. Действительность представлялась ему весьма далекой от истинной.

Наиболее действенный вид вооруженных сил Германии (вермахта), его сухопутные войска, которые к началу 1944 года без перерыва вели боевые действия в течение более чем четырех лет, понес тяжелые потери численностью более 1,6 миллиона павших в боях, в том числе 33 700 офицеров. Эти потери были еще более чувствительными ввиду уже имеющегося дефицита живой силы и техники, который не было возможности возместить. Германские дивизии с середины 1943 года на Восточном фронте почти непрерывно вели оборонительные и арьергардные бои, буквально выжигавшие их личный состав, их силы находились на пределе. Все дивизии представляли собой в большей или меньшей степени сохранившие способность сражаться боевые группы; все полки, батальоны и роты, взводы и батареи имели численность намного ниже штатной; большая часть тяжелого вооружения и

снаряжения потеряна в боях; подразделения в значительной мере утратили свою маневренность в результате ошибок в снабжении; личный состав был измотан в непрерывных сражениях, не имея необходимого отдыха. Ко всем этим напастям добавлялось еще то обстоятельство, что не имевшее никакого боевого опыта по-

ступавшее пополнение, несмотря на определенную подготовку в тылу, было не в состоянии заменить в больших количествах выбывших из строя опытных офицеров, унтер-офицеров и солдат. В боевой технике ощущался значительный недостаток в артиллерии, штурмовых орудиях, гусеничных транспортных средствах, самоходном вооружении, в зенитках и тяжелых противотанковых орудиях. Уже в течение долгого времени срочно необходимые индивидуальные противотанковые средства все еще пребывали на стадии разработки («Панцерфауст»), притом что советские танки продолжали оставаться самым грозным врагом германского пехотинца. (Гранатометы одноразового действия «Фаустпатрон» с кумулятивными надкалиберными гранатами и дальностью стрельбы 30 метров появились в войсках уже с начала 1943 года. Более серьезные «Офеншоры» и Панцершреки», стрелявшие на несколько сотен метров, — в течение 1943 и 1944 годов. Так что автор опять передергивает. — *Ред.*)

В танковых войсках, которые в первые военные годы — впервые примененные (массированно. — *Ред.*) в современной военной истории — и позволили осуществить сенсационный блицкриг и дивизии которых в ходе сражений быстро растаяли до численности ударных групп, не хватало бронетранспортеров. В результате этого применение танковых дивизий сводилось зачастую только к нанесению местных контрударов, что лишь распыляло танковые силы и расточало их.

Этому же способствовала и система обороны, которая — из-за дефицита сил — совершенно не соответствовала своему названию. Она постоянно сводилась к обороне — без какого-либо значительного эшелонирования в глубину с проведением серьезных полевых инженерных работ. Имеющиеся же оборонительные позиции представляли собой простые окопы и траншеи, укрытия порой усиливались накатом из деревянных бревен, которые не обеспечивали никакой защиты против обстрела тяжелой артиллерией или бомбардировок с воздуха. Эти укрытия, которые одновременно служили солдатам и местом их расквартирования, носили громкое название бункеров[1*]. Передовая позиция обороны имела несколько траншей, стрелковые ячейки и земляные бункеры (блиндажи). Перед передним краем обороны располагались

[1*] Выражение «бункер» появилось в годы Первой мировой войны и означало тогда отдельное бетонное цилиндрическое сооружение, особенно распространенное в 1917 году на равнинных пространствах Фландрии (в вышеописанных случаях — блиндажи; в таких же условиях воевали и части Красной армии. — *Ред.*).

проволочные и минные заграждения. Затем следовала главная полоса обороны, имевшая от 4 до 5 километров в глубину, в которой имелись отдельные огневые позиции тяжелого вооружения (станковые пулеметы, минометы, противотанковые орудия, легкие и тяжелые полевые орудия), командные пункты и — если имелись — незначительные резервы. Еще дальше располагались артиллерийские позиции, затем тыловые службы со всем своим добром — и этим все заканчивалось. Если бы дальше в глубину можно было оборудовать отсечные, промежуточные и тыловые позиции, то прорвать такой участок обороны врагу было бы совсем не просто.

Однако если противник выбивал обороняющиеся на передовой позиции части в глубь главной полосы обороны, то там, не имея возможности закрепиться, им уже редко когда удавалось отвоевать первоначальные позиции. Гитлер пренебрежительно относился к таким запасным позициям в тылу и часто возражал против их создания. («Они лишь соблазняют генералов думать об отступлении», — однажды сказал он.) Имеющиеся в распоряжении резервы составляли, как правило, в масштабе армии — одну дивизию, для дивизии — один батальон, для полка — одну роту: совершенно смехотворные силы.

То, что при подобной обороне любое советское наступление с первого же удара могло привести к прорыву или серьезному прогибу линии фронта, неизбежно влекущих за собой еще более крупные последствия, лежало на поверхности[1*].

Люфтваффе (ВВС) в первые месяцы 1944 года еще сохраняли определенные силы и оказывали неоценимую поддержку. Но теперь их действия все в большей мере диктовались осуществленным с Запада вторжением летом 1944 года и все более усиливающимися союзническими бомбардировками территории собственно Германии (особенно это ударило по производству синтетического горючего, что резко снизило количество боевых вылетов. — *Ред.*). Многолетнее германское превосходство в воздухе на Восточном фронте было уже утеряно.

[1*] Для сравнения приведем здесь пример организации русской обороны периода лета 1943 года, когда русские ожидали крупное германское наступление в районе севернее Белгорода и южнее Орла. Тогда через всю Курскую дугу протянулись три линии русской обороны, каждая на расстоянии 10—20 км от другой, полностью занятые войсками, противотанковыми орудиями, артиллерией и танками. За ними находились еще три оборудованные, но незанятые оборонительные позиции, отстоящие друг от друга на 40—80 км. Только для земляных работ русскими было привлечено тогда 300 тысяч человек гражданского населения.

При этом русский колосс, вопреки частым предсказаниям Гитлера, отнюдь не находился на краю пропасти. Совсем напротив — Красная армия на удивление быстро оправилась от своих многочисленных тяжелых поражений в 1941—1942 годах и обрела новую мощь благодаря неисчислимым людским резервам Востока, резко возросшему выпуску военного снаряжения и оружия и поставкам военных материалов союзников.

Сталин, диктатор Советского Союза и противник Гитлера, сделал решающий шаг, когда, призвав к обороне подвергшегося нападению Советского государства, воззвал к русскому патриотизму и провозгласил Великую Отечественную войну. Этот призыв к защите России-матушки был понятен и близок каждому русскому. Старое военное руководство, часто оказывавшееся неспособным действовать в современных условиях, было сменено новым. Оно усвоило многое из основных уроков современной войны, преподанных германской армией, — прорывы и дальнейшие удары без оглядки на все более растягивающиеся и открытые фланги, быстрое продвижение танковых и моторизованных соединений на обширных пространствах, обходы и охваты, окружения и мешки, удерживаемые менее подвижными армиями второго эшелона, и т. д. Наступательные действия отдельных крупных соединений (фронтов[1*], армий) теперь строго координировались вышестоящими штабами.

Русская пехота не превосходила по своим боевым качествам немецкую, но ее разбитые и измотанные в боях части и соединения получали пополнение из неисчислимых людских резервов Советского Союза (см. примеч. выше. — *Ред.*) и в кратчайший срок смогли снова отвоевать утерянные было области страны. На фронтах появились также и новые, свежие и полноценные соединения. Фронтовые части стали оснащаться автоматическим оружием, в достаточном количестве появилась противотанковая артиллерия. Предпринятая моторизация и своеобразие Красной армии, когда пехота двигалась в бой на броне наступающих танков, повысили мобильность советских частей.

Советские танковые силы, ранее действовавшие в виде бригад и отдельных батальонов в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, были теперь сведены в самостоятельные танковые

[1*] Один советский «фронт» соответствовал приблизительно одной немецкой группе армий. (Фронты насчитывали от 100—200 тысяч человек до 700—800 тысяч человек и чаще соответствовали (или даже уступали) немецким армиям. — *Ред.*)

армии[1*] и танковые корпуса, образовав в высшей степени подвижные крупные оперативные соединения значительной ударной мощи. Непрерывным потоком из ворот советских заводов выходили испытанные в боях танки типа Т-34, а ближе к концу войны к ним присоединились еще и сверхтяжелые танки серии ИС — «Иосиф Сталин» (по массе (46 тонн) танк ИС-2 примерно такой же, как немецкий Pz V «Пантера» (45 тонн), и значительно уступал танкам Pz VI «Тигр» (56 тонн) и Pz VIB «Королевский тигр»), а также огромное число самоходных орудий. Общий выпуск продукции советской танковой промышленности был громаден. Артиллерию сам Сталин провозгласил «богом войны». Наряду с насыщением обычных пехотных дивизий универсальными артиллерийскими орудиями (например, калибра 76 мм) с отличными тактико-техническими характеристиками по его указаниям были созданы и отдельные полки гвардейских минометов (в РККА за боевыми машинами реактивной артиллерии закрепилось название «Катюша». Немцы прозвали их «Сталинскими орга́нами» за пугавший солдат вермахта жуткий рев реактивных мин. — *Ред.*), артиллерийские дивизии и даже артиллерийские корпуса. Выдвижение артиллерии и сокрушительная артподготовка, предшествующая наступлениям и прорывам линии фронта, были потрясающим зрелищем.

Изрядным сюрпризом оказались действия советской авиации: почти уничтоженная в первый период войны, она необычайно быстро возродилась, обрела немыслимую силу и, оснащенная истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками новейших типов, участвовала во всех сражениях.

Наряду с советской военной промышленностью, которая, в отличие от германской, вообще не подвергалась вражеским воздушным налетам (немцам, правда, удались отдельные воздушные удары в ближнем тылу, например по заводам Горького (совр. Нижний Новгород) в 1943 году. — *Ред.*) и поэтому выпускала вооружение в громадных количествах (хотя, например, выплавка стали в СССР в 1942 году составила 8,1 млн тонн против 20,5 млн тонн в Германии (а с оккупированными странами 32,1 млн тонн), в 1943 году соответственно 8,5 млн тонн против 20,7 (34,6) млн тонн, в 1944 году 10,9 млн тонн против 28,6 млн тонн. — *Ред.*), мощь Красной армии

[1*] В начале 1944 года обычная структура полностью укомплектованной советской танковой армии состояла из двух танковых корпусов, механизированного корпуса, других соединений и частей и вспомогательных служб. Штатная численность достигала 46—48 тысяч человек, 620 танков и 190 САУ, до 750 орудий, минометов, боевых машин реактивной артиллерии.

увеличивали также и непрекращающиеся союзнические поставки танков, самолетов, грузовых автомобилей, оружия и всякого рода военного оборудования и материалов.

Все это позволяет ответить на законный вопрос, почему Советы за относительно краткий промежуток времени оказались в состоянии разгромить на Восточном фронте столь много еще сильных и отважных германских дивизий. Этому способствовали и множество ошибок высшего военного руководства, и постоянно снижающаяся мощь германских сухопутных сил наряду с громадным численным превосходством Красной армии в живой силе, танках, артиллерии и авиации, которая после ряда побед обрела еще и моральное превосходство над своим противником[1*].

Военное положение Германии в самом начале нового, 1944 года выглядело так: отступление на Восточном фронте началось с трех масштабных наступлений советских войск на южном фланге фронта в период между ноябрем 1942 и январем 1943 года, которые привели к прорыву всего южного участка фронта. В Сталинграде была потеряна 6-я армия, а группа армий «А» вынуждена была оставить Кавказ. Лишь в середине марта 1943 года это наступление советских войск было остановлено под Харьковом.

Попытка германских войск вновь обрести стратегическую инициативу в ходе операции «Цитадель» (Курской битвы) была утеряна, поскольку Красной армии удалось нанести под Орлом удар во фланг и тыл германской группе армий «Центр».

Советское общее наступление началось 17 июля с рубежа Северского Донца. В ходе этого наступления превосходящим силам русских удалось овладеть всем пространством от Азовского моря до верховьев Днепра, блокировав при этом еще удерживаемый германской армией Крым. Продолжая наступление, уже 4 января 1944 года советские дивизии перешли старую советско-польскую границу на Волыни.

Точно так же, как и на Восточном фронте, военная инициатива перешла к противнику и на всех других фронтах Второй мировой войны. Сражения в Северной Африке завершились к 13 мая 1943 года, когда в Тунисе капитулировала группа армий «Африка», а менее чем через два месяца после этого (в ночь на 10 июля) войска союзников по антигитлеровской коалиции высадились на Сицилии. Итальянские «братья по оружию» продержались недолго и уже 3 сентября 1943 года заключили перемирие с противником,

---

[1*] Это проявилось уже и — в противоположность первым военным годам — во все уменьшающемся числе перебежчиков из нее.

что дало возможность союзникам несколькими днями спустя высадиться на юге Италии. Тем самым возник новый третий фронт, если считать войну со все более усиливавшимися греческими на юге и югославскими партизанами на юго-западе Балканского полуострова вторым театром военных действий. И наконец, с новой высадкой сил союзников — 6 июня 1944 года в Нормандии — на Западе образовался четвертый театр военных действий. Война за Атлантику, которую вели на просторах Атлантического океана германские подводные лодки, была проиграна, фатерланд все чаще и чаще подвергался сокрушительным налетам авиации союзников. Начиналась битва за Европу — это выражение появилось именно в те дни.

Германские дивизии, накануне катастрофических событий 1944 года стоявшие в глубине России в Крыму, в низовьях Днепра и под Ленинградом, к концу этого периода оказались отброшенными под Будапешт, к Висле и Восточной Пруссии. Из четырех германских групп армий две были практически выбиты, из 11 армий уничтожены шесть, а оставшиеся пять измотаны в боях. В течение этого года на Восточном фронте только в ходе шести описанных ниже битв (этот снимок немецких поражений 1944 года далеко не полный. — *Ред.*) было потеряно более 600 тысяч германских солдат погибшими, пропавшими без вести и плененными. (Автор преуменьшает немецкие потери. Только в ходе Белорусской операции 23 июня — 29 августа 1944 года безвозвратные потери немцев составили свыше 500 тысяч человек (381 тысяча убитыми и 158 тысяч пленными), в Ясско-Кишиневской операции 20—29 августа около 400 тысяч, в том числе 208,6 тысячи пленных, и т. д. См. примечания по тексту. — *Ред.*)

Если бы в начале 1944 года весь Восточный фронт был бы отведен за линию Восточного вала[1], то этих громадных потерь можно было бы избежать и оборонять границы Германии на Востоке. (Отвод германских сил происходил, но под ударами Красной армии, с ходу захватившей несколько плацдармов на западном берегу Днепра, с которых довольно быстро был взломан пресловутый Восточный вал. — *Ред.*)

---

[1] Восточный вал (*нем.* Ostwall) — стратегический оборонительный рубеж немецких войск, оборонительная линия, частично возведенная вермахтом (немецкими войсками) осенью 1943 года на Восточном фронте во время Второй мировой войны. Восточный вал был разделен на два рубежа — «Пантера» и «Вотан» — и проходил по линии река Нарва—Псков—Витебск—Орша—река Сож — среднее течение реки Днепр (основа Восточного вала) — река Молочная.

Глава 1

ЧЕРКАССЫ: XI И XXXXII АРМЕЙСКИЕ КОРПУСА

Зимняя драма на Гнилом Тикиче[1]

Это было на Украине, на плодородных южнорусских черноземных степях в междуречье Днепра и Южного Буга, — просторная, открытая всем ветрам, покрытая небольшими холмами и перелесками степь, изрезанная глубокими оврагами и балками. В низинах, а иногда и на холмах располагались селения и хутора, соединенные проселочными дорогами. Летом почти все эти пространства заняты бесконечными полями пшеницы и подсолнечника. Зимой землю, скованную холодом, покрывал глубокий снег, порой до крыш занося убогие крестьянские хаты вместе со своими обитателями. Весной и осенью распутица прерывала всякое сообщение между населенными пунктами, дороги становились совершенно непроходимыми и непроезжими. Под непрерывными осенними дождями или от тающего снега почва превращалась в глубокую, по колено, грязь, передвижение было

---

[1] Гнилой Тикич — река в Киевской и Черкасской областях Украины; одна из двух составляющих, наряду с рекой Горный Тикич, реку Тикич, которая далее впадает в реку Синюха, в свою очередь являющуюся левым притоком реки Южный Буг, бассейн Черного моря. Берет начало на Приднепровской возвышенности, течет в южном направлении. Длина реки 157 км, площадь водосбора около 3150 кв. км. В верхнем течении берега круты, местами обрывисты, далее левый берег становится все более низинным и болотистым. Эта небольшая речка сыграла важную историческую роль во времена Великой Отечественной войны, когда проходила Корсунь-Шевченковская операция советских войк (24 января — 17 февраля 1944 г.) Февраль 1944 года выдался необычайно теплым, поэтому Гнилой Тикич, ширина которого обычно не превышает 5—6 м, разлился до 30 м в ширину, став грозной преградой для немецко-фашистской группировки, пытающейся прорваться из окружения в районе городка Корсунь-Шевченковский к отступаюшей массе фашистских войск. Значительная часть техники ушла на дно, пытаясь переехать на другой берег в местах ледяных заторов, не выдерживавших ее веса. Часть немецких солдат пыталась преодолеть ледяную реку вплавь, но лишь около 1,5 тысячи человек из 15 тысяч прорывавшихся из окружения смогли это сделать. Остальные погибли либо были взяты в плен.

возможным только на короткие расстояния по немногим «улучшенным» дорогам.

Такова была сцена, на которой предстояло разыграться описываемым ниже событиям.

Окружение двух армейских корпусов

В ходе крупного наступления зимой 1943/44 года Советам удалось прорвать германскую оборону в среднем течении Днепра и продвинуться на запад. Лишь на пространстве между Каневом и Черкассами соединения германской 8-й армии (а также 1-й танковой армии. — *Ред.*) группы армий «Юг» в составе XI и XXXXII армейских корпусов еще удерживали оборонительный рубеж на Днепре протяженностью около 100 километров, который выступал далеко на восток на фоне оттесненного к западу остального германского фронта. На протяжении всего января 1944 года находящимся на этом рубеже германским войскам удавалось удерживать свои позиции.

Фельдмаршалу фон Манштейну, командующему группой армий «Юг», не удалось в штаб-квартире фюрера убедить Гитлера избавиться от этого выступа фронта. Гитлер считал, что бои на этом участке фронта необходимо продолжать и позиции удерживать для выигрыша времени, до того момента, когда появится ясность относительно ожидаемого на западе вторжения. Поэтому он отказывался отдать приказ об отводе фронта — до тех пор, когда это уже было поздно делать.

После попытки наступления советского 1-го Украинского фронта в начале января 1944 года в направлении на Винницу и Умань, которое в тяжелых боях было остановлено и отбито, причем Умань снова была спасена в качестве главного пункта снабжения всей группы армий «Юг», русские обрушились на выступ германского фронта со стороны Черкасс. (По поводу Винницы и Умани. В результате победоносной Житомирско-Бердичевской наступательной операции советские войска нанесли тяжелое поражение 4-й и 1-й танковым армиям немцев, отбросив их на 80—200 км на запад. Только с 24 декабря по 6 января было уничтожено 72,5 тысячи солдат и офицеров врага, 1227 танков и штурмовых орудий, 1311 орудий и минометов, захвачено 4468 пленных, 246 танков и штурмовых орудий, 1087 орудий, 3246 автомашин. Но под Уманью, Жмеринкой и Винницей вырвавшиеся вперед советские танковые части, нарвавшись на контрудары, были вынуж-

дены несколько отойти. — *Ред.*) 24 января последовал мощный удар 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии Конева, нанесенный 5-й гвардейской танковой армией с востока на северо-запад против германского XI корпуса, в то время как 1-й Украинский фронт под командованием генерала армии Ватутина 25 января после ураганной артподготовки вновь предпринял попытку прорыва германского фронта, на этот раз с северо-запада в юго-восточном направлении против германского XXXXII корпуса. На востоке Советам удалось прорвать фронт 8-й армии восточнее Шполы, а на западе — на участке 1-й танковой армии к востоку от города Белая Церковь. В прорыв германского фронта вслед за танковыми клиньями устремились массы пехоты и кавалерийские части.

Уже 28 января передовые части 1-го и 2-го Украинских фронтов[1*] встретились северо-восточнее Умани под Звенигородкой. Выступ германского фронта, занятый XI и XXXXII армейскими корпусами, оказался отрезанным, и два этих германских корпуса после пяти дней оборонительных боев попали в окружение.

Теперь предстояло что-то предпринять, причем быстро, — второй Сталинград ни в коем случае не должен был повториться. Разумным решением было бы отдать обоим корпусам приказ о немедленном прорыве в юго-западном направлении, с тем чтобы вновь соединиться с германским фронтом, а возникший разрыв между 1-й танковой армией и 8-й армией попытаться закрыть на этом новом фронте двумя пехотными дивизиями. Однако высшее германское руководство не только запретило прорыв из образовавшегося котла, но и предполагало само устроить котел прорвавшимся русским войскам. Да, Гитлер еще лелеял планы крупномасштабных операций, а именно путем сокращения линии фронта обоих корпусов в районе Канева—Корсуня нанести собственный удар крупными силами. Он считал, что советские дивизии в результате тяжелых наступательных боев заканчивающейся зимы измотаны и обескровлены. Надо только нанести мощный удар вдоль берега Днепра на Киев и отрезать русские соединения, которые вели бои выше по течению Днепра западнее Киева. Таким образом, должен будет повториться один из крупнейших германских котлов 1941—1942 годов, и тогда русскому колоссу будет нанесен смертельный удар. План этот был бы хорош, если бы он соответствовал действительности и имеющим-

---

[1*] 5-й гвардейская танковая армия и 6-й танковая армия.

ся обстоятельствам. Но из фронтовых траншей обстановка виделась несколько иначе, чем из отстоящей на 1000 километров штаб-квартиры фюрера.

Первый танковый удар уходит в пустоту

Группа армий «Юг» не могла позволить себе отказаться от исполнения первой части плана Гитлера — нанести удар по пытающимся взять в клещи два германских корпуса русским войскам. Против них должны были выступить девять германских танковых дивизий и пехотные соединения.

Накануне наступления немецкие войска получили следующие приказы.

1-я танковая армия: она должна была вступить в сражение с советской 1-й танковой армией восточнее Винницы и как можно быстрее высвободить 3-й немецкий танковый корпус. Этому корпусу предстояло вместе с 16-й и 17-й танковыми дивизиями и танковой дивизией СС ЛАГ[1*], а также полком тяжелых танков под командованием Бекке передислоцироваться на правый фланг армии под Умань и находиться там в боевой готовности в качестве северной ударной группы. За этими соединениями как можно быстрее должна была последовать и 1-я танковая дивизия. Она должна была позволить снять с фронта XXXXVII танковый корпус в составе 3, 11, 13 и 14-й танковых дивизий и пребывать в боевой готовности за их левым флангом под Звенигородкой в качестве южной ударной группы. Туда же должна была подойти еще и 24-я танковая дивизия.

Но как в действительности обстояло дело с теми девятью готовыми к удару танковыми дивизиями?

На 3 февраля в 1-й танковой армии в боеготовом состоянии имелись только 16-я и 17-я танковые дивизии, да и те были настолько измотаны в боях, что после их передислокации из нынешнего района боев они нуждались как минимум в паре дней отдыха. Две другие танковые дивизии еще не подошли. 8-я армия, отделенная от 1-й танковой армии большой брешью во фронте и сама изрядно потрепанная противником, могла бы только оказывать содействие ударным группам. А еще боеспособная 24-я танковая дивизия получила от Гитлера приказ захватить

[1*] Л А Г — общепринятая аббревиатура названия «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

плацдарм под Никополем, где опять в ней возникла «пожарная» необходимость.

Тщетно командующий 8-й армией генерал Вёлер ссылался на то, что имеющихся в его распоряжении сил совершенно недостаточно для подобной операции, а с учетом пребывания двух его корпусов в окружении и совершенно нет времени для подготовки столь масштабной операции. Безрезультатно предлагал он другой вариант — не задействовать III танковый корпус, как предполагалось, для окружения русских, но как можно быстрее связать его с XXXXVII танковым корпусом и затем как можно быстрее им совместно прорывать коридор к котлу, потому что в противном случае оба корпуса будут уничтожены нарастающим давлением противника. Когда группа армий «Юг» все же приступила к выполнению плана Гитлера, 8-я армия силами 11-й и 13-й танковых дивизий нанесла удар с юга. Этот удар, нанесенный совершенно недостаточными силами, даже не смог пробить дорогу к котлу. При 1-й танковой армии, как было приказано, находился в боевой готовности также III танковый корпус под командованием генерала Брайта в качестве северной ударной группы для нанесения удара в северном направлении. Он должен был окружить находящиеся между котлом и немецким фронтом советские силы, уничтожить их и одновременно деблокировать находившиеся в котле немецкие корпуса.

4 февраля рано утром генерал Брайт пошел в наступление в северном направлении силами 16-й и 17-й танковых дивизий — при поддержке полка тяжелых танков под командованием подполковника доктора Бекке, имевшего в своем составе 34 «Тигра» и 47 «Пантер», а это было уже что-то. Но едва началось наступление, как вмешались боги погоды. Если русская зима 1941/42 года была самой морозной и снежной за последние 140 лет, то такой короткой и теплой зимы, как в 1943/44 году на юге Восточного фронта, не помнили и старожилы. До 5 февраля Украина была укрыта снегом толщиной около 60 сантиметров, стояли морозы до −15 градусов. Но уже на следующий день неожиданно с юга вторгся теплый воздух. Солнце, проливной дождь и теплый ветер, объединившись, принесли бурную оттепель, которая вызвала гораздо раньше, чем обычно, обширную распутицу — за один-единственный день черноземная украинская степь превратилась в глубокое вязкое месиво, с наступлением ночных холодов снова застывавшее, как камень. В этом бездонном болоте немецкие танковые и моторизованные соединения застряли уже на третий день и не смогли своевременно преодолеть пространство, отделяющее их от

котла. С громадными трудами продвинувшись на 30 километров, III танковый корпус оказался тем не менее еще в 30 километрах к юго-востоку от границы котла, в котором уже шли ожесточенные бои. Вне всякого сомнения, удар северной ударной группы оказался недостаточным, ей не удалось ни осуществить окружение русских, ни деблокировать окруженные корпуса. Южная ударная группа, XXXXVII танковый корпус, со своими ослабленными танковыми дивизиями, едва приступил к развертыванию, как тут же попал под удар советских войск и был вынужден снова перейти к обороне. Крупномасштабный план Гитлера завершился, едва начавшись. Единственное, чего удалось достигнуть обоими ударами, — то, что противнику пришлось образовать двойное кольцо окружения — одним он удерживал заключенные в котле немецкие соединения (семь пехотных дивизий, одна танковая дивизия, моторизованная бригада, отдельные части еще одной пехотной дивизии и части и подразделения усиления. — *Ред.*), а второе образовало рубеж обороны от возможных новых попыток деблокады.

Но на этот первый безрезультатный удар было затрачено пять дней — время, за которое противник, используя имевшиеся в районе Черкасс железнодорожные линии, смог подтянуть значительное количество живой силы и техники.

Бедственная ситуация в котле

В громадном котле, северный фронт которого проходил по Днепру, оказались окруженными прежде всего — как уже ранее было сказано — германские XI и XXXXII танковые корпуса. В их состав входили 57-я пехотная дивизия (с подчиненными ей частями 389-й дивизии), 72-я и 88-я пехотные дивизии, корпусная группа «Б»[1*], 5-я моторизованная (так в тексте. Дивизия называлась моторизованной до октября 1943 года, затем стала танко-

---

[1*] Корпусная группа: в ходе арьергардных боев на Днепре летом 1943 года германские фронтовые дивизии понесли тяжелые потери, которые не были восполнены. Их боевая численность находилась в неблагоприятном соотношении с численностью тыловых и вспомогательных служб, которые понесли значительно меньшие потери. Поэтому Верховное командование сухопутных войск приняло решение объединить каждые три ослабленные дивизии в одну так называемую корпусную группу.

Такая корпусная группа соответствовала примерно пехотной дивизии обычной численности и состояла из трех дивизионных групп (= трем пехотным полкам) и двух полковых групп (= двум батальонам).

Таким образом, на Восточном фронте возникло шесть корпусных групп (от «А» до «Ф»).

вой. — *Пер.*) дивизия СС «Викинг» с подчиненной ей штурмовой моторизованной бригадой СС «Валлония»[1*], отдельные корпусные подразделения, вспомогательные службы, русские добровольцы и т. д. Согласно одному из оперативных донесений 8-й армии, общая численность их доходила до 56 тысяч человек. (Численность окруженных немцы занижают, что подтверждается данными о потерях далее. — *Ред.*) Командование обоими корпусами осуществлял командир XXXXII армейского корпуса, поэтому после окружения они стали называться группой Штеммермана.

Командиры оказавшихся в котле соединений понимали, что лишь скорейшие и решительные собственные действия еще могут спасти их. В первую очередь следовало организовать новые фронты в районах, откуда можно было бы нанести удары для прорыва окружения, в особенности на юге. Так как о резервах речь не шла, оба корпуса выделили для этих целей по несколько подразделений, от батальона до отделения, что привело к слиянию разнородных частей. Три крупных вражеских прорыва ускорили свертывание XXXXII корпусом фронта на севере, причем был также осуществлен отход и с позиций на Днепре. XI корпус отходил на юго-запад, перемещаясь с боями от одной промежуточной позиции к другой. К 6 февраля удалось, против ожиданий, образовать круговой оборонительный фронт протяженностью 150 километров. В центре этого фронта находился довольно крупный (менее 20 тысяч жителей. — *Ред.*) город Корсунь[2*], имевший взлетно-посадочную полосу, с помощью которой первое время обеспечивалось снабжение войск по воздуху, единственная прямая связь с внешним миром. Связь с Верховным командованием осуществлялась только по радио. И хотя отвод частей с передовой позволял создавать боевые группы для срочного необходимого усиления того или иного участка фронта и образовывать хоть какие-то минимальные резервы, все же было необходимо имеющимися силами поддерживать приемлемые размеры периметра котла. Чересчур сужать пространство котла было нельзя, чтобы не лишаться необходимой свободы маневра внутри его и не дать вражеской артиллерии возможности простреливать его насквозь.

Однако обо всех этих военных мероприятиях рядовой солдат ничего не знал, и ему изо дня в день приходилось тянуть свою

[1*] Это соединение состояло из бельгийских добровольцев.

[2*] Котел под Черкассами — таково немецкое название описываемых событий, русские называют его Корсуньским (Корсунь-Шевченковским. — *Ред.*) котлом.

обычную лямку. Никаких укрепленных пунктов, бункеров (блиндажей) или иных убежищ для него больше не существовало, котел постоянно менял свою форму, войска занимали новые позиции, солдатам приходилось не только воевать, но и постоянно куда-то брести, по колено в грязи, с трудом вытаскивая ноги из густого месива, а потом все в той же грязи выкапывая себе примитивные окопы. Пехотинцы, ничем не защищенные, постоянно лежали в открытом поле, в промокших до нитки шинелях, которые за ночь, подмерзая, стояли на них коробом.

Вот некоторые заметки, сделанные побывавшими в этом котле:

«1 февраля

Позиции на Днепре будут сданы. Нам придется воевать в глубокой грязи, дерьме и воде.

3 февраля

Враг все сильнее напирает с юга и юго-запада, оттесняя наши окруженные части на север, чтобы соединиться с внешним кольцом окружения.

4—6 февраля

Все шоссе от Городища, идущее с юго-востока на Корсунь, забито воинскими колоннами. Тысячи машин всех видов, порой по три в ряд, тащатся по этой дороге длиной 20 километров, утопая в грязи и представляя отличную цель для вражеской авиации, лучше которой нельзя и придумать. Русские самолеты, как осы, вьются над нашими колоннами, заставляя людей каждые десять минут бросаться ничком в глубокую грязь. Тут и там стоят горящие грузовики. Совершенно размокшая почва делает всякое передвижение невозможным. Бесконечные обозы и тыловые службы можно перебрасывать только по железнодорожной ветке Городище—Корсунь. Направление на Корсунь ночью отмечено факелами сотен горящих машин.

7 февраля

Несмотря на все эти обстоятельства, в котле царят порядок и дисциплина. Все перемещения осуществляются планомерно и организованно. Арьергарды и фланговое охранение действуют быстро и четко. Возникающие во фронте бреши оперативно закрываются.

8 февраля

Враг пытается сжать кольцо окружения со всех сторон котла.

9 февраля

Нас основательно потеснили. Окруженные дивизии отходят на юго-востоке, востоке, на севере и северо-востоке. Котел постепенно сжимается.

10 февраля

Спасение представляется все более и более сомнительным. У находящихся в котле войск иссякают последние силы. Боеприпасы на исходе, снабжение прервано. Люди смертельно устали, обмундирование насквозь промокло, просушить негде. При всем оптимизме — от краха нас отделяют лишь несколько дней.

10/11 февраля

Ночь прошла снова в ожесточенной перестрелке, под дождем и в несусветной грязи.

11 февраля

Около 11.00 перед нашей передовой появились два весьма корректных русских офицера с посланием от Верховного русского командования к командующему окруженной германской группировкой. Суть послания — последний ультиматум, после чего с 13.00 начинается ликвидация котла. Бронетранспортер, утопая в грязи, доставил офицеров обратно к русским позициям.

Во второй половине дня враг начнет сжимать кольцо. Единственный выход — прорыв. Когда же поступит приказ?

12 февраля

Русские в течение 14 дней непрерывных боев значительных успехов не достигли, теперь они полны решимости покончить с котлом. После того как их ультиматум без всякого обсуждения был отвергнут, начинается приступ со всех направлений.

И снова проливной дождь, болото под ногами, сырость, дерьмо, траншеи и окопы, полные воды.

Котел стал чрезвычайно малым, возможный прорыв осуществим только в южном и юго-западном направлении. Войска должны совершить нечто абсолютно невозможное. Враг постоянно прорывает наши позиции то тут, то там, приходится отбивать атаки и ликвидировать прорывы.

Полевая кухня в Корсуни в последний раз выпекла хлеб. Вместе со сброшенными с самолетов упаковками с шоколадом это наша единственная еда, которая еще осталась на 13 февраля...»

Дни и недели проходили в жестоких боях, наступлениях и отходах, рукопашных схватках в невообразимой грязи. Советы сжимали кольцо медленно, но все с новыми и новыми силами[1*],

---

[1*] Превосходство противника в пехоте выражалось соотношением 1:10, по артиллерии 1:8, по танкам 1:30 ко всем находившимся в котле силам. (Перед началом Корсунь-Шевченковской операции превосходство советских войск было по живой силе в 1,7 раза, в артиллерии в 2,4 раза, в танках в 2,6 раза. В дальнейшем с подтягиванием немецких деблокирующих сил соотношение менялось не в пользу Красной армии. — *Ред.*)

наши войска, уже несколько месяцев сражавшиеся без перерыва, закрывали вражеские прорывы, отражая неприятеля. Чем плотнее сжималось пространство, занятое германскими войсками, тем ожесточеннее приходилось сражаться противнику, чтобы уничтожить их.

Для противодействия германской авиации, которая едва ли могла оказать какую-либо поддержку сражающейся в котле пехоте, противник непрерывно задействовал свою штурмовую авиацию, поддерживавшую его удары.

Советы старались уничтожить сражавшиеся в котле германские войска не только наземными и воздушными ударами, не только огнем артиллерии, ракетами (реактивными минами) своих «сталинских орга́нов», бомбами и огнем бортового вооружения штурмовиков, но и впервые в широких масштабах применяли все возможные способы психологического воздействия. Громкоговорители днем и ночью убеждали солдат на передовых позициях к переходу на сторону противника, перемежая свои уговоры обещаниями и угрозами. Самолеты сбрасывали с небес тысячи так называемых «пропусков», предъявив которые каждый перебежчик мог получить в русском плену хорошее обращение и скорое возвращение на родину после окончания войны. Оттуда же летели и листовки с картами, на которых была изображена безвыходная ситуация для войск в котле. За листовками посыпались фотографии уже сдавшихся в плен германских солдат, пребывающих в полной безопасности и сидящих за накрытыми столами. Некоторых уже сдавшихся в плен германских солдат русские посылали обратно в котел с шоколадом и сигаретами в сумках, которые должны были убедить еще сражающихся в дружеском отношении и хорошем обращении в плену. Такие же обещания на немецком языке неслись из громкоговорителей. Взятые в плен германские генералы направляли личные письма своим знакомым командирам дивизий, сражающихся в котле. И наконец, 8 февраля, как положено — при горнисте и с белым флагом, появился русский генерал-полковник с официальным предложением о капитуляции от имени маршала Жукова. Сложить оружие предлагалось к 14.30 того же дня. Парламентер был препровожден обратно, предложение осталось без ответа. Но эти попытки продолжились — советские парламентеры стали появляться на КП отдельных дивизий с предложениями о сепаратных перемириях или с угрозами. Затем 10 февраля к германским войскам в котле обратился взятый в плен в Сталинграде генерал Зейдлиц, ставший председателем созданного в СССР Союза немецких

офицеров, через передатчик также созданного русскими Национального комитета «Свободная Германия». Зейдлиц также призывал к капитуляции и обещал хорошее питание и обращение, совершенно безопасную жизнь и т. д.

На все эти обращения ответов из котла не было, да и перебежчики вряд ли нашлись. Германский солдат давно уже знал, что ждет его в советском плену — жалкое существование, голод, унижения и каторжная работа (в сравнении с условиями содержания советских военнопленных, особенно в 1941—1942 годах, условия, в которых находились немецкие солдаты, попавшие в плен, были вполне сносными, а получаемый паек существенно превосходил паек большинства советских людей в то время. И смертность военнопленных это подтверждает — в советском плену умерло 13,9 процента солдат вермахта, а из немецкого плена не вернулась половина оказавшихся в нем военнослужащих советских войск. — *Ред.*). Все усилия вражеской пропаганды пошли прахом.

7 февраля изменившийся котел имел размер 45 километров с северо-запада на юго-восток. От находившегося на юге XXXXVII танкового корпуса ожидать успешного прорыва окружения больше не приходилось, все зависело теперь от III танкового корпуса на юго-западе, если положение и форма котла не изменятся, а аэродром Корсунь еще удастся удерживать. В этот день 8-я армия получила по радио приказ: «Группе Штеммермана сократить линию фронта и, атакуя, двигаться со всем котлом в направлении на Шендеровку, чтобы в установленное время действовать совместно с изготовившимися к деблокаде танковыми силами».

Генерал Штеммерман приступил к выполнению этого сложнейшего задания — «двигаться» вместе со всем котлом. На востоке котла дивизия «Викинг» оставила Городище, на севере 88-я дивизия покинула свои позиции под Яновкой. Город Корсунь с его аэродромом стал как бы осью нового передвижения, в результате которого котел теперь должен был быть развернут и вытянут в юго-западном направлении. Для этого на востоке XI армейскому корпусу пришлось уступить противнику удерживаемое пространство и после тяжелейшего марш-броска по совершенно размокшим проселкам передислоцироваться в юго-западном направлении. Ежедневные потери составляли около 300 человек. Невозможно было вывезти 4 тысячи раненых. Все тыловые службы и штабные подразделения были включены в состав боевых частей.

Новая попытка прорыва срывается

В то время как напряжение и тяготы в котле продолжали усиливаться, III танковый корпус готовился осуществить новую попытку деблокады, на этот раз из района Виноград (Рубаный Мост) в направлении на северо-восток через Бужанку—Лысянку—Хижинцы—Журжинцы и прямо на котел. Готовились к совместным действиям по деблокаде также и 1-я танковая дивизия и танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», но их перегруппировка заняла два бесценных дня. Грузовики тонули в грязи по самые оси, за день удавалось пройти самое большее 15—20 километров, причем на это уходили все силы, да и вообще любое передвижение часто оказывалось невозможным.

Несмотря на все трудности марша по сплошной грязи, всем участвующим в наступлении дивизиям удалось занять исходные позиции к назначенному времени. Ударной группой были 16-я и 17-я танковые дивизии, наступавшие на центральном участке, танковая дивизия СС «Лейбштандарт» стала левым флангом наступления, 1-я танковая дивизия должна была прикрывать правый фланг.

11 февраля снова началось немецкое наступление. День начался многообещающе, 1-я танковая дивизия намного раньше назначенного срока с первой же атаки заняла Бужанку на Гнилом Тикиче, 16-я и 17-я танковые дивизии форсировали через реку рядом с 1-й, заняв при этом небольшой плацдарм. По непролазной грязи было затруднено и снабжение, особенно горючим, осуществить его подвоз можно было только сбросом с самолетов, и то в совершенно недостаточном количестве. Неприятель и местность препятствовали сколько-нибудь быстрому продвижению, танковый удар в буквальном смысле завяз в грязи и дерьме. Все колесные транспортные средства безнадежно застревали, вязкое грязевое болото срывало узкие гусеницы бронетранспортеров. Артиллерийские тягачи буксовали, лишь тяжелые тягачи и танки были в состоянии одолевать неслыханную грязь, с громадным расходом горючего двигаясь по ней со скоростью 4—5 километров в час. В холодные ночные часы замерзшая грязь схватывала гусеницы, так что приходилось сначала вырубать их кирками, а потом факелами и паяльными лампами отогревать моторы, чтобы запустить их.

А ко всему этому еще был и враг, который перешел к обороне, но снова и снова наносил контрудары. Все верно — ему приходилось терпеть те же трудности, погодные и дорожные, но все же

при более приемлемых дорогах у него изначально было еще одно, решающее преимущество: враг уже располагался вокруг котла, тогда как германские танковые дивизии сначала должны были добраться до него. К тому же буквально в первый день русским удалось захватить немецкий крупный пункт снабжения, в котором, помимо прочего, было значительное количество горючего. Надо учитывать и то, что в распоряжении противника была масса солдат, которые он мог использовать для целей снабжения. Сотни красноармейцев, передвигаясь вперед и назад, перетаскивали на руках боеприпасы, катали по грязи бочки с бензином. Боеприпасы и бензин — они были для русских важнее всего. Лишь после этого они заботились о кое-каком скудном пропитании и больше ни о чем.

12 февраля танковая дивизия СС «Лейбштандарт» основными силами вела тяжелые оборонительные бои у Винограда, а 16-я танковая дивизия неподалеку. 17-я танковая дивизия, окруженная советскими танками, пробивала себе дорогу на запад, 1-я танковая дивизия, которая должна была прикрывать фланг, продвинулась далеко вперед и наступала в направлении на Лысянку.

Не удалось достичь никаких особенных успехов и 13 и 14 февраля. На левом фланге советский 16-й танковый корпус нанес удар от села Боярка в тыл 16-й танковой дивизии, заставив ее развернуться на запад и север. Тщетно пыталась 17-я танковая дивизия своим ударом из района восточнее Дашуковки на правом фланге облегчить наступление 1-й танковой дивизии с юга. Эта дивизия вместе с ударной группой Франка (усиленный 1-й танковый полк) еще 12 февраля взяла Лысянку-Западную, в ожесточенном бою очистила селения от вражеских подразделений, днем 13 февраля с танками и ротой из состава 113-й мотопехотной дивизии форсировала Гнилой Тикич и весь день 14 февраля отбивала мощные контратаки русских на занятом ею плацдарме в восточной части вытянувшегося вдоль реки селения Лысянка — дальше пройти она не смогла.

Наносимый III танковым корпусом удар образовал узкий рукав, чьи все более вытягивающиеся фланги постоянно подвергались ударам русских и были прикрыты от них лишь танковой дивизией СС «Лейбштандарт» слева и частями 1-й танковой дивизии справа.

И этот деблокирующий удар, несмотря на все усилия и беззаветную отвагу танковых экипажей, мотопехотинцев, артиллеристов, саперов, разведчиков, водителей и всех солдат, также был остановлен в 15—20 километрах от внешней южной границы кот-

ла. Все ударные силы просто иссякли. Только подполковнику доктору Бекке со своим полком тяжелых танков, входившим в состав 16-й танковой дивизии, удалось 14 февраля занять селение Хижинцы. Всего лишь 10 километров отделяли его от котла. Но даже его тяжелые танки не смогли в одиночку удержать это село и под сосредоточенными ударами советского 5-го гвардейского танкового корпуса были вынуждены отойти на запад.

Продвинуться дальше было просто невозможно.

В своем донесении командованию 16-я танковая дивизия докладывала об этой попытке деблокады следующим образом[1*]:

«11 февраля для освобождения оказавшихся в котле 50 тысяч человек выступили полк тяжелых танков Бекке, 506-й батальон «Тигров», части 2-го танкового полка с приданным ему 2-м батальоном 64-го моторизованного полка, за которыми следовали ударная группа Блёмеке с остальными подразделениями 2-го танкового полка, 1-м батальоном 64-го моторизованного полка, 16-м артполком и 3-й ротой 16-го саперного батальона. Мотопехотинцы наступали, сидя на броне танков. Удар поддерживала авиация — «Штуки»[2] и штурмовики. Солнце заливало светом землю, весеннее тепло царило в воздухе.

Под сильным огнем с левого фланга дивизия прошла через собственную передовую на участке 198-й пехотной дивизии, широким фронтом перевалила через железнодорожную насыпь в 5 километрах северо-восточнее селения Рубаный Мост и продвинулась до высоты 239,1. В неудержимом порыве, сметая с первого же удара любое сопротивление врага, действующая левее 17-я танковая дивизия заняла Степок, в то время как 16-я танковая дивизия преодолела три вражеские позиции и уже к 10.30 достигла Франковки. Противник был настолько ошеломлен мощью этого удара, благодаря летной погоде осуществленного при поддержке авиации, что подготовленный к взрыву мост через Гнилой Тикич у Каменного Брода неповрежденным попал в наши руки. Населенный пункт Бужанка, расположенный юго-восточнее Франковки, был захвачен 1-й танковой дивизией, которая заняла также небольшой плацдарм на западном берегу реки.

Следовавшая за танками штурмовая группа Блёмеке взяла Вишневку и затем обороняла шоссе, отбивая мощные танковые удары с северо-запада. С наступлением ночи солдаты Блёмеке сели на

[1*] *Вертен В.* История 16-й танковой дивизии.

[2] «Штука» — немецкое фронтовое прозвище пикирующего бомбардировщика «Юнкерс-87», русское прозвище — «лаптежник» (за обтекатели неубирающегося шасси).

броню танков, добрались до Франковки и сменили на позициях танковую ударную группу, которая до сих пор держала круговую оборону захваченного плацдарма. Несмотря на вновь ухудшившуюся погоду, группе тылового обеспечения удалось, после непрерывной 24-часовой борьбы с грязью, доставить необходимое количество горючего и боеприпасов. Наступление могло продолжаться.

12 февраля немецкие танковые клинья принялись расширять уже захваченный плацдарм. На этот раз густой туман не позволил авиации поддержать их. Грязевое болото не дало возможности мотопехотинцам зачистить от вражеских войск занятую танками территорию. К тому же снабжение боеприпасами и горючим по воздуху стало невозможным.

Между тем русские ввели в действие свежие силы своего 5-го гвардейского танкового корпуса и бросили их против передовых германских танковых частей и подразделений. Из района Боярки вражеский 16-й танковый корпус энергично наступал в южном направлении, угрожая тылам ушедших вперед 16-й и 17-й танковых дивизий. Действующая в этом районе танковая дивизия «Лейбштандарт» не могла оказать действенный отпор, поэтому ударная группа (17-я дивизия) была развернута против левого фланга неприятеля. Попытка расширить плацдарм потерпела крах.

13 февраля командование корпуса отдало приказ во что бы то ни стало пробиться к окруженным войскам.

В 7.25 ударная группа Блёмеке и Шиллера (16-й танко-разведывательный батальон) нанесла удар в направлении Дашуковки. Русские оборонялись на сильно укрепленной отсечной позиции. В ожесточенном бою были уничтожены 16 танков, 15 САУ и 20 противотанковых орудий. 64-й полк овладел поселком и занял оборону на его окраине. Несколько позднее его сменил 79-й мотопехотный полк, тогда как танки 16-го танко-разведывательного батальона и бронетранспортеры 2-го батальона 64-го полка около 11.20 заняли Чесновку и продолжили наступление в сторону шоссе. С 13.00 они перекрыли движение по шоссе у высоты 239,8 и после ожесточенного боя заняли западную окраину поселка Хижинцы. Теперь лишь 10 километров отделяло их от окруженных товарищей. Но одни лишь танки не могли удержать свои позиции против сосредоточенных атак русского 5-го гвардейского танкового корпуса и были вынуждены отступить на запад...»

Итак, эта попытка деблокады успеха не имела. 8-й армии не было позволено попытаться снова прийти на помощь окружен-

ным корпусам. 10 февраля XXXXVII танковый корпус в составе 11-й и 13-й танковых дивизий снова нанес удар в западном направлении, пытаясь достичь рубежей, достигнутых танковыми дивизиями III танкового корпуса 1-й танковой армии. Не увенчалась успехом и эта попытка, корпус был развернут к северу и к 12 февраля достиг высоты южнее Звенигородки, откуда ему оставалось еще более 30 километров до южной границы котла и 25 километров до III танкового корпуса. Силы этой ослабленной танковой группировки иссякли полностью, их недоставало ни для совместных действий с III танковым корпусом, ни для деблокады котла.

Пространство для прорыва необходимо отвоевать

Драматизм событий нарастал изо дня в день, по мере того как час от часу возрастали трудности и лишения в котле. Генерал Штеммерман начал постепенно сокращать размеры котла и изменять его форму, разворачивая на юго-запад, откуда ожидалась попытка деблокады. Для этой цели необходимо было занять пространство, которое во время окружения перешло к неприятелю, и отбить несколько селений, занятых противником, чтобы создать благоприятные условия для деблокирующего удара. Поэтому между 11 и 13 февраля происходила дальнейшая перегруппировка сил. Особо испытанный 105-й пехотный полк 72-й дивизии в ночь с 10 на 11 февраля был выведен из изматывающих боев на восточной границе котла и получил задание расширить пространство котла путем нанесения удара в юго-западном направлении, для чего прежде всего овладеть пространством у села Новая Буда. Что касается личного состава этого полка, как и всех других уже ослабленных полков, уменьшившегося до численности стрелкового батальона, то его свершения скоро будут показаны.

Уже в ночь на 12 февраля в результате искусно проведенной ночной атаки было взято село Новая Буда, захвачено в плен 200 солдат и уничтожена одна вражеская рота с грузовиком и реактивным минометом. На следующее утро враг предпринял ожесточенную контратаку из района севернее Оренцы на южную часть села Новая Буда, но был отбит; причем в результате этого в ближнем бою были уничтожены два танка. Затем полк на этом рубеже сменила бригада СС «Валлония», которая в столь же ожесточенных боях, неся тяжелые потери, удерживала Новую Буду, потеряв при этом более 200 человек, среди них и своего командира, под-

полковника[1] Липпера. Напротив, все атаки соседнего соединения (дивизии СС «Викинг») на Шендеровку были отбиты. 13 и 14 февраля 105-й полк вел ожесточенные бои за село Комаровка. Ему удалось в ходе ночной атаки утром 13 февраля при поддержке трех последних оставшихся в составе дивизии штурмовых орудий овладеть селом, но затем противник сделал попытку вновь занять Комаровку, предпринимая почти непрерывные дневные и ночные атаки. В ходе этих боев за Комаровку 105-й полк, обороняясь и контратакуя, уничтожил 21 танк и взял в плен 240 человек. Но и его собственные потери были велики — численность его сократилась на треть, а кроме того, два штурмовых орудия, одна 20-мм зенитная установка на самоходном лафете и два орудия из состава 72-го артполка — прямыми попаданиями вражеских снарядов были выведены из строя.

Во второй половине дня 13 февраля в ходе жестокого боя с советским пулеметным батальоном была взята и Шендеровка. С овладением Новой Будой, Комаровкой и Шендеровкой поставленная задача по обретению запланированного пространства для прорывного удара была достигнута. Теперь же предстояло еще взять небольшое село Хильки, решение о захвате которого было принято позднее, и эта задача снова была поручена 105-му полку. Хильки были взяты опять-таки в ходе ночной атаки с 14 на 15 февраля, очищены от врага, а контрудар последнего отбит со значительными для него потерями. С наступлением сумерек вечером 15 февраля врагу все же удалось при поддержке шести танков с пехотой на броне прорвать оборонительную линию на юго-западной окраине села. Четыре прорвавшихся танка удалось уничтожить, однако при этом были потеряны последнее штурмовое орудие и последние две 20-мм зенитки на самоходных лафетах. Вражеская пехота была уничтожена в ближнем бою.

Примерно такие же бои шли и по всему периметру котла.

13 февраля был оставлен Корсунь. Три тысячи раненых, которых было невозможно вывезти, были оставлены в городе — им предстояло оказаться в руках русских. Их судьба осталась неизвестной. Генерал Штеммерман отвел основную массу своих войск в южном направлении и сосредоточил их там на отвоеванном пространстве в небольшом, но очень опасном котле севернее Шендеровки, в готовности для прорыва. На пространстве 7 на 8 километров скопилось около 50 тысяч человек, ожидавших при-

---

[1] Так в тексте. На самом деле Люсьен Липпер имел звание штурмбаннфюрера (майора) СС и звание оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС получил посмертно.

каза идти на прорыв и готовых вложить свои последние силы в этот решающий удар, чтобы вырваться из котла.

В этом месте приведем еще несколько дневниковых записей:

«*13 февраля*

Водохранилище на юго-восточной окраине Корсуня длиной несколько километров заканчивалось подпорной плотиной. Воинским частям, покидавшим Корсунь, приходилось пересекать этот водоем по деревянному мосту, который саперы навели по верху плотины. Длиннейшая цепь людей и транспортных средств тем не менее двигалась по этому мосту вперед без особенных трудностей. Снова похолодало, грязь замерзла. Тут и там были видны водители, которые пытались запустить заглохшие моторы своих грузовиков или сталкивали их на обочину, чтобы не мешать движению. Иногда между грузовиками можно было видеть телеги, которые тащили впряженные в них лошади или ослики.

14 февраля

Все разговоры о нашем ударе на прорыв совершенно неточны. С севера граница котла с ужасающей быстротой отходит назад, а на юго-востоке едва-едва продвигается вперед. Русские, которые буквально наступают нам на пятки, уже на рассвете сегодняшнего дня вошли в Корсунь. Село Новая Буда необходимо удержать во что бы то ни стало, оно станет краеугольным камнем нашего рубежа развертывания для удара на прорыв. Если враг отобьет Новую Буду, ему надо будет пройти только 6 километров на запад, чтобы уничтожить все сосредоточенные у Шендеровки войска.

Солдаты в своих насквозь промокших зимних шинелях, покрытых слоем грязи, бесконечно устали. Еды почти нет, пьем воду из канав. Согреться и обсушиться можно только у костров из сухой кукурузы. Плюс ко всему — страшнейшая душевная усталость.

Погода меняется, дождь перестал, но ветер завывает, холод пронизывает до костей.

15 февраля

Шендеровка, наш путь к спасению, после трех дней и двух ночей боев наконец-то оказалась в наших руках. Но русские постоянно преследуют нас от Корсуни.

Хуже всего обстоит дело с едой. У нас уже нет ничего, вообще ни кусочка еды, последние запасы мы съели еще в Корсуни. Уже три дня люди, забывшие про сон и трясущиеся от холода, не получают никакой еды, ни горячей, ни холодной, и живут только тем, что у них есть при себе.

По дороге мы разместили раненых в одном из колхозов, превратив его в полевой лазарет. Во время обстрела туда попал ре-

активный снаряд «сталинского орга́на», и несколько дюжин раненых превратились в одну кровавую кашу. Уже несколько дней и ночей более 1200 раненых, которых войска увозят с собой, лежат под открытым небом в телегах с сеном, которые были реквизированы в деревнях. Промокнув до костей под дождями прошлой недели, они теперь замерзают под брезентом, покрытым снегом. Почти не слышно ни слез, ни стонов, многие уже отчаялись просить о чем-либо. Когда кто-нибудь из них умирает, то равнодушные возчики из русских добровольцев снимают его и кладут рядом с дорогой, новый раненый занимает его место. Все медикаменты закончились, бинтов тоже нет. Врачи делают все, что в их силах, но помочь почти ничем не могут. Тем не менее они делают все, чтобы очистить совесть.

Враг поджимает нас с севера и стоит уже в трех километрах от Шендеровки...»

В этот день, 15 февраля, было принято окончательное решение. Поскольку своевременного деблокирующего удара III танкового корпуса можно было уже не ожидать, командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Манштейн отдал приказ идти на прорыв. Он отдал этот приказ самостоятельно, не обращаясь в штаб-квартиру фюрера, чтобы с самого начала исключить всякие возражения. В тот же день штаб 8-й армии передал приказ Манштейна по команде дальше и в 11.05 радировал в котел: «Способность к действиям III танкового корпуса ограничена по погодным условиям и недостаточным снабжением... Группе Штеммермана осуществить собственными силами решающий прорыв на Журжинцы — высоту 239 двумя километрами южнее. Там идти на соединение с III танковым корпусом».

Приказ был ясный и четкий. Однако в нем уже таились зачатки будущей драмы — поскольку, будучи в котле, генерал Штеммерман воспринял приказ таким образом, что он должен своими силами в ходе прорыва овладеть и господствующей высотой 239 — а это было не так.

В сердцах окруженных в котле людей снова загорелась надежда. Решающий приказ был получен, обросшие бородой, перепачканные грязью солдаты посветлели лицами. Уже три недели, будучи в окружении, они вели оборонительные бои, лежа в грязи под дождем и снегом, доедая последние крохи продовольствия. Теперь пробил час освобождения. Увы, они не знали, что подошедшие для их деблокады танковые соединения остановлены врагом и грязью и полностью утратили свою ударную мощь.

Действия авиации

Еще сохранившая к этому времени боеспособность немецкая авиация прилагала все усилия, чтобы участвовать в боевых операциях. Ей предстояло выполнить две задачи — доставлять по воздуху необходимое заключенным в котле дивизиям и обеспечивать снабжение деблокирующих частей, поскольку погодные и дорожные условия полностью блокировали работу наземных частей снабжения, а горючее и боеприпасы требовались срочно. Кроме этого, авиация по мере возможностей поддерживала с воздуха действия наземных частей.

Выполнять эти задачи выпало на долю VIII авиакорпуса под командованием генерал-лейтенанта Зайдеманна, штаб которого располагался на окраине Умани. Если ввиду многочисленных трудностей невозможно было выполнить все требования войск, командование побуждало все летные части и их наземные службы делать все возможное для наилучшего выполнения заданий. Для снабжения войск по воздуху и прикрытия транспортных машин в период с 28 января по 20 февраля было задействовано 1536 самолетов, а именно: 832 Ю-52, 478 Хе-111, 58 истребителей ФВ-190 и 168 истребителей Ме-109.

Благоприятным обстоятельством стало то, что расстояние от аэродрома Умань до котла составляло всего лишь около 100 километров. Но трудностей, увы, было куда больше. Прежде всего самолеты с трудом взлетали и садились на размокшую взлетно-посадочную полосу. Довольно часто полеты бывали невозможны из-за густого тумана и сильного обледенения машин. В некоторые дни летать можно было лишь несколько часов, когда рассеивались промозглый туман и густые низкие облака. Иногда удавалось взлетать ближе к рассвету, когда ночной холод сковывал почву, чтобы вовремя доставить снабжение окруженным войскам и танковым соединениям, пытающимся их деблокировать. Задействованные для снабжения войск эскадрильи транспортных самолетов совершали полеты в котел, несмотря на сильный заградительный огонь советской зенитной артиллерии вдоль границ котла и невзирая на потери. В первые дни они еще совершали посадки на единственный пригодный для этого аэродром в котле, чтобы на обратном пути взять на борт раненых.

Однако, несмотря на все усилия, снабжение, осуществляемое по воздуху, ухудшалось день ото дня; перебрасывать удавалось лишь часть от тех ежедневных 150 тонн, необходимых

войскам. Как и в Умани, аэродром Корсуни испытывал те же погодные проблемы. Через неделю таяния снега и проливных дождей взлетно-посадочная полоса оказалась буквально залита водой. Саперы тщетно пытались сделать что-то, чтобы расчистить полосу и укрепить грунт. Но последние прибывшие самолеты садились на полосу грязи почти метровой глубины. С 10 февраля они уже не могли садиться и взлетать, боеприпасы, горючее и продовольствие приходилось сбрасывать на лету.

Всего за это время войскам было доставлено всеми способами в общей сложности 2026,6 тонны грузов, в том числе 1247 тонн боеприпасов, 45,4 тонны продовольствия, 38,3 тонны медицинских инструментов и медикаментов и 695 кубометров горючего. Также был перевезен 121 солдат.

Из котла было переброшено: 2188 раненых, из них 637 лежачих (тяжелораненых), 2,1 тонны оборудования (прежде всего специального разведывательного оборудования) и 101 солдат (специалисты и экипажи подбитых или вышедших из строя транспортных средств).

Общие потери после окончания операции составили 32 Ю-52, 13 Хе-111 и 5 Ме-109 (истребителей).

Были подбиты, но вернулись 113 Ю-52 и Хе-111, а также 47 истребителей.

В ходе операций по снабжению войск по воздуху погибли 22 военнослужащих люфтваффе, 56 пропали без вести, многие получили ранения.

В воздушных боях или зенитной артиллерией было сбито 58 вражеских самолетов.

III танковым корпусом — из последних сил вперед!

А снаружи котла, за внешней линией окружения, собирал силы для новой попытки спасти своих товарищей III танковый корпус, готовясь 16 февраля совершить последний бросок на прорыв. Прикрытые с тыла и северного фланга от врага 16-й танковой дивизией, 17-я и 1-я танковые дивизии должны были наступать от Лысянки на господствующую над местностью высоту 239, расположенную севернее села Журжинцы, тогда как полк тяжелых танков Бекке должен был нанести удар через Хижинцы на Комаровку в направлении на котел.

Германским танкистам и моторизованной пехоте предстояли тяжелые бои. 16-я танковая дивизия, прикрытая с севера и

востока 2-м батальоном 64-го моторизованного полка и ударной танковой группой этого же полка, удерживала свою позицию, отражая все атаки неприятеля, и обеспечивала прикрытие обеих танковых дивизий. Со своего рубежа охранения 1-й батальон 64-го полка даже занял господствующую над этой сельской местностью высоту севернее Чесновки. В ходе этой атаки семь советских Т-34 были подбиты, после ожесточенного боя на земле остались лежать 400 советских солдат. Но сильно поредевшие части 17-й танковой дивизии уже не могли продвигаться вперед; удар 1-й танковой дивизии, нанесенный через Гнилой Тикич по мосту у Лысянки, также успеха не имел. Таким образом, третий деблокирующий удар наткнулся на вражеский контрудар, не смог перерасти в наступление и заглох. К вечеру 16 февраля передовые части III танкового корпуса застыли на рубеже Лысянка—поселок Октябрь—Хижинцы, преодолеть последние оставшиеся 10—15 километров оказалось уже свыше человеческих сил. Солдаты деблокирующих соединений и частей горели желанием отдать последние силы и были готовы на любые жертвы ради своих товарищей в котле, но войска были совершенно измотаны, а боеприпасы и горючее закончились.

Помощь котлу пришла слишком поздно, и она оказалась слишком слабой. Теперь дело шло к апогею близкой катастрофы... О том, как завершились бои последнего дня третьего деблокирующего удара, описано в истории 1-й танковой дивизии (сокращенное извлечение)[1*]:

«В среду 16 февраля неприятель вел ожесточенный огонь по Лысянке. Даже саперы, восстанавливавшие разрушенный мост через Гнилой Тикич, несли потери от этого огня. Но больше всего неприятностей доставляли вражеские пикирующие бомбардировщики и штурмовики, которые в часы, когда рассеивались облака, каждые 10 минут атаковали с воздуха мост и сводили всю проделанную саперами работу на нет. И все же, несмотря на неописуемые трудности и нечеловеческие усилия, в этот день мост был восстановлен и готов к переброске войск.

На рассвете прибыло снабжение. На этот раз наконец-то удалось перебросить нам по воздуху довольно значительную партию. Транспортные Ю-52 с высоты 30—40 метров сбрасывали прежде всего 200-литровые бочки с горючим, а также снаряды для танковых пушек и ящики с продовольствием. И хотя многое из сброшенного разбилось или утонуло в грязи, все же с полученными

[1*] См.: *Стовс Р.* 1-я танковая дивизия.

припасами танковая группа Франка куда увереннее могла чувствовать себя в грядущих боях.

Чуть позже подразделения советской 5-й гвардейской танковой армии численностью более 20 танков Т-34 (т. е. один неполный батальон. — *Ред.*) предприняли попытку возобновить контрудар от высоты 239 через поселок Октябрь в направлении восточной окраины Лысянки. Точным прицельным огнем артиллерии 73-го полка этот вражеский удар был остановлен на окраине поселка, Т-34 были вынуждены повернуть назад. Остатки 1-го батальона 1-го танкового полка под командованием капитана Крамера тут же предприняли атаку на северо-восточную окраину поселка Октябрь. Увы, вскоре эта лобовая атака наткнулась на глубоко эшелонированную оборону русских танков и была остановлена.

Почти одновременно противник повторно предпринял атаку на Лысянку-Восточную. На этот раз он наступал при поддержке танков с юго-востока, от высоты 222,5. Капитан Крамер направил обер-фельдфебеля Штриппеля на самое опасное место на правом фланге. Обер-фельдфебелю удалось, имея всего только 7 танков Pz-V «Пантера», отбить атаку наступавших на этом участке 27 Т-34, потеряв при этом только один свой танк.

Но тут погода снова обрушилась на танкистов и мотопехоту. Вернулись холода, местность и мороз, словно негодуя, востребовали увеличенную дань. Застывшие на месте и неспособные более двигаться танки были подготовлены к подрыву.

Во второй половине дня атака возобновилась, снова начались ожесточенные бои. 2-й батальон 113-го моторизованного полка, то есть последние 50—60 солдат этого батальона, усиленные бойцами 2-го батальона 1-го моторизованного полка, под командованием капитана Эбелинга двинулись по совершенно открытой местности, без малейшей возможности укрытия, имея целью занять небольшой поселок Октябрь. Под прикрытием огня четырех танков Pz V «Пантера» 1-й роты 1-го танкового полка мотопехотинцам под плотным оборонительным огнем неприятеля удалось короткими перебежками, из последних сил, неся тяжелые потери, добраться до оврага западнее поселка, в котором им удалось укрыться от вражеского огня всех калибров. Четыре танка, поддерживающие атаку, еще какое-то время продвигались вперед, но потом застряли на обширном болотистом месте, занесенном сверху свежевыпавшим снегом. Примерно в это же время танки «Пантера» 2-й роты 1-го танкового полка под командованием капитана Крамера, двигаясь с двух сторон дороги, ведущей к Октябрю, заставили неприятеля отступить.

Тем временем сражение за Октябрь несколько севернее поселка вели танки Pz VI «Тигр» из состава 503-го батальона тяжелых танков. Батальон входил в состав танкового полка Бекке, который был задействован для поддержки наступления в юго-восточном направлении и тем самым значительно помог наступлению на поселок Октябрь. Воспользовавшись этим обстоятельством, капитан Эбелинг со своим наскоро собранным «батальоном» снова перешел в атаку. После того как 1-я рота 1-го танкового полка расстреляла четыре русских Т-34 (что неудивительно при дальнобойности, точности и мощности длинноствольной 75-мм пушки «Пантеры». — *Ред.*) и заставила повернуть назад остальные, поселок Октябрь удалось взять штурмом и в коротком уличном бою зачистить его от неприятеля. В ходе этого боя последний командир роты и почти все командиры взводов погибли или получили ранения. Тем не менее вокруг Октября были незамедлительно оборудованы оборонительные позиции, с которых вскоре и был отбит первый неприятельский контрудар, предпринятый против мотопехотинцев. 2-я рота 1-го танкового полка, наступавшая широким фронтом в северном направлении, наткнувшись на глубоко эшелонированную танковую оборону противника, понесла значительные потери. Погиб также и капитан Крамер.

Русские продолжали наносить контрудары. Подоспевшая с воздуха помощь шедших несколькими волнами пикировщиков Ю-87 позволила отбросить врага. Октябрь был удержан...»

Шендеровка — «ворота в ад»

Но вернемся обратно в котел. Положение окруженных частей все обострялось, события нарастали лавинообразно.

В то время как германские войска сидели, окруженные русскими частями и набившись как сельди в бочки, в убогих крестьянских хатах, при мерцающем свете огарков свечей и масляных ламп, в штабах кипела работа — там разрабатывали планы, оценивали возможности, организовывали, рассылали донесения, отдавали приказы, руководили и управляли. И наконец, штаб генерала Штеммермана разработал план осуществления прорыва. Выглядел он так. Прорыв должен был быть осуществлен 16 февраля под прикрытием темноты с рубежа Хильки—Комаровка тремя глубоко эшелонированными ударными клиньями. При этом следовало наступать без артиллерийской подготовки, передовые части должны были бесшумно приблизиться к врагу, ошеломить

его, открыв огонь в упор, пробить бреши в кольце вражеского окружения, чтобы дальнейшим таранным ударом все запертые в котле войска смогли достичь передовых позиций деблокирующей группировки.

Каждый из трех ударных клиньев состоял из одной дивизии, каждая дивизия должна была следовать тремя эшелонами:

1-й эшелон — пехота с легким стрелковым оружием.

2-й эшелон — тяжелое оружие: полевые орудия, противотанковые пушки, минометы и т. д.

3-й эшелон — артиллерия и обоз.

Для дивизий были установлены районы сосредоточения и атаки:

Правый фланг: корпусная группа «Б» в селе Хильки, направление удара: по возвышенности южнее Петровского — южная окраина Журжинцы.

Центр: 72-я пехотная дивизия в низине в 1,5 километра юго-восточнее селения Хильки, направление удара: на лес у поселка Журжинцы — севернее высоты 239 — Октябрь.

Левый фланг: 5-я моторизованная (автор ошибается — с октября 1943 года это танковая дивизия. — *Ред.*) дивизия СС «Викинг» с бригадой СС «Валлония» в Комаровке, двигаются параллельно 72-й дивизии южнее и мимо высоты 239.

Общая численность всех этих соединений приближалась к 40 тысячам человек.

Арьергард образовали 57-я и 88-я пехотные дивизии. Им предстояло на равнине под Шендеровкой прикрывать тыл идущих на прорыв войск, а затем после переданного по радио условного сигнала последовать за ними. При этом 57-я дивизия с еще несколькими подчиненными ей, но ранее не входившими в ее состав частями, насчитывавшая около 3500 человек, должна была следовать за дивизией СС «Викинг», а несколько более слабой 88-й дивизии предстояло двигаться за 72-й дивизией. Общая численность арьергарда составляла примерно 6500 человек, его обоз и тыловые службы уже находились при дивизиях, идущих на прорыв.

Все еще бывшие на ходу танки, штурмовые и самоходные орудия должны были принимать участие в прорыве, все ненужные транспортные средства, оборудование, даже личные вещи солдат должны были быть уничтожены и брошены. Каждый участник прорыва должен был иметь при себе только личное оружие и столько боеприпасов, сколько мог унести.

Несмотря на этот приказ, многие части увозили с собой своих раненых товарищей на телегах или артиллерийских тягачах.

С наступлением рассвета в день прорыва VIII авиакорпус должен был прикрывать идущие на прорыв части с воздуха, нанося удары с воздуха по неприятелю, находившемуся на флангах района прорыва. Деблокирующим частям вне пределов котла предстояло нанести мощные удары по противнику, чтобы оттянуть его на себя и связать, что облегчило бы положение прорывающихся частей.

Таков был вкратце план, который обеспечивал спасение по сию пору находящихся в окружении бойцов.

Время поджимало, каждый час становился бесценным. Но уже в ходе подготовки к выполнению этого плана, 15 и 16 февраля, стали возникать одна трудность за другой. Причем начались они уже с момента передачи приказа. Полевые телефоны уже давно были разбиты, а установленные на телегах полевые радиостанции работали ненадежно.

Тем не менее в течение обоих дней подготовка к прорыву шла полным ходом, повсюду пылали костры, сжигалось все, что надо было бросить. Громыхали взрывы, уничтожавшие лишние орудия и то вооружение, которое уже не было нужно, — чтобы все это не попало в руки врага. При этом приходилось постоянно отбивать вражеские атаки и отвечать на артиллерийский огонь, который неприятель вел по котлу. Диаметр котла уже сжался до 3,5 километра, так что он мог простреливаться вражеской полевой артиллерией насквозь. Шендеровка, которая была взята нами всего несколько часов тому назад и на улицах которой еще валялись трупы своих и вражеских солдат, была переполнена войсками, которые вели приготовления к прорыву. Повсюду — на улицах, в садах и даже в хатах — ютились КП различных частей, стояли орудия, подбитые танки, грузовики и телеги, прибывавшие, собирающиеся и ожидающие приказа части.

Вечером 15 февраля генерал Штеммерман по рации потребовал не только увеличить количество оставляемого снаряжения, но и возложил на 8-ю армию дополнительную задачу. Группа Штеммермана была еще в состоянии прорвать вражеские позиции перед ее собственным фронтом (внутреннее кольцо окружения), но осуществить второй прорыв (внешнего кольца окружения) она наверняка не сможет. Это было произнесено совершенно ясно.

Группа армий «Юг» радировала в ответ: «Пароль — «Свобода», цель — Лысянка. Выступление 16 февраля в 23.00».

Среда, 16 февраля.

Шендеровка стала воротами в ад. Дорога на исходные позиции для всех частей проходила по единственной деревенской

улице — она стала началом пути к свободе для трех первых дивизий, общего обоза и всех тыловых служб обоих корпусов. По невообразимо грязной, разъезженной улице медленно пробирались вперед, скользя и с трудом вытаскивая ноги из грязи, бесконечные войсковые колонны, тащились грузовики и телеги, цепляясь друг за друга, сталкиваясь и тормозя общее движение. Поскольку русские не могли не заметить передвижение такой массы войск в котле, то по ним открыла огонь русская артиллерия, к которой присоединились сверхтяжелые минометы и «сталинские орга́ны», методично кромсая передвигающихся людей и нанося новые тяжелые потери. Под обстрелом был даже один-единственный мост. В него попали несколько снарядов и ракет. Разбитые грузовики, павшие лошади, взрывающиеся снарядные ящики, горящие телеги, убитые и раненые, пламя горящих хат перекрыли движение по тесной улице. В воздухе висели разрывы снарядов, дым и чад, крики и стоны тяжелораненых, залпы нашей собственной артиллерии, спешащей выпустить последние снаряды. Со всей этой какофонией смешивался отрывистый лай наших зениток, которые вели огонь по вражеским пикирующим бомбардировщикам и штурмовикам, несшим смерть в виде бомб и огня бортового оружия. И несмотря на все это, с севера, запада и востока к Шендеровке подходили все новые и новые части. Пути назад им не было, и лишь на юго-западе открывался путь к свободе.

Летящие на бреющем полете Хе-111 доставили запрошенные боеприпасы в ящиках, сбрасывая их на лету. Падая между колоннами, ящики с громким треском разбивались.

В 15.00 III танковый корпус принял последнее сообщение по радио: «Октябрь взят!» Это несколько успокоило.

Однако из тыловых областей котла приходили совсем другие донесения. На северо-востоке, у населенного пункта Стеблев, русские части с танками вклинились в идущие к рубежу прорыва 57-ю и 88-ю дивизии. Лишь с огромным трудом солдатам этих дивизий удалось оттеснить врага и ликвидировать опаснейший прорыв. Но в результате этого передовые вражеские части стали ближе к Шендеровке, в которой грудились массы наших войск. Пришлось также снова отбивать уже было занятое пространство для исходного удара на юго-западе. Под ударами дивизии СС «Викинг» Комаровка за эти утренние часы уже в четвертый раз перешла из рук в руки. Также снова была захвачена и Новая Буда. Тем самым наша передовая в районе Шендеровки сдвинулась километра на три назад.

Командный пункт генерала Штеммермана располагался в поселке Хильки. Однако управление войсками едва ли было возможно. Связные и офицеры для поручений еще пытались в этой адской неразберихе доставить приказы частям, но зачастую не возвращались назад. Рядом со входом на КП лежал убитый офицер, которому осколок снаряда попал в голову.

Весь сократившийся до пугающе малых размеров котел находился под ужасным давлением врага со всех сторон. Неприятель то и дело предпринимал атаки, которые приходилось отбивать, порой возникали паника и хаос, которые в таких условиях могут стать равнозначны катастрофе.

Все это едва можно себе представить, но все же так все и происходило — под непрерывным вражеским огнем, по колено в грязи, части перемещались туда и сюда, из последних сил двигаясь на отведенные им рубежи.

Около 16.00 начало темнеть; по мере того как сумерки сгущались, понемногу стихал и вражеский огонь.

Теперь уже не было смысла отдавать какие бы то ни было приказы, оставалось уповать только на то, что все пойдет так, как было спланировано. Есть только одна задача: прорыв как приказано — и пароль «Свобода»!

Неописуемое напряжение охватило сейчас каждого из десятков тысяч солдат, ступивших на последний и самый трудный участок своего пути к свободе. Каждый был исполнен надежды — прорыв может и должен удаться. Танки деблокирующей группы близко, до них оставалось еще 8, быть может, 10 километров. Утренний холод и легкий снегопад будут как нельзя более вовремя. Чем хуже погода, тем больше вероятность того, что позиции ошеломленного врага удастся прорвать. Русские тоже не сверхчеловеки и в такую погоду постараются укрыться в сельских хатах или в землянках на своих позициях. Враг не имеет представления о том, что на сегодня запланирован прорыв.

Все три группы прорыва доложили о своей готовности. В 23.00 прорыв начался. На острие прорыва шел первый эшелон, как и было запланировано, он выступил без артподготовки, лишь с легким стрелковым оружием на изготовку. Справа двигалась 258-я полковая группа корпусной группы «Б», в центре наступал 125-й полк 72-й дивизии, левее — 5-й танковый разведбатальон дивизии СС «Викинг». Часть за частью бесшумно растворялись в непроглядно темной, безлунной и беззвездной ночи. Дувший с северо-востока ветер приносил с собой снежную крупку. Войска двигались напрямик по бездорожью с широкими низинами, це-

пями холмов и глубокими оврагами, по замерзшей грязи, заметенной тонким слоем снежной крупки.

Вскоре после полуночи генерал Лиеб, командир XI армейского корпуса, который во время прорыва возглавил первый эшелон, расположил свой КП на западной окраине села Хильки. Пока первый эшелон не доставлял ему никаких проблем, но теперь неприятель открыл плотный огонь с фланга по селу, а с запада отдельные русские подразделения продвинулись почти до восточной окраины села. В районе Комаровки русским снова удалось прорваться, ее южная часть снова была потеряна. Оба эти селения имели важное значение, поскольку были правым и левым краеугольными камнями коридора прорыва. В селе Хильки неприятеля сдерживал командир артиллерийской батареи с сотней солдат, из Комаровки врага должны были выбить солдаты дивизии «Викинг». Звуки боя едва ли достигали слуха солдат частей, ожидавших своей очереди идти на прорыв. Из темноты ночи лишь едва доносилось далекое «Ура!».

От растаявших в темноте передовых подразделений 105-го пехотного полка наконец-то пришло донесение: «Совместный прорыв снаружи и изнутри котла через первую линию противника имел успех благодаря полной внезапности, совершенно ошеломленный противник уничтожен огнем в упор из всего автоматического оружия (пистолетов-пулеметов и пулеметов). Преодолена также и вторая линия русских частей. После краткой, но ожесточенной перестрелки в рукопашной схватке уничтожены две батареи русских орудий».

После этого полк предпринял дальнейшее продвижение в юго-западном направлении и к 3.30 достиг глубокой низины юго-восточнее поселка Журжинцы. Но впереди на дороге, ведущей к господствующей над местностью высоте (высота 239), между поселками Журжинцы и Почапинцы стояли вражеские танки и грузовики. Но полку удалось незаметно для противника пересечь дорогу. После этого передовые части в 200 метрах к западу внезапно атаковали вражеские позиции, которые были развернуты фронтом на юго-запад и представляли собой уже последнее внешнее кольцо, противостоящее деблокирующей группе. Русские в этот момент спали в своих землянках. После краткой, но ожесточенной схватки, в которой солдаты, сражаясь, переходили в рукопашную, полк захватил эту позицию. Но сохранить тишину не удалось, поскольку в нескольких случаях пришлось пустить в дело и пулеметы. Заслышав стрельбу, стоявшие на дороге танки включили свои прожекторы и в их свете увидели новые немецкие части, как раз

пересекавшие дорогу. Полку и нескольким разрозненным подразделениям все же удалось удерживать позицию юго-восточнее поселка Хижинцы до подхода первых своих танков и около 4.00 соединиться наконец с деблокирующей группировкой.

105-й пехотный полк был единственной германской частью штурмовой бригады СС «Валлония», которая, будучи окруженной, смогла пробиться и вырваться из кольца, действуя только легким стрелковым оружием. Прорвалось в Лысянку только 3 офицера, 1 врач и 216 солдат из тех 27 офицеров и 1082 солдат, которые имелись в полку три недели тому назад на момент окружения.

Неприятель был теперь настороже, фактора внезапности больше не существовало. Зажигались все новые и новые прожектора, высоко вверх поднимались осветительные ракеты, неприятельские солдаты не жалели патронов. Внезапно по всему фронту разгорелась жаркая схватка. Противник увидел, что вслед за 105-м полком прямо на его позиции наступает 72-я дивизия. Но ее части, движущиеся от поселка Журжинцы по открытому пространству, сильнейшим огнем русских были прижаты к земле, а через некоторое время были вынуждены повернуть обратно. Немногим лучше обстояли дела и у корпусной группы «Б». Двигавшейся в качестве передовой части 112-й дивизионной группе еще удалось без единого выстрела подойти к первым вражеским траншеям и преодолеть их. Но основная масса корпусной группы «Б» попала под огонь пришедшего в себя противника, отклонилась к юго-западу, смешалась с основной массой солдат 72-й дивизии и была оттеснена к югу. Командир корпусной группы полковник Фуке при штурме батареи противотанковых орудий был тяжело ранен (и потом умер в советском плену).

5-й танкоразведывательный батальон дивизии СС «Викинг» также преодолел первый отрезок пути относительно быстро. Столь же быстро он прорвал первую линию обороны неприятеля, подавил пулеметные гнезда и позиции противотанковых орудий, захватил первые позиции, находившиеся на холмах у селения Почапинцы. Затем разведбатальон примерно в то же время, что и 105-й полк, вышел на дорогу, проходившую рядом с господствующей высотой 239, занятой крупными силами неприятеля. Около 4.30 разведбатальон предпринял попытку взять высоту, но первый приступ был остановлен сильным огнем у подножия высоты. Под фланкирующий огонь попали и разведбатальон, и следующая за ним штурмовая бригада «Валлония». Разведбатальон, в составе

которого еще оставалось несколько танков Pz III, предпринял еще одну тщетную атаку высоты. Но огонь уже занявшего все свои позиции неприятеля оказался слишком плотным.

Тем временем подошла основная масса дивизии СС «Викинг». От 72-й дивизии подкатывались волнами части прорыва, которые не могли преодолеть дорогу и двигаться дальше на север. Различные части и подразделения перемешались, ночью, под огнем неприятеля управление войсками стало почти невозможным, и уже первый эшелон не мог двигаться дальше.

Между тем приблизился второй эшелон и встал, натолкнувшись на первый. Беспорядок и неразбериха еще более усилились. За их спинами, в Шендеровке, томились и мучились под обстрелом все еще многочисленные тыловые службы — в неразберихе своих грузовиков и телег, освещаемых лишь пламенем горящих деревенских изб. Враг уже добрался до окраины поселка, но тут он снова был отброшен ударом остатков 5-го танкового полка дивизии СС «Викинг». 32 вражеских танка было уничтожено в этом бою, в котором не отступил ни один из танков 5-го танкового полка. Благодаря стойкости танкистов были спасены ожесточенно сражавшиеся и державшие оборону 57-я и 88-я пехотные дивизии, действовавшие в качестве арьергарда.

Генерал Штеммерман вместе со своим адъютантом погиб вскоре после начала прорыва, когда при смене КП рядом с ним разорвался снаряд. Командование тут же принял на себя генерал Лиеб.

Увязая в нанесенном в низины снегу, двигаясь в направлении высоты 239, сплотившиеся в общую группу силы прорыва под командованием своих мужественных офицеров и унтер-офицеров пробивали себе путь вперед.

Если Шендеровку можно считать воротами в ад, то ночь с 16 на 17 февраля, оглушавшая громом разрывов и воем снарядов, расцвеченная осветительными и сигнальными ракетами, была преддверием ада.

Но собственно ад разверзся 17 февраля...

Отчаянный рывок к свободе

Когда забрезжил рассвет 17 февраля, прорывающиеся из котла войска, к своему горчайшему разочарованию, со всей отчетливостью увидели, что по обе стороны высоты 239 стоят не германские танки, готовые прикрыть их от вражеских пуль и снарядов, но

полностью готовые к обороне силы неприятеля. Танки, противотанковые и полевые орудия открыли огонь по уже измотанным частям первого эшелона и по все прибывающим колоннам второго и третьего эшелонов. Все перемешалось в невообразимом беспорядке, никакое управление боем стало невозможным. Запряженные в телеги лошади вставали на дыбы и рвали постромки, сами телеги сталкивались и разлетались на части, еще передвигавшиеся своим ходом грузовики застревали и вспыхивали от попадающих в них пуль и раскаленных осколков снарядов. Люди метались во все стороны, пытаясь найти укрытие на по большей части плоской равнине, сбившиеся в кучу отряды, еще не понявшие ситуации, бежали вперед с криками «Ура!», пытаясь пробиться, другие старались укрыться в глубоких заснеженных оврагах или в жидких перелесках. Все усиливающийся огонь неприятеля хлестал по сбившимся массам солдат, падавших под ним на землю. Многие пытались хоть как-то организовать круговую оборону. Но кроме фаустпатронов у них не было никакого оружия против подходящих со всех сторон вражеских танков. Противотанковые и полевые орудия, несмотря на упряжки из восьми—десяти лошадей, скользили по обледеневшей почве или застревали в ямах. Все же несколько русских танков удалось подбить фаустпатронами. Двое солдат из 389-го истребительно-противотанкового дивизиона, уже давно оставшихся без своих орудий, подбили фаустпатронами пять стальных чудовищ, остальные на этом участке повернули назад. Однако на смену этим танкам вскоре появились новые, а огонь врага только усиливался. Если до сих пор войскам еще удавалось тащить с собой тяжелое вооружение, то теперь все оно было брошено — легкие и тяжелые орудия, минометы и пулеметы. Здесь же решилась судьба тех раненых, которых еще везли с собой на телегах, — теперь они были предоставлены самим себе. А враг не знал никакой пощады. Полковник Франц, начальник штаба XXXXII корпуса, видел, как примерно пятнадцать русских танков проутюжили овраг, в котором стояла колонна телег с ранеными. Лошадей расстреляли из пулеметов, а телеги размололи гусеницами. Дивизия СС «Викинг» везла с собой 130 тяжелораненых, из которых доктор Тон смог спасти едва ли дюжину. Еще около 140 тяжелораненых, находившихся в гусеничных транспортерах этой дивизии, были расстреляны советскими танками западнее Шендеровки. Вместе с ними погиб и доктор Иссельштайн. Не смогли избежать подобной судьбы и колонна с ранеными бригады «Валлония», и другие раненые.

Но этот адский день далеко еще не подошел к концу...

Донесшийся с юго-востока шум битвы поначалу показался не таким уж сильным. Но сначала поодиночке, потом группами и целыми подразделениями оттуда стали подходить солдаты, растерянные и потерявшие ориентировку, не способные в одиночку найти выход из этого хаоса. Сотни, тысячи солдат из всех частей и соединений, разных родов войск, кое-кто из них под командованием офицеров, собрались в единую толпу, двигавшуюся в том же направлении. Под их отчаянным ударом враг отошел, оставив восточную часть поселка Почапинцы, русская пехота была выбита из села, даже отдельные танки отступили перед этим валом человеческих тел. Но вот в неорганизованную и ничем не защищенную массу наступающих ударили пулеметные очереди, артиллерийские снаряды, рявкнули полевые и танковые орудия, вырывая из этой толпы все новые и новые жертвы. Лишь потеряв многих товарищей убитыми и ранеными, удалось наконец подавить этот смертоносный огонь. Только вперед, только наступать, прочь от этого огня, туда, где стоят германские танки — ведь где-то там они должны быть. Пешком, на лошадях, спасенных от съедения, на самых последних еще передвигающихся транспортных средствах человеческая масса перевалила через высоту 222,5 и обошла ее вокруг. Но вместо оставшихся нескольких километров, как они считали, им предстоял еще многочасовой смертный путь длиной от 20 до 30 километров.

Наконец-то кольцо вражеского окружения было прорвано.

Это было бы так, если бы на пути у них не лежал Гнилой Тикич, ставший последним серьезным препятствием. Жарким летом он был всего лишь довольно большим ручьем, но за прошедшие три недели оттепели разлился и стал потоком шириной от 20 до 30 метров, глубиной более человеческого роста и довольно быстрым. Холода последних дней не сковали его льдом, лишь по берегу шла ледяная кромка да по стрежню проплывали большие льдины. Берега были болотистыми, двухметровый обрыв перед несущейся водой тоже покрывал лед.

И нигде, сколько хватает взгляд, ни моста, ни лодки, ни плота.

Менее чем через час на берегу собралось около 20 тысяч человек. Они не имели представления, где находятся передовые части деблокирующей группы, они не знали, что ранним утром этого катастрофического дня подполковник Бекке снова повел в наступление на прорыв свои тяжелые танки и в течение дня даже подошел к роковой высоте 239 южнее поселка Журжинцы[1*]. Со-

---

[1*] В танковом полку, с которым доктор Бекке пошел в атаку из окрестностей юго-западнее поселка Хижинцы, оставалось только шесть «Тигров» и чуть меньше «Пантер». Они продвинулись до точки несколько севернее высоты 239,

бравшиеся в огромную толпу люди не знали, что их товарищи-мотопехотинцы удерживают Октябрь[1*] только ради них. Не знали они и того, что лишь в трех километрах выше по течению находится Лысянка, в которой 1-я танковая дивизия навела для них мост, — и уклонялись все дальше к югу, где, как считали они, могли соединиться со своими товарищами, обороняющими плацдарм у Лысянки.

Было около 11.00 утра. Вышедшие к берегу реки люди снова и снова пытались найти способ, как переправиться на другой берег. Появившиеся генералы Лиеб и Гилле и полковник доктор Хон пытались навести хоть какой-то порядок и организовать переправу. В реку загнали тяжелый гусеничный транспортер, чтобы сделать его опорой импровизированного моста, но течение увлекло его вместе с не успевшим выбраться из него экипажем. Попытались было соорудить человеческие цепи из умеющих и не умеющих плавать, но течение смело и их, причем не умеющие плавать в большинстве погибли. Некоторые пытались преодолеть водный поток верхом на лошадях, но также были унесены течением. Другие выбрались было на береговой припай, но лед подломился, и они утонули. Самые отчаянные снимали форму, скатывали ее в плотный узел и пытались, в основном тщетно, перебросить ее на другой берег и преодолеть реку вплавь. Все это происходило на морозе минус 5 градусов и при ледяном ветре.

Неожиданно у берега реки появились преследующие русские танки. Первые четыре Т-34 развернулись в паре сотен метров и открыли огонь из пулеметов и осколочными снарядами из танковых орудий по плотной человеческой массе. Теперь уже другого выхода не оставалось — только на другой берег, куда русским танкам было не добраться. Снова разыгрались потрясающие душу сцены. Группами по 30—40 человек, а то и больше, полузамерзшие и истощенные солдаты бросались в ледяную воду и пытались доплыть до противоположного берега, борясь со стремительным течением. Между плывущими по течению льдинами тут и там вскидывались молящие о помощи людские головы и руки, разносились вопли ужаса тонущих, бились и ржали погибающие лошади. Вплавь пустились и генералы. Полковник доктор Хон,

---

но смогли только связать боем значительные силы неприятеля. Масса вырвавшихся из окружения солдат, ничего не зная об этом, уже двигалась на юг и юго-восток, о чем доктор Бекке опять-таки ничего не знал.

[1*] За этот день поселок Октябрь несколько раз переходил из рук в руки, но в конце концов остался в руках немцев.

в промокшей насквозь одежде, на ледяном ветру ждал, пока все его люди не покинут берег. Теперь здесь остались только раненые, которым уже не дано было преодолеть эту последнюю преграду. Весь берег был усеян брошенным личным оружием, снаряжением и солдатской формой.

Едва те немногие счастливчики, которым удалось переплыть Гнилой Тикич, выбрались из воды, как промокшая форма на них тут же задубела на морозе. Но они все еще не были в безопасности. Длинная открытая цепь холмов юго-восточнее Лысянки находилась под огнем полевой артиллерии и орудий русских танков. Под этим огнем бежали и брели по колено в снегу, скользя и падая, тысячи людей в заледеневшей одежде, другие полуобнаженные, а многие и совсем нагие, стремясь к виднеющимся вдали хатам Лысянки-Восточной.

Тысячи солдат, до сих пор избегнувшие смерти, отдали свою жизнь здесь, на Гнилом Тикиче, менее чем в ста метрах от передовых позиций 1-й танковой дивизии, уже завидев свободу, ту свободу, о которой они мечтали в течение нескольких ужасных недель и за которую сражались.

Как только от первых полумертвых от усталости и замерзших людей стало известно о ситуации на берегу реки, ударная группа мотопехоты и танковый взвод тут же направились туда. Командование распорядилось отправлять все еще подходивших к реке солдат вдоль берега к наведенному мосту, но толпа спасшихся не слушала или не понимала команд, и никакое управление ею не было возможно. Поэтому саперы под прикрытием огня двух «Пантер», отогнавших советские Т-34, навели импровизированные мосты, по которым остатки прорвавшихся частей и тыловые команды смогли переправиться на другой берег.

Офицер связи штаба XXXXII армейского корпуса докладывал:

«Привожу донесения участников событий об этих ужасных часах в ночь с 16 на 17 февраля.

«*16 февраля 1944 года.* Шендеровка. Мы идем на прорыв! В полночь дверь из котла распахнется. Мы больше не ждем деблокады. Все наши танки стоят в глубокой грязи и глине вокруг нас и пока не двигаются с места. Они смогут продвинуться максимум километров на десять к юго-западной границе котла. Говорят, что их дальнейшая «боеспособность ограничена погодными и снабженческими условиями». В этих пределах на них можно будет рассчитывать при прорыве вражеского кольца окружения. Даль-

ше надо будет пробиваться к замершей на месте деблокирующей группировке собственными силами. Таков приказ!

Наш пароль звучит так: «Свобода». Силы этого слова достаточно, чтобы преобразить опасности и неуверенность в веру и осуществление.

Мы прорвемся! Это чувство наполняет всех нас стремлением к свободе... Накануне решающего прорыва все тревожные предчувствия отходят прочь.

Мы прорвемся! Я слышал эти слова и от нашего начальника штаба. Из его уст они прозвучали особенно весомо. Начальник штаба отдал еще один краткий приказ на прорыв. Вкратце ситуация у неприятеля такова — он пытается сосредоточенными ударами сжать границы котла. Удар на прорыв из котла будет полной неожиданностью для него и должен привести к успеху.

План прорыва ясен и прост. Тремя сосредоточенными клиньями наносится удар по врагу, ошеломляя его огнем в упор. Тяжелая техника, артиллерия и обоз следуют вплотную за ними, готовые поддержать их огнем... Замыкает все арьергард, закрепляя успех.

А успех, безусловно, будет за нами. Шендеровка до сих пор кажется нам землей обетованной, несмотря на убогий зимний ландшафт, на мороз, который все же не может сковать грязь и глину под ногами, на режущий лицо ветер. Нескончаемым потоком сюда с севера движутся люди и грузовики, минуют село и следуют далее на юг, на исходные позиции для удара. Все необходимые перегруппировки перед выступлением должны быть завершены к позднему вечеру. Но смогут ли все идущие на прорыв части выдержать сроки — вопрос остается открытым. Дорог практически не существует, расстояния значительны, почва отвратительная, грузовики могут двигаться одним-единственным путем — через село.

Огонь неприятеля не давал нам ни минуты передышки. Буквально по всему периметру котла противник вел беспокоящий огонь. Его мощные атаки, поддержанные танками, на протяжении прошлой ночи по нашему левому флангу сформированных для прорыва сил удалось отбить лишь с большим трудом. А всю первую половину нынешнего дня русские наносили непрерывные удары, из-за которых мы оказались выдавленными с отведенного нам рубежа развертывания для прорыва. Перед нашей передовой чадно дымили шесть танков противника, но мы все же отвели несколько западнее части, идущие в первом эшелоне прорыва. Неспокойно было и в тылу. Там прорвались около ты-

сячи русских солдат с танками. Передний край обороны пришлось отвести назад, и лишь тогда этот прорыв врага удалось локализовать.

Я иду в юго-западную часть поселка. Прямо на перекрестке стоит, задрав к небу длинный ствол, брошенная неприятелем противотанковая пушка. За ней вела огонь наша батарея тяжелых орудий, занявшая позицию между двух покосившихся бедных хат. В кустах у следующего дома русские в свое время оборудовали пулеметное гнездо. Клочья металла, патроны во вмятой в землю пулеметной ленте. Ствол пулемета «Максим», под ним половина разорванного взрывом снаряда станка. Рядом мертвые русские. Дальше, справа по улице, снова бывший опорный пункт, валяются разбросанные боеприпасы и снаряжение. В том же состоянии, что и предыдущий. Только здесь больше мертвых, тела их взрывами снарядов набросаны друг на друга, образуя жуткую баррикаду. Вокруг валяются мотки телефонного провода, разбросаны патроны и ручные гранаты. Дальше снова пулеметное гнездо, траншея, в конце которой неглубокая землянка, в избах устроены амбразуры для стрельбы и смотровые щели, одна изба разворочена снарядом, торчат бревна и ствол разбитого станкового пулемета.

Постепенно я понимаю оборонительную систему противника, здесь располагался пулеметный батальон, который был окружен нашей мотопехотой на восточной окраине поселка и два дня держал здесь оборону. Лишь после тщательной артподготовки, здесь, в глубине наших изготовившихся к прорыву войск, русские были уничтожены в ожесточенном рукопашном бою. Уцелеть смогли лишь немногие.

Вражеский самолет снова кружит в небе, снова и снова заходя для удара по плотно набитому войсками поселку. Длинные пушечно-пулеметные очереди его бортового оружия хлещут по земле. Затем лающие звуки наших зениток на миг заглушают взрывы двух сброшенных им бомб. Еще одна очередь из бортовых пушек, и, расстреляв весь свой боезапас, внешне неуклюжий черно-серый самолет-штурмовик Ил-2 с красными звездами на крыльях скрывается от взора, слуха и огня зениток за ближайшим холмом. На земле после него остаются густой дым, крики раненых, разбитые бомбами хаты и горящие грузовики.

Шендеровка горит, клубы дыма, медленно кружась, поднимаются в низкое небо, иногда прорезаемые ярким пламенем.

Все грузовики и телеги должны быть, согласно приказу, уничтожены, кроме тех, которые совершенно необходимы в ходе прорыва для перевозки боеприпасов и раненых. Никакие доку-

менты, никакое еще пригодное для боя оружие не должны попасть в руки противника. Поначалу уничтожение своего собственного вооружения дается с трудом. Сначала щемит душу, но на второй и третий раз уже почти не задумываешься и делаешь это без сожалений.

Очередь доходит и до личного имущества. Никому не удается избегнуть этой части. Я сам, собственными руками, проделал ревизию моих личных вещей. Весь личный скарб предается огню. Однажды мне уже довелось остаться «голым и босым». После этого я стал умнее и теперь натягиваю на себя две пары носков, две пары нижнего белья, мундир и сапоги поновее. Все остальное, все повседневные мелочи, в том числе пара любимых книг и немногие памятные вещи, исчезают в огне навсегда. На улице формируются небольшие дежурные подразделения и временные боевые части из писцов, водителей и обозников. Оттуда доносятся крики и топот сапог. Залпы вражеской артиллерии, обстреливающей село, затихают вдали...

До начала прорыва остается еще пять часов. Я еще раз проверяю свой автомат[1] и шесть магазинов к нему.

17 февраля. За два часа до полуночи я был на новом КП корпуса. Он представляет собой два вездехода. В одном из них располагается начальник штаба с двумя телефонными аппаратами. «Лоханка»[2] заехала в небольшую низину. Вокруг молодая поросль без листьев, в полукилометре южнее просматривались первые мазанки села Хильки. Правый ударный клин должен был наступать из этого села.

Позади во многих местах Шендеровки еще догорали костры. Неужели там все еще продолжается эта ужасная пробка? Двигаясь к исходной позиции для прорыва, я потерял моих товарищей. Было совершенно невозможно пробиться к ним и обогнать застрявшую колонну.

Сразу же за западным выездом из Шендеровки дорога проходила по короткому мосту через глубокий овраг. По одному-единственному мосту. Весь день по нему шли войска трех ударных колонн прорыва, направлявшиеся на исходные позиции перед атакой. Похоже, что об этом «узком месте» прознал про-

---

[1] Безусловно, имеется в виду 9-мм пистолет-пулемет МР-38/40, за которым в нашем обиходе почему-то закрепилось некорректное наименование «Шмайссер», хотя оружейник Гуго Шмайссер имел лишь косвенное отношение к его конструированию (создал МР-39/40 Генрих Фольмер). Пистолет-пулемет — автоматическое оружие под пистолетный патрон.

[2] Фронтовое прозвище открытого вездехода на колесном ходу — VW Typ 82.

тивник. Сильный обстрел, в том числе из орудий крупного калибра. После этого замешательство, затор, ругань командиров. Несколько позже все более-менее успокоилось, ситуация прояснилась.

Теперь мы, около десяти тысяч человек, находились вместе с оставшимся тяжелым вооружением и многочисленными транспортными средствами, зажатыми на пространстве диаметром едва ли в 7 километров. Такая редкая, неслыханная концентрация войск нервирует командование. На самом же деле скорее можно подозревать обратное. Но провода полевой телефонной связи повсеместно порваны или перебиты, поскольку проложены прямо по земле. Также после передислокаций на телегах многие телефоны пришли в негодность. Офицерам связи для уяснения обстановки требовалось теперь куда больше времени, так что при заторах они лишь с большим трудом могли указать верное направление. Так что очередной неожиданный удар противника не мог быть своевременно парирован. Возможно, такие соображения, помимо прочих мыслей, отягощали размышления генерала и его начальника штаба. Но по выражению их лиц ничего нельзя было понять.

До полуночи остался один час. Теперь уже скоро должен начаться «прорыв любой ценой». С отдельными дивизиями и подчиненным соседним корпусом нет никакой связи. Слышна вялая перестрелка. Вражеская артиллерия ведет нерегулярный беспокоящий огонь, перемежаемый залпами «сталинских орга́нов».

Но и через час нет никакой ясности относительно атаки. Донесения не поступают. С направления удара доносится стрельба из легкого оружия, да на бывших исходных позициях вроде бы усиливается артиллерийский огонь. На правом фланге вспыхивает короткая яростная перестрелка. Что ждет нас впереди? Снова и снова приходит на ум этот вопрос.

Стоявшие между деревьями грузовики трогаются. С этого момента они начинают движение вперед. Меня подзывает к себе начальник штаба и отдает приказ немедленно установить связь с соседним корпусом, после чего доложить ситуацию. Штаб соседей должен быть в поселке Хильки.

3 часа. Я беру с собой только самое необходимое: автомат, полевую сумку с картой, бинокль, призываю в напарники вахмистра, ловкого и изворотливого человека. Скользя по грязи, проталкиваемся между движущимися колоннами в разрушенное село. Мне было совершенно непонятно, откуда взялось такое большое количество транспорта. Очень много самых различных транспортных

средств уже было уничтожено, да и по приказу должно было быть брошено все, кроме самого необходимого. На многих телегах везли только боеприпасы, но много было и пустых, разве что на некоторых лежали раненые. Несмотря на приказ, войска увозили своих раненых товарищей с собой. С болью в сердце нам пришлось оставить неприятелю более тысячи тяжелораненых, уповая на действующие международные конвенции. Вместе с ними остались врачи и санитары. Отбор этих людей был для главного врача корпуса самым трудным в жизни делом. Предпринято все возможное, чтобы сохранить раненым жизнь. Прощание с ними было трудным.

Найти КП соседнего корпуса никак не удавалось. Кого бы мы ни спрашивали, никто ничего не знал. По западной окраине поселка противник ведет сильный артиллерийский огонь. Главная улица полностью запружена войсками. Перемешавшись, они перекрикиваются, пытаясь найти своих. Но плотность потока такова, что все движутся единой колонной. Между ними вереницей двигаются орудия. Едущий за ними верхом лейтенант взволнованно расспрашивает меня о 1-й батарее, куда он должен прибыть. После этого все орудия должны быть взорваны. Местность мне незнакома, и я не знаю, где искать его батарею. Он сообщает мне, что видел многих офицеров того корпуса, который я ищу, едущими верхом на лошадях.

Захожу в несколько переполненных хат. Ворчливые голоса предлагают мне идти своим путем. Во дворе я ненадолго останавливаюсь и всматриваюсь в темноту. В воздухе висит предчувствие беды...

У южной окраины селения улица делает крутой поворот. Подойдя к нему, узнаю мощную фигуру сидящего на лошади начальника штаба корпуса. Докладываюсь ему. Новый КП корпуса перенесен на два километра вперед. По поводу атаки нет никакой ясности. Вскоре пешком нас догоняет генерал Лиеб, вместе с ним бредут адъютанты и несколько солдат. Идет он спокойно, но видно, что здорово устал. Видно и то, что его беспокоит старая рана головы. Он отдает какой-то приказ водителю головного грузовика. На возвышенности дорога расширяется. Поток людей и лошадей, выбравшихся из села, здесь растекается, каждая из колонн направляется в свою сторону. Внезапно справа раздается стрельба. Над головой свистят пули. Крики: «Русские подходят!» В узкой лощине действовать могут лишь несколько человек, остальным здесь не повернуться. Правда, удается установить пулемет. Видно, как сзади к нашей колонне приближаются еще не-

сколько русских солдат. Мы открываем по ним огонь. Генерал Штеммерман, стоя во весь рост, тоже стреляет из автомата. Наша маршевая колонна в мгновение ока рассеивается. Большинство подается на противоположную сторону лощины. Лишь немногие остаются на месте и открывают огонь. Однако красноармейцы также отходят. С их стороны звучит лишь несколько отдельных выстрелов. Мимо проезжает «лоханка». Она притормаживает, и генерал с сопровождающими его людьми садятся в машину. Я вижу их в последний раз.

Мой вахмистр куда-то пропал, дальше я иду один. Колонна снова собирается вместе и идет плотным строем. На выходе из села Хильки к нам присоединяются еще какие-то подразделения, колонна становится плотнее. По дороге встречается много следов боев. Разбитые грузовики, исковерканное взрывом русское противотанковое орудие. И трупы — немцев и русских.

6.30. Тьма ночи рассеивается. Обзор не слишком хороший. Горизонт скрывается в дымке. Да и вообще обзор ограничен, поскольку вся местность состоит только из перемежающихся холмов и низин, так что ничего не видно далее ближайшего холма. На наших картах не показано ничего подобного этой пересеченной местности. И прежде всего на них нет глинистых долин и глубоких оврагов, чьи бездонной глубины грязевые топи не сковывает даже мороз.

Орудийная канонада доносится и с востока, и с запада. Совсем близко справа слышится еще и ружейная перестрелка. Я выхожу к длинному склону оврага. Его дно — сплошная глинистая трясина. В ней застряла целая группа различных транспортных средств. Тягач, радиостанция на грузовике, три грузовика, дюжина телег и одно орудие. Один грузовик горит, испуская жирный черный дым. Мне надо перебраться через кровавые останки убитых лошадей. Откуда-то доносятся крики. Я отчетливо вижу дульное пламя выстрела вражеской противотанковой пушки, обстреливающей высоту неподалеку от меня. Сама русская пушка находилась примерно в километре к востоку по ходу оврага.

С рассветом русские стали сосредотачиваться. Они пришли в себя и уясняли обстановку, пытаясь понять, что происходит. С минуты на минуту должны были заработать их противотанковые пушки и легкие полевые орудия. Так и случилось — в воздухе просвистели осколки первых снарядов. С грохотом орудий смешались пулеметные очереди. Справа и слева от меня земля вздрогнула от разрывов снарядов. Над землей поднимались фонтаны выброшенного в воздух грунта. Более-менее напоминавшая колонну марше-

вая группа тут же превратилась в бесформенное скопище муравьев. «Прорыв любой ценой!» Сзади подходили все новые и новые люди и транспортные средства. Несмотря на обстрел, они даже не пытались найти менее рискованный путь. Задние напирали на передних, все двигались в совершенном беспорядке.

Промежуточная позиция наших групп прорыва должна была быть где-то в непосредственной близости, почему же мы никак до нее не доберемся? Быстрее вперед! Мощь массы людей и транспортных средств нарастала, достигая, как казалось, запредельного уровня. Командиры уже не могли управлять ее движением — просто не было никакой возможности придать этому броску навстречу вражескому огню хоть какую-то организованную форму. Рвущиеся к свободе подразделения и части пешим ходом, верхом, на телегах, облепив самоходные орудия и всевозможные повозки, еще сохранявшие способность передвигаться, совершенно перемешались на этих заснеженных холмах под артиллерийским и минометным огнем противника. Этот мощный поток нельзя было остановить ничем.

Я поспешил подняться по склону холма. Несколько раз пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Неподалеку от меня в группу солдат попал и разорвался русский снаряд. В воздух, крутясь, взлетели руки, ноги, головы... Я перевалил через крутой откос. Почти на самой вершине холма стояла брошенная повозка и валялась убитая лошадь — прямое попадание снаряда. На земле валялось содержимое повозки. Раненого ездового я мог только утешить тем, что груз и так надо было бросить. Он сам перебинтовывал себе ногу.

Краткий снежный заряд и ледяной ветер. Над головой на бреющем полете прошел советский штурмовик. Укрыться от него было совершенно негде. Но его пушки и пулеметы молчали, летчик не решался открывать огонь, поскольку не мог отличить своих от нас.

По верхушке холма ударил огонь противотанковых орудий противника. После первых же разрывов я стал уклоняться влево. Трудно было отрываться от своих товарищей. Мой компас показывал направление на восток. Это длилось недолго, вскоре все стали двигаться в том же направлении. Наши автоматы и карабины молчали, поскольку они ничего не могли сделать против огня вражеской артиллерии, а пехоты врага в поле зрения не было. Земля снова покрылась толстым слоем снега, порой сугробы наметало по колено глубиной. На свежем снегу часто виднелась кровь.

На дне одного из оврагов опять застряли несколько грузовиков. Один полугусеничный грузовик завяз в самом опасном и глубоком месте, словно его водитель был слеп и специально выбрал самый плохой путь. А несколько телег, запряженных лошадьми, благополучно преодолели этот овраг.

Судя по огню, русские вели его со своей новой отсечной позиции. Слева по другую сторону лощины виднеется лесок. Русская артиллерия бьет оттуда. Если я заберу к западу, то попаду под пулеметный огонь. На вершине ближайшего холма виднеется русское штурмовое орудие (САУ), но оно не стреляет. С опушки леса начинает работать русский миномет. Я иду параллельно лесу по косогору. Недалеко разрывается мина.

Из-за глубокого снега очень трудно двигаться, приходится все время высоко поднимать ноги. Впереди узкий, очень глубокий овраг. В нем опять-таки застряли несколько машин. Да упокоятся с миром!

Поросший лесом склон оврага резко поднимается вверх. Перед ним остановилось несколько грузовиков. Они пытаются, двигаясь зигзагом, преодолеть эти несколько метров. Кузова их переполнены раненными в прошедших боях солдатами. Протискиваясь между стволов деревьев, я с трудом выбираюсь наверх. Мне надо беречь силы и непременно двигаться по компасу. Сквозь кроны деревьев, ломая сучья, пролетает несколько снарядов. Но это лишь неприцельный огонь, быстро соображаю я. Когда я забираю вправо, то попадаю под огонь вражеской пехоты. Идти вперед невозможно, поэтому я возвращаюсь в лес. Рядом ведет огонь танк. Глухой резкий лай его орудия оглушает.

Лес постепенно редеет, внезапно я вижу дома — это какая-то деревня (Почапинцы). Несколько русских выбежали на деревенскую улицу. Все наши снова поворачивают к лесу. Несколько храбрецов останавливают их и кричат «Ура!», ближайшие к ним подхватывают крик. «Ура!» звучит все громче и громче. Поскольку из леса показалось на удивление много наших солдат, русские благоразумно исчезают.

На перекрестке деревенских улиц между нескольких разбитых телег кровавая каша из нескольких убитых лошадей. На крыльце крытого черепицей домика, прислонившись к ступеням, сидят раненые солдаты. Конечно, прямое попадание снаряда. Пробираюсь между деревенских домов, перелезаю через забор, бегу вдоль оврага, попадаю на улицу, идущую между двух небольших прудов вдоль длинного косогора, и поднимаюсь по ней. Все поле впереди непрерывно простреливается из пулеметов. Треск оче-

редей порой перекрывает рявканье орудий. Рвутся выпущенные из минометов мины. Вражеский огонь с трех сторон — надо быстрее уносить ноги!

Прямое попадание снаряда в группу людей справа от меня. Дым разрыва быстро рассеивается. Немногие оставшиеся в живых от боли кричат во весь голос. Телегу, двигавшуюся вслед за этой группой, новый разрыв снаряда подбрасывает на метр в воздух. Снова крики оставшихся в живых. Русские на позициях перед нами спешно окапываются. Взрывная волна от разорвавшегося неподалеку от меня снаряда буквально выбивает из моих легких воздух и валит с ног. Пока лежу на земле, еще пара комьев земли бьют меня в поясницу. Пересохшим ртом жадно хватаю снег. Преодолевая страх, поднимаюсь с земли прямо под пулеметным огнем — укрыться негде. Справа от меня бредут, шатаясь и качаясь, оставшиеся в живых. Если кто-то из них падает, ему уже все становится безразлично.

На окраине села (часть поселка Почапинцы) становится потише. Но на деревенской улице внезапно появляется советский танк. Он не стреляет, но давит гусеницами все, что попадается ему по пути. Я пробираюсь через небольшой садик, затем, минуя замерзшую пашню, углубляюсь в узкую лесополосу. Повсюду валяется оружие, брошенное обессилевшими людьми. На опушке леска я собираю несколько солдат из самых различных частей. Теперь все мы становимся пехотинцами.

Несколько минут я потратил на то, чтобы точно сориентироваться по карте и компасу. Мы слишком уклонились к юго-востоку. Поэтому принимаю решение — по следующей широкой низине двигаться в западном направлении. Мы уже видели эту низину, когда из снегопада вдруг появились всадники, числом более сотни. Неужели это русская кавалерия? Такое вполне возможно. Тогда надо где-то скрыться? Тем временем несколько всадников направились к нам. Даже в полевой бинокль невозможно было опознать их, однако большинство двинулись своим путем. Когда всадники приблизились к нам, стало понятно, что это севшие на коней германские артиллеристы.

В широкой низине собрались отставшие. Даже с соседней возвышенности еще ничего невозможно разглядеть. Но Лысянка должна находиться от нас километрах в пяти. Наши совершенно точно удерживают этот поселок.

Обзор становится все хуже и хуже. Впереди снова слышна скупая перестрелка. К нам подходят все новые и новые группы отставших. Людской поток становится шире и длиннее.

Сразу за полосой кустарника мы попадаем в глубокий, по колено, пласт мягкого серого ила. Люди бредут по нему, качаясь и с трудом вытягивая ноги. Я прикидываю — здесь собралось несколько тысяч человек. Поверх голов пролетают снаряды вражеских танков, рвутся минометные мины. Справа доносится треск пулеметных очередей. Масса людей остановилась перед какой-то рекой. Ширина ее около 20 метров, но течение сильное, порой по ней проплывают льдины (Гнилой Тикич).

Все хотели перебраться на противоположную сторону, чтобы спастись от вражеского огня. Впереди стоявшие люди толпами прыгали в воду. Многие тут же тонули. На противоположном берегу сумевшие преодолеть эту водную преграду поднимались по крутому откосу. Картина ужасала. Течение тащило, крутя, туши мертвых лошадей. Несколько грузовиков, из которых пытались сделать импровизированный мост, ушли на глубину, из воды виднелись только задние борта. Никакого брода нет. В одном месте несколько солдат попытались преодолеть поток ползком по тонкому льду. Я вижу, как под двумя из них лед проламывается и они уходят под воду, а пролом тут же скрывают принесенные рекой льдины. Другие снимают одежду, пытаются вместе с оружием перебросить ее, по большей мере тщетно, на противоположный берег и бросаются в воду. Те, кому удается добраться до противоположного берега, двигаются дальше. Вражеский огонь усиливается. Теперь уже и слева слышатся выстрелы из винтовок. Раненые кричат во весь голос, умоляя взять их с собой. Но соорудить что-нибудь в такой сумятице совершенно немыслимо.

Я пытаюсь выбраться из этой людской массы. Совсем недалеко от меня разорвавшийся снаряд поднимает в воздух людей и обломки какого-то настила. Вражеские танки могут быть совсем близко. Но, находясь между тростником и кустарником, я их не вижу. Решаю пуститься через поток вплавь. Повесил автомат на шею, забросил полевую сумку на спину. На противоположном берегу предварительно высмотрел спускающийся в воду кустарник, за который можно зацепиться и выбраться, рассчитал снос, поднялся выше по течению и в полном обмундировании медленно вошел в ледяную воду. Сделав несколько сильных гребков, перебрался на другой берег. У меня за спиной раздавались сильные всплески. Несколько человек последовали моему примеру, но пошли на дно, поскольку не умели как следует плавать. Одного я все же успел ухватить за руку и помог ему выбраться на берег.

На другом берегу вражеский пулеметчик, засевший в узкой лесополосе, бьет по береговому откосу очередями. Многие из

преодолевших водную преграду погибают уже здесь. С болью в сердце я вижу, что некоторые солдаты только ранены, но в одиночку помочь им я ничем не могу. Остается только убедить себя в этом...

Ветер бьет в спину, время от времени неся с собой снежные заряды. Какой-то обессилевший солдат провожает меня остекленевшим взглядом. Его поднятая левая рука медленно опускается. Многие из переплывших на этот берег побросали свои камуфляжные куртки, и они теперь замерзли бесформенными комками, как намокшая бумага на морозе. Да и моя собственная куртка задубела на ветру и морозе и трещит при каждом шаге. В сапогах хлюпает ледяная вода. Я начинаю замерзать. Только вперед и не останавливаться!

Шум боя становится все тише. Впереди наконец-то появляются деревенские хаты — это Лысянка. Еще несколько десятков метров вдоль излучины реки, затем преодолеваю пару болотистых мест. Двое солдат, бредущих впереди меня, поддерживают под руки своего более старого товарища, едва переставляющего ноги от переутомления. Перебраться через небольшую траншею мне помогает первый солдат группы прорыва. И вот мы в селе.

Многие радуются, но без особых восторгов. Порой слышны слова: «Мы все-таки сделали это», но говорящие их не могут не думать о своих товарищах, судьба которых неизвестна.

Дрожа от холода, я вхожу в помещение какого-то КП. О моем штабе у них нет никаких известий. Чтобы согреться, присаживаюсь на пол у большой печи.

Постепенно мы собираемся. До сборного пункта частей, вышедших из Черкасс, нам предстоит еще долгий и тяжелый марш сквозь ледяной ветер, стужу и метель. Длинные колонны уходят вдаль. Многие смогли пробиться сквозь огонь врага, воду и стужу. Но многих уже нет...»

Военнослужащий танковой дивизии СС «Викинг» (частично состояла из добровольцев стран Северной Европы (датчан, норвежцев, финнов), а также голландцев, бельгийцев и др. — *Ред.*) вспоминает:

«Зажатые на крошечном пространстве, мы ждали приказа на прорыв из котла.

16 февраля. На землю лег снег, превратив все пространство вокруг в бесконечный грязный саван... В полдень мы узнали, что сегодня ночью в 23.00 мы двинемся на прорыв.

Говорим вполголоса. Каждый погружен в свои собственные мысли... Все разговоры вертятся только вокруг прорыва. Удастся ли он? Паули, наш признанный остряк, пытается поднять настроение вымученной шуткой: «Ладно, пошли — пора писать завещание...»

Вечером над нашими головами внезапно раздался рокот самолетного мотора — но не обычной русской «кофемолки» или «швейной машинки». Кто-то догадался: «Да это же немецкий самолет. Будет сбрасывать снаряжение!» На какой-то момент нами всеми овладело чувство, что нас еще не совсем забыли и не списали в расход. Одна за другой машины над нашими головами переходили в пикирование, столбы света их прожекторов, словно призраки, скользили по выпавшему снегу. Снова наступила тишина, а потом поступил столь долгожданный приказ: «По машинам!» (артиллерийским тягачам).

На огневой позиции 7-й батареи краткая остановка. В эту ночь резко похолодало, и с каждым часом мороз все крепчал. Кожа моих сапог при каждом шаге издавала треск. Избежать обморожения было почти невозможно. Перед нами на мосту застрял танк. Все движение остановилось. На время остановки мы завели машину в какой-то сарай, сами сбились в кучу в углу, пытаясь согреться и поспать. Но там было так же холодно, поэтому вздремнуть никому не удалось. Вскоре пришлось выбираться наружу и — снова под обстрел иванов...[1*]

17 февраля. Около 2.00 снова раздался приказ: «По машинам!», и мы вместе с нашими тягачами медленно выдвинулись на единственную деревенскую улицу. Здесь царила полная неразбериха. Несмотря на строгий приказ следовать только на вездеходных и самых необходимых транспортных средствах, в общем потоке двигались подводы, автобусы, легковушки, тягачи и «лоханки». Нам с нашими тягачами приходится едва ли не силой вклиниваться в этот поток. Часто останавливаясь, вся эта масса рывками проходила несколько метров и опять замирала. Улица была так забита, что обычный пешеход мог бы спокойным шагом обогнать эту колонну. Мы прикинули ситуацию — она бесперспективна. Вокруг бегали и ругались офицеры, но это, естественно, ничуть не помогало движению. Я возвратился к своему тягачу и кое-как пристроился на ящиках и коробках. Скоро усталость так одолела меня, что я впал в полузабытье и начал клевать носом. Даже стрекот русской «швейной машинки» над головой не мог мне помешать, но

[1*] Распространенное солдатское прозвище русских.

тут внезапно два мощных разрыва вырвали меня из дремы. Комья земли и камни барабанят по крыше и бортам тягача. Через несколько секунд раздается еще один взрыв. Я выбрался наружу. Нам «повезло», бомбы упали немного впереди и позади нас, разнеся одну телегу. На земле билась, истекая кровью, раненая лошадь. Такая же судьба постигла легковушку и небольшой тягач. Санитары переносили раненых в деревенскую избу, спешно перевязывали их там и в конце концов погрузили в какой-то грузовик. Мороз с каждым часом крепчал.

До рассвета мы продвинулись вперед едва ли на километр. Едва рассвело, как над нами снова стали кружить два русских самолета-разведчика. Выбравшись из тягача, мы прошли пешком до того места, откуда ясно была видна вся понижающаяся лощина, поперек которой шла улица. Стал виден поврежденный мост, по которому очень осторожно продвигались одна машина за другой. Чтобы всем преодолеть это препятствие такими темпами, потребуется уйма времени. За мостом, на полого поднимающемся склоне, были видны две бесконечные колонны пехоты, которые, то и дело поднимаясь в атаку, пытались овладеть высотой, несмотря на сильный артиллерийский огонь неприятеля. Если бы мы были сейчас там, наверху!

Чтобы избежать вражеского обстрела на мосту, мы приняли влево от улицы и, буксуя в глубоком снегу, продвинулись через поле до отрезка ручья, который еще не был под обстрелом. Однако, едва ручей остался метрах в двухстах позади нас, как на его берегу тоже разорвался снаряд. Мы быстро въехали по пологому склону, покрыв около двух километров. Даже не представляю, сколько раз на этом пути мы завязали в снегу, но все же выбирались из него, буксуя. Наконец, наверху мы остановились и перевели дух. Позади нас все так же вилась длинная войсковая колонна, продвигавшаяся по деревенской улице.

Впереди нас стала различима деревня, судя по карте, это должны были быть Хильки. В четырех километрах за ней находились позиции противника, запиравшие котел. Следовательно, нам предстояло миновать Хильки и пробиваться к первым деблокирующим германским частям...

Вправо уходила узкая протоптанная тропа, ведшая к оврагу, на дне которого мы рассмотрели сносную дорогу. Многочисленные следы ног свидетельствовали о том, что здесь до нас прошло множество людей. Чтобы избежать возможного русского обстрела, мы повернули направо. Однако, когда мы прошли менее 100 метров, у одного моего товарища возникли сомнения, в самом ли деле этот

путь столь безопасен и спокоен. После короткого, но бурного обмена мнениями — некоторые все же хотели продолжать движение в этом направлении — мы вдвоем с товарищем вернулись на широкую дорогу. О судьбе других мне ничего не известно по сию пору.

Наконец мы добрались до деревни Хильки. Здесь воздух был напоен опасностью, никто не знал, куда надо идти. Кто-то метнулся в одну сторону, кто-то в другую, но русских нигде не было видно. Последние наши танки и тягачи, которые добрались до этого места, стояли разбитые, взорванные и сожженные. Нам предстояло двигаться вперед, через пологую возвышенность. На несколько минут мы остановились, чтобы набраться сил. Но тут пулеметная очередь заставила нас броситься лицом в снег. К счастью, все пули угодили в брюхо уже павшей лошади, туша которой валялась неподалеку. Но мы все же постарались как можно быстрее ползком укрыться в небольшой канаве. Сзади подходили все новые и новые солдаты, но идти через высоту не отваживался никто. Нами овладевало чрезвычайное беспокойство.

Мы осторожно выдвинулись на округлый гребень высоты... так и есть! Два Т-34 стояли на дороге и перекрывали нам путь — путь к свободе! Наконец, один раненый оберштурмфюрер из дивизии «Викинг» взял командование на себя. Все собирались вокруг него, а затем по команде в едином броске, размахивая оружием и с криками «Ура!» рванули вперед прямо на танки. Орудия и пулеметы тридцатьчетверок открывают огонь прямо по нас, но отчаяние заставляет нас бежать вперед. Я видел, как командир одного из двух танков, высунувшись из люка башни, отдавал какой-то приказ своим подчиненным. Однако никто из наших в него не стрелял, ни у кого не было на это времени, каждый желал только одного: как можно быстрее прорваться — к свободе!

Мы уже приблизились к танкам метров на сто, но русские все еще вели огонь по нашим рвущимся вперед рядам. И тут произошло такое, что мы не могли поверить своим глазам. Внезапно командир танка скрылся в башне, моторы обоих танков взревели, раздался лязг гусениц.

Оба Т-34 отступали!

Прежние озлобленные крики «Ура!» звучали теперь уже облегченно — путь свободен! По-видимому, отчаянный бросок такой массы испугал даже русских, хотя у нас не было никакого другого оружия, кроме пистолетов и карабинов.

И все же столь желанная свобода длится не так долго: снова слышится гул танкового мотора — третий Т-34, до сих пор неразличимый в тумане, движется прямо на нас. Все мчатся вперед,

чтобы выйти из зоны его обстрела... Метрах в двухстах за моей спиной он врезался в нашу колонну и принялся вминать своими гусеницами в почву всех, кто попался ему на пути.

Мы брели вперед через бесконечные сугробы, перебирались через старые траншеи и многочисленные трупы русских, оставшиеся после уже отгремевшего боя в месте прорыва. Наша колонна растянулась теперь насколько хватает взгляда — цепь темных силуэтов, без начала и без конца, среди бесконечной ледяной пустыни.

Снова появились русские танки, на этот раз шесть машин. Мы рассыпались цепью, стараясь держаться как можно дальше друг от друга, чтобы не представлять для них заманчивую цель, затем попытались найти укрытие в мертвой зоне у подножия холма, и хотя нам удалось в данный момент это сделать, но приходилось часто бросаться в снег. Справа от нас снаряд попал в группу наших товарищей.

Снова двинулись дальше. Тут и там наши спутники пытались утолить жажду снегом. Верные своему принципу «держаться подальше от больших толп», мы снова ушли в сторону по балке, которая так узка, что нас здесь вряд ли может поджидать новая неожиданность. Теперь мы начали чувствовать усталость. Судороги в бедренных и икроножных мышцах время от времени не давали мне возможности сделать и шагу. Молоденький ефрейтор предлагает мне: «Господин фельдфебель, может быть, пойдем дальше вместе?» Почему бы и нет. Он и его товарищ подхватили с боков меня под руки. «Ребята, только не присаживаться!» — «Но вы же не можете идти!» — «Ладно, — машу я рукой, — отдохнем пару минут и пойдем дальше».

После краткого привала снова пустились в путь. Этот отдых придал нам новых сил. В узкой балке широкой колонне пришлось сжаться, в ней перемешались солдаты самых различных частей. Нами снова овладело неудержимое стремление двигаться вперед. При каждом новом выстреле с неизвестных вражеских позиций все издавали буйное «Ура!», словно желая приободрить самих себя. Но как раз в данном случае это было в корне неверно, поскольку мы могли тем самым привлечь к себе внимание русских. И последствия не заставили себя ждать. На лесной просеке враг накрыл нас пулеметным огнем и реактивными минами «сталинских орга́нов», так что мы не могли поднять головы из снега. И снова крики «Ура!»...

С громадным трудом мне удалось все-таки вырваться из этого дьявольского котла. А дальше — снова подъемы, спуски, напрямик

через поле, не разбирая дороги, все время держа направление на запад. По-прежнему нигде не видно признаков наших деблокирующих частей. Звуки боя постепенно затихали, только время от времени высоко над нашими головами проносилась пулеметная очередь.

Внезапно дорогу нам преградил довольно широкий водный поток. Нигде не было видно моста. Многочисленные воронки от снарядов по обоим его берегам, трупы солдат, мертвые и раненые лошади, порой до половины лежащие в воде, а также разбитые телеги — все это ясно указывало на то, что эта местность недавно подверглась артобстрелу и в любой момент может снова оказаться под огнем. Ну и что нам оставалось делать? Бросаться в ледяной поток и плыть на тот берег? Но там мы не сможем просушить наше обмундирование, и оно замерзнет прямо у нас на теле! Однако некоторые, не раздумывая, бросились в воду. Мы все же прошлись по берегу в надежде отыскать какой-нибудь переход. Ничего не найдя, мы уже почти сдались и стали готовиться к заплыву, как вдруг заметили вдалеке наскоро сколоченный жидкий мостик. Здесь тоже берег, весь в воронках от разрывов снарядов, был усеян трупами людей и лошадей и разбитыми повозками. Один за другим, осторожно балансируя, мы перебрались на другой берег. Сразу у противоположного конца моста стоял, воткнутый черенком в песок, черпак полевой кухни. Каждый из нас брал его, черпал воду из реки, утолял таким образом жажду и снова втыкал его в песок для новых подходящих товарищей. Пил из черпака и я, кровь в воде ничуть меня не смущала. Если бы только еще не тащиться куда-то! Но самое плохое, похоже, осталось у нас позади.

Далеко впереди, на самом горизонте, я вдруг замечаю два небольших пятнышка, двигающихся взад и вперед. Это, вероятно, передовые дозоры деблокирующей группировки. Мы едва ли могли надеяться на такую удачу.

Во время следующего перехода я заметил раненого солдата, лежавшего рядом с тропой. «Пошли, нечего тут валяться, надо топать к своим», — сказал я ему. Лицо солдата было все в крови. «Я только передохну немного», — простонал он в ответ. Но этот отдых совсем недалеко от нашей цели вполне мог обернуться для него вечным покоем. Надо было взять раненого с собой, иначе ему конец. Я подозвал к себе шедших за мной солдат: «Давайте прихватим его с собой, нечего ему тут валяться!» Не говоря ни слова, солдаты подошли ко мне, и мы подняли раненого с земли. Наш темп движения сразу же резко замедлился, но раненый все

равно не переставал стонать: «Бросьте меня, я больше не могу». Но после хорошего внушения он все же постарался собрать последние силы. Но тут вдруг, как посланник небес, перед нами появился всадник. Это был хиви[1*], который как раз был послан спасать подходящих солдат. Он тут же по своей воле спешился, а мы посадили раненого на коня и повели его под уздцы, что сразу позволило нам идти быстрее. Счастливый и благодарный судьбе раненый качался в седле, крепко держась за гриву коня. Через несколько километров мы встретили группу солдат, стоявших вокруг лежавшего в снегу фельдфебеля, тяжело раненного в бедро, — они не знали, как его транспортировать дальше. И тут наш раненый, который сам еле держался в седле, сказал: «Давайте я спешусь, мне уже лучше, а фельдфебеля мы положим в седло» — и с трудом сполз на землю.

А потом мы все же добрались до наших позиций! Наши догадки оказались явью, обе фигуры на горизонте были дозорными деблокирующей группировки. Те якобы 5 километров, которые мы должны были с боем преодолеть, обернулись расстоянием от 25 до 30 километров, но мы их уже преодолели и теперь глубоко вдыхали воздух свободы. Хотя нас ждали впереди еще многие трудности, но от врага мы все же ускользнули.

Перед нами в лучах солнца расстилалась заснеженная Лысянка. Вскоре на ее окраине приземлился санитарный «Юнкерс» и вывез тяжелораненых. Доставив обоих наших раненых на развернутые здесь перевязочные пункты, мы позволили себе сделать в Лысянке краткую передышку. Когда мы подошли к одной из убогих мазанок, оттуда как раз вышла другая группа солдат. Внутри хаты на столе валялось несколько кусков хлеба, на земляном полу стояло ведро с водой, а я достал из своего ранца банку рыбных консервов, чтобы спокойно перекусить. От холода содержимое банки почти замерзло, но мы нашли его превосходным, не идущим ни в какое сравнение со всем тем, чем нам приходилось лакомиться ранее, хотя на долю каждого и пришлось всего по паре небольших кусочков.

Мы уже восемь часов были в пути, но и сейчас все еще не достигли цели. Из котла выходили тысячи солдат, и, конечно, все они не могли остановиться в этом не таком уж большом селении. Лишь раненые могли рассчитывать на ночлег под крышей. Так что мы снова двинулись пешком в следующее село — в

[1*] Хиви — солдатское прозвище русских добровольцев на службе германской армии.

восьми километрах от Лысянки. Уже начинало темнеть, когда мы наконец добрались до него. Но все пригодные для ночлега места были настолько забиты пришедшими до нас людьми, что втиснуться хотя бы одному человеку нечего было и мечтать. И что теперь? Снова куда-то брести? Но тут на самой окраине села мы отыскали какой-то насквозь продуваемый ветром дощатый сарай. И хотя в него до нас уже набилось немало народу, а во все щели между досками свистел ветер, все же это было лучше, чем ночевать где-то в снегу.

Лишь теперь я в полной мере ощутил, как же мы устали. Мы просто рухнули и втиснулись между уже спящими, не обращая никакого внимания на их яростные протесты.

Оказавшись в покое, мои ноги начали так болеть, что я, уже впавший от изнеможения в полусон, от боли несколько раз просыпался...»

Леон Дегрель, новый командир штурмовой бригады СС «Валлония», записал[1*]:

«Я был вызван к генералу Гилле[2*] (16 февраля). Все высшие офицеры из сектора Шендеровки также присутствовали на совещании. Длинных речей не было. «Только еще одно чрезвычайное усилие может нас спасти. Дальнейшее ожидание помощи извне бесполезно. Рано утром в пять часов 50 тысяч человек, окруженные в котле, пойдут на прорыв любой ценой в направлении на юго-запад. Прорыв или смерть. Ничего другого не дано. Сегодня вечером в 23.00 начнется движение войск», — только и сказал генерал.

Оба командующих армейскими корпусами и генерал Гилле весьма тщательно уклонились от описания сложившегося положения. По их данным, нас отделяли от деблокирующих сил только пять с половиной километров. На такое расстояние, по их словам, деблокирующая группа приблизилась за последний переход. На следующее утро они якобы предполагали продвинуться еще больше вперед. Если мы, 50 тысяч человек, своевременно нанесем удар, то враг не сможет его отразить.

Все офицеры и солдаты испытали нервный подъем. Надежда озарила нас, как вспышка молнии. Мы вернулись к своим людям, с тем чтобы поделиться с ними нашим воодушевлением относительно предстоящего прорыва.

[1*] Сокращенное извлечение из книги бельгийского нациста-добровольца Дегреля «Потерянный легион».

[2*] Командир танковой дивизии СС «Викинг».

Приказы, полученные штурмовой бригадой СС «Валлония», оказалось не так-то просто выполнить. Мы должны были в качестве арьергарда до последнего мгновения удерживать село Новая Буда. В 23.00 всех легкораненых, которые могли передвигаться самостоятельно, следовало отправить маршевой колонной на юго-запад. В 1.00 ночи валлонская пехота из состава бригады должна была начать отступление в направлении с востока на запад. Но до 4.00 утра 17 февраля мы должны были непременно удерживать наши позиции у Новой Буды. К этому часу 10 тысяч человек, сосредоточенные в низине, должны были быть в 3 километрах юго-западнее Шендеровки. И только тогда мы должны были начать отвод нашего арьергарда, который неприятель до последней минуты держал бы под ожесточенным обстрелом. Во время марша бригада должна была перестроиться и занять место во главе колонны, при этом она становилась авангардом соединений и частей прорыва.

В нашем положении любое действие было лучше, чем бездействие. Люди понимали, что они, оставаясь на месте, будут обречены. Наши солдаты просто не могли этого переносить. Они страдали от голода, едва стояли на ногах от усталости, мучились страхом. Сообщение, что следующим утром мы пойдем на прорыв, принесло всем им небывалый внутренний подъем. Даже самые обессилевшие вновь обрели волю к жизни. Снова и снова мы повторяли одни и те же слова: «Завтра мы обретем свободу! Будем свободными! Свободными!» Так или иначе, но котел под Черкассами завершит свое существование.

Как только над долиной опустились сумерки, германские колонны двинулись маршем на юго-запад. Их путь проходил через село Шендеровка и затем по мосту. За мостом простиралась голая степь до двух деревенек, которые находились к югу и западу в трех километрах друг от друга. Эти две деревни были заняты нами в тяжелых боях. Западнее должны были быть сконцентрированы все транспортные средства для дневного прорыва.

К 21.00 в Шендеровке царила невообразимая неразбериха. В это время я начал планомерно отводить подразделение за подразделением своей бригады в Новую Буду. Если мы не удержим наши арьергардные позиции, то все части в Шендеровке будут обречены.

На холмах блеснули огни начавшегося сражения.

Около 23.00 я попытался пробраться через Шендеровку, чтобы облегчить вывоз раненых моей бригады и проверить, осуществлены ли все необходимые мероприятия для встречи наших лю-

дей к наступлению. Через 50 метров мне пришлось бросить наш последний вездеход. Огромная колонна заполнила всю ложбину и деревню. Грузовики и всевозможные транспортные средства тщетно пытались, двигаясь по четыре и по пять в ряд, пробиться сквозь заторы и следовать дальше. Я протиснулся к телегам с нашими ранеными и предложил всем, кто мог передвигаться на своих двоих, попытаться следовать дальше навстречу судьбе пешком. Собрав таким образом около 50 человек, я пробрался с ними между грузовиками и вездеходами. Нашим глазам представилось страшное зрелище.

Неприятель наступал с севера и со своими танками и артиллерией уже подошел близко к Шендеровке. В 22.00 советские батареи накрыли своим огнем центр села. Объятые пламенем дома превратили ночь в день, освещая продвигавшиеся по селу войска. Теперь советские корректировщики артиллерийского огня получили прекрасные ориентиры. Снаряды их орудий, выпущенные прямой наводкой, рвались прямо в гуще громадной колонны. Залпы «сталинских орга́нов» накрывали реактивными снарядами потоки транспортных средств различных видов. От раскаленных осколков вспыхивали автоцистерны с горючим. На всем протяжении узкой деревенской улицы горели грузовики. Буквально каждую секунду приходилось бросаться в снег, спасаясь от осколков разрывавшихся снарядов. Между горящими грузовиками бились в снегу раненые лошади. Рядом с ними, освещаемые огнем пожарищ, грудами лежали, на животе или на спине, раненые солдаты. Некоторые из них еще пытались куда-то ползти, другие, потеряв всякую надежду на помощь и спасение, лишь стонали, корчась от невыносимой боли.

Между исковерканными остатками горящих грузовиков двигаться дальше было почти невозможно. Лишь с громадным трудом пехотинцы продвигались вперед под вражеским огнем, среди пылающих грузовиков, мертвых товарищей и разорванных снарядами лошадей. Напрасно пытались куда-то проехать автомобили. Лишь нескольким тяжелым грузовикам, безжалостно давя раненых лошадей, удалось выбраться из этого ада. Все отчаянные усилия остальных пропадали даром, лишь увеличивая сумятицу на фоне рева моторов, взрывов снарядов, криков и призывов о помощи.

Наконец нам стала ясна причина этого ужасного столпотворения. Все воинские части, выходя из Шендеровки, должны были, чтобы пересечь овраг, пройти по построенному через него мосту. Во время движения по этому мосту тяжелого германского танка

он был подбит снарядом и остановился, остановив все движение на юго-запад. Когда мы увидели этого монстра в хаосе балок и досок, то подумали, что все пропало. Сам мост был взорван русскими перед тем, как их выбили из Шендеровки два дня тому назад, но быстро восстановлен нашими саперами. Легкие танки уже вышли из Шендеровки. Затем по мосту без всяких происшествий проследовал один тяжелый танк. Но второй тяжелый танк был подбит русской артиллерией, и в одну минуту эта стальная махина весом более 40 тысяч килограммов (очевидно, Pz V «Пантера», масса 45 тонн. — *Ред.*), остановившись на мосту, перекрыла его и свела на нет двухдневный труд саперов.

Было светло, как днем. Пехотинцы и легкораненые тянулись узкой змейкой, обходя несчастливый танк. С вершины холма открывался вид на Шендеровку, кровавые сполохи огня играли на искристо-белом снегу. К небу возносились стоны и крики из сотен глоток...

Когда наши раненые перебрались через мост, я вручил их заботам нашего врача, приказав ему следовать с ними вперед, где в 3 километрах должны были находиться первые части, изготовившиеся к прорыву. Они побрели через голую степь, туда, где тьма ночи не рассеивалась пламенем горящих грузовиков.

В такой чреватой гибелью ситуации нашим саперам все же удалось после отчаянных двухчасовых усилий столкнуть танк с моста и перекрыть зияющую в помосте дыру толстыми брусьями. Под непрекращающимся сильнейшим обстрелом движение по мосту продолжилось.

Солдаты шли и шли мимо убитых и умирающих. Они были готовы топтать своими сапогами все, лишь бы выйти из этого ада. Они хотели жить.

Далеко на северо-западе на обледенелой высоте у Новой Буды наши валлоны из состава бригады точно выполняли приказ обороняться и все еще вели огонь по наступавшим. Они видели огни вокруг остановившейся и перемолотой колонны в Шендеровке. До них долетал нескончаемый крик тысяч солдат, гонимых вперед снарядами и пулями.

В ночь на 17 февраля между 1.00 и 5.00 подразделения нашей бригады одно за другим начали отходить. Темные тени тихо скользили по снегу в темноте ночи. Они направлялись к небольшой складке местности на юго-востоке, у которой должны были собраться вместе. Им не нужно было искать туда дорогу. Вздымающиеся в небо факелы пожаров горящей деревни освещали им путь. Идя к месту сбора, они проходили мимо горящих гру-

зовиков, убитых лошадей и мертвых солдат, лежащих в самых немыслимых позах.

Всю ночь шли сквозь деревню небольшие быстрые группы валлонов.

Но наш арьергард продолжал выполнять свою задачу у Новой Буды. Ведя огонь неслыханной интенсивности, они прижали противника к земле и прочно удерживали высоту. В 5.00 они приступили к выполнению последней части плана и объединились с последним заслоном дивизии «Викинг» у северной окраины Шендеровки. Затем вслед за последними грузовиками они миновали наскоро залатанный мост и двинулись на юг.

Колонна грузовиков и телег, растянувшаяся на два километра в длину при ширине около 50 метров, подошла почти вплотную к передовой. Я встал на патронный ящик и собрал вокруг себя моих валлонов, которые, несмотря на все передряги, еще могли сражаться.

В неописуемом беспорядке сгрудились вокруг солдаты и повозки. Взошедшее через несколько минут солнце осветило своими первыми лучами начинающегося дня этот хаос танков, грузовиков, запряженных лошадьми телег, солдат из различных батальонов, украинских беженцев и советских военнопленных. Внезапно в центр этой мешанины ударил снаряд. Затем десяток снарядов. И еще несколько. Вражеские танки и орудия овладели высотой у Шендеровки, находившейся у нас за спиной. Мы представляли для них отличную цель.

Последние двадцать германских танков, чтобы не быть сосредоточенной целью, рванули из колонны в разные стороны, давя гусеницами все, что оказалось у них на пути. Их примеру последовали и водители грузовиков, и погонщики лошадей. Верховые лошади бросились врассыпную. Другие, чьи ноги были раздавлены танками, пронзительно ржали. Над снегом и землей свистели осколки снарядов...

Штурмовая бригада «Валлония» получила приказ — к началу дневной атаки перейти в головную часть колонны, чтобы участвовать в решающем прорыве.

Спасение или смерть!

Сквозь достойный эпического описания беспорядок, вызванный советскими танками среди последних тысяч германских повозок и грузовиков, мы быстро протолкались на юго-запад. Шум у нас за спиной буквально раздирал уши. Шендеровка была занята врагом не далее как час тому назад, русские уже выходили из села, наступая нам на пятки. Их танки тоже следовали сюда

для решительного боя с нами. Нашими последними боеспособными танками решено было пожертвовать для отражения этого удара... Они прогрохотали своими гусеницами по снегу сквозь хаос нашего отхода. Обратно не вернулся никто — ни один человек и ни один танк. Чтобы выиграть один час времени, который дал возможность спастись нескольким тысячам солдат, эти танкисты погибли все до последнего человека южнее Шендеровки утром 17 февраля. Под прикрытием этого танкового заслона идущие на прорыв уходили все дальше на юго-запад. Начался снегопад, крупные хлопья кружились в воздухе. Плотный снег предвещал спасение, поскольку скрывал нас от взора врага. В ясную погоду вражеская авиация быстро бы уничтожила нас всех. Скрытые падающим снегом, мы двигались вперед настолько быстро, как только могли. Коридоры для движения, свободные от сил неприятеля, были очень узкими. Наши передовые части расчистили от врага лишь участки шириной в считаные сотни метров. Местность представляла собой чередование холмов и низин. Спустившись с одного холма, мы через несколько сот метров поднимались на следующий. В низинах — ужасающая мешанина разбитых грузовиков, телег и десятков мертвых солдат на покрасневшем от их крови снегу. Вражеские орудия держат свободные проходы под постоянным обстрелом. Мы спотыкаемся об истекающих кровью раненых и шагаем по мертвым телам.

Едва мы выходим из одной низины, как по нас открывают огонь с обеих сторон вражеские снайперы. То один, то другой из наших солдат вдруг вскрикивает, падает в снег на колени и прижимает руки к животу. Вскоре снег уже усеян телами умирающих. Минут пять еще можно различить их лица и пряди волос. Проходит еще десять минут — и это уже груды заснеженных мертвых тел, о которые спотыкаются еще живые.

Тем не менее колонна сохраняла известный порядок. В это мгновение мимо хвоста колонны пронеслась волна советских танков, которые своими гусеницами прошлись по замыкающей повозке, раздавив ее погонщика, раненых и лошадей. Нам все же удалось переправить в голову колонны легкораненых и спасти от танков несколько повозок.

Пройдя мимо небольшой рощицы, мы снова спустились в низину. Но едва мы стали подниматься на следующий пригорок, как заметили у себя за спиной несколько сотен всадников, спускающихся по склону расположенного к юго-западу холма. Поднеся к глазам бинокль, я по их форме точно установил, что это

были казаки. Они пустились в дикую погоню за нашим арьергардом.

Над нами словно висело какое-то проклятие. Советская пехота вела по нас огонь, русские танки преследовали, а теперь еще и казаки устроили на нас охоту. Когда же, наконец, ну когда же появятся танки деблокирующей группировки, которые должны идти навстречу нам с юго-запада... Мы прошли уже больше десяти километров, а их все не было видно. Мы обречены идти и идти.

В суматохе перестрелок и бросков нам все же удалось вовремя добраться до небольшого леска, через который мы рассчитывали с наступлением темноты выйти близко к Лысянке.

В трехстах метрах от нас на улице Лысянки стволы танковых орудий были все еще развернуты на северо-запад, туда, где находился второй большой участок прорыва. Там тоже осуществлялся массированный прорыв. В течение нескольких часов он оттягивал на себя силы советских танков и пехоты. Это нас и спасло.

Наступала ночь. Крупные хлопья снега, опускаясь, медленно кружили в воздухе. Из глубины степи до нас доносились душераздирающие крики раненых о помощи. Но все эти призывы оставались без ответа...

В то время, пока мы ожидали наступления темноты для атаки, все прорвавшиеся солдаты, нашедшие убежище в нашем леске, были разбиты по воинским званиям. Были задействованы все рода войск, а также многочисленные украинские беженцы (предатели, сотрудничавшие с оккупантами. — *Ред.*), ушедшие с нами при приближении Красной армии. С самого утра у нас во рту не было ничего, кроме пары горстей снега. Но снег лишь еще больше усиливал нашу жажду. Наших раненых бил озноб. Мы сбились в плотную кучу, чтобы хоть немного их согреть. Но сильнее всего нас изнуряли нетерпение и страх, с которыми мы ожидали окончания этого ужасного дня. Лишь когда вражеские танки на вершине холма и на улице Лысянки не могли более различать нас в темноте, мы смогли покинуть спасительный лесок.

В половине шестого вечера мы в строгом порядке двинулись в путь. С высоты, которая скрывала нас от советских танкистов, с холмов и из низин, которые мы пересекали утром, до нас доносился непрерывный зов о помощи, особенно хорошо слышный в эту морозную ночь... Но мы замкнули свои сердца для этих раздиравших наши души звуков и двигались навстречу нашему освобождению. По узкой тропе мы шли вдоль опушки леса. Ночь

светлела. Вся колонна шагала молча, что было удивительно. Ни одного слова не издавали эти 3 тысячи человек, последними из которых шли 632 валлона моей бригады, даже легкий шепот не доносился до моего слуха.

С проводниками во главе колонны мы прошагали два километра по тропе, которая вела нас через такую топь, где грязь доходила нам до колен. Ни один русский нас не заметил.

Мы поднялись по крутому заснеженному склону. С него в свете луны стал виден блеск водного потока. Один за другим мы перебрались через него по скользкому, из хлипких досок, сбитому на скорую руку мосту. Прошли еще метров пятьдесят. И тут внезапно перед нами выросли три темные фигуры в стальных касках. Это был один из передовых дозоров деблокирующей группировки, остановившейся в Лысянке-Северной.

Теперь котел становился для нас ужасным воспоминанием. Мы спаслись, мы в самом деле спасены.

И тут же новое счастье — остаток ночи мы провели в окрестных домишках и хатах. Но все же мы были в непосредственной близости от русских. Но куда же идти среди ночи и сквозь снегопад?

В пять часов утра я проснулся. С усилием протаптывая тропу в свежевыпавшем снегу, пробрался вдоль улицы. Полученный приказ гласил: немедленно оставить Лысянку и двигаться как можно дальше...»

57-я и 88-я дивизии в ночь с 16 на 17 февраля в жестоком бою стойко держали оборону на северной окраине котла, удерживая высоту 192 и прикрывая отход остальных частей и соединений. И весь день 17 февраля они не сходили с места, отбивая все атаки врага. Лишь получив по радио условную фразу, обозначавшую приказ отходить, оба командира дивизий решили, продолжая сдерживать врага, постепенно отходить. Частям этих дивизий удалось, разбившись на отдельные группы, при относительно небольших потерях просочиться сквозь заслоны русских и подойти в полночь с 17 на 18 февраля к восстановленной переправе, которая избавила их от заплыва через ледяной Гнилой Тикич.

Вот как описывает это офицер связи 57-й пехотной дивизии:

«17 февраля. Промежуток времени между выступлением трех ударных колонн 16 февраля в 23.00 и предусмотренным отходом арьергарда в 5.00 17 февраля был слишком велик и потому оказался роковым. Вплоть до 6.00 приказа к отходу не было, и арьер-

гард продолжал оставаться на месте. Затем оба командира дивизий приняли решение об отходе. Когда части и подразделения дивизии снова собрались на западной окраине Шендеровки, командир одного батальона доложил командиру дивизии, что в составе его батальона осталось 3 офицера и 11 унтер-офицеров и рядовых (из около 860 человек по штату. — *Ред.*). В это время дивизии прорыва уже довольно долго вели бой за Лысянку. Противник использовал этот промежуток времени для того, чтобы сжать полосу прорыва передовых частей до ширины примерно в 3 километра.

После возобновления наступления прорывающиеся на юго-запад части попали под сильный огонь с обеих сторон. Совершенно невозможно описать картину, которой предстал этот прорыв. Генерал Тровиц был до глубины души потрясен, встретив в перелеске множество телег с ранеными, которых дивизионные медики пытались вывезти из-под удара русских, от которых они не ждали ничего хорошего. В результате из котла было эвакуировано около 250 раненых из состава дивизии.

Под непрекращающимся огнем противника ударные группы прорыва понесли значительные потери, они были перегруппированы, и из них образованы новые. В итоге в составе 57-й пехотной дивизии оказалось несколько ударных групп численностью около 50 человек каждая под командованием офицеров этой дивизии различных званий. Из-за обстрела из танковых орудий ударным группам пришлось прорываться на узком участке. В широких деревенских колючих изгородях были проделаны проходы. С наступлением темноты вражеский обстрел прекратился. Ударные группы двинулись мимо застывших на месте русских танков по азимуту 23. На последних километрах им стало несколько проще ориентироваться по горящим хатам Лысянки. Благодаря этому ориентиру они избежали отклонения к юго-востоку и форсирования широко разлившегося Гнилого Тикича, уже поглотившего сотни обессилевших солдат.

Русские траншеи были скрытно преодолены в ночь без единого выстрела с обеих сторон благодаря усилившемуся снегопаду. Около 24.00 небольшая группа офицеров дивизии подошла к Лысянке. Поскольку на пути к селу им встретился разлившийся Гнилой Тикич, саперы тут же начали наводить переправу. Последние солдаты арьергарда подходили к селу вплоть до утра.

18 февраля. После нескольких часов сна снова пустились в путь. Около 10.00 генерал Тровиц по радиотелефону связался с III танковым корпусом. От командира 16-й танковой дивизии

Тровиц узнал, что к этому времени в дивизии осталось не более двух боеспособных танков.

Прорвавшиеся бойцы и командиры 57-й пехотной дивизии собрались в селении Молодежное. В числе многих пропавших без вести оказался и начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник Хайденрайх...»

Для вышедших из котла солдат прибытие на плацдарм 1-й танковой дивизии еще не означало окончательного спасения и желанного отдыха. После коротких часов больше похожего на смерть сна надо было снова пускаться в путь — поскольку удерживать Лысянку уже не было возможности, — и измотанные бойцы в последующие дни проделали еще много километров, чтобы добраться до первых развернутых пунктов питания и, наконец, оказаться на предусмотренном для них месте сбора. Они шли длинными колоннами, замерзшие, усталые и голодные, но все же счастливые тем, что смогли ускользнуть из котла по узкому рукаву шириной не более 600 метров, обстреливаемые с обеих сторон ружейно-артиллерийским огнем врага. Несколько танков прикрывали пешие колонны с флангов.

После того как санитарные самолеты вывезли по воздуху всех тяжелораненых, поздним вечером 18 февраля более чем 1500 раненых и больных были отправлены гужевой колонной также под охраной танков из Лысянки-Южной через Бушанку в армейский тыл. Там, на армейском перевязочном пункте, капитан санитарной службы доктор Кёнигснауэр с помощниками трудились, не зная сна и отдыха, до тех пор, пока не оказали им необходимую первую помощь и не отправили в полевые госпитали.

Германские танковые дивизии, которые, несмотря на громадные трудности, нечеловеческие усилия и тяжелые потери, так и не смогли ближе подойти к границам котла, удерживали свои позиции еще два дня, поджидая последних выходящих солдат арьергарда. Для 1-й танковой дивизии, на участке обороны которой и происходил прорыв, день 18 февраля прошел довольно спокойно, поскольку и противник должен был пополнить свои припасы, собраться и перестроиться. Всю первую половину этого дня стояла чудесная солнечная погода. Снова стали приземляться на быстро сооруженные взлетно-посадочные полосы, которые больше напоминали вспаханное поле, отважные транспортники Ю-52, зачастую прорывавшиеся сквозь огонь русских зениток. Они доставляли необходимые припасы и в обратный путь заби-

рали тяжелораненых и больных. А через Октябрь и Лысянку до самого вечера все подходили отдельные вырвавшиеся из окружения группы бойцов.

В 19.00 Октябрь пришлось в конце концов уступить противнику, так как уже можно было не ожидать, что из котла выйдет кто-нибудь еще, да и напор противника становился все сильнее. Плацдарм у Лысянки удерживали еще двенадцать боеспособных танков Pz IV и Pz V и несколько меньшее число подбитых танков, используемых как противотанковые орудия. Еще этот плацдарм обороняли 80 мотострелков, три отделения саперов и одна батарея противотанковых орудий — и это все.

После завершения приема и отправки в тыл вырвавшихся из котла солдат отошли и последние защитники плацдарма. Заняв его, неприятель с высвободившимися из окружения котла силами стал готовиться к новому наступлению, что потребовало возвращения четырех германских танковых дивизий. 19 февраля около 5.30 арьергард 1-й танковой дивизии после отражения танковой атаки врага занял Лысянку. Это было как раз вовремя — враг уже начал было вести обстрел маршрутов, по которым отходили пешие части.

Какие тяжелые и ожесточенные бои пришлось вести и танковым соединениям, видно по следующим цифрам — одна только 1-я танковая дивизия уничтожила более 140 танков и около 70 тяжелых противотанковых орудий противника.

Но и многие из солдат этих частей отдали свою жизнь при отражении этой танковой атаки. В танковой ударной группе Франка из состава 1-й танковой дивизии осталось лишь пять боеспособных танков да еще около 75 человек из состава 1-го батальона 113-го моторизованного полка и подчиненного ему подразделения из дивизии «Лейбштандарт АГ» и взвод саперов. В других танковых дивизиях дело обстояло ничуть не лучше. Так, например, в 16-й танковой дивизии в 1-м батальоне 64-го моторизованного полка осталось всего лишь 2 офицера и 28 солдат — в целом батальоне!

В организованном севернее Умани сборном пункте для вышедших из котла частей насчитывалось от 25 тысяч до 30 тысяч человек — из примерно 56 тысяч. Точное число так и осталось неизвестным, различные источники указывают различные данные. Советские историки, говоря о победе под Корсунью, называют числа 11 тысяч убитых и 18 тысяч пленных германских солдат, которые, принимая во внимание обычную склонность других их источников к преувеличению, едва ли можно считать

близкими к истине. (По советским источникам (архив МО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1136. Л. 83), в бойне в Корсунь-Шевченковском котле немцы потеряли 55 тысяч человек убитыми и 18, 2 тысячи человек пленными. — *Ред.*)

Второго Сталинграда удалось избежать, но два германских армейских корпуса перестали существовать, были уничтожены шесть дивизий, которые могли бы быть столь необходимыми в самом ближайшем будущем. Десятки тысяч германских солдат, в течение 21 дня выносивших адские муки битв в окружении, еще долго оставались небоеспособными, самым серьезным образом было подорвано доверие к высшему военному руководству. Все вооружение, снаряжение и транспортные средства попали в руки неприятеля.

Задумки и планы Гитлера относительно крупного германского наступления на Киев оказались совершенно нереальными, его разрешение на отход из котла поступило слишком поздно. Теперь уже не представлялось возможным сдерживать неприятеля. Волна советских войск вознеслась высоким валом, затопила всю Украину и вскоре подкатилась к Днестру.

Из сводок вермахта

18 февраля

«...В районе западнее Черкасс после отражения ожесточенного контрудара противника восстановлена связь с отрезанной в течение нескольких недель сильной германской ударной группировкой, пробившейся сквозь окружение навстречу танковой группировке, направленной для ее деблокады...»

...19 февраля

«Западнее Черкасс, несмотря на тяжелейшие погодные условия и пересеченную местность, продолжается выход из окружения частей пробившейся с боями ударной группы и отражение многочисленных контратак неприятеля...»

...20 февраля

«В дополнение к сообщению Верховного главнокомандования вермахта от 18 февраля об освобождении западнее Черкасс окруженной германской ударной группы извещаем:

«Принятие выходящих с боем частей окруженных дивизий завершено. Находившиеся с 28 января в окружении части сухопутных сил вермахта и войск СС под командованием генерала от артиллерии Штеммермана и генерал-лейтенанта Лиеба героиче-

скими усилиями отразили все удары намного превосходящих сил неприятеля и затем в ожесточенных боях прорвали вражеское кольцо окружения...»

Части окруженных сил (группа Штеммермана)

XI армейский корпус (генерал-лейтенант Лиеб)

XXXXII армейский корпус (генерал от артиллерии Штеммерман)

57-я пехотная дивизия (генерал-майор Тровиц)

72-я пехотная дивизия (полковник доктор Хон)

88-я пехотная дивизия (генерал-майор граф Риттберг)

Корпусная группа «Б» (полковник Фуке) с дивизионными группами 112, 255 и 332 пд (остатки разбитых пехотных дивизий численностью до полка)

Отдельные части 167, 178 и 389-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, 14-й танковой дивизии

5-я моторизованная (танковая. — *Ред.*) дивизия СС «Викинг» (генерал-лейтенант Гилле) и подчиненная ей

Штурмовая добровольческая бригада СС «Валлония» (подполковник Липперт, затем капитан Дегрель)

Деблокирующие силы (1-я танковая армия)

III танковый корпус (генерал Брайт) в составе:

1-я танковая дивизия (генерал Колль)

16-я танковая дивизия (генерал-майор Бак)

17-я танковая дивизия (генерал-майор фон Меден)

Танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (группенфюрер СС (генерал-лейтенант) Виш)

Полк тяжелых танков Бекке (подполковник Бекке) в составе 2-го батальона 23-го танкового полка и 503-го батальона тяжелых танков

Немцы
Русские
фронт на 24.04
Канев
р. Днепр
Котел
Корсунь-Шевченковский
Черкассы
Лысянка
Звенигородка
Смела
III танковый корпус
XXXXVII танковый корпус
Медвин
Стеблев
88-я дивизия
Шендеровка
Хильки
Корпусная группа «Б»
57-я дивизия
Хижинцы
село Петровское
дивизия СС «Викинг», 72-я дивизия
Боярка
Журжинцы
Новая Буда
Комаровка
239
танковый полк Бекке
Дашуковка
Погибляк
пос. Октябрь
Почапинцы
Моринцы
Первое наступление
Каменный Брод
Лысянка
р. Гнилой Тикич
Бужанка
Босовка
Шестеринцы
1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»
Степок
17-я танковая дивизия
16-я танковая дивизия
Второй деблокирующий удар
1-я танковая дивизия
фронт на 3.02
Яблоновка
С
с. Рубаный Мост
0
5
10
км

Глава 2
ТЕРНОПОЛЬ: ГАРНИЗОН КРЕПОСТИ[1*]

Из 4600 солдат вернулось только 55 человек

Место следующего действия находилось в бывшей Юго-Восточной Польше (до сентября 1939 года, до 1918 года Тернополь (с августа 1944 года Тарнополь) принадлежал Австро-Венгерской империи, в свою очередь, Австрийская империя захватила эти земли в ходе первого раздела Польши в 1772 году. В 1939 году был занят Красной армией и вошел в состав УССР. — *Ред.*), в местности, носящей наименование Подолье. Обширные пустоши в этом краю разнообразят только редкие цепи плоских холмов и перелесков, села с непроизносимыми для немецкого языка названиями, да протекающая через них река Серет с притоками, на восточном берегу которой располагается город Тернополь, отстоящий на 40 километров от прежней (до 1939 года) польско-русской границы. От окончания цепи озер с болотистыми берегами насыпь с мостом через широко разливающуюся реку Серет переходит в улицу, которая ведет к обоим городским предместьям Загребелье (Загробела) и Кутковцы. Тернополь, с его широко раскинувшимися пригородами, окруженный цепью подгородных сел, населенный тогда 35 тысячами жителей (в 2011 году здесь жили 217,4 тысячи человек. — *Ред.*), безусловно, представлял собой административный центр (одноименной области, образованный 4 декабря 1939 года. — *Ред.*) и крупный торговый город с промышленными предприятиями, но прежде всего важный транспортный узел с железнодорожными линиями, ведущими на все четыре стороны света... Сеть длинных улиц, основательные каменные дома, ратуша, церкви, большой вокзал, главпочтамт, магазины и рыночная площадь придают ему облик типичного небольшого города Восточной Европы.

Несмотря на свое выгодное транспортное положение, в военном отношении Тернополь никогда не играл сколько-нибудь зна-

---

[1*] Приводится по: *Fricke G.* Fester Platz Tarnopol.

чительной роли. Он был не более чем гарнизонным городком без каких бы то ни было крепостных укреплений. На протяжении своей истории город не раз переходил из рук в руки. До Первой мировой войны он принадлежал Австро-Венгерской империи, после 1918 года оказался в составе воссозданной Польши, в 1939 году с началом Второй мировой войны был занят Красной армией, в 1941 году захвачен германскими войсками, теперь же принадлежит снова русским (после раздела СССР в 1991 году — в составе Украины. — *Ред.*).

В начале 1944 года, несмотря на рано наступившую распутицу, многочисленными таранными ударами советских войск весь германский Южный фронт (группы армий «Юг» и «А») был отброшен к середине апреля в Галицию, к предгорьям Карпат и к Днестру. Часть этих тяжелых сражений и стала цепью драматических событий вокруг Тернополя.

Тернополь: «укрепленный пункт»

После успешной перегруппировки и подготовки к наступательным действиям советский 1-й Украинский фронт под командованием маршала Жукова возобновил наступление (начав Проскуровско-Черновицкую операцию 4 марта — 17 апреля. — *Ред.*), нанеся 4 марта удар западнее Шепетовки, и после двухдневных боев прорвал фронт на участке германской 4-й танковой армии (командующий генерал Раус), вскоре расширив прорыв под Ямполем до 40-километровой бреши. Если бы при этом русские подошли к окрестностям Тернополя или Проскурова, то последняя крупная железнодорожная линия восточнее Карпат из Лемберга[1] на Одессу оказалась бы перерезанной, так что все снабжение обеих германских групп армий пришлось бы организовывать кружным путем через территорию Румынии.

В ходе вспомогательной операции, осуществлявшейся наряду с продвигающимся все далее к югу наступлением войск сквозь прорванный фронт, советские войска также постоянно двигались на запад и юго-запад, оттеснив правый фланг 4-й танковой армии в период между 5 и 12 марта к реке Серет, где, согласно полученному приказу, XXXXVIII танковый корпус совместно с тремя вышедшими из котла дивизиями смог создать новую оборонительную линию. Наступая, русские нанесли удары по обе

---

[1] Л е м б е р г — немецкое название города Львов.

стороны от Тернополя, городу угрожало окружение. Уже ближе к вечеру 3 марта ими был занят Збараж, город всего лишь в 20 километрах от Тернополя. В тот же день появился приказ Гитлера удерживать город любой ценой, несмотря на опасность его окружения. Затем удар следовал за ударом. К полудню 7 марта неприятель уже вышел на восточный берег Серета, 8 марта Тернополь был обойден с востока и взят неприятелем в полукольцо, а на рассвете следующего дня советские войска неожиданным ударом ворвались в город. Тернополь впервые был окружен, советские танки, ведя на ходу огонь, разворачивались на узких улицах города, уверенные в победе русские пехотинцы уже думали, что они овладели легкой целью. В это время имевшийся в городе гарнизон, несколько позже получивший подкрепление, оказал сопротивление, что стало для многих тыловых служб и части гражданского населения сигналом к беспорядочному бегству на запад. Особенно тяжелым для последующего хода событий стало безоглядное бегство отвечающих за Тернополь медико-санитарных служб, которые исчезли со всем своим персоналом, прихватив с собой и все столь необходимые медицинские материалы и лекарства.

После боев с переменным успехом, в ходе которых гарнизон получил подкрепления — истребителей танков и штурмовые орудия, прорвавшиеся русские были выбиты из города. К 11 марта Тернополь был очищен от неприятеля, но с этих пор находился уже под постоянным обстрелом вражеской артиллерии.

К этому времени Гитлера осенила новая гениальная идея, новое средство, с помощью которого можно, как он полагал, остановить постоянное продвижение Красной армии на всех фронтах. Идея эта нашла свое выражение в основополагающем приказе фюрера № 11 от 8 марта 1944 года об организации «укрепленных пунктов» («крепостей») с отвечающими за них своей головой комендантами. Она была впервые апробирована Гитлером на Тернополе и в последующем, несмотря на самый негативный опыт, вновь и вновь применялась с самыми губительными последствиями. В этом приказе сначала избегалось называть подобные пункты «крепостями», хотя по сути они должны были быть неким их подобием, что было ясно и для самого Гитлера. Крупные населенные пункты и города, которые имели известное значение или должны были его приобрести в ходе военной кампании, должны были получить гарнизоны и в дальнейшем стать «волнолома-

ми», о которые бы разбился наступательный порыв неприятеля, его силы оказались бы разъединенными, а крупные соединения оказались бы связанными в боях за такие города и потенциально подверженными окружениям. Идея сама по себе была не нова, проверена в течение веков и вплоть до Первой мировой войны демонстрировала свою действенность (например, Верден на Западном фронте и Перемышль на Восточном). Но в ходе длящейся уже четыре с половиной года Второй мировой войны все крепости за самое короткое время были взяты штурмом (например, Эбен-Эмаэль[1], линия Мажино в 1940-м, линия Метаксаса в 1941-м, Севастополь в 1942 году), и это притом, что во всех этих случаях речь шла о крупных современных крепостных сооружениях. Теперь же термин «укрепленные пункты» означал не более чем большие ловушки — ими стали Тернополь и все другие города, которые позже получили этот статус. Не говоря уже о том, что эти населенные пункты не создавались как крепости и не имели сильных гарнизонов, советские войска располагали такой массой личного состава и боевой техники, что вполне были в состоянии окружить и затем взять их, ничуть не приостанавливая своего наступления, — и Тернополь стал особенно мрачным тому примером.

10 марта город Тернополь согласно приказу фюрера был провозглашен «укрепленным пунктом».

Однако ни о чем хотя бы напоминающем крепостные сооружения, даже о каких-нибудь оборудованных оборонительных позициях не было и речи. Не существовало внешнего и внутреннего пояса укреплений с фортами и бастионами, широкой полосы препятствий и противотанковых рвов, бетонированных бункеров, соединенных траншеями с полевыми укреплениями, не было и основного крепостного ядра с цитаделью и непробиваемыми снарядами казематами, казармами и лазаретами. Отсутствовали и наполненные боеприпасами, продуктами и всем необходимым снаряжением склады, а также прочие атрибуты крепости — мощная артиллерия, аэродром и т. д. И самое главное — не было сплоченного, сильного и хорошо вооруженного гарнизона.

---

[1] Десант на форт Эбен-Эмаэль — эпизод Второй мировой войны, в ходе которого отряд немецких десантников (85 бойцов) под руководством обер-лейтенанта Рудольфа Витцига, бесшумно приземлившийся на планерах на территории Эбен-Эмаэля на рассвете 10 мая, в течение 10—11 мая 1940 года взял штурмом этот хорошо укрепленный стратегический бельгийский форт с гарнизоном 1200 человек, в 20 км к северу от Льежа.

Ничего этого не было — а вдобавок «укрепленный пункт» Тернополь располагался на удалении 3 километров от центра города и обладал весьма несовершенной системой полевых позиций, состоявшей из траншей, узлов сопротивления и пулеметных ячеек. Гарнизон не располагал достаточным количеством боеприпасов, особенно для орудий и тяжелого вооружения, не хватало перевязочного материала, артиллерии, зениток, отсутствовала взлетно-посадочная полоса для самолетов. К тому же гарнизон состоял из частей различных родов войск, значительно отличающихся друг от друга по своей боевой ценности. В него входили и едва обученные 18-летние солдаты-новобранцы, и ополченцы почтенного возраста, и бывалые фронтовики из войск СС, только что призванные в регулярную армию бывшие охранники, танкисты из потрепанной в боях 8-й танковой дивизии и стрелки из состава учебного полка резерва, этнические немцы (фольксдойче) и галицийские добровольцы. Что же касается вооружения — то кроме ручных и станковых пулеметов, минометов и полевых орудий имелось только несколько штурмовых и самоходных орудий и танков, а также 15 противотанковых орудий (в том числе устаревшего калибра 37 мм), зенитная артиллерия была представлена 3 легкими зенитными установками калибра 20 мм и 4 зенитками калибра 88 мм, вся крепостная артиллерия состояла из 3 полевых гаубиц калибра 105 мм и 8 орудий калибра 150 мм, причем для большей ее части не было снарядов. Это было все, чем располагал на данный момент «укрепленный пункт» Тернополь. XXXXVIII танковому корпусу вместе с двумя приданными ему свежими пехотными дивизиями удалось в период с 13 по 20 марта в ходе тяжелых встречных боев несколько потеснить противника, закрыть на фронте брешь между позициями 4-й танковой и 1-й танковой армии и отбить Тернополь. Однако затем маршал Жуков, пополнивший свои силы, снова предпринял наступление на пространстве между Тернополем и Проскуровом. Начавшееся 21 марта крупное советское наступление, совместными действиями со 2-м Украинским фронтом, уже на третий день привело к образованию нового, широкого и глубокого прорыва в южном направлении между 4-й и 1-й танковыми армиями, что могло грозить окружением группировки 1-й танковой армии численностью около 200 тысяч человек. Дальнейшие советские удары на запад (советская 60-я армия в составе 11 стрелковых дивизий, одной артиллерийской дивизии и 4-го гвардейского танкового корпуса) в промежутке с 21 по 24 марта снова отбросили XXXXVIII танковый корпус к рубежу за рекой Возушка.

Это означало, что «укрепленный пункт» Тернополь со второй половины дня 23 марта отрезан от основных сил и — на этот раз окончательно — окружен, оставшись в 20 километрах за новой германской передовой. Если его гарнизон, который уже показал свою отвагу в боях, твердо надеялся на то, что отступивший под напором превосходящих сил противника фронт сможет снова придвинуться к Тернополю, то он жестоко ошибался. Что объявленный «укрепленным пунктом» город сможет продержаться недолго — по уже названным причинам, новый комендант города генерал-майор фон Найндорф прекрасно понимал. Но хотя он знал, что Тернополь совершенно не подготовлен к обороне, что гарнизон его слишком слаб и не располагает сколько-нибудь значительным количеством боеприпасов и вооружения, он все же решил (должен был. — *Ред.*) выполнить приказ фюрера: оборонять «укрепленный пункт» и удерживать его до последнего солдата! Чтобы хоть как-нибудь подготовить гарнизон к обороне, Найндорф разделил город на четыре сектора обороны — северный, восточный, южный и западный, причем в последний вошел также западный берег Серета и оба предместья, Кутковцы и Загробела (Загребелье). Солдаты принялись окапываться и соединять окопы траншеями, устанавливать тяжелое вооружение на огневых позициях, немногие орудия заняли позиции таким образом, чтобы иметь возможность вести огонь во всех направлениях, несколько штурмовых орудий были в готовности для нанесений контрударов, а комендатура начала организовывать пункты снабжения боеприпасами и продовольствием, связи и санитарные, размещать незначительные резервы. Связь с предместьями была возможна только по радио.

Времени на все эти мероприятия оставалось не так уж и много — уже в ходе начавшегося окружения русские 23 марта предприняли новое, более масштабное наступление на Тернополь. Однако первые их удары, поддержанные танками, с севера, востока и юга все же удалось отбить. Удар с западного направления был повторно нанесен 24 марта и направлен на расположенные на другом берегу Серета Кутковцы и Загребелье. Предместье Кутковцы вскоре было потеряно, но Загребелье, в течение дня переходившее из рук в руки, к вечеру оказалось в руках оборонявшихся. Одновременно пришлось отбивать новые удары с севера и юга, направленные на восточный берег реки. Впервые на этом участке фронта появился русский парламентер с требованием о сдаче, которое было отвергнуто. К вечеру этого дня четыре со-

ветские стрелковые дивизии, усиленные танками, артиллерией и реактивными минометами, полностью взяли в кольцо «укрепленный пункт» Тернополь.

Первый танковый удар — впустую

Тут с германской стороны произошло нечто совершенно непонятное. Чтобы создать минимально необходимые запасы снаряжения, прежде всего боеприпасов и медико-санитарных материалов, из отстоящего на 130 километров Лемберга (Львова) должен был быть отправлен автокараван с 40 тоннами военных материалов, который должен был 25 марта пробиться с северо-запада сквозь вражеское окружение. Охрану его должна была осуществлять ударная танковая группа из состава 8-й танковой дивизии под командованием полковника Фрибе, которая до этого в районе Броды оттягивала силы русских от жестко теснимого ими XIII армейского корпуса. Ей была также поставлена задача разбить противника западнее Тернополя, чтобы обеспечить проход автокаравана со снабжением. Все это было понятно и целесообразно с военной точки зрения. Но, несмотря на срочность, караван из 15 грузовиков и 5 санитарных машин к началу вражеского наступления так и не прибыл. 4-я танковая армия отдала приказ ударной группе Фрибе выступить (караван якобы был уже на подходе) и пробиваться к Тернополю. Но — танковая группа не должна была ни остаться в «укрепленном пункте» для усиления, ни вывести из Тернополя его гарнизон, но к вечеру того же дня она должна была вернуться на свой прежний участок фронта. Этого вообще было невозможно понять — подобный танковый удар мог доставить осажденным лишь кратковременное облегчение их положения и ничего больше. «Укрепленному пункту», согласно приказу, предстояло держаться дальше.

Но приказ есть приказ, и полковник Фрибе со своими танками и мотопехотой, прибывшими из Бродов и не успевшими передохнуть, выступили 25 марта в 4.30 утра для удара в направлении на Тернополь. Это были подразделения из состава 2-го и 10-го танковых полков, на острие ударного клина шел батальон «Пантер» (немецкий танковый батальон (по штату 59—90 танков) существенно превышал по численности советскую танковую бригаду (от 53 до 65 танков). — *Ред.*), за ним 1-й батальон 8-го моторизованного полка и 1-й батальон 74-го моторизованного полка на своих бронетранспортерах. Двигаясь на первых порах без

соприкосновения с противником, они преодолели первые километры без всяких трудностей и с ходу форсировали небольшую речушку Должанка. Вскоре после этого на северном фланге послышалась артиллерийская стрельба, на маршруте появились минные поля. Поэтому пришлось продвигаться по обеим обочинам дороги по неровной, труднопроходимой местности. Все больше и больше танков и бронетранспортеров замирали на месте, выйдя из строя. Затем пришлось пересечь три идущих одну за другой поперек маршрута движения цепи холмов, на которых засел враг, хорошо оборудовав свои позиции и усилив их противотанковыми орудиями. Когда первые германские танки подорвались на минах или были подбиты противотанковой артиллерией, мотопехоте пришлось покинуть свои бронетранспортеры и наступать в пешем строю. За непродолжительное время им удалось преодолеть три вражеских заслона, при этом было уничтожено около 25 противотанковых орудий. По мере приближения к району Тернополя сопротивление противника нарастало. С дальнейшим продвижением немецких танков русская полевая и противотанковая артиллерия держала их под постоянным обстрелом. По этой причине одной танковой роте пришлось выступить в качестве флангового прикрытия, двигаясь севернее трассы. К позднему вечеру удалось продвинуться лишь до опушки леса в четырех километрах восточнее Загребелья. Здесь танковая ударная группа наткнулась на последние, но и самые мощные, внешние оборонительные позиции врага в составе кольца окружения вокруг Тернополя. Красноармейцы с противотанковыми ружьями замаскировались в лесу, здесь же были укрыты противотанковые орудия и танки. С трех направлений начался минометно-артиллерийский обстрел. Чуть погодя в небе волна за волной появились советские штурмовики. Пройти дальше не представлялось возможным. Полковник Фрибе в данных обстоятельствах принял решение отойти на юго-восток и перегруппироваться для нанесения новых ударов.

Еще во время обсуждения операции командиром 8-го моторизованного полка со своими офицерами на КП полка совершили налет советские штурмовики (очевидно, Ил-2, которые буквально терроризировали немцев в течение второй половины 1943 года, в 1944 и 1945 годах. — *Ред.*), нанесли бомбовый удар и обстреляли КП из бортового оружия. Вместе с командиром полка погибли также командиры обоих мотопехотных батальонов и другие офицеры. Кроме того, была разбита радиостанция, мотопехотинцы пустились в дальнейший путь без опытных командиров. Перегруппировка запоздала и закончилась только к 12.00. Тем време-

нем проведенная в направлении нового удара разведка установила, что и здесь ударной группе предстоит преодолевать сильно укрепленные позиции, что значительные силы неприятеля замечены также севернее и юго-западнее направления удара. Выяснилось также, что поддержка германского наступления с воздуха невозможна. Все это давало основания полагать, что новый удар на Тернополь можно осуществить ценой крупных потерь и значительного времени. К тому же много танков и бронетранспортеров застряло на топкой местности, боеприпасы и горючее почти заканчивались. Поскольку автокараван со снабжением так и не подошел (пожалуй, к счастью, потому что огнем врага любой из грузовиков с боеприпасами был бы подожжен и взлетел бы на воздух), да и гарнизон Тернополя не предстояло эвакуировать, полковник Фрибе час спустя принял решение прервать операцию и для спасения раненых и сохранения еще боеспособных боевых машин согласно приказу отойти к своей передовой. Под прикрытием поставленной дымовой завесы еще боеспособные машины начали отход.

Гарнизон «укрепленного пункта», слыша доносящиеся с запада звуки боя, исполнился было надежд на скорое освобождение, однако постепенно потерял всякую надежду. Германские танки не вступали в город, чтобы вывести из него осажденных. Не поступили и никакие боеприпасы, в которых так срочно нуждались обороняющиеся (теперь было обещано сбросить все это с самолетов).

Таким образом, рейд ударной группы Фрибе, осуществленный со значительными потерями живой силы и техники, был проведен без всякой пользы. В скором времени эта боевая группа будет задействована в качестве «пожарной команды» при XIII армейском корпусе на угрожающем участке фронта у города Броды.

«Укрепленный пункт» обращен в груду развалин — но держится

Бесполезный немецкий танковый удар определил дальнейшую судьбу «укрепленного пункта» и его гарнизона. С первого дня окружения, 23 марта, около 4600 человек, а именно 1 генерал в качестве коменданта, 1 полковник в качестве заместителя коменданта[1*], 101 офицер и 4499 пехотинцев, артиллеристов полевых

[1*] Полковник фон Шёнфельд, командир 949-го моторизованного полка.

и противотанковых орудий, членов экипажей самоходных орудий, солдат комендатуры, снабженцев, врачей и санитаров были вынуждены сражаться, как стало теперь ясно всем и каждому, до последнего человека.

Не могло быть и речи о том, что этот танковый удар принес хоть какое-то облегчение. Совсем наоборот — еще когда боевая группа Фрибе предпринимала свой удар, на «укрепленный пункт» с востока пошел в атаку советский полк, который смог так глубоко продавить передний край обороны города, что лишь контрудар и последовавший за ним тяжелый бой смогли восстановить положение. Ближе к вечеру того же 25 марта пришлось еще отражать атаку 17 танков с пехотой врага на северном участке обороны. Одновременно превосходящими силами противника было атаковано предместье Загребелье и расположенные там позиции обороняющихся захвачены, а их защитники были оттеснены за Серет. Эта атака была проведена неприятелем с особым ожесточением. Так было установлено, что наряду с постоянными ударами русских войск по Тернополю на всех участках фронта они с особым упорством наносятся с запада, так как именно здесь Советы прогнозировали новый германский деблокирующий удар или прорыв гарнизона, который они непременно хотели предотвратить.

Так проходил день за днем и ночь за ночью. Оборонительные рубежи и весь город постоянно находились под минометным и артиллерийским обстрелом. Не надо было даже проводить разведку — невооруженным взглядом было видно, как русские части приближаются к германской линии обороны, как закрепляются и готовятся к открытию огня, как русские артбатареи и реактивные минометы располагаются на окружающих город высотах и без помех оборудуют там свои огневые позиции. В этом им едва ли было возможно помешать своим артиллерийским огнем, так как боеприпасы были в страшном дефиците и каждый снаряд приберегался для отражения вражеских атак. Относительно слабые удары врага, нанесенные 26 и 27 марта, совершенно явно были разведкой боем, а сильный огневой налет, значительно превосходивший обычно ведущийся беспокоящий огонь по городу, был предвестником близящегося общего наступления. Оно последовало 28 марта после двухчасовой артподготовки из орудий всех калибров. Стрелковые дивизии, поддержанные танками и пикирующими бомбардировщиками, штурмовали оборонительные позиции на юго-восточном участке. В результате ожесточенного боя нападавшим удалось вклиниться в германскую оборону. Сопро-

тивление сражавшихся на этом участке молодых солдат 2-го батальона 949-го моторизованного полка было сломлено, большая часть личного состава батальона уничтожена нападавшими. Предпринятый было контрудар захлебнулся вследствие сильного сопротивления противника. И на следующий день также не удалось потеснить глубоко вклинившегося врага, так что передний край обороны на этом участке теперь проходил почти по окраине города. Новый глубокий прорыв на восточном направлении последовал 29 марта вдоль дороги, ведущей в город. И здесь опять сплоховали солдаты 949-го моторизованного полка. Эти молодые солдаты, которым едва исполнилось по 18 лет, были брошены на фронт едва обученными и здесь, в Тернополе, оказались в гуще ожесточенных боев, еще совсем не возмужав духом и телом. Оказалось также, что значительно более старшие ополченцы лучше переносят длительное пребывание под обстрелом. Они сражались с большей стойкостью и выдержкой.

Стойкость подчиненных ему солдат была только одной из многочисленных забот коменданта города. Как и ранее в Черкассах, а также позже, советская сторона пыталась воздействовать на гарнизон не только огнем и постоянными ударами, но также разложить морально. Так, например, уже 25 марта русские отправили в город несколько групп (общей численностью 32 человека) германских военнопленных, снабдив их листовками, призывающими к сдаче в плен. Несколько раз комендант получал ультиматумы, в которых предъявлялись требования сдачи города. Но каждый солдат знал — и это не были сказки германской пропаганды, — чего можно ждать от капитуляции и советского плена, так что и молодые, и старые солдаты предпочитали сражаться плечом к плечу и держаться, пока их не выручат из осажденного «укрепленного пункта».

В то время как население Тернополя, которое не подалось на запад и не разбежалось по окрестным селам, сидело по своим подвалам, обе стороны продолжали ожесточенно сражаться за город. 30 марта русские войска со всех сторон еще ближе придвинулись к городу, что стало предвестником их намерения снова перейти в наступление. И это произошло 31 марта — после часовой артподготовки противник превосходящими силами нанес удар с востока между двумя железнодорожными линиями, поддержанный с воздуха авиацией, смог прорвать германские позиции, продвинуться до здания вокзала и овладеть им. Из-за значительных потерь обороняющихся частей и отсутствия резервов оттеснить прорвавшегося противника обратно на прежний перед-

ний край обороны не представлялось возможным. Под давлением наступающих русских частей были вынуждены отойти до городской окраины также защитники южного и северного участков обороны — там им были приготовлены новые позиции. Таким образом, теперь гарнизон города оказался сражающимся уже на собственно городской территории ограниченных размеров около 1 на 1,5 километра на восточном берегу Серета. Бои с переменным успехом шли также и на западных подступах к городу, где противнику также удалось прорвать оборонительные позиции вокруг предместья Загребелье. После этих тяжелых оборонительных боев территория, еще находившаяся в руках обороняющихся, оказалась полностью окруженной. А так как все господствующие над городом высоты уже были в руках неприятеля, последний мог в любое время обстреливать город из своих танков, противотанковых орудий и полевой артиллерии, тогда как у гарнизона города не было боеприпасов для ответного огня.

Боеприпасы — наряду со все увеличивающимися ужасающими человеческими потерями и уничтожаемой противником боевой техникой — были одной из самых больших забот коменданта и его штаба. Обороняться без достаточного количества боеприпасов было совершенно невозможно, особенно необходимы были снаряды для немногих имевшихся орудий и тяжелого вооружения. Так что снова приходилось просить о помощи люфтваффе. Однако поскольку в Тернополе не существовало взлетно-посадочной полосы для самолетов, речь могла идти только о сбросе на лету, что было еще труднее, поскольку полеты из-за плотного огня зенитной артиллерии противника могли производиться только ночью, и транспортные самолеты должны были постоянно принимать во внимание все более сужающуюся площадь цели для выброски. Так, после телефонного разговора коменданта от 1 апреля из сбрасываемых каждой ночью 90 контейнеров со снабжением до гарнизона дошло только пять из них. Остальные сброшенные на парашютах контейнеры приземлились частично в расположении неприятеля, частично утонули в озере (так называемый Тернопольский пруд) или завязли в болотах, а частью оказались разбросанными по всей площади города, где их, к тому же под обстрелом неприятеля, невозможно было найти среди развалин домов. Не поступили столь необходимые медицинские материалы, и ни один из тяжелораненых — поскольку не имелось возможности произвести посадку — не был эвакуирован по воздуху.

Еще несколько радиосообщений поступило 1 апреля от выдвинувшегося XXXXVIII танкового корпуса, среди прочих было

и донесение о потерях в боевой технике. Только за последние три дня (с 30 марта) они составили 30 пулеметов, 12 тяжелых минометов, 1 легкое и 1 тяжелое полевое орудие, 1 противотанковое орудие и 2 зенитки — внушительные потери тяжелого оружия, которые невозможно было возместить.

После этого генерал-майор фон Найндорф, который с самого начала не считал Тернополь пригодным к обороне в качестве «укрепленного пункта», ясно высказал свое мнение. Он велел передать радиограмму: «Несмотря на ожесточенное сопротивление гарнизона, дальнейшее удержание города против превосходящих сил противника считаю безрезультатным. Прошу разрешения фюрера на попытку прорыва из окружения».

Ответ Гитлера не заставил себя ждать. В тот же день он принял решение, что «укрепленный пункт» необходимо удерживать, пока имеется возможность, и снова восстановить связь с основными силами.

На следующий день в должность командующего группой армий «Юг» вместо генерал-фельдмаршала фон Манштейна вступил генерал-фельдмаршал Модель (назначенный 25 марта. — *Ред.*), при этом сама группа армий «Юг» теперь стала называться (с 5 апреля. — *Ред.*) «Северная Украина»[1*]. Это, однако, ничем не могло помочь удерживающим уже наполовину потерянный город защитникам Тернополя, которых держали в кольце и постоянно атаковали четыре дивизии врага. Сражение за Тернополь продолжалось с неослабевающим ожесточением. Особенно жаркие бои кипели вокруг Загребелья, которое благодаря своему расположению было единственным пригодным для прорыва на запад местом, о чем прекрасно знал враг. Здесь действовал надежный и испытанный в боях пехотный батальон Дембы. Его бойцы восстановили 1 апреля линию фронта, прорванную русскими несколькими днями ранее, и отразили две новые атаки, поддержанные танками. Правда, и здесь, после потери в первые же дни обороны предместья Кутковцы, пришлось оттянуть переднюю линию обороны практически до самой городской окраины, так что весь западный участок состоял из одного только Загребелья.

После того как линия фронта на северном, восточном и южном участках под все усиливающимся давлением противника переместилась вплоть до окраины города, неприятель, постоянно атакующий все увеличивающимися силами танков и пехоты, ре-

---

[1*] Группа армий «А» стала называться (также с 5 апреля) группой армий «Южная Украина».

шил расколоть немецкую оборону уже внутри городской застройки, расчленив обороняемую немцами территорию и силы ее защитников. Русским удалось снова вклиниться на восточном и юго-восточном участках, из-за чего немцам, чтобы не дать разорвать фронт, пришлось отойти на новую линию обороны. Введя в бой последние резервы, удалось отразить атаку на центр города, при этом было уничтожено десять танков противника. Но какой смысл героическими усилиями и с громадными потерями отражать удары врага, если обороняемая гарнизоном площадь все более и более сжималась?

Поэтому 2 апреля комендант города докладывал высшему командованию по радио: «В случае нового наступления неприятеля возможность удержания оставшегося пространства будет измеряться лишь днями». Таким образом, генерал-майор фон Найндорф предельно четко обрисовал ситуацию, и теперь командование корпуса, армии и группы армий ясно понимало, что она обостряется со дня на день и становится критической.

Если до сих пор положение в Тернополе выглядело достаточно скверно, то в последующем оно становилось еще ужаснее. Хотя Советам и не удалось 3 апреля прорвать новую оборонительную линию и их удары были повсеместно отбиты, это удалось сделать только ценой значительных потерь. Как и до сих пор, трудно было противостоять многочисленным танкам и сильной артиллерии русских, из-за крайне ограниченного количества снарядов у осажденных. На помощь гарнизону Тернополя пришла только немецкая авиация. Пикирующие бомбардировщики «Штука» (Ю-87), работавшие как «летающая артиллерия», вмешались в идущие на земле сражения и своими тяжелыми бомбами нанесли удары по скоплениям войск и позициям наступавших. Но что это значило для той массы войск противника, которая в течение 5 апреля со всех сторон наступала на котел, еще больше сжимая его границы, хотя на западе по ту сторону Серета еще держалось Загребелье, несмотря на то что враг старался в первую очередь полностью овладеть расположенной на восточном берегу реки частью города. Чрезвычайно интенсивные обстрелы вызвали новые разрушения в городе, остановили все сообщение в нем, уничтожили радиостанцию и осложнили управление войсками.

Теперь Советы намеревались завершить последнюю главу в истории обороны города.

5 апреля город подвергся небывалой интенсивности обстрелу из тяжелых орудий, а также авианалету. Но все же последовавший за этим приступ вражеской пехоты удалось остановить. Пехота

русских отошла, но только затем, чтобы город снова подвергся непрерывному, до высочайшей интенсивности усилившемуся артиллерийскому обстрелу. После него все теснее сжимавшееся русскими кольцо немецкой обороны снова отразило натиск вражеской пехоты, но прорвано не было. День этот из уже продолжавшихся в течение 14 дней непрерывных боев оказался самым тяжелым, и потери в этот день были самыми значительными. И похоже, пребывавшие под впечатлением от небывало упорного сопротивления защитников города, русские на следующий день не продолжили своих сосредоточенных ударов.

Все же Тернополь и его гарнизон неуклонно приближались к падению, если только в ближайшем времени не произойдет ничего решительного.

Сражения продолжаются, пока в каждом офицере и солдате жив боец. Старые и молодые солдаты сражались с мужеством отчаяния. Части 949-го моторизованного полка, дрогнувшие и отступившие несколько дней назад, теперь сражались так, что заслужили благодарность коменданта[1*]. Над всем городом, видные далеко окрест, висели плотные облака дыма черных, серых и багровых цветов. Фонтаны огня поднимались к небу от постоянных разрывов снарядов, выбрасывающих вверх тучи дыма и обломков зданий. Повсюду полыхали пожары, дома обрушивались, стены падали. Со всех сторон слышалось шипение, клокотание, вой выстрелов русских тяжелых минометов, 76-мм полевых орудий, 122-мм и 172-мм (152-мм. — *Ред.*) тяжелых гаубиц и «сталинских орга́нов». На всех углах города разгорались уличные бои, каждый дом наступавшим приходилось брать с боем. Красноармейцы в униформе цвета хаки с криками «Ура!» шли в бой с автоматами, с винтовками, с готовыми к броску гранатами в руках, перелезали через каменные заборы и уличные баррикады, рвались вперед и падали под огнем оборонявшихся. Во всех домах занимали позиции солдаты гарнизона, отделения и одиночные бойцы, исполненные решимости сражаться во что бы то ни стало, защищать каждую улицу, каждый дом, каждые развалины. Солдаты забаррикадировали двери в каждом каменном строении, пробивали в стенах амбразуры для ведения огня, стреляли из подвальных отдушин и люков. Замаскированные в развалинах противотанковые орудия выпускали последние снаряды, немногие еще оставшиеся боеспособными штурмовые орудия,

---

[1*] Только украинцы-галицийцы 4-го добровольческого полка СС, утратив мужество, сдались.

гремя гусеницами по заваленным обломками домов улицам, двигались туда, где образовывались все новые и новые прорывы в обороне. В эти прорывы бросались красноармейцы с гранатами в руках, ведя огонь из автоматов в упор. Дома, в которых врагу удавалось закрепиться, взрывались немецкими саперами. Но снова и снова обороняющихся захлестывали новые волны красноармейцев, пулями и огнеметами выжигавших очаги сопротивления.

Особенно незавидной была участь раненых, которые, пошатываясь, еле добредали до темных подвалов, где были оборудованы перевязочные пункты, или доставлялись туда своими товарищами. Полевого госпиталя не было, немногие оставшиеся полковые врачи горели желанием помочь, но из-за нехватки всего и вся могли оказать лишь незначительную помощь. Поскольку транспорт с медицинским имуществом так и не прибыл, им не хватало абсолютно всего — перевязочных средств, лекарств, эфира, противостолбнячной сыворотки, сердечно-сосудистых средств. В радиодонесении от 4 апреля сообщалось о 850 тяжелораненых с намеком на катастрофичность положения.

Вследствие постоянно уменьшающегося сопротивления на все более сокращающемся пространстве лишь часть перебрасываемого по воздуху снабжения, несмотря на увеличивающееся число ночных полетов, попадала к обороняющимся. Люфтваффе предприняли последнюю попытку доставить гарнизону помощь. Особенно отчаянные пилоты в первый раз 8 апреля вылетели в город на грузовых планерах, и им удалось, прорвавшись сквозь огонь противника, совершить чрезвычайно сложную посадку на крайне ограниченной территории. Но обратного пути у них не было — а доставленное ими было не более чем каплей воды на горячем камне.

А тут еще постоянная вражеская пропаганда. Каждый день на несколько минут огонь наступающих стихал, и в этих промежутках по русским громкоговорителям передавались немецкие мелодии, перемежающиеся призывами к сдаче, поскольку положение гарнизона безнадежно. После нескольких таких обращений огонь врага снова усиливался. Что положение час от часа становилось все безнадежнее, комендант города совершенно отчетливо понимал уже давно. Его радиопереговоры о деблокаде, поскольку на прорыв собственными силами уже нельзя было рассчитывать, становились все настойчивее.

6 и 7 апреля наступающие действовали менее активно и предпринимали попытки сломить сопротивление обороняющихся лишь

действиями мелких ударных групп более масштабным применением тяжелого вооружения. Наблюдались интенсивные перемещения вражеских подразделений и частей, что свидетельствовало о подготовке нового мощного наступления. Это же предвещали и длившиеся в течение всего дня 8 апреля бомбовые удары с воздуха, и усилившаяся до предела интенсивность артиллерийского огня. На следующий день после многочасовой артподготовки, которой большая часть города была превращена в сплошные развалины, в атаку со всех сторон пошли части четырех советских дивизий. Им удалось прорвать оборону на различных участках на востоке и юге городских кварталов, тогда как на севере и западе их атаки были отбиты. Восточный сектор городской застройки был обращен в один громадный пожар. На участках между объятыми пламенем домами поредевшие германские подразделения снова создавали новую линию обороны. На юге многочисленные прорывы врага все же были ликвидированы. Здесь обороняющимся удалось ценой тяжелых потерь не пропустить значительно превосходящие силы наступавших и в тяжелейших условиях удержаться среди горящих развалин.

На следующий день мощное наступление русских продолжилось, при этом вражеская пехота смогла еще глубже проникнуть в расположение обороняющихся, точной стрельбой прямой наводкой из противотанковых и полевых орудий на предельно малых дистанциях уничтожая очаги сопротивления и подготовленные для обороны строения вместе с их защитниками.

В ходе нескольких радиопереговоров в этот день 10 апреля генерал-майор фон Найндорф поставил в известность высшее командование, что вследствие нехватки сил и средств обороны все мероприятия по противодействию наступающим войскам более неэффективны, а германский гарнизон города больше не в состоянии удерживать его. В последнем сообщении был доклад о потерях: они составили с 23 марта (первый день окружения) по 8 апреля 16 офицеров и 1471 унтер-офицеров и рядовых убитыми и тяжелоранеными, не способными более участвовать в боях.

Но самое важное известие поступило к коменданту вечером этого дня. Им стал приказ 4-й танковой армии, который как рукой снял всю подавленность и обреченность с окруженных солдат и воспламенил все надежды на спасение и освобождение. Переданный по радио приказ гласил (выдержка): «Наступление с целью деблокады XXXXVIII танкового корпуса назначено на 11 апреля. При выступлении иметь при себе все оружие и снаряжение. Оставляемое имущество своевременно уничтожить. Приготовить

транспорт для эвакуации раненых. Отделить могущих передвигаться от неспособных идти. Количество тех и других немедленно сообщить по радио. Сформировать сильные ударные группы — арьергардное прикрытие при отходе. Выступление по радиокоманде танкового корпуса. Лозунг прорыва: Нет солдат лучше нас!»

Вторая попытка деблокады — слишком поздно

В высоких штабах вплоть до группы армий положение в Тернополе всегда рассматривали как потенциально опасное, но пока что придерживали приказ о деблокаде. Теперь же весь вопрос был в том, как долго еще удастся продержаться в котле — самое большее несколько дней. Но надо было что-то делать. Ставка фюрера и сам Гитлер, который отдал приказ об отходе из провозглашенного им «укрепленного пункта» Тернополь, молчали — у них были другие заботы. Тогда, после долгого промедления, командование группы армий наконец-то решило действовать самостоятельно — после того как положение на фронте перед 4-й танковой армией несколько стабилизировалось. Новый деблокирующий удар предполагалось нанести прямо на Тернополь, с тем чтобы освободить из окружения его гарнизон. Но прорыв окружения и вывод оттуда гарнизона если и были возможными в период первого танкового удара, то теперь вопрос о них не стоял. Вражеское кольцо окружения на западном направлении стало столь прочным, что собственные потери оказались бы слишком большими.

В общем, пока не созрело решение о деблокирующем ударе, между командованием группы армий, штабами армии и корпуса велись различные согласования, готовились предложения, осуществлялось планирование, проводилась подготовка и формировались соответствующие соединения. На этот раз удар предполагалось нанести с юго-запада, и нанести его должна была снова танковая группа Фрибе, которая в тот момент вела тяжелые бои в районе города Броды. Для усиления мощи удара ей была придана 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен». Отправным пунктом должен был стать район у селения Городище, однако его еще надо было сначала захватить, переправившись через реку Стрыпа. В случае летной погоды деблокирующий удар должны были поддерживать с воздуха соединения VIII авиакорпуса.

Приказ 4-й танковой армии от 10 апреля гласил (выдержки): «Противник превосходящими силами с 9 апреля возобновил атаки на «укрепленный пункт» Тернополь. Гарнизон из последних

сил ведет тяжелые уличные бои, отбивая атаки врага, и в течение «дня 1» ожидает нашего деблокирующего удара.

Для его осуществления XXXXVIII танковый корпус в течение «дня 1» после краткой артподготовки начинает движение с 9-й танковой дивизией СС «Гогенштауфен» и танковой группой Фрибе через собственную линию фронта на участке Городище—Козлов, форсирует реки Стрыпа и Возушка и продвигается, предприняв тщательное прикрытие флангов ударного клина, кратчайшим путем на Тернополь. Так называемый «день 1» назначен на 11 апреля».

Вполне возможно, что все это было хорошо спланировано и отлично сформулировано в приказе, но пошло не так, как бы следовало. Уже самое начало всей операции стало развиваться не под счастливой звездой. Погода снова, уже в который раз, порушила все планы. По всей округе начались многочасовые проливные дожди, пропитавшие водой всю землю настолько, что всякое продвижение давалось с величайшим трудом, а потом и вовсе затормозилось. В непролазной грязи буксовали даже гусеничные машины. Вместо предусмотренного планом выступления двух танковых клиньев лишь группе Фрибе утром 11 апреля удалось тронуться в путь и, несмотря на тяжелейшие дорожные условия и застрявшие в грязи многочисленные бронетранспортеры, тяжелое вооружение и грузовики с припасами, продвинуться до Козлова, где она, остановленная сильнейшим огнем неприятеля, после трех безуспешных попыток форсирования реки была вынуждена отойти на юг в район села Городище.

Здесь наступающая 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» незадолго до этого овладела этим селением и, восстановив взорванный мост силами двух саперных взводов, заняла небольшой плацдарм на другом берегу реки Возушка. Переправившимся через реку на надувных лодках двум батальонам удалось несколько южнее, в районе селения Млынцы, занять несколько больший плацдарм. Здесь нужно было навести временную переправу. Однако тяжелый понтонный мост оказалось невозможно доставить из-за бездорожья. Так что на следующий день предстояло расширить построенный здесь саперами небольшой мост. Но оказалось, что этого моста больше не существует, и немногие имевшиеся саперы получили приказ возводить его.

Эту переправу надо было соорудить во что бы то ни стало. На ней покоилась вся концепция деблокирующего удара, ибо как же иначе можно было переправить через реку танки и другие транспорты? Снова стало уходить бесценное время. Наконец главному саперу армии удалось найти юго-западнее Городища место, где

можно было бы соорудить мост к плацдарму у села Млынцы. Закипела самоотверженная работа, и к утру 14 апреля 135-метровая переправа была готова.

Тем временем изрек свое слово и Гитлер, соизволив еще 12 апреля отдать приказ: «Гарнизон Тернополя вывести из города, несмотря ни на какие трудности». Коменданту Тернополя фюрер отправил свою личную радиограмму: «Держитесь любой ценой, отдан приказ о вашем освобождении из окружения».

Слишком поздно — гораздо позднее, чем было необходимо.

В Тернополе закипели завершающие бои. Советы, которые возжелали непременно овладеть всем городом, со все тем же ожесточением наступали и 11 апреля, благодаря чему им удалось создать новые бреши в немецкой обороне. Хотя перспективы прорыва уцелевших защитников на запад к — как предполагалось — подступающим в самое ближайшее время к городу германским танкам все более и более становились призрачными, все приготовления гарнизона к прорыву были проведены в соответствии с приказом со всем тщанием. Как раз в ночь на 12 апреля неприятель пошел в очередную атаку после сильной артподготовки и осуществил новые прорывы, отбивать которые уже не было сил. После трех недель пребывания в кольце силы гарнизона все более и более слабели, день и ночь находившиеся под обстрелом врага солдаты, отбивавшие одну атаку за другой, просто не могли больше сопротивляться. Генерал-майор фон Найндорф питал твердую уверенность в том, что деблокирующий удар развивается в соответствии с планом, его запросы по радио с требованиями ускорить прорыв и вопросами относительно встречного прорыва гарнизона становились все настойчивее.

Так, 12 апреля в 21.25 он передал: «Положение обостряется, прорывы противника невозможно ликвидировать, связь с частями отсутствует. При новых атаках противника тяжкие последствия неизбежны. Ускорьте деблокаду, иначе будет слишком поздно».

13 апреля в 6.50: «В течение всей ночи на всех участках обороны сильное давление неприятеля. На северном фланге новый прорыв. Дальнейший отход на западе и давление врага на мосту».

В 9.05: «С 7.00 новые поражения гарнизона в развалинах. На улицах танки и орудия врага, артобстрел из орудий и минометов».

В 12.55: «С 10.00 противник ведет интенсивный обстрел по всему кольцу обороны. Атаки пехоты на юге. Обостряющееся положение требует скорейшей деблокады».

В 15.20: «Уличные бои на юге и востоке. Боеприпасы заканчиваются. Когда произойдет деблокада?»

Уже 13 апреля со всей отчетливостью стало понятно, что с оставшимся гарнизоном будет покончено, если идущие на помощь силы не подойдут в самое ближайшее время. Теперь счет времени пошел уже на сутки.

Русским удалось мощным ударом с юга разрезать котел на две части: оставшуюся часть города на восточном берегу и предместье Загребелье на западном берегу Серета. Единственной связью между обеими частями гарнизона оставалась только насыпная дамба, по которой проходила улица, уже находившаяся под прицельным огнем противника.

После того как погода значительно улучшилась, 14 апреля оказалось возможным возобновить деблокирующий удар с плацдарма у села Млынцы — спустя три потерянных дня. В 6.00 первые танки по только что наведенному мосту переправились на другой берег Возушки. В то время как 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» в качестве ударной группы Биттриха[1*] с приданными ей пехотными частями прикрывала фланг с северо-востока, полковник Фрибе под этим прикрытием продвигался на юго-восток со всей имеющейся в его распоряжении бронетехникой (как и танками из «Гогенштауфена») общей численностью 71 танк и 27 штурмовых орудий, после сильной артподготовки подойдя прямо к Тернополю в 12.00. Во второй половине дня передовые машины танкового клина ворвались в село Великий Ходачков неподалеку от города, но были остановлены сильным огнем противника. Следующий удар оказалось возможным предпринять только на рассвете 15 апреля, после того как подтянулись остальные части. Теперь счет времени шел уже не на сутки, а на часы — столь драматически обострилась ситуация.

Радиосообщение от коменданта города от 14 апреля, 8.00: «Ожидаем атаки противника. Боеприпасы на исходе. Как далеко деблокада?»

И в 11.00: «Срочно деблокируйте, нужны боеприпасы. Приказа на прорыв, которого ждем с часу на час, все нет».

Но все приказы деблокирующей группе об ускорении продвижения уже не помогали. Приказ, переданный XXXXVIII танковому корпусу, гласил: «Наступать днем и ночью, ситуация в Тернополе не позволяет более медлить. Только вперед — потеря времени теперь недопустима». 4-й танковой армии: «Ситуация в Тернополе не позволяет более задерживаться. Немедленно вперед. Речь идет уже о минутах!»

[1*] Биттрих — командир 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен».

Даже сам командующий группой армий «Северная Украина» генерал-фельдмаршал Модель лично прибыл на КП XXXXVIII танкового корпуса, но и он не смог изменить ситуацию.

Лишь к вечеру 15 апреля ударная группа смогла овладеть Великим Ходачковом. Предусмотренную планом ночную атаку пришлось перенести на утро, так как лишь на рассвете 16 апреля самолеты люфтваффе смогли доставить горючее и боеприпасы, необходимые для заправки танков и пополнения их боезапаса. После этого ударная группа Фрибе получила возможность продолжить наступление.

До Тернополя оставалось еще 11 километров — 11 километров, которые было невозможно преодолеть без поддержки с воздуха. На каждом шагу русские оказывали ожесточенное сопротивление и порой даже наносили контрудары.

И тут случилось нечто совершенно неожиданное — перед первыми боевыми машинами на холмах восточнее Великого Ходачкова появились оборванные, перемазанные в грязи и гари фигуры, в которых едва можно было узнать германских солдат. Но лица их светились радостью и счастьем оттого, что они встретились со своими боевыми товарищами из танковой ударной группы. Это были первые десять солдат, вырвавшиеся из котла Тернополя. За ними, как решили танкисты, вскоре должны были появиться и остальные прорвавшиеся солдаты гарнизона, и стали их ждать. Но до Великого Ходачкова смогли добраться еще только тридцать три защитника Тернополя — и больше никого.

Последнее радиосообщение из Тернополя: «Комендант погиб в бою» — и дальше только молчание

Генерал-майор фон Найндорф в конце концов пришел к решению удерживать единственный оставшийся путь к отступлению через дамбу в предусмотренный район сбора для прорыва — в Загребелье. Там он предполагал собрать свои еще остающиеся части. Кроме того, лишь только в Загребелье была возможна доставка горючего и боеприпасов самолетами, так как удерживаемое пространство в собственно Тернополе стало слишком малым. Так что в ночь с 13 на 14 марта сюда, в Загребелье, стали стягиваться все оставшиеся в живых защитники города, численностью более 1300 человек. С ними были и те раненые, кто могли идти, поддерживаемые товарищами, или были вынесены ими.

Из тяжелого вооружения сюда же еще подошли 1 танк, 2 штурмовых орудия, 2 самоходных орудия, 1 противотанковая пушка и 2 пехотных орудия. В городе на восточном берегу Серета еще оставались несколько мелких частей, прикрывавших отход, чтобы обеспечить переноску тяжелораненых, для которых не было транспорта. Однако постоянное давление противника в ночь на 15 апреля вынудило оставить и этот район. Около 700 тяжелораненых остались на том берегу реки и были предоставлены на произвол судьбы.

В среду 15 марта из котла в Загребелье поступила последняя радиограмма. В ней сообщалось о гибели коменданта города. Генерал-майор фон Найндорф пал в ночном бою.

Реконструкция последних событий позволяет восстановить их следующим образом:

После гибели генерал-майора фон Найндорфа командование над собравшимися в Загребелье остатками гарнизона принял полковник фон Шёнфельд. Здесь сосредоточилось около 1500 человек. Но ситуация в Загребелье с самого начала представлялась безнадежной. Это был котел около 1000 метров диаметром на пространстве, окруженном разбросанными предместьями деревенского типа, которое не предоставляло никаких возможностей для укрытия и которое русские простреливали из всего имеющегося у них тяжелого вооружения и подвергали бомбовым ударам с воздуха. Поскольку большинство домов здесь были построены из самана или дерева и почти не имели погребов, потери личного состава стали резко возрастать. В немногих имевшихся погребах были укрыты уже здесь появившиеся тяжелораненые. Ситуация на пространстве, не дававшем никакого укрытия, для совершенно измотанных в боях, до предела обессилевших, изнуренных солдат с заросшими щетиной, покрытыми сажей истощенными лицами, на которых только лихорадочно блестели глаза, была катастрофической. Боеприпасы, которые в собственно городе еще можно было где-то добыть, здесь подошли к концу, поскольку с собой шедшие на прорыв солдаты гарнизона взяли только самое необходимое. Но самым тяжелым была нехватка воды. Поскольку единственный имевшийся здесь колодец днем и ночью находился под обстрелом врага, то вскоре он оказался совершенно разрушен. Отсутствие воды еще больше ухудшало положение раненых. Их пересохшие губы приходилось смачивать водкой. Не было никакой возможности оказать помощь получившим ранение уже здесь. Последние боеприпасы закончились, рация была разбита прямым попаданием.

Окруженный гарнизон Тернополя сражался с мужеством обреченных и оборонялся до последней возможности. Из последних сил солдаты пытались удерживать город, ожидая освобождения извне и спасения. Со дня на день, а в последнее время с часу на час они рассчитывали на подход германских танков — но они все не появлялись. И теперь собравшихся здесь бойцов стали охватывать глубокая безнадежность, подавленность и разочарование. Здесь, в Загребелье, нельзя было дольше оставаться, нельзя было и далее пребывать под обстрелом противника. Поэтому полковник фон Шёнфельд в 22.00 15 апреля собрал всех оставшихся офицеров гарнизона и отдал приказ о прорыве любой ценой. Приказ этот был известен только офицерам, из которых ни один не добрался потом до своей передовой. Поэтому в точности неизвестно, как именно происходил прорыв. Из пересказанного немногими вырвавшимися из окружения можно, однако, установить, что прорыв еще боеспособных солдат гарнизона вместе с еще могущими передвигаться ранеными произошел 16 апреля около 2.00 ночи двумя группами примерно по 700 человек каждая под командованием офицеров в двух различных направлениях. Обеим группам удалось довольно успешно совершить прорыв непосредственно из Загребелья (то есть сквозь внутреннее кольцо окружения), поскольку русские совершенно этого не ожидали и были ошеломлены. В то время как одна группа стала пробиваться на запад, другая группа под командованием полковника фон Шёнфельда двинулась в юго-западном направлении. Не понеся сколько-нибудь значительных потерь, ей удалось перевалить через холмы к юго-западу от Загребелья, миновать село Яновка и добраться до леса южнее этого села, в котором расположились позиции вражеских противотанковых орудий и тяжелой артиллерии. Их расчеты частью были уничтожены, а частью обращены в бегство. Но эта группа была атакована противником с тыла и с флангов, медленно выбралась из леса и просочилась через открытое поле западнее его. Она понесла тяжелые потери, погибли все офицеры, в том числе и полковник. Оставшиеся в живых разбились на маленькие группки, которые под обстрелом противника, постоянно теряя товарищей, рвались вперед, стараясь добраться до немецкой передовой. Большинство из них погибло во время прорыва. Лишь 43 солдатам удалось в конце концов добраться до северной окраины Великого Ходачкова, где они встретились с передовыми германскими танками.

О группе, пробивавшейся на запад, больше не появилось никаких известий, кроме сообщения об одном совершенно трагиче-

ском случае. В донесении говорилось о группе численностью около 50 человек, вышедшей ранним утром севернее Козлова на участке фронта 357-й пехотной дивизии и приблизившейся к немецкой передовой на расстояние голосовой связи. Однако дальше люди из этой группы пройти не смогли, так как враг, ведя сильный огонь с господствующих над местностью высот, не давал им продвинуться ни на шаг. Они лишь смогли крикнуть, что они из гарнизона Тернополя, но не имели возможности даже поднять голову. Все попытки как-то вытащить их с простреливаемой полосы в траншеи дивизии окончились неудачей. Лишь с наступлением темноты пяти солдатам этой группы удалось пробраться в расположение 357-й дивизии. Остальных же русские, как было видно в бинокли, согнали в одну хату, которую затем расстреляли из орудий.

Еще двое солдат, уже 18 апреля, пробились к селу Озерная (Озерна), что в 6 километрах севернее Козлова, став таким образом сраженцами[1*]. Кроме них, в тот же день еще пять солдат, которые уже три дня провели в лагере для военнопленных в Збараже, были отосланы русскими обратно с пропагандистскими материалами, став возвращенцами.

Из 4600 человек гарнизона «укрепленного пункта» Тернополь к своим пробилось только 55 человек — об остальных ничего не известно до сих пор. В нечеловеческих трудах и страданиях они провели в осажденном Тернополе три недели по приказу Гитлера — понапрасну.

Продолжение прорыва ударной группы Фрибе в направлении Тернополя было остановлено 17 апреля из-за сильных контрударов противника, она была вынуждена, как и незадолго до этого ударная группа Биттриха, перейти к обороне и вести напряженные оборонительные бои. Поскольку в этой ситуации пропала всякая надежда на то, что кто-нибудь еще из защитников Тернополя выйдет к передовым германским частям, этот второй деблокирующий удар 18 апреля был прерван, и обе ударные группы отступили на свои исходные позиции, где их ждали новые бои уже в другом качестве.

Обе ударные группы (Биттриха и Фрибе) с 15 по 17 апреля нанесли противнику значительный урон, уничтожив в том числе 74 танка, 24 противотанковых орудия и 84 полевые пушки. Их собственные потери составили 1200 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а также 18 танков.

[1*] С этого времени стали различать сраженцев (вышедших с оружием в руках) от возвращенцев (взятых в плен и отосланных назад русскими с пропагандистскими целями).

Но даже эти жертвы не могли спасти гарнизон Тернополя. «Укрепленный пункт» («крепость») Тернополь перестал существовать.

Из сводок вермахта

17 апреля

«...Под Тернополем наши войска ударами с запада продвинулись до артиллерийских позиций врага и уже приняли в свой состав часть выходящего с боями на запад в соответствии с приказом гарнизона...»

18 апреля

«...Под Тернополем оставшиеся части гарнизона города пробиваются с боями навстречу подходящим частям сухопутных сил и войск СС...»

Части и подразделения, входившие в состав гарнизона «укрепленного пункта» Тернополь по состоянию на 23 марта 1944 года

Комендант крепости и штаб (генерал-майор фон Найндорф)

949-й мотопехотный полк (из состава 359-й пехотной дивизии)

Стрелковый (пехотный) батальон Демба

543-й батальон народного ополчения

500-й охранный батальон

Батальон Митшерлинга (3-й батальон 4-го добровольческого полка СС дивизии «Галичина»)

Ударная группа Грундмана (силой до роты)

Остатки 3-го батальона 4-го добровольческого полка СС дивизии «Галичина» (силой до роты)

Сводная рота из частей 8-й танковой дивизии

Сводная рота «Фогель»

4-й дивизион 359-го артполка с тремя батареями

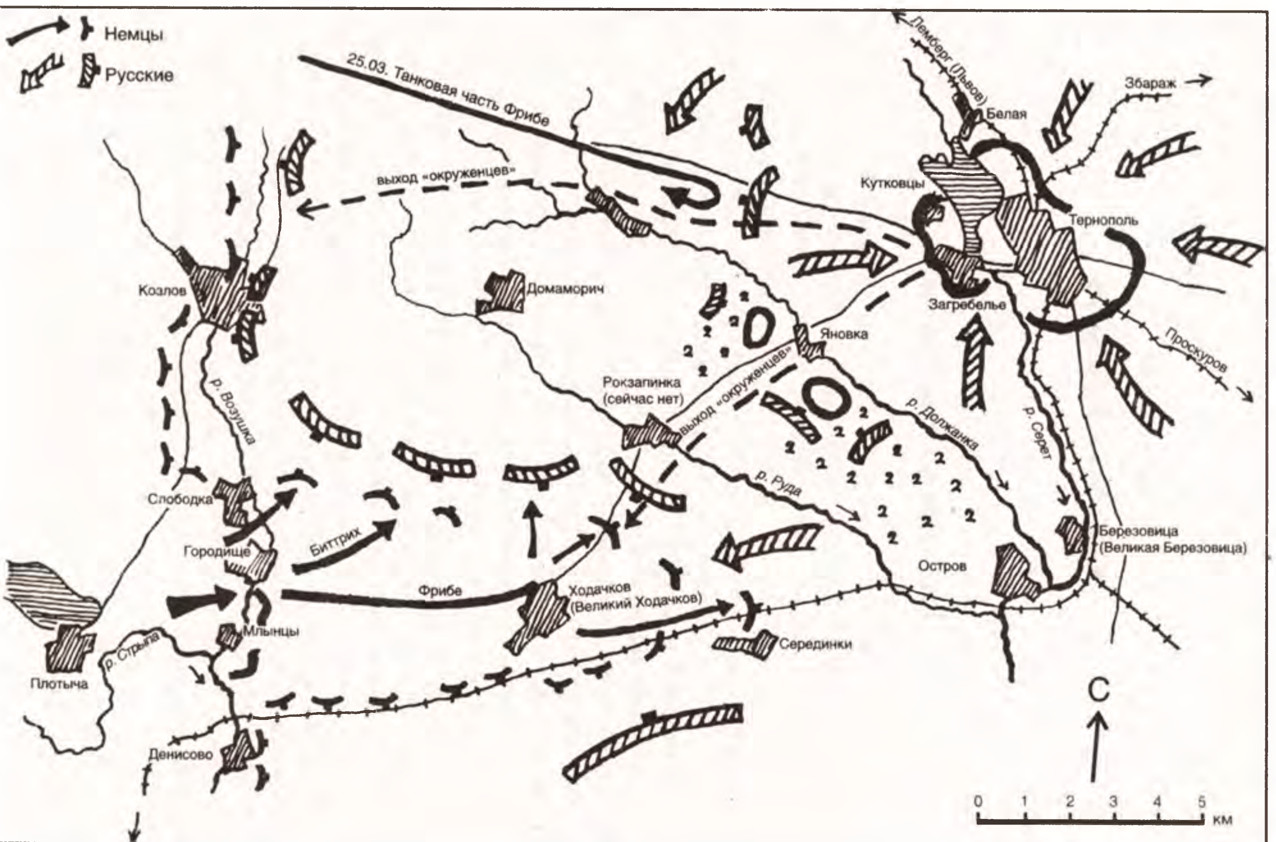
Рота истребителей танков с 6 орудиями

Батарея штурмовых орудий с 9 штурмовыми орудиями

Батарея самоходных орудий полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер» с 6 орудиями

Остатки 4-й батареи 384-го зенитного дивизиона с 7 орудиями

Прочие более мелкие подразделения

Немцы
Русские
25.03. Танковая часть Фрибе
Лемберг (Львов)
Збараж
Белая
Кутковцы
Тернополь
выход «окруженцев»
Козлов
Домаморич
Загребелье
Яновка
Проскуров
Рокзапинка
(сейчас нет)
выход «окруженцев»
р. Возушка
р. Должанка
р. Серет
р. Руда
Слободка
Городище
Биттрих
Фрибе
Ходачков
(Великий Ходачков)
Березовица
(Великая Березовица)
Остров
Млыныцы
Плотыча
р. Стрыпа
Серединки
Денисово
С
0
1
2
3
4
5
км

Глава 3
КРЫМ: 17-Я АРМИЯ

Трагедия на Черном море

Это было в Крыму, который практически представляет собой большой остров площадью 25,5 тысячи квадратных километров, соединенный с материком лишь на севере перешейком у Перекопа шириной от 6 до 23 километров да проходящей через Сиваш железнодорожной линией. С запада и юга Крым омывается Черным морем, а с востока — Керченским проливом длиной около 41 километра и шириной от 4 до 15 километров, который соединяет Азовское и Черное моря и одновременно отделяет Крым с его Керченским полуостровом (площадь последнего около 3 тысяч квадратных километров) от расположенного напротив него Таманского полуострова. Поверхность большей части Крыма равнинная, с широкими пустынными участками, и лишь вдоль части южного побережья проходят три горные гряды: Южная (или Главная — до 1545 метров высотой) и, лежащие севернее, Средняя (или Внутренняя — до 723 метров высотой) и Северная (или Внешняя) до 342 метров высотой. Крым пересекают немногочисленные железнодорожные линии и несколько шоссе, крупнейший город полуострова Симферополь, а в юго-западном углу Крыма расположилась крепость, военно-морская база и порт Севастополь, от которого выступает в море небольшая полоска земли — мыс Херсонес с его заливами, обрывистыми берегами и узкими пляжами. На такой сцене и предстояло разыграться трагедии 17-й армии.

Оборона Крыма.
Отрезаны от всего Восточного фронта

После многомесячных и кровопролитных сражений германское командование решило отвести 17-ю армию с плацдарма на Кубани. В ходе блестяще организованной и проведенной операции по

передислокации с Таманского полуострова через Керченский пролив удалось к 9 октября 1943 года без всяких потерь перебросить в Крым все части с их солдатами, лошадьми, тяжелым снаряжением и транспортными средствами. (В ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции 9 сентября — 9 октября 1943 года советские войска Северо-Кавказского фронта и силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии (всего 317 400 человек, 4435 орудий и минометов, 314 танков и САУ, около 600 самолетов) нанесли поражение 17-й немецкой армии (свыше 40 тысяч человек, 2860 орудий и минометов, свыше 1000 танков и штурмовых орудий, 300 самолетов. Потеряв 57 800 солдат и офицеров убитыми и ранеными (не считая потерь на переправах), немцы и их союзники переправились в Крым. Кроме того, в ходе переправы авиация 4-й воздушной армии потопила до 150 различных судов и более шестидесяти повредила, летчики Черноморского флота потопили 50 барж, 3 сторожевых катера, несколько транспортов, сбили 56 самолетов. Потери советских войск и флота с 9 сентября по 9 октября: безвозвратные 14 564 человека, санитарные 50 946 человек, 111 танков и САУ, 70 орудий, 240 боевых самолетов. — *Ред.*) Но если солдаты и офицеры этой армии рассчитывали обрести в Крыму хотя бы краткий отдых и покой, то очень скоро они испытали горькое разочарование. Восемь дивизий в срочном порядке были переброшены на север и тут же брошены в горнило новых тяжелых сражений. Остальным было приказано оставаться на месте. Ибо Гитлер непременно желал удерживать Крым из соображений престижа прежде всего перед Турцией, Болгарией и союзнической Румынией, от которой он в случае сдачи Крыма ожидал негативных политических последствий. Но политические соображения и основания имеют смысл только в том случае, если они соответствуют собственному военному положению и мощи. Даже тот аргумент, что удержание Крыма обеспечивает самое надежное фланговое прикрытие южной части германского Восточного фронта, был притянут за уши, поскольку это же самое можно было бы еще лучше осуществить перекрытием узкого перешейка у Перекопа с севера. А часто приводимое в подобных случаях обоснование, что Крым связывал бы крупные вражеские силы, также не выдерживает критики, так как намного превосходящая в живой силе и технике Красная армия уже с 1943 года могла действовать на всем Восточном фронте и одновременно вести всевозможные наступательные действия на любом его участке.

Все это было прекрасно известно командующему 17-й армией генерал-полковнику Енеке, приказавшему разработать планы и

начать подготовку к быстрому поэтапному оставлению Крыма сухопутным путем в направлении на низовья Днепра, так как дальнейшее удержание Крыма не имело особого смысла. Наоборот, его армия могла бы значительно усилить южный фланг германского Восточного фронта.

Но Гитлер на основании едва обрисованных доводов не дал разрешение на отвод армии из Крыма сухопутным путем. А затем делать это было уже поздно, поскольку 23—24 октября 1943 года советский 4-й Украинский фронт (до 20 октября Южный) под командованием генерала армии Толбухина (наступая с 26 сентября по 5 ноября (в ходе Мелитопольской операции) проломил оборону германской 6-й армии в районе Мелитополя и прорвался со своими танками и механизированными соединениями сквозь Ногайские степи в низовья Днепра. 30 октября первые советские танки вышли к Сивашу, а 1 ноября советские войска ворвались на Перекопский перешеек — и 17-я армия оказалась без какой-либо наземной связи и была отрезана от южного фланга всего германского Восточного фронта, который снова оказался за низовьями Днепра и мог теперь рассчитывать только на плацдармы у Херсона и Никополя. Первые передовые вражеские танковые силы, которые 31 октября — 1 ноября вторглись с севера в Крым, были с большим трудом остановлены наскоро переброшенными соединениями. На Перекопском перешейке русские, однако, смогли преодолеть возведенный там Турецкий вал (еще до нашей эры скифами, а затем усовершенствованный крымскими татарами и турками в XV—XVIII веках, Белой армией Врангеля в 1920 г. — *Ред.*) и углубились до предместий Армянска, а также начали создавать крупный плацдарм в районе Сиваша на его островах и косах. Давление сил врага на перешейке продолжалось, и лишь когда германский оборонительный фронт здесь был усилен переброшенной на этот участок 50-й пехотной дивизией, ситуация стабилизировалась. Особенно эффективными проявили себя батареи тяжелых 88-мм зенитных орудий 9-й зенитной дивизии (в 9-й зенитной дивизии, довольно мощной огневой силе, насчитывалось около 30 тяжелых и около 40 легких зенитных батарей), которые своим точным и действенным огнем оказывали неоценимую поддержку пехоте в наземных боях[1]. Хорошо показал себя и бронепоезд, вооруженный этими 88-мм орудиями, который в первые дни начавшихся боев за Крым уничтожил 24 вражеских танка.

---

[1] Германские 88-мм зенитные орудия широко использовались в роли противотанковых и даже полевых орудий.

Но пока армия овладевала положением на возникшем Северном фронте и стабилизировала его, новая критическая ситуация возникла на Керченском полуострове. Здесь противник также не стал долго ждать и вторгся в Крым с Таманского полуострова. После успешной высадки десанта в начале ноября 1943 года он смог захватить плацдарм у Керчи, который, несмотря на все принятые меры, так и не удалось ликвидировать, в результате чего противостоящей десанту 98-й пехотной дивизии пришлось вести с ним тяжелые бои.

Хотя 17-я армия не имела никакого наземного сообщения с основными силами вермахта, была отрезана от Восточного фронта и предоставлена самой себе, вела бои с врагом на Перекопе и у Керчи, а командованию армии было совершенно ясно, что оставление Крыма и эвакуация морем становятся только вопросом времени, Гитлер упорствовал в своем решении: оборонять Крым при всех обстоятельствах, не считаясь ни с чем. И чтобы подкрепить это свое решение, в Крым даже были переброшены еще две дополнительные дивизии[1*] — что, разумеется, было совершенно недостаточно — в качестве подкрепления.

В соответствии с приказом фюрера армия заняла оборонительные позиции. На севере полуострова был размещен XXXXIX армейский горный корпус, а входившая в его состав 50-я пехотная дивизия удерживала позиции на Перекопском перешейке. Район Сиваша и Азовского моря прикрывали от вторжения 336-я пехотная дивизия и румынские 10-я и 19-я пехотные дивизии. Далее к востоку по обе стороны от Керчи располагался V армейский корпус в составе 98-й, вновь переброшенной сюда 73-й пехотной и румынской 6-й кавалерийской дивизий. Румынский I горный корпус и еще две румынские кавалерийские дивизии удерживали русских партизан в Крымских горах и контролировали протяженное побережье. Армейские резервы находились на севере полуострова, пока не были задействованы на перешейке у Ишуни, как и переброшенная в Крым 111-я пехотная дивизия.

Всего на полуострове действовали 5 ослабленных в боях германских дивизий, 7 румынских дивизий и 2 бригады штурмовых орудий. За исключением двух бригад штурмовых орудий, 17-я армия представляла собой маломаневренное и почти лишенное бронетехники оперативное объединение. Его основную ударную силу составляли испытанные в боях батареи легких и тяжелых зенитных

[1*] В конце января 1944 года 73-я пехотная дивизия, а в начале марта еще и 111-я пехотная дивизия были переброшены в Крым по морю.

орудий из состава 9-й зенитной дивизии, которые могли вести бой как с авиацией, так и с танками.

В состав армии входили еще армейские и корпусные части, тыловые службы, береговые батареи, флотские подразделения, личный состав авиации, русские восточные подразделения и добровольцы, а также большое число «сопровождающих вермахт», которые собрались здесь после германского завоевания Крыма в начале лета 1942 года. Они представляли собой внушительную массу людей общей численностью около 235 тысяч человек[1*], которых приходилось кормить и одевать, но в бою можно было рассчитывать лишь на малую часть из них.

Зимние месяцы 1943/44 года, за исключением района Керчи, где продолжались ожесточенные бои с занявшими плацдарм силами, прошли относительно спокойно. В условиях еще существовавшего германского господства на море и в воздухе (автор преувеличивает. — *Ред.*) и при регулярном снабжении Крыма через западную часть Черного моря 17-я армия не испытывала каких-либо значительных трудностей с боеприпасами, снаряжением и питанием. Вместе с тем в армии и в группе армий «А», которой подчинялась 17-я армия, бытовало мнение, в военном отношении вполне здравое и обоснованное, что дальнейшая оккупация Крыма совершенно бесполезна. Однако приказ фюрера № 7 от 2 апреля 1944 года предписывал удерживать Крым.

Русские, однако, знали, что Крым будет принадлежать им даже при дальнейшем нахождении там 17-й армии. В многочисленных листовках с призывами к сдаче, которые они разбрасывали с самолетов, издевательски утверждалось, что Крым представляет собой их самый большой и самый надежный лагерь для военнопленных. Немцы сами кормят себя, сами охраняют себя и, даже когда уезжают в отпуск, добровольно возвращаются из него. Так что им, русским, нет нужды спешить и занимать Крым.

Затем общее положение на Восточном фронте стало ухудшаться. С марта 1944 года началось отступление германских сил в нижнем течении Днепра, и в результате мощного советского наступления фронт группы армий «А» откатился далеко за Днепр. С 10 апреля в руки русских снова перешел город и порт Одесса, до этого бывший самой важной базой снабжения для 17-й армии. Это означало, что теперь совершенно изолированная армия находится в 300 километрах от германских сил, а ее снабжение возможно ныне только гораздо более длинным водным путем через

[1*] По состоянию на 9 апреля 1944 года.

румынский порт Констанца. Тем не менее еще оставались время и возможность эвакуировать морем всю армию со всем ее личным составом, лошадьми и вооружением. Однако Гитлер упрямо настаивал на обороне Крыма и запретил выводить с него войска.

Это была увертюра, после чего начался первый акт трагедии. Теперь русские принялись за «ликвидацию» германской «Крымской армии», как это было принято называть на их языке. С севера подходил 4-й Украинский фронт под командованием генерала армии Толбухина в составе 2-й гвардейской армии численностью шесть стрелковых дивизий (под Перекоп) и 51-й армии — пять стрелковых дивизий и один танковый корпус, всего около 500 танков, — к Сивашу. Под Керчью стояла изготовившаяся к наступлению Отдельная Приморская армия под командованием генерала армии Еременко в составе 11 стрелковых дивизий и одной танковой бригады с около 100 танками, которые при необходимости должны были поддерживать соответственно 8-я или 4-я воздушные армии, имеющие в своем составе около 2000 самолетов. (Всего в советских войсках, наступавших в Крыму, насчитывалось 470 тысяч человек, 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ, 1250 самолетов. — *Ред.*) Координацию действий обоих фронтов с апреля осуществлял представитель Ставки маршал Василевский.

С середины марта советская авиация наращивала свою активность, это могло рассматриваться как признак ожидавшегося наступления русских. Оно началось 8 апреля (после пяти суток обстрела тяжелой артиллерией, разрушившей значительную часть долговременных сооружений немцев, а в день наступления — 2,5-часовой артиллерийской и авиационной подготовки. — *Ред.*). Советы, имея громадное превосходство в силах, предприняли наступление на всем Северном фронте. После артподготовки в 9.00 2-я гвардейская армия, поддержанная активными действиями штурмовой авиации, нанесла удар по германским позициям на Перекопском перешейке. Однако 50-я дивизия стойко держалась и даже смогла, совместно с частями 111-й дивизии, заставить отступить вклинившиеся в германскую оборону советские войска. Держала оборону и 336-я дивизия на западном побережье Сиваша. Однако с 10 апреля ситуация начала резко ухудшаться. 50-я дивизия больше не могла сдерживать ударов врага и, понеся большие потери, была вынуждена отойти на Ишуньский перешеек, который занимала 111-я дивизия. В районе Сиваша 8 и 9 апреля стойко держалась румынская 10-я пехотная дивизия, на которую и пришелся главный удар наступавшей советской 51-й армии и которая даже переходила в контратаки, не-

смотря на тяжелые потери. Однако 10 апреля около полудня ее сопротивление резко ослабло. В этот момент неприятель предпринял — чего нельзя было ожидать по условиям местности — наступление силами своих стрелковых дивизий и танковой бригады с островов и заливов противоположного берега и глубоко вклинился во фланг германской обороны. Оказалось, что русские в течение нескольких месяцев, работая по ночам с привлечением немецких военнопленных, построили дамбы и мосты, поверхность которых находилась неглубоко под водой, так что оставались незаметными для германской авиации. Теперь, используя их, а также паромы и лодки, русские войска переправлялись через Гнилое море. В этих обстоятельствах удержать германские позиции на Ишуньском перешейке не представлялось возможным. После того как неприятелю удалось прорвать Северный фронт, ему открылся путь в Крым. Так как вследствие значительных потерь дополнительные силы и резервы отсутствовали, XXXXIX горнострелковый корпус, оборонявшийся на севере, и другие соединения, оказавшиеся под угрозой удара с тыла, уже 10 апреля получили приказ отходить к Севастополю. Им предстояло трудное отступление по совершенно открытой степи, на пространстве которой они должны были состязаться в скорости передвижения с преследующими их по пятам вражескими танками и моторизованной пехотой.

Отступление: 240 километров за 4 дня

Спешный отход XXXXIX горнострелкового корпуса начался в ночь с 11 на 12 апреля — рано утром 12-го числа неприятель уже занял Ишунь. Необходимо было торопиться. Не останавливаясь ни на минуту, по большей части пешком, длинные колонны германских и румынских солдат потянулись на юг, преследуемые по пятам врагом, который своими превосходящими силами особенно активно угрожал левому флангу. Здесь действовали, например, в качестве последнего армейского резерва брошенные в бой против многократно превосходящих сил врага у железнодорожной станции Джанкой горнострелковые части, погибшие до последнего человека. Отступающим оказывали поддержку и облегчение подразделения зенитной артиллерии, действовавшие против наземных сил врага, штурмовые орудия и еще боеспособные самолеты люфтваффе на тех участках, где неприятель наносил особо мощные удары или препятствовал отступлению. Германские ис-

требители, штурмовики и пикирующие бомбардировщики совершили за это время 2390 боевых самолето-вылетов. Кроме прочего, генерал Дойхман, командир 1-го авиакорпуса, однажды лично возглавил авиагруппу из состава 27-й бомбардировочной эскадры, которая нанесла бомбовый удар по советским танковым частям и уничтожила более 50 танков. Артиллеристы-зенитчики, действуя против неприятеля как воздушного, так и на земле, сбили 58 вражеских самолетов и уничтожили 62 танка[1*].

И снова германские и румынские солдаты должны были отступать, при этом сражаясь. Каждый офицер и солдат понимал, что на карту поставлено все, и надеялся на то, что когда они доберутся до Севастополя, то там уже все будет готово к эвакуации морем и они смогут наконец оставить Крым.

Это было отступление, но определенный порядок еще сохранялся. И люди и животные шли ускоренным темпом, русские танки с пехотой на броне и моторизованная пехота наступали им на пятки. Войска не останавливались на ночь, никакие походные биваки не разбивались, пара часов отдыха — и снова вперед. Ежедневно делались переходы по 40, 50 и 60 километров. С транспортных средств выбрасывалось все ненужное, чтобы освободить место для раненых и неспособных идти. Падающие от изнеможения люди повисали на грузовиках, подобно виноградным гроздьям, — и вперед, вперед... Приготовленные отсечные и промежуточные позиции имелись в наличии, но занимать их было некому, все резервы уже были задействованы, поэтому они не играли никакой роли (поскольку отступление или, скорее, бегство немцев и румын было всеобщим и стремительным. — *Ред.*). Против преследующих отступающие колонны русских арьергардное прикрытие время от времени устраивало короткие перестрелки, чтобы притормозить их, но те или обходили заслоны, или прорывали их. Некоторые группы прикрытия оказывались таким образом в окружении, но вырывались из него и тоже отходили. На просторах совершенно плоской, лишенной всяких укрытий степи гремели залпы русских орудий, рвались снаряды германских 88-мм зениток, рявкали быстро меняющие свои позиции орудия германских батарей, сотрясали землю разрывы бомб пикирующих «Юнкерсов-87», поднимали фонтаны пули пулеметов и снаряды авиапушек советских штурмовиков, гремели гусеницы штурмовых орудий, спешащих на особо угрожаемые участки, вскипали рукопашные схватки пехотинцев. Но всяческое сопро-

---

[1*] В период с 8 по 14 апреля.

тивление и оборона не могли надолго сдержать врага, который уже 13 апреля вступил в Симферополь, столицу Крыма и до сего времени местопребывание командования 17-й армии. И кто знает, добралась бы основная масса войск XXXXIX корпуса до Севастополя, если бы тогда комендантом крепости был бы не полковник Бетц. Представляя ситуацию у спешащих в Севастополь войск, он выдвинул два батальона пехоты, шесть батарей и несколько штурмовых орудий в Бельбекскую долину у Бахчисарая и организовал там промежуточный оборонительный рубеж, который стал заслоном для русских войск, преследующих отходящие германские части. На не ожидавшие, сжавшиеся в теснине колонны советских танков и моторизованной пехоты обрушился внезапный и точный огонь германских орудий. Это дало возможность выиграть бесценные 12 часов, в течение которых массы германо-румынских частей добрались до крепости Севастополь и заняли импровизированную оборону на ее северном участке. К вечеру 14 апреля здесь уже был организован полноценный оборонительный рубеж, отразивший удар передовых частей преследующих русских войск, попытавшихся с ходу ворваться в город.

XXXXIX корпусу все же удалось — неся при этом тяжелые потери — за три дня проделать отступление в 160 километров, ведя при этом арьергардные бои с наседающим противником, и сохранить свою тяжелую артиллерию.

Да, удалось — и, вступив в город после боев и переходов, смертельно уставшие, истощенные солдаты облегченно вздохнули. Теперь они находились в Севастополе, и здесь имелся порт, благодаря которому они могли по Черному морю вырваться на свободу. Однако еще во время отступления, 12 апреля, армейское командование получило приказ Гитлера, который для него был подобен удару обуха по голове и о котором они решили пока не сообщать отступавшим: теперь следовало оборонять уже не Крым, но как можно дольше удерживать Севастополь в качестве крепости. Что при этом думали в ставке фюрера относительно судьбы собравшихся в Севастополе войск, было совершенно непостижимо.

Но в настоящий момент у 17-й армии были и другие заботы. Пока что в город вошел один только XXXXIX горнострелковый корпус. Далеко на востоке у Керчи находился еще и V армейский корпус, прибытия которого следовало также ожидать. До его подхода прикрытие восточного и южного участков крепостного района осуществляли части уже отступившего сюда румынского I горнострелкового корпуса.

И это отступление V корпуса обещало быть намного более трудным. 10 апреля в штаб корпуса поступило кодовое слово «Орел», которое означало приказ отступать в Севастополь, где корпусу предстояло объединиться с остальными силами армии. Но если XXXXIX корпус уже преодолел значительное расстояние, отходя назад, то V корпусу было необходимо покрыть 240 километров на запад за несколько дней, также в основном пешим маршем, чтобы успеть своевременно добраться до Севастополя, опередив врага. Начало отхода сражавшихся частей 98-й, 73-й пехотных дивизий и румынской 6-й кавалерийской дивизии было назначено на 19.00 этого дня. Но уже с наступлением вечера отступление стало развиваться неудачно. Снова началось — и на этот раз особенно драматически — состязание между пешими и моторизованными германскими частями, с одной стороны, и русскими танками и подвижными частями советской Отдельной Приморской армии — с другой. Русские тут же пустились в преследование, и обреченные на гибель арьергардные заслоны едва могли хоть ненадолго сдерживать их продвижение. Неся значительные потери, они уже к 12 апреля достигли промежуточной позиции у селения Парпач[1], где их удалось задержать лишь до вечера. Поскольку с севера уже подходили части советской 51-й армии, корпусу пришлось отклониться от своего направления на запад несколько к югу, перевалить горную гряду и продолжить движение по дороге, идущей вдоль побережья. Для ускорения переброски 10 тысяч солдат, в том числе части 73-й дивизии и румыны, были погружены в Феодосии и других небольших гаванях на имевшиеся там небольшие суда германского флота и без потерь переброшены морем в Балаклаву. (Советская авиация топила эти суда, например 13 апреля у Судака было потоплено 5 судов. — *Ред.*)

Между 10 и 14 апреля жизнь и свобода до тех пор упорно сопротивлявшихся защитников Керчи висела на волоске. Никогда еще смерть или плен не находились так близко от них. Этот намного запоздавший приказ об отходе перед противником стал причиной хаотического отступления. 17 апреля между 10.00 и 11.00 последние части корпуса после изнурительнейшего марш-броска, полностью измотанные, втянулись в пределы крепостных границ южнее и восточнее Севастополя — понеся сокрушительные потери в личном составе, лошадях, транспортных средствах,

[1] Парпач (чаще Порпач) — до 1948 года название села Ячменное Ленинского района Крыма.

оружии и снаряжении, кроме прочего утратив всю тяжелую артиллерию.

Это отступление описано в истории 98-й пехотной дивизии[1*]:

«Дивизия еще ничего не знала о несчастье, которое произошло на Северном фронте. К тому моменту, когда поступил приказ об отходе с Керченского фронта, невосполнимое время было безвозвратно потеряно. Только 10 апреля, в день Пасхи, двое суток спустя после начала отхода с Перекопа, дивизия получила приказ, в котором ей предписывалось начать отход в 19.00.

Еще в течение первой половины дня отдельные части первыми пустились в путь на восток: все румыны, зенитчики, обозники, штурмовые орудия. В полдень на совещании, состоявшемся на КП дивизии, было откровенно сказано о всей серьезности происходящих событий. Враг вторгся в Крым не только через Перекоп, но и через Сиваш, и, имея многочисленные танки, наносит сейчас удар через Джанкой на Симферополь. При этом он находится от Симферополя на половине того расстояния, которое отделяет от города защитников Керчи. Так что снова начинаются гонки с двойным врагом — наступающим с севера и с тем, который пустится в погоню с большого плацдарма под Керчью, — соревнование между пешими и танками. Отступление будет происходить следующим образом: каждый полк (коль скоро о нем еще можно говорить как о полке) выделяет для арьергарда, которым будет командовать полковник Шмидт, по одному батальону. В арьергард определенно назначаются: первый батальон 282-го гренадерского полка под командованием капитана Фрица, первый батальон 290-го гренадерского полка под командованием капитана Меца и 85-й запасной батальон под командованием майора Крауса. Им предстоит оставаться на передовой до 3.00 11 апреля, а затем тоже отходить.

Основная же масса личного состава полков начинает планомерно покидать позиции в 19.00. Полк, батальон — но какова же истинная боевая мощь этих частей? 290-й гренадерский полк, к примеру, имел на тот момент в своем составе 200 бойцов. Не очень сильно от него отличались и 282-й гренадерский полк, да и потрепанный в боях пехотный батальон... 13-я и 14-я пехотные роты со своим тяжелым вооружением очень скоро после 19.00 пережили все перипетии отступления. С имеющимися у них средствами тяги оказалось совершенно невозможно транспортировать тяжелые противотанковые и полевые орудия по местности, пре-

---

[1*] *Gareis M.* Kampf und Ende der 98 Infanteriedivision.

вращенной весенней распутицей в сплошное болото. После многочисленных бесполезных попыток все же пришлось большую часть вооружения вывести из строя — и это в первый же вечер отхода! Еще через некоторое время после начала отхода вышли из строя все транспортные средства — и пришлось взорвать также и остальное тяжелое вооружение. 282-й полк 11 апреля занял промежуточную позицию на Татарском валу. Неприятель уже давно заметил отход германских частей и начал преследование. Около 15.00 на правом участке 73-й дивизии тяжелые вражеские танки с пехотой на броне прорвали оборону и стали окружать 282-й полк. В последнюю минуту каким-то чудом бойцам дивизии удалось просочиться между наступающими танками, занять новые позиции и остановить врага. Продолжившийся с наступлением темноты марш-бросок к позициям у селения Парпач до предела измотал очень многих бойцов. 8-я рота, позволившая себе краткий отдых, была окружена вражескими танками и расстреляна. От их огня погиб командир роты вместе со многими своими бойцами, многие пропали без вести. Из всего состава роты остался в живых только ефрейтор Лембергер, «старый боец»[1], он на следующее утро прибыл в батальон, вооруженный реактивным противотанковым гранатометом «Офенрор» с одним-единственным оставшимся выстрелом. (88-мм противотанковая система RPzB-43 «Офенрор» была создана в 1943 году. Вес без ракеты 9,2 кг, вес ракеты 2,2—3,3 кг, прицельная дальность 150 м, бронепробиваемость 2000 мм. — *Ред.*)

Поначалу казалось, что 290-му полку удалось относительно гладко покинуть свои позиции. Но уже в районе Багерово[2] его подразделения были настигнуты и окружены вражескими танками, все бойцы попали в плен. Потеряны также были оба последних тяжелых противотанковых орудия и радиостанция дивизии.

Командир 289-го гренадерского полка в первой половине этого первого дня отхода получил донесение, что один его батальон полностью уничтожен вражеской авиацией, почти все бойцы убиты или ранены. Появившиеся с рассветом и непрерывно находившиеся в воздухе вражеские самолеты собрали обильный урожай жизней практически беззащитных во время отхода бывших

---

[1] «Старый боец» (*нем.* Alter Kämpfer) — обозначение старейших членов НСДАП, вступивших в партию до выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года. После прихода нацистов к власти «старые бойцы» получили преимущества в трудоустройстве и продвижении по службе.

[2] Багерово — поселок городского типа в Ленинском районе Крыма в 15 км от города Керчь.

защитников Керченского полуострова. При абсолютном господстве в воздухе русской авиации наши одиночные истребители ничего не могли изменить. Очень скоро стало вполне ясно, какая судьба постигла оставшиеся в арьергарде батальоны. Обмануть врага не удалось, ночной отход германских сил с передовой скрыть не получилось. Уже во второй половине прошедшего дня в небо поднялись черные столбы дыма от сжигаемого снаряжения, послышались мощные взрывы уничтожаемых боеприпасов.

Вражеские танки подошли к участку передовой, который удерживал 1-й батальон 282-го полка, обошли его и расстреляли практически в упор. Лишь немногим удалось вырваться из этого огненного кольца. Капитан Фриц был тяжело ранен. Через некоторое время он приказал несшим его носилки бойцам оставить его, а самим выходить в безопасное место. Он остался один.

Такая же судьба постигла и 85-й запасной батальон. Немногие выжившие, среди них и командир батальона, попали в плен. Разделили их судьбу и саперы 198-й колонны (198-го саперного батальона) (саперный батальон состоял из трех рот, мостостроительной колонны и саперной колонны. — *Ред.*). Не удалось избежать ее и бойцам 1-го батальона 290-го полка. Батальон, который до 9.00 удерживал промежуточную позицию на северной оконечности аэродрома в Багерово, был уничтожен русскими танками. Лишь немногим его бойцам удалось спастись.

Уже 11 апреля всего арьергардного полка под командованием полковника Шмидта больше не существовало. Вокруг полковника сгруппировалось только около 40 отбившихся от своих частей солдат.

Группы вражеских танков численностью от 40 до 50 машин, сопровождаемые многочисленными противотанковыми орудиями и моторизованной пехотой, двигались в направлении на запад. Однако то там, то тут они наталкивались на решительное сопротивление. Так, 3-й дивизион артполка 11 апреля занял позиции на Татарском валу и изготовился к бою. По подошедшим танкам был открыт огонь прямой наводкой из 105-мм полевых гаубиц. До позднего вечера они обрушивали сталь и огонь на врага. Но и сами артиллеристы, и орудия несли потери от вражеского огня. Несколькими попаданиями танковых снарядов были уничтожены зарядные ящики. Последними снарядами орудийная прислуга взорвала последние гаубицы. Это подразделение стало кровавой жертвой, которую принесли, чтобы обеспечить еще боеспособной части дивизии безопасный отход и ликвидировать прорыв неприятеля. Остаток этого дивизиона, ставший «ударной

группой» под командованием майора Керна, должен был вечером противостоять намного более превосходящим силам врага...

Как и о предусмотренной планом промежуточной позиции А-1, отступающей армии можно было не думать и о позиции А-2. Все, что части имели при себе, должно было быть уничтожено. Позволялось иметь только минимум самого необходимого, то, что умещалось в наспинном ранце.

К вечеру этого дня, а это все еще было 11 апреля, 289-й гренадерский полк тоже перестал существовать. Одна ударная группа, собранная из отбившихся от своих частей солдат, численностью примерно до батальона, была подчинена полковнику Шмидту. Еще до того, как она успела обосноваться на рубеже у селения Парпач (позиция А-3), — здесь, в самом узком месте полуострова, надо было с самого начала оборудовать оборонительный рубеж, — ее судьба уже была решена. Не имея никакого противотанкового вооружения, она была с фронта и тыла окружена русскими танками и расстреляна, а немногие оставшиеся в живых взяты в плен.

Измотанные до предела, из последних сил оставшиеся бойцы 290-го гренадерского полка поодиночке и небольшими группами занимали оборону на рубеже у Парпача. Здесь вместе с частями 73-й дивизии они должны были держать оборону против наступающего, намного превосходящего их силами на земле и в воздухе врага. В течение трех дней и трех ночей они, сражаясь и отходя, должны были играть роль гарнизона на этом рубеже. Здесь им предстояло удерживать бросившегося в преследование врага до 6.00 13 апреля. От 25 до 30 солдат 1-го батальона, 13-я рота с одним тяжелым пехотным орудием и тремя легкими пехотными орудиями, да еще 30 отбившихся от своих частей солдат — такими были теперь все силы 290-го «гренадерского полка».

Утром 12 апреля на рубеже Парпача занял позицию также и 282-й полк. В его составе еще был 1-й батальон, подчиненный «ударной группе» Керна, и 1-й батальон службы тыла, состоявший в основном из остатков частей других дивизий. После тяжелых оборонительных боев, особенно в Семисотке[1], силы и без того не слишком боеспособных германских частей были окончательно сломлены. Весь 1-й батальон целиком сдался в плен. В образовавшийся прорыв устремилась русская пехота. Батарея орудий 1-го дивизиона 198-го артполка огнем прямой наводкой заставила ее отступить.

---

[1] Семисотка — село в Ленинском районе Крыма.

Тем временем на южном фланге сосредоточилось более ста готовых к броску вражеских танков. Однако здесь же имелась германская артиллерия в составе 1, 2 и 4-го дивизионов тяжелых орудий. Их огонь всегда заставлял врага отступать. Ближе к вечеру наступление русских началось. В 17.00 сосредоточенная в этом районе вражеская артиллерия начала артподготовку, открыв бешеный огонь по нашим позициям. Поскольку орудия 1-го дивизиона оказались в зоне досягаемости неприятельских пулеметчиков, то по приказу командира дивизиона они были взорваны последними снарядами. Орудийной прислуге посчастливилось отойти к стоявшим на ходу грузовикам.

Из района каменоломни юго-восточнее Ак-Моная[1] действовали орудия 2-го дивизиона. Огнем прямой наводкой они уничтожили 12 танков и отбили атаку пехоты. Германская пехота была так слаба численно, что больше не могла прикрывать батареи. Ближе к вечеру батареи еще раз огнем прямой наводкой с прежней позиции остановили массированную атаку танков и пехоты. Но сменить позицию уже не представлялось возможным. Поэтому, расстреляв весь боекомплект, орудийная прислуга последними снарядами взорвала орудия. Капитан Герхардт со своими людьми, отступив, стали пехотинцами.

Благодаря образцовым действиям батарей легких 105-мм орудий (очевидно, 105-мм гаубиц образца 1918 г., масса этого орудия в боевом положении 1950 кг. — *Ред.*) удалось, воспользовавшись наступившей темнотой, отвести с помощью тягачей 4-го дивизиона с его 150-мм орудиями.

Во время ночного перехода остатки трех бывших гренадерских полков были полностью уничтожены. 12 апреля с раннего рассвета до полного наступления дня не на жизнь, а на смерть сражалась 98-я дивизия, если так можно было назвать то, что от нее осталось.

После всего пережитого за эти дни и ночи с начала отхода в войсках все больше и больше крепло ощущение брошенности их на произвол судьбы. Действия врага ничуть не удивляли. Отступающие дивизии удивляло только отсутствие какого-либо прикрытия их отступления перед лицом превосходящих сил противника. Ни авиации, ни штурмовых орудий — все это отсутствовало. Однако бойцы подчинялись приказу. Беспрекословно

---

[1] Ак-Монай (также Ак-Манай) — прежнее (до 1945 года) название села Каменское Ленинского района Крыма. Расположено на западе Керченского полуострова, в 100 км от Керчи, на берегу Азовского моря в начале Арабатской стрелки.

покрывали в марше неслыханные ранее расстояния, отдавали последние силы. Много позже, однако, эта выдержка обернется разочарованием и отчаянием, когда станет ясно, что Верховное командование нарушило свое слово и бросило части на растерзание врагу.

Стало ясно, что отступающим дивизиям придется переваливать через Крымские горы. К этому времени вражеские танки уже стояли на улицах горящего Симферополя, и для обретения возможности следовать по приморской дороге Южного берега Крыма оставалось буквально несколько часов.

В обстановке неописуемого беспорядка ухитрялась действовать — пусть хотя и нестабильно и не в полном объеме — санитарная служба дивизии. Водителям санитарных грузовиков снова и снова удавалось обмануть пикировщиков, охотившихся за ранеными, и спасать их жизнь, да и свою тоже. Победители в этой адской гонке прибывали прямо на перрон, где уже стоял санитарный поезд с паровозом под парами.

Еще до рассвета 13 апреля полковник Шмидт вернулся с собранными «с бору по сосенке» подразделениями общей численностью около 120 человек с пятью пулеметами в район селения Салы. Им предстояло оборонять северные подступы к перевалу через горную гряду. Одновременно с этим все еще имевшиеся в наличии остатки тыловых частей и маршевых колонн должны были начать движение. Увы, последние были около 9.00 настигнуты прорвавшимися передовыми частями русских, отрезаны и взяты в плен.

Ударная группа полковника Фаульхабера, усиленная батальоном из отбившихся от своих частей солдат, отбивала удары врага, пробивавшегося к горным перевалам у Цюрихталя южнее Старого Крыма. Но сил для длительного сопротивления все усиливавшемуся давлению неприятеля как с севера, так и с востока уже не хватало. В течение первой половины дня арьергард отходил к началу подъема на перевал, что еще сулило надежду на спасительное отступление.

Однако при приближении к селению Салы (совр. Грушевка) по началу подъема к перевалу и по скопившимся там маршевым колоннам открыли огонь с улиц Старого Крыма и из Карасубазара[1] подошедшие русские танки.

---

[1] К а р а с у б а з а р (до 1945 г.) — ныне г. Белогорск.

В самом селении Салы царил невообразимый хаос. Румыны перемешались с немцами, лошади, гусеничные и колесные транспортные средства сбились в единую массу. У всех было только одно отчаянное желание — перевалить через горы и выйти к Севастополю. Короче, все это являло собой картину полного крушения, а не планомерного отступления.

Боевым группам полковников Шмидта и Фаульхабера удалось удерживать врага от непосредственного воздействия на подъем к перевалу до 11.30. Здесь же обрел свой горький финал и 198-й артиллерийский полк. Поскольку было совершенно невозможно последние, с таким трудом сохраненные орудия протащить по горным дорогам, то их, четырнадцать легких и шесть тяжелых пехотных орудий, скрепя сердце пришлось взорвать недалеко от Судака. Артиллерийские передки были уничтожены, лошадей пристрелили. У их погонщиков на глаза навернулись слезы. Вся орудийная прислуга стала бойцами пехотной «артиллерийской роты».

Уже к вечеру напор усиленных танками передовых частей неприятеля стал столь силен, что оборонительную позицию в складке местности севернее села Салы пришлось оставить. Тем временем все остальные части переваливали через горы. Здесь прямо на месте только вводящие в заблуждение названия «полк» или «батальон» заменялись термином «боевая группа». В ней равным образом могло быть и сто, и десять человек.

Так они и двигались на юг, отнюдь не плотно сомкнутыми рядами в марширующих колоннах, но по большей части обозники и всевозможные германские и румынские части, желавшие только одного — оказаться в защищенной крепости Севастополь. Никто даже не пытался привнести хоть какой-то порядок в этот хаос. Отдельными группами и группками пехотинцы, то застревая, то вообще останавливаясь, рывками двигались все дальше и дальше вперед. Ближе к вечеру 13 апреля основной состав 98-й дивизии вошел в Судак. Но здесь движение застопорилось более серьезно. Несколько часов ожидания вселили тревогу и беспокойство. Начинало темнеть. Раздались одиночные выстрелы. Сначала громыхнуло противотанковое орудие. Снаряд за снарядом обрушивался на городок. Это было лишь вступлением к нападению партизан на стоявшие в ожидании и готовые следовать далее колонны. В воздухе мелькнули гранаты. Из-под крышек погребов и из окон на немцев и румын обрушился автоматный огонь. Повсюду были видны вспышки выстрелов. Некоторые грузовики пришли в движение и тут же столкнулись, другие заблудились в темноте. Вот-вот грозила вспыхнуть паника. Но несколько сохранивших само-

обладание человек, эти «старые бойцы», спасли положение: их сосредоточенный обстрел тех точек, где было видно дульное пламя, заставил нападавших прекратить огонь. Вскоре в Судаке снова воцарилось спокойствие, и к отступающим вернулось самообладание. Около полуночи колонны двинулись дальше, но подобные обстрелы повторялись несколько раз вплоть до рассвета.

И снова полковник Шмидт с «боевой группой Мец», в которой еще оставалось 40 человек, занял позицию в качестве флангового прикрытия севернее Ускута[1]. Они оставались на этой позиции вплоть до следующего утра, а затем снялись, чтобы действовать в качестве арьергарда. Обороняя подходы к КП дивизии, полковник Шмидт утром следующего дня был ранен во время налета русских штурмовиков.

Лучи яркого утреннего солнца с безжалостной ясностью высветили тяжкое зрелище: длинные колонны бегущих германских войск. На обочинах проходящей вдоль моря дороги, по которой извивался длинный хвост пехотинцев, валялись сожженные грузовики, мертвые и раненые лошади. То и дело из тянущейся колонны выходили солдаты и облегчали свою ношу, выбрасывая в кюветы лишнюю поклажу. Грузовики сбрасывали свой груз прямо под откос в море. Марш до Алушты прошел спокойно, враг не беспокоил. Это был совершенно неожиданный для всех подарок — несколько спокойных мирных часов движения. Но все же и в этот раз не обошлось без гнетущих происшествий: на одном лугу в соответствии с приказом пришлось застрелить всех лошадей, бывших нашими верными спутниками в течение многих лет, но которых теперь не было возможности держать при себе. И снова стояли слезы в глазах погонщиков, давно уже сдружившихся со своими подопечными. Так пришлось поступить всем, кому еще удалось спасти своих лошадей. Но многим терять было нечего, поскольку дивизия уже уничтожила весь парк транспортных средств и всех лошадей.

Приняв в свои ряды всех отбившихся от своих частей военнослужащих, 290-й «гренадерский полк» снова вырос аж до 250 бойцов при трех пулеметах, но без какого-либо тяжелого вооружения. Полком по-прежнему командовал майор Мец.

Имея сильное прикрытие с севера, отступающие провели первую спокойную ночь с 14 на 15 апреля в Алуште, всласть выспавшись.

---

[1] Ускут (до 1945 г.) — ныне Приветное, село в Алуштинском районе Крыма.

Войдя в Ялту, колонна дивизии позволила себе небольшой отдых. На привале у какого-то заброшенного склада отступающие отлично поели, найдя на этом складе оставленные продукты. После пары часов отдыха двинулись дальше, держа направление на Алупку. И хотя приходилось время от времени останавливаться, чтобы отбивать попытки обстрелов партизанами с нависавших над дорогой высот, зато не донимали куда более опасные налеты штурмовиков.

Арьергард, который следовал последним в колонне вместе с автомобилем, в котором двигался командир дивизии с радиостанцией, и ближе всего к неприятелю, не вез с собой ничего лишнего. В грузовике везли только более чем достаточное количество боеприпасов. Каждый боец арьергарда был вооружен до зубов. Если бы грузовик по дороге сломался, то его пришлось бы сбросить в море. Когда он приближался к одному из поворотов, из расположенного поблизости леска снова ударил автоматный огонь. После мгновенного и убедительного ответного огня нахальный партизан растворился в зарослях. После этого шесть новых раненых едут в грузовике вместе с нами, мимо дворцов и пальм. Внизу блестит морская гладь...»

Отступление к Севастополю обоих армейских корпусов, продиктованное превосходством сил противника, несмотря на сильнейшее давление врага, ожесточенные бои и тяжелейшие потери, все же удалось благополучно завершить в самый последний момент. Сколь велики были потери германских частей, можно судить по следующим цифрам: 13 131 убитыми, ранеными и пропавшими без вести, румыны потеряли 17 652 человека.

Приведу лишь один-единственный пример: 73-я пехотная дивизия доложила о потере 79% своего личного состава, из состава румынской 19-й пехотной дивизии с Сиваша вернулось примерно такое же число военнослужащих. Потери в полевой артиллерии составили 70% орудий, три четверти противотанковых орудий было потеряно.

Так закончился первый акт трагедии.

Севастополь больше не крепость

Упорядоченная эвакуация всех остатков 17-й армии из Севастополя была бы возможна, если бы не существовало приказа Гитлера об удержании и обороне города. Или, по крайней мере, он не возражал бы против эвакуации той массы небоеспособ-

ных людей, которая находилась в этот момент в городе, всех этих прибившихся к вермахту беженцев и сотрудников различных военных и гражданских органов управления, военизированной трудовой повинности, всяческих больших и малых руководителей, военных строителей, транспортников и почтовиков, штабных машинисток, персонала Красного Креста и разных гражданских служб и т. д., а еще и ставших совершенно ненужными штабов и тыловых служб, так называемых «восточных легионеров», на верность которых уже нельзя стало полагаться, русских военнопленных, румынских частей и, разумеется, прежде всего раненых. Если бы армия использовала транспортные возможности судов снабжения, которые приходили теперь из Констанцы и возвращались обратно порожними, то при планомерной эвакуации стало бы возможным переправить морским (а частично также и воздушным) путем через Румынию более 100 тысяч человек. Все же остальные военнослужащие боеспособных частей должны были бы остаться в городе.

Караваны со снабжением доходили до места еще сравнительно спокойно, русские летчики проводили атаки еще достаточно нерешительно, а германская авиация пока успешно отбивала налеты вражеской авиации.

Севастополь в эти дни являл собой картину сплошного хаоса и неразберихи. Командиры разыскивали остатки подчиненных им частей, штабы пытались установить связь с вышестоящим командованием, как из-под земли возникали новые боевые части, которые пытались заполучить для себя продовольственное довольствие и получить боеприпасы, выяснить свой участок обороны и организовать свой КП. Со всего Крыма непрерывным потоком сюда стекались отбившиеся от своих частей военнослужащие, поодиночке, мелкими группами, пешком или на переполненных грузовиках, которые счастливо избежали участи попасть в руки Советов. Несчетное число более ненужных и потому брошенных автомашин самых разнообразных видов скопилось на отстойных площадках. Таких же брошенных лошадей ожидала куда более трагическая судьба.

Командованию армии удалось собрать остатки обоих корпусов в границах крепостной территории, пополнить солдатами всевозможных частей, обозниками, военнослужащими авиации и флота и определить на оборонительные позиции. Передний край обороны протянулся теперь вокруг Севастополя с севера на юг по-

лукругом диаметром 20 километров на юге и 10 километров на севере — за ним был город, порт, а затем — только море.

На Северном фронте оборону держали XXXXIX горнострелковый корпус с 50-й и 336-й дивизиями, на восточном участке (ближе к югу) V корпус с 98, 111 и 73-й дивизиями, а также с вновь организованными ударными группами из румынских дивизий и других батальонов. Самую мощную силу представляла собой 9-я зенитная дивизия, которая смогла привезти с собой более 300 легких и тяжелых орудий. Поскольку румыны более не представляли собой сколько-нибудь серьезную силу, то были эвакуированы румынская 1-я горнострелковая дивизия и по три батальона 2-й и 3-й горнострелковых дивизий. Согласно приказу Гитлера, больше ни одна часть не имела права покинуть Крым. Приказ командования армии от 16 апреля гласил: оборонять крепость Севастополь, не делая ни шагу назад!

Будь этот приказ отдан на определенный краткий период, в нем был бы внутренний смысл, а именно: обеспечить организованную эвакуацию еще находящихся в Севастополе войск. Сражающиеся солдаты, безусловно видя и понимая эту необходимость, сохраняли бы свой боевой дух, несмотря на всю тяжесть боев и обстоятельств. Солдаты все еще верили своему Верховному главнокомандующему, несмотря на глубокое разочарование, с которым они выслушали его новый приказ. После отхода с кубанского плацдарма они перегруппировались и были готовы продолжать сражаться, пока не поступит долгожданный приказ об оставлении Крыма и пока в порт Севастополя не войдут суда для их вывоза. Их стойкость в боях определялась бы необходимостью удерживать город и порт именно для этих целей.

Однако Севастополь уже не был той крепостью, в которой советский гарнизон оборонялся весной 1942 года и которая была взята германскими войсками после многодневных тяжелейших боев (с 30 октября 1941-го по 4 июля 1942 года. — *Ред.*). Тогдашние мощные крепостные укрепления были разрушены и взорваны, установленные после этого германские морские орудия и береговые батареи имели сектор обстрела только в море, существовавшие ранее бункеры, форты и казематы не были восстановлены и могли служить разве что для размещения штабов, лазаретов и складов. Передний край обороны был укреплен довольно внушительно и имел проволочные заграждения, однако оборона не была глубокоэшелонированной — отсутствовали 2-я и 3-я линии обороны. Вырытые в очень твердой известняковой почве траншеи были недостаточно глубоки. Лишь на по-

луострове Херсонес имелись хорошо оборудованные тыловые позиции.

Но плохое состояние крепости было еще не последним отрицательным моментом. После отступления наземных сил люфтваффе потеряли все имевшиеся у них в Крыму аэродромы и теперь располагали только двумя взлетно-посадочными полосами под Севастополем и на Херсонесе, которые вскоре должны были очутиться под огнем русской артиллерии.

А еще — конечно, прежде всего — имелся враг, прекрасно знавший всю местность и все крепостные укрепления, враг, обладавший громадным численным перевесом и собравший все силы для окончательного сражения. Так, 4-й Украинский фронт насчитывал теперь 24 стрелковые дивизии, 1 танковый корпус, 1 артиллерийскую дивизию, 2 зенитные дивизии и другие ударные части. Отдельная Приморская армия также получила подкрепления.

В числе других приказов, касавшихся вопросов обороны, был один, ставший для войск особо трудным и болезненным для исполнения, о чем нельзя умолчать. Как уже говорилось выше, при эвакуации не предусматривался вывоз транспортных средств и лошадей, поэтому весь транспорт был перегнан для уничтожения на большие открытые пространства. После приказа от 21 апреля все лошади должны были быть пристрелены и сброшены в море, поскольку фураж для них отсутствовал и они не должны были попасть в руки врага. И вот эти верные четвероногие товарищи военных лет терпеливо стояли длинными рядами, ожидая своей очереди. Так как немецкие погонщики, конюхи и фуражиры отказались убивать своих верных друзей, эту кровавую работу взвалили на вспомогательный персонал из добровольцев. Румыны не стали пристреливать каждую конягу отдельно, но согнали их на край приморского обрыва и косили их из пулеметов. Тысячи конских трупов плавали потом в заливах под Севастополем и Херсонесом — общим числом 26 тысяч. И еще тысячи, отпущенные своими погонщиками из сострадания на волю и мирно пасшиеся затем в долинах между фронтами, чуть позже нашли мученический конец в ходе ожесточенных перестрелок.

Затем начался второй акт трагедии.

Русские дали немцам не так уж много времени для оборудования позиций и организации обороны. Как только последние германские части втянулись в пределы крепостного района, тут же начались первые оборонительные бои с наступавшими им на пятки передовыми подразделениями русских. В последующие

дни бои происходили на всем фронте протяженностью 40 километров.

За ними последовали первые разведки боем, поддержанные танками, которые направлялись в основном против Северного фронта, обороняемого 336-й дивизией. Уже с 17 апреля начались все возрастающие по численности налеты пикирующих бомбардировщиков противника, а с 18 апреля русская артиллерия принялась обстреливать город.

На этот день в городе и его окрестностях еще находилось 124 тысячи человек. (Силы немцев в Севастополе советское командование оценивало в 72 тысячи человек, 1830 орудий и минометов, 50 танков и штурмовых орудий. Остальные в основном погибли или попали в плен. — *Ред.*) Эвакуация более небоеспособных частей, в особенности румын, продолжалась. Но тут опять вмешался Гитлер.

Вместо со дня на день срочно необходимого и ожидавшегося решения о сдаче города и эвакуации всей армии на последней неделе апреля пришел строжайший новый приказ о том, что «крепость» Севастополь должна удерживаться и далее. А чтобы подкрепить свою волю, Верховный главнокомандующий даже послал — до смешного малое — подкрепление, целых два маршевых батальона численностью 1300 человек[1*], которые должны были появиться в разгар начинающегося крушения.

После продолжительных ожесточенных и кровопролитных позиционных оборонительных боев, когда удалось отбить наступление врага и удержать Северный фронт, неприятель достаточно долго раздумывал, прежде чем решился нанести 27 апреля новый сильный удар. При поддержке многочисленных танков и массированном применении истребителей он предпринял теперь наступление на юго-восточном участке, сосредоточив главный удар на Сапун-горе. Но и здесь все его атаки были отбиты, причем неприятель понес тяжелые потери. (Советское командование, избегая ненужных потерь в ходе подготовки к штурму (с 5 мая), делало акцент на массированные удары авиации и артобстрелы, разрушавшие систему обороны немцев. — *Ред.*) Но развертывание вражеской артиллерии было еще не окончено. Благодарение Богу, что войскам не было сообщено о повторном упрямом, совершенно непонятном приказе Гитлера. Но командующему 17-й армией было совершенно ясно, что удерживать Севастополь сколько-нибудь длительное время невозможно, что если в самые

[1*] Прибыли в период после 1 мая.

ближайшие дни не поступит приказ об оставлении города, то вся армия обречена на гибель. Поскольку силы врага быстро нарастали, положение все более и более обострялось, и вполне можно было предполагать, что германский фронт будет просто опрокинут, а это означало полное уничтожение. И генерал-полковник решился на неординарный шаг. 28 апреля он лично вылетел в ставку фюрера, чтобы добиться решения об окончательном и полном выводе войск из Крыма. Но, несмотря на все его убедительные доводы, Гитлер своего решения не изменил. Но гнев его был столь яростен, что он снял Енеке с должности командующего 17-й армией и приказал ему вернуться в Севастополь. Командование армией немедленно принял генерал Альмендингер.

В последующие дни противник начал развертывание всех своих сил и подготовку к решительному штурму города, которые были закончены к 4 мая. Теперь его силы составляли 470 тысяч солдат, около 600 танков, более 6 тысяч минометов, орудий и «сталинских орга́нов» и множество самолетов — истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. С немецкой стороны им противостояли 64 тысячи солдат, большей частью собранные из различных частей и объединенные в ударные подразделения, в которых были перемешаны военнослужащие из самых разнообразных родов войск. Войсковых резервов на начало мая имелось всего лишь три батальона.

Но войска продолжали верить в то, что все еще может закончиться хорошо, хотя русские уже проводили ночные поиски в предполье германской линии обороны.

5 мая началось наступление.

Оно открылось мощнейшей многочасовой артподготовкой из 300 стволов тяжелых орудий, 400 реактивных минометов и многочисленных тяжелых минометов. Затем в 9.30 в бой двинулись стрелковые дивизии советских 2-й гвардейской армии и 51-й армии, поддержанные эскадрильями штурмовиков и истребителей, направляя свой удар на северный участок обороны против XXXXIX горнострелкового корпуса, которым теперь командовал однорукий и одноногий генерал Хартман. Весь германский фронт, словно туманом, заволокло облаками дыма и пыли. Удар четырех советских дивизий пришелся на участок обороны 336-й дивизии, которая стойко держалась. Удалось и 50-й дивизии ликвидировать прорыв русских на ее участке. Предпринятыми затем контрударами образовавшиеся бреши в обороне были ликвидированы. Хотя враг непрерывно атаковал, в ходе трехдневных тяжелейших боев все его поддержанные танками массированные

атаки были отражены, причем обе стороны понесли значительные потери. Из-за такого развития событий было решено остатки обеих дивизий с 7 мая отвести в тыл.

Как это было обычно для русских в ходе их эшелонированных атак, с целью ввести противника в заблуждение относительно главного направления удара и заставить того распылить резервы, утром 7 мая было предпринято крупное наступление на восточном и южном участках фронта. Двести русских орудий на километр линии фронта обрушили на немецкие позиции шквал огня перед началом наступления. Затем в бой ринулись красноармейцы Отдельной Приморской армии, поддержанные танками и авиацией, действовавшей группами численностью по 50 самолетов. Оборона 73-й дивизии на южном участке была прорвана на широком пространстве, на участке 111-й дивизии противник глубоко вклинился в ее боевые порядки. Сапун-гора, находящаяся южнее города, с которой враг уже мог видеть Севастополь, берег и море, была потеряна 8 мая (в 18.00 7 мая. — *Ред.*). К концу этого дня потери на участках обороны обеих дивизий составили уже около 5 тысяч человек. Командование армии было вынуждено отдать приказ об отходе за господствующие высоты, чтобы избежать грозящего прорыва на обоих участках обороны дивизий. Что касается северного участка фронта, который с 7 мая пришлось отвести ближе к городу и на южный берег Северной бухты, то удерживавшим его войскам, спешно усиленным переброшенными подкреплениями, удалось отразить удар вражеских штурмовых частей и укрепить фронт сильно поредевшего V корпуса.

На холмах и в долинах вокруг Севастополя рвались снаряды и бомбы, оглушительно грохотали пулеметы и автоматические пушки штурмовиков, захлебывались автоматные очереди, рявкали орудия, не смолкал треск винтовочных выстрелов, оглушали разрывы ручных гранат. Дым, пыль, фонтаны земли, выброшенной в воздух, вспышки выстрелов. Покрытые засохшей грязью пехотинцы, лежащие в разбитых укреплениях и в гнездах сопротивления, отражали накатывающиеся на них волны советских бойцов в униформе цвета хаки, с криками «Ура!» шедшие в атаки, стонали, ковыляли в тыл или, скорчившись, лежали под каким-нибудь укрытием, раненые, связные, сумевшие добраться под огнем по пересеченной местности с каким-нибудь новым печальным известием, офицеры, со все меньшим числом солдат бросавшиеся в контратаки, командиры, наскребавшие последние жалкие резервы и бросавшие их в бой, штабы, в которых беспрерывно звонили телефоны, куда вбегали связные и где изо всех сил пы-

тались как-то управлять боем, руководить, помогать, поддерживать, и командующие, которые не имели для этого почти никаких возможностей, — обычная фронтовая обстановка в ходе наступления неприятеля. Бои шли и по ночам, тьму рассеивали спускающиеся на парашютах русские осветительные бомбы, между которыми с завыванием неслись к земле фугаски, сброшенные русскими бомбардировщиками.

В форте «Максим Горький—I» (береговые советские батареи № 30 и 35 («Максим Горький—I и II») были оснащены четырьмя сделанными до революции 1917 года 305-мм орудиями каждая. Орудия стреляли на дистанцию до 42 км снарядами весом 471 кг. Батареи нанесли немцам в ходе героической обороны Севастополя огромные потери. — *Ред.*) был оборудован один из имеющихся в окрестностях Севастополя полевых лазаретов. Под его мощными сводами и за толстыми стенами длинными рядами лежат прямо на земле, покрытой толстым слоем пыли, многочисленные раненые. Вопли, стоны, плач, просьбы о помощи. Врачи и санитары делают для раненых все, что в их силах. И все время поступают новые и новые раненые, кого-то из них сюда приносят, кто-то добредает сюда сам. Вблизи, на крутом обрывистом берегу, отрыта траншея — туда переносят тяжелораненых, чтобы как можно скорее потом перегружать их на катера для эвакуации. Часть раненых будет эвакуирована самолетами. Экипажи транспортных Ю-52 творят немыслимое. Прорываясь сквозь лучи русских прожекторов, огонь зениток и истребителей, они по ночам долетают до Севастополя, садятся на темную, лишь на краткий миг обозначенную зажженными лампами взлетно-посадочную полосу. Некоторые при посадке разбиваются, другие загораются еще до того, как машина останавливается. Водители санитарных машин, днем под вражеским огнем свозящие раненых на полевые перевязочные пункты, а по ночам доставляющие их к двум последним взлетно-посадочным полосам, переживают ужасные моменты, когда от попадания сброшенной бомбы самолет загорается ярким пламенем и звуки выстрелов заглушаются криками уже погруженных в самолет раненых.

Где же приказ об эвакуации и спасительные суда?

И, по-прежнему стойко сдерживая противника, командование армии, штаб корпуса, командиры дивизий, частей, да и каждый солдат продолжали ждать приказа об оставлении Крыма, об эвакуации, об избавлении от этого ада, о спасении.

И вот наконец 8 мая в 23.00 в далеком Берхтесгадене Гитлер дал согласие на окончательное оставление Севастополя и эвакуацию остатков 17-й армии. И снова поздно, слишком поздно! В рассветные часы 9 мая командующий армией держал в руках приказ об эвакуации. Генерал Альмендингер тотчас же отдал приказ об отводе войск на последние оборонительные позиции на полуострове Херсонес. Остатки пяти германских дивизий, румынские части и тысячи отбившихся от своих частей военнослужащих сразу же отправились, ведя арьергардные бои, на этот маленький полуостров. Местами их движение переходило в бегство. Сражавшиеся на севере войска пересекли разбитый, расстрелянный Севастополь, порой пробиваясь сквозь вражескую пехоту, которая уже десантировалась на берег в бухтах западнее города. Около 16.00 с места снялись последние части арьергарда 50-й дивизии и в полном порядке заняли новые оборонительные позиции. Здесь их застала вечерняя темнота; когда совсем стемнело, случайная пуля ранила генерала Сикста, новым командиром дивизии стал полковник Бец, который 16 апреля оказал столь своевременную поддержку XXXXIX корпусу на подходах к Севастополю. С востока доносились издевательские речи из русского громкоговорителя: «Ну, теперь вы совершенно окружены, так что лучше ступайте в плен!» Прикрывавший отступление 98-й дивизии полковник Фаульхабер из 282-го моторизованного полка был тяжело ранен двумя пулеметными пулями и позднее потерял правую ногу. Снова с самой лучшей стороны, как часто и ранее, показало себя 88-мм зенитное орудие — своими последними оставшимися снарядами оно прикрыло отступавших и уничтожало преследующие их русские танки и пехоту. Снова и снова с воздуха наносили удары вражеские штурмовики, оставляя после себя на земле убитых и раненых.

После этого враг тотчас же атаковал, намереваясь ударом со своих позиций прорвать оборонительную линию на Херсонесе и смять скопившиеся там войска, но это ему не удалось. Самым плохим в этом сверхпоспешном отходе было то, что из Севастополя должны были отойти и люфтваффе, которые до сих пор оказывали войскам столь необходимую им поддержку с воздуха. Последний, до сих пор еще используемый небольшой аэродром на Херсонесе теперь находился под прицельным артиллерийским огнем противника, его полоса была перерыта бомбами и снарядами, так что взлеты и посадки стали невозможными. Теперь господство авиации противника становилось абсолютным. С этого момента приземляться было возможно только на двух оставав-

шихся до сих пор неиспользуемыми — чтобы враг их преждевременно не обнаружил — взлетно-посадочных полосах, на которые под покровом темноты бесстрашные пилоты Ю-52 сажали свои машины, чтобы вывозить раненых.

Приведем здесь краткий итог действий люфтваффе: их истребительные и штурмовые эскадрильи за период кампании с 8 по 22 апреля совершили 3796 самолето-вылетов и сбили в воздушных боях 226 вражеских самолетов, 23 самолета уничтожили на земле, уничтожено также 186 танков и 633 автомашины. При этом был потерян 31 германский самолет.

На 25 апреля силы люфтваффе еще составляли 46 машин. В период с 4 по 14 мая они сбили еще 253 вражеских самолета и потеряли пять своих машин. Остальные 23 самолета, которые из-за различных повреждений стали небоеспособными, были взорваны при сдаче аэродрома.

Эскадрильи транспортной авиации с 8 апреля перевезли по воздуху из Крыма 21 457 солдат, из них 16 387 раненых.

9-я зенитно-артиллерийская дивизия с 16 апреля по 12 мая сбила в общей сложности 207 советских самолетов и уничтожила в наземных боях 127 танков, причем только с 8 по 12 мая 72 танка.

Эти цифры наглядно показывают, сколь активно сражались авиация и зенитная артиллерия — и сколь результативны были их действия против сотен советских самолетов и танков. (Таким образом, по немецким данным, только силами люфтваффе было уничтожено с 8 апреля 502 советских самолета, потеряно 54 своих (и 23 взорвано). Еще 207 самолетов якобы сбили зенитчики. Итого 707 советских самолетов. На самом деле советская авиация потеряла в Крымской операции 179 самолетов. В воздушных боях было сбито 297 немецких самолетов, около двухсот уничтожено и повреждено на земле. Такая же степень правдивости у немцев и по танкам. 313 советских танков якобы уничтожили только летчики и зенитчики, на самом деле всего в ходе операции советские войска потеряли 171 танк и САУ. — *Ред.*)

Для командования армии теперь стали актуальными только две проблемы — как можно дольше удерживать последнюю оборонительную позицию на полуострове Херсонес, чтобы успеть своевременно погрузить на суда всех еще пребывающих здесь солдат — на 8 мая их насчитывалось около 50 тысяч человек, и обеспечить своевременный приход необходимых для эвакуации судов — время поджимало со страшной силой. Остатки предельно измотанных и сильно ослабленных германских частей занимали теперь позиции на фронте, едва достигавшем 10 километров в

ширину и находившемся на совершенно плоском, лишенном всяких естественных укрытий плато полуострова Херсонес. И все же эти позиции на очень краткое время представляли заметные преимущества: они были относительно хорошо оборудованы и даже располагали значительными запасами продовольствия и боеприпасов. Северный участок заняли части XXXXIX горнострелкового корпуса, южный — остатки V корпуса. Враг попытался было с ходу прорвать эту последнюю германскую линию обороны в Крыму, но все его удары 9 и 10 мая на всех участках были отбиты. Все солдаты понимали, что держат последнюю линию обороны и что ее надо будет удерживать еще несколько дней, несколько часов до прихода спасительных судов.

В качестве описания последнего этапа сражения за Севастополь приведем здесь выдержки из донесения начальника штаба 17-й армии генерал-майора Риттера фон Ксиландера[1*]:

«5 мая в 9.30 началась вполне предвидимая по предварительным приготовлениям атака неприятеля. Задействованные в ней силы превосходили все пережитое ранее. Неприятель вполне ясно представлял, что брошенных в бой сил определенно достаточно. Что из себя представляла в этот момент наша армия, мне нет необходимости повторять. Скажу только, что в рамках предусмотренной широкомасштабной программы ее пополнения армия получила только два маршевых батальона да еще 15 тяжелых противотанковых орудий, 10 мортир, 4 тяжелые полевые гаубицы, несколько пехотных орудий и минометов, что никак не могло покрыть наши потребности.

Основной удар русских был направлен, вне всяких сомнений, на северный участок позиции «Б» — на Бельбекский каньон. В течение 48 часов русские вели по нему огонь из 400 орудий, соответствующего числа реактивных минометов, тяжелых гаубиц и минометов, затем нанесли удар всеми силами 2-й гвардейской армии. Как раз накануне мы завершили перегруппировку наших сил и поручили оборонять этот участок генерал-майору Хагеману (336-я пехотная дивизия), которому и принадлежит заслуга в отражении этого удара. Бой шел с безумным ожесточением, глубокими вклиниваниями врага и кризисами, в конце концов отдельные оборонительные позиции на этом участке были потеряны. Потери наших частей достигли максимума, мы даже отвели с фронта XXXXIX горнострелковый корпус и все германские ча-

---

[1*] Фон Ксиландер написал и отправил это донесение своему вышестоящему командиру генерал-полковнику Енеке 16 мая, через четыре дня после гибели 17-й армии.

сти; пойдя на высочайший риск, мы заменили их румынами и временными боевыми подразделениями, чтобы по-прежнему иметь под рукой хоть какие-нибудь резервы. С участка V корпуса мы не взяли из резерва ни единого подразделения, так как было совершенно ясно, что враг будет наносить удар также и там. Вместо этого мы образовали новые резервы из состава 98-й дивизии на ее участке. К утру 7 мая Северный фронт упорно держался, хотя и изрядно ослабленный, имея в резерве только две роты. Наряду с Хагеманом, в этом была и особая заслуга генерала Конрада (XXXXIX горнострелковый корпус), который на этот день передал командование корпусом генералу Хартману. Какого-либо признания за это он не получил, поскольку был отправлен в «пустыню»[1]. Утром этого дня 7 мая неприятель снова предпринял наступление против V корпуса от побережья к Сапун-горе. Его материальная оснащенность была еще весьма высока, а насыщенность авиацией была столь обильна, что за один только этот день зенитчики корпуса сбили 33 вражеских самолета. Обороняющиеся погибли на своих позициях, к полудню фронт был прорван по всей своей ширине вплоть до высот Ветряные Мельницы[2], которые удерживал 186-й полк кавалера Рыцарского креста с дубовыми листьями майора Циглера, но вскоре он был обойден с севера. Резервов (общим числом пять батальонов, число, которым мы, в нашем положении, весьма гордились) после этого уже не стало.

Положение к концу дня: на побережье потеряна и снова взята Высокая Батарея, враг овладел селом Карань[3], откуда потом его танки прорвались к высотам Ветряных Мельниц и перевалу Седло, который удерживала небольшая ударная группа из остатков 111-й дивизии. По горному серпантину враг продвинулся вдоль Ялтинского шоссе до развилки к Думскому. После этого в резерве уже не оставалось ни одной роты. Перед армией встал выбор: либо на следующий день праздно созерцать неизбежный прорыв врага к Севастополю, либо снова создавать резервы, а с этой целью оттянуть Северный фронт. Это прежде всего означало, что остатки армии будут уничтожены в течение 1—2 дней. Поэтому генералу Альмендингеру[4*] оставалось только принять решение о реализации операции «Рысь» (условное наименование подготов-

[1] Насколько можно судить по биографическим материалам, «пустыня» — жаргонное название кадрового резерва вермахта.

[2] Можно предположить, что автор имеет в виду Дуванкойские высоты.

[3] К а р а н ь — ныне село Флотское в 3 км от Балаклавы.

[4*] Новый командующий армией.

ленного оставления северного участка фронта), а именно — отдать приказ о занятии этой ночью с наступлением темноты так называемых припортовых позиций. Как и всегда при планомерном командовании боевыми действиями, это удалось без каких бы то ни было осложнений. К утру из высвободившихся сил были образованы боевая группа под командованием полковника Фаульхабера (98-я дивизия) из четырех батальонов у Думского и боевая группа подполковника Мариенфельда (111-я дивизия) у поселка Ново-Николаевка из двух батальонов при нескольких штурмовых орудиях в каждой.

С утра 8 мая после сильнейшей артиллерийской подготовки и бомбового удара с воздуха неприятель снова пошел в атаку. На южном участке ему удалось несколько потеснить 73-ю дивизию, однако фронт прорван не был. В ходе атаки дивизия понесла тяжелые потери, среди других пали командир полка и командир саперного батальона. Противник преодолел Сапун-гору (взята 7 мая. — *Ред.*), взял Николаевку, занял тамошние виноградники и «Английское кладбище»[1]. Боевые группы Мариенфельда и Фаульхабера пошли в контратаку. Первая из них во второй половине дня снова соединилась с 186-м моторизованным полком, вторая продвинулась на 800 метров вперед по серпантину. Тем временем русские нанесли удар из виноградника по частям, с которыми оборонялся генерал Хагеман. На «Английском кладбище» закипел жестокий бой, но в результате оно оказалось в руках противника, а вместе с ним и часть позиций у Николаевки.

Мы все еще не получили ни согласия на эвакуацию, ни судов. Поэтому армия приняла твердое решение обороняться и дальше, а также, как неизбежность, вернуть себе Сапун-гору (с которой неприятель мог вести превосходный обстрел). Мы должны были все поставить на эту карту, отдавая притом себе отчет, что в случае неудачи на последнюю позицию на Херсонесе вернется лишь еще более малочисленный остаток армии. Также с по-

---

[1] «А н г л и й с к о е к л а д б и щ е» — так называется часть Каткартова (Кеткартова) холма, находящегося в полукилометре южнее дороги Севастополь—Сапун-гора и в полукилометре от развилки этой дороги со старой дорогой Севастополь—Симферополь. На этом месте были похоронены английские военнослужащие, погибшие при штурмах Севастополя в период Крымской войны 1853—1856 годов. В настоящее время трудно обнаружить место расположения этого кладбища, так как оно было разрушено в период 250-дневной обороны Севастополя во время Великой Отечественной войны, а в 1980-х годах эта местность была отдана городскими властями под садовый кооператив. В память о бывшем «Английском кладбище» в 1992—1994 годах рядом с местом, где находилось кладбище, воздвигнут мемориальный комплекс «Крымский военный мемориал».

ниманием этого обстоятельства грядущей ночью части 50-й и 336-й дивизий, находящиеся на южном берегу Северной бухты, должны были наступать в направлении Сапун-горы.

9 мая в 2.15 ночи армия получила приказ: «Фюрер дал разрешение на оставление Крыма». Во исполнение этого приказа армия приняла решение держать оборону в южной части Дуванкойских высот, на остававшихся не занятой русскими части позиций у Николаевки, а там, где враг смог углубиться в нашу оборону, отбросить его назад. Это позволило бы предотвратить чересчур близкий подход неприятеля к портовым причалам и дало бы выигрыш во времени. Поскольку ранее действовал приказ удерживать город и не отступать из Крыма, то на 5 мая в Севастополе еще находилось около 70 тысяч солдат, для эвакуации которых теперь был необходим изрядный судовой тоннаж.

В течение дня 9 мая произошел первый очень серьезный кризис. Силы 73-й дивизии были отброшены, еще державшаяся на южном участке оборона прорвана. Далее к северу энергичные командиры всеми имевшимися у них в наличии силами перешли в наступление, чтобы, в соответствии с приказом, вернуть позиции у Николаевки, такими командирами были прежде всего полковник Биц (до этого он занимал пост коменданта крепости, а теперь командовал 50-й дивизией), отбивший у врага прочно удерживаемые тем высоты у Ново-Николаевки, и командовавший расположенными восточнее частями генерал Хагеман. Но этим наступательный потенциал частей был исчерпан. Оборона 98-й дивизии, которая занимала довольно слабые позиции на Инкермане, была прорвана ударом с востока. Во второй половине дня пришлось принять решение отойти на последние позиции на Херсонесе. Многочисленные группы пехотинцев, артиллеристов и зенитчиков до последнего сдерживали натиск врага. Остаткам северных дивизий (50-й и 336-й) пришлось пробиваться сквозь боевые порядки врага, который тем временем занял Северную бухту. Потери при этом были значительны, генерал Хагеман получил тяжелое ранение, три командира полков пали в бою.

Германские части покинули город и порт Севастополь.

На позициях Херсонеса мы тем временем расположили, в соответствии с приказом, XXXXIX горнострелковый корпус и все еще сохранивший боеспособность батальон 1-й румынской горнострелковой дивизии в качестве флангового прикрытия, тогда как V корпус обеспечивал отход сражавшихся восточнее войск. Отошедших войск осталось немного, они были сильно потрепаны, их включили в различные боевые группы и отвели им соот-

ветствующие участки обороны. Неприятель активно атаковал и намеревался уже этой же ночью прорвать оборонительные позиции. Задействовав весь командный состав и офицеров, все же удалось удержать позиции. Артиллерия русских, быстро развернувшись и открыв огонь, вскоре самым явным образом продемонстрировала все свое превосходство. Мы смогли сосредоточить на новых позициях 120 стволов полевой и зенитной артиллерии. Неприятельские артиллерия и авиация сосредоточили всю свою огневую мощь на последней взлетно-посадочной полосе Херсонеса. После того как на ней образовалось более ста воронок от тяжелых бомб, последние тринадцать истребителей с наступлением темноты 9 мая вылетели на аэродромы Румынии.

На первых прибывших морских паромах мы эвакуировали часть более ненужного личного состава — штабных работников командования 17-й армии, V корпуса и последние румынские штабы. Командующий армией и я остались при XXXXIX горнострелковом корпусе, взявшем на себя всю полноту командования с намерением отойти лишь вместе с последними частями.

День 10 мая отмечен отражением целого ряда вражеских атак. Солдаты, отбившиеся от своих частей и включенные в состав боевых групп, сражались столь же достойно, что и остальные. Чрезвычайно выросли потери личного состава в ближнем тылу, где на голых скалах не было никакого укрытия, и особенно вблизи причала — там сосредотачивались готовые к эвакуации части и раненые.

Пал в бою полковник Биц, командир 50-й дивизии; командующий артиллерией XXXXIX горнострелкового корпуса генерал фон Гальвиц был тяжело ранен и умер на следующий день. Флотское командование сообщило, что в ночь с 11 на 12 мая будет подан тоннаж, достаточный для эвакуации последних войсковых частей. Флотские командиры на причале, с одной стороны, и офицеры сосредоточенных для посадки частей согласовали порядок погрузки. Но в 20.00 неприятель открыл сокрушительный огонь из всех орудий по ближнему тылу германских частей, и прежде всего по причалу. Через некоторое время он перенес огонь на рубеж обороны и пошел в атаку на широком фронте, однако повсеместно атака эта была отбита, а враг оттеснен на исходные позиции.

Сильный огонь и атаки неприятеля продолжались и весь день 11 мая. Наши войска стойко удерживали оборону. Боеприпасы уже заканчивались. Но и враг уже выдохся, и к 23.00 удалось закончить отвод всех частей, а к 24.00 позиции оставил и арьергард.

Вокруг причала были оборудованы укрытия, в которых последние роты, под непрерывным огнем неприятеля, сдерживали его напор...»

Трагедия в открытом море

Начался предпоследний акт трагедии.

Находившиеся на маленьком полуострове Херсонес офицеры и солдаты не могли знать следующего.

Когда Гитлер наконец дал согласие на эвакуацию из Крыма, германские военно-морские силы с участием румынских военных и транспортных судов начали в румынских портах Черного моря приведение в действие уже подготовленных мероприятий крупного масштаба по вывозу германских войск. Эту кампанию курировал сам гроссадмирал Дёниц[1], который отдавал соответствующие приказы и распоряжения. Более 190 германских и румынских судов со спешно набранными экипажами вышли из различных портов в море. Один-два дня и одна ночь требовались им, чтобы пройти путь в 400 километров по Черному морю от основного румынского порта Констанца до Крыма.

Эвакуация началась успешно. Уже в ночь с 9 на 10 мая удалось вывезти около 15 тысяч человек. Однако затем все пошло не так гладко. Уже в самом начале дня 10 мая, около 2.00, двум большим транспортам «Тотила» (Тотила — король остготов в Италии в 541—552 годах. Смертельно ранен в проигранной битве с армией Восточной Римской (Византийской) империи при Тагине. — *Ред.*) (водоизмещением 2773 брутто-регистровых тонн[2]) и «Тейя» (3600 брутто-регистровых тонн) пришлось остановиться на подходе к Херсонесу в открытом море в двух морских милях от берега, чтобы не попасть под возможный артобстрел врага. Поскольку суда не могли подойти ближе к берегу, темп погрузки сразу замедлился. Ко всему прочему разыгравшийся днем шторм разбил и повредил значительную часть маломерных плавсредств,

---

[1] Дёниц Карл (*нем.* Karl Dönitz; 16 сентября 1891, Берлин —24 декабря 1980, Аумюле) — немецкий государственный и военный деятель, гроссадмирал (1943). Командующий подводным флотом (1935—1943), главнокомандующий военно-морскими силами Германии (1943—1945), глава государства и главнокомандующий вооруженными силами Германии с 30 апреля по 23 мая 1945 года.

[2] Брутто-регистровая тонна — единица объема, равная 100 кубическим футам, то есть 2,83 м. Регистровыми тоннами в судоходстве измеряют объём судна и объем помещения, могущего быть занятым под полезный груз.

с помощью которых стала осуществляться погрузка войск. Тем не менее, несмотря на все трудности, погрузка скопившихся на причале солдат, вооруженных только личным оружием, с помощью рыбачьих шаланд и десантных барж происходила еще в относительном порядке и довольно спокойно. При приеме на борт большого числа раненых погрузка опять значительно замедлилась, так что суда смогли отойти только с наступлением дня, в промежутке между 4.00 и 7.30.

Противник, узнавший об эвакуации, не желал праздно смотреть на это, и вскоре суда были обстреляны тяжелой артиллерией и подверглись атаке с воздуха.

Теперь наряду с гибелью на земле началась и гибель на море. Оказаться на палубе большого судна — еще не значит оказаться в безопасности. «Тотила» уже принял на борт около 4 тысяч человек, когда над ним с ревом стали проноситься советские штурмовики и бомбардировщики. Немецких истребителей больше не было. Затявкали корабельные зенитки, выбрасывая в небо цепочки трассирующих снарядов. В 5.45 в «Тотилу» попали три бомбы, судно потеряло ход и загорелось. На борту разверзся совершенный ад. Вода устремилась во внутренние помещения судна, надстройки полыхали огнем, начали рваться боеприпасы. Кто не захлебнулся под палубой судна, не был убит осколками авиабомб или снарядов, тот, объятый огнем, бросался в воду, по которой растекалась горящая солярка из судовых цистерн. Люди хватались за сброшенные спасательные круги, обломки судна, пытались отплыть от него и, обессилев, шли ко дну. Около 8.00 «Тотила» затонул. Портовый буксир R-209, высланный для спасения утопающих, смог доставить на берег только пару сотен человек.

Новые налеты, новые бомбовые удары, и вновь в небо взметаются водные столбы. Русская авиация на этот раз пытается потопить транспорт «Тейя», принявший на борт от 4800 до 5 тысяч солдат и в сопровождении двух портовых буксиров уходящий на юго-запад. Однако советские летчики не оставили его в покое. Попаданиями бомб и сброшенных с самолетов торпед судно было столь серьезно повреждено, что во второй половине дня около 15.00 затонуло в 23 морских милях юго-западнее Херсонеса. На нем повторились все те же ужасные события, что и на «Тотиле». Портовые буксиры смогли принять на борт лишь около 400 человек, которых они 11 мая доставили в Констанцу.

Около 8 тысяч солдат из погрузившихся на борт этих двух больших транспортов нашли свой конец на дне Черного моря.

Небольшой пароход «Хельга» еще имел боеприпасы на борту, когда вошел в гавань и ошвартовался у причала. Через полчаса орудийные снаряды, которые поступили слишком поздно и уже никому не были нужны, выброшены в воду. Когда орудийная прислуга и все, кому удалось найти свободное место, оказались на борту, «Хельга» отошла от причала. Вскоре над ее палубой снова пронеслись русские боевые самолеты. От прямого попадания бомбы посередине корпуса судна взорвался паровой котел, загорелись надстройки. Уцелевшие при взрыве солдаты попрыгали за борт. Три десантные баржи подошли к тонущему пароходу и попытались спасти экипаж и солдат. Четыре раза они подходили к берегу и высаживали на него выживших эвакуируемых и раненых, которых им удалось выловить из воды.

Русская авиация потопила также румынский миноносец катер «Налука».

Унтер-офицер Вернер из штаба 98-й пехотной дивизии пережил, как и тысячи других солдат, воздушный налет на одно из самых маленьких плавсредств, морской лихтер, который вражеские штурмовики заставили выброситься на берег:

«Наш паром, всю палубу которого занимали солдаты, содрогнулся от удара. Попадания вражеских снарядов заставляли его раскачиваться с борта на борт. Едва мы вышли из зоны обстрела артиллерии, над нами закружились штурмовики. Они поливали нас свинцом из своих пушек и пулеметов. Я лежал на палубе между какими-то пустыми емкостями и морским офицером, у которого после артобстрела были ампутированы обе ноги и одна рука. Всю палубу устилали тела мертвых и раненых, отовсюду раздавались вопли и стоны. Рядом с нами тонул расстрелянный самолетами катер. В воде плавали деревянные обломки, между ними виднелись головы плавающих. Один из наших матросов крикнул: «У нас течь, мы тонем! Весь груз за борт!» Через леера ограждения в воду полетели солдатские ранцы, вещевые мешки, снаряжение. Паром так глубоко осел в воду, что это стало заметно даже нам, пехотинцам, никогда не бывшим в море. Кое-кто уже плавал в заполнявшей паром воде, некоторые уже захлебнулись. Парому все же удалось после воздушной атаки дойти до земли и выброситься на скалистый берег. Русские решительно не хотели дать нам уйти. Убитых и раненых мы перетащили на берег, ранеными занялись санитары...»

Другим до предела перегруженным судам все же удалось в тот день 10 мая выйти в море, имея на борту около 10 тысяч человек, и доставить их в румынские порты.

Из намерения командования армии эвакуировать весь личный состав наступающей ночью ничего не вышло. Как и предсказало флотское командование, из-за ухудшения погоды некоторые караваны, составленные из судов плохой мореходности, были вынуждены вернуться в свои порты, другие опаздывали из-за шторма и только были на подходе. Вскоре стало ясно, что самые быстрые из караванов смогут подойти к мысу Херсонес только 11 мая. Поэтому надо было принимать решение продержаться на позициях на Херсонесе еще в течение 24 часов. И вот солдаты, лежавшие под огнем противника, узнали эту потрясающую новость — обещанная им эвакуация снова откладывается на целые сутки. И снова им предстояло сделать все возможное, чтобы продержаться, отражая все усилия врага. Их стойкость, увы, не была достойно вознаграждена.

Приблизительно еще 25 тысяч человек находилось теперь в страшной тесноте на мысе. В ночь с 10 на 11 мая могло быть эвакуировано лишь незначительное число из всего этого количества.

Побережье мыса Херсонес с его бухтами, причальными сооружениями и погрузочными устройствами все больше и больше оказывалось под огнем вражеской артиллерии и бомбовыми налетами советских штурмовиков.

Во всех проходах форта «Максим-II» лежали раненые. На скалистых выступах обрывов, обращенных к морю, вдоль которых к причалам спускались деревянные лестницы шириной от двух до трех метров, лежали отбившиеся от своих частей раненые солдаты, о которых уже никто не заботился. Всеми ими владела одна лишь мысль — оказаться на борту судна, с которым они в эти последние часы связывали свое спасение. О гибели в открытом море судов со своими боевыми товарищами на борту они ничего не знали. Тысячи глаз были устремлены в морскую даль, надеясь заметить подходящие к берегу суда, но море оставалось пустынным.

Но вот в предрассветном полумраке ранним утром 11 мая на горизонте в 25—30 километрах от Херсонеса появился новый крупный караван численностью десять или двенадцать судов. Но с его подходом оказалось, что трудностей стало только еще больше, поскольку десантных барж, необходимых для переправки от мест погрузки до столь крупных судов, не было в наличии. Они были либо потоплены накануне, либо ушли вместе с другими судами на запад. Поэтому для доставки эвакуируемых на стоящие на рейде транспорты предстояло использовать только морские паромы и лоцманские катера.

К тому же возобновились воздушные атаки на суда.

Вражеские самолеты атаковали стоявшее на якоре большое румынское военно-морское вспомогательное судно «Румыния» водоизмещением 3152 брутто-регистровые тонны, которое, по счастью, приняло на борт только немногих эвакуируемых. У одного из выживших, старшего казначея Фойхта, в памяти навсегда запечатлелась эта картина: «Над палубой «Румынии» пронеслись русские штурмовики. Судно снялось с якоря и стало набирать ход. Штурмовики сделали новый заход. Заработал счетверенный зенитный автомат, но одна из сброшенных ими бомб попала в наше судно. В воздухе пронеслись осколки стекла и стали, раздались стоны раненых. Внутри судна к лежащим там раненым добавились еще и новые. Опять загремели на судне колокола громкого боя, снова раздалось тявканье зенитного автомата. Машины судна работали на полных оборотах. Новая серия бомб взметнула вверх столбы воды. Когда позднее «Румыния» остановилась, чтобы принять на борт новую группу эвакуируемых с подошедшего парома, случилось следующее. Штурмовики снова зашли в атаку. Снова взрывы и осколки, потом мощный удар, от которого все судно содрогнулось, и погас свет. Одна бомба попала в машинное отделение, и разлившаяся солярка тут же воспламенилась. Все бросились на выход. Едкий дым и раскаленный воздух перехватывали дыхание. Крики раненых смешивались со свистом пара из перебитых трубопроводов и треском рвущихся зенитных снарядов. Мы кубарем скатились в море, думая лишь об одном — как бы уплыть подальше от тонущего судна. А потом поплыли к берегу, спасая свои жизни...»

Получив множество попаданий бомб и снарядов, «Румыния» почти целый день горела, оставаясь на плаву и застилая море жирным черным дымом, и затонула только ранним утром 12 мая.

Около 7.30 румынский пароход «Данубиус»[1] после прямого попадания бомбы взлетел на воздух.

Пароход «Гейзерих»[2] получил несколько попаданий авиабомб и затонул после торпедной атаки советской подводной лодки.

Были потеряны также несколько более мелких румынских судов, в том числе много паромов и буксиров.

В одном более позднем и непредвзятом исследовании этой эвакуации было дано заключение: с затонувших крупных судов

---

[1] Данубиус (*лат.* Danubius) — Дунай.

[2] Гейзерих (Гензерих) — король вандалов в 427—477 годах. В 429 году вторгся в Северную Африку, основав государство вандалов и аланов, в 455 году разграбил Рим. — *Ред.*

с эвакуированными солдатами на борту было спасено судами сопровождения в среднем лишь десять процентов людей.

Затем последовал последний акт трагедии. Отвод последних дивизий с позиции на Херсонесе был назначен на 23.00 11 мая, часом позднее за ними должен был последовать арьергард и укрываться наступающей ночью в Круглой, Казачьей и Камышовой бухтах и на западном побережье мыса. После этого следовало ожидать сообщения флотского командования о подходе большого каравана, прибытие которого ожидалось около полуночи. Следующие вместе с этим караваном мелкосидящие переправочные средства, согласно расчетам, за пару ходок должны были переправить еще около 10 тысяч солдат на большие суда, а после выполнения этой задачи, полностью загруженные, уходить вместе со всем караваном.

На эту последнюю ночь возлагали самые большие надежды не только морское командование Крыма, но и все сухопутные войска от генерала и до последнего солдата.

Остальная эвакуация и отправка должны были пройти еще проще.

В 21.00 по отданному по радио приказу командующего группой армий «Южная Украина» мыс Херсонес покинул командующий армией вместе со своим штабом и на быстроходном судне направился в сторону румынского побережья.

Ровно через полчаса морской комендант Крыма под ожесточенным артиллерийским огнем неприятеля поднялся на борт флагмана 1-й флотилии торпедных катеров. Поскольку приказы и сообщения по радио на приближающийся караван больше не проходили, адмирал Шульц решил лично подвести ожидающие суда к причалам и распорядиться переправочными средствами, чтобы сэкономить время.

Тем временем к причалам и молам стягивалось все больше и больше солдат, которые ждали, тревожились и надеялись. Когда же они отправятся в путь — и где же суда — почему они не приходят?

Суда вошли в бухты — но они не подходили к берегу, чтобы начать эвакуацию.

События достигли своего трагического апогея. С берега в море пополз туман, все больше и больше густея и делая все более трудной ориентировку на море. Причалы можно было рассмотреть только вблизи, в особенности после того, как все осветительные огни были выведены огнем противника из строя. Тем важнее было для адмирала Шульца как можно ближе подвести суда каравана к берегу.

Но откуда взялся туман, которого в это время года просто не должно было быть? Как потом удалось установить, огнем русской артиллерии были подожжены дымовые шашки, с помощью которых во время вражеских налетов укрывались причальные сооружения путем постановки дымовых завес. Наши части тоже внесли свою долю, применив этот способ, чтобы под прикрытием плотного слоя дыма незаметно оторваться от врага и отойти к морю, не отдавая себе отчета в том, что они лишь ухудшают свое собственное положение. И хотя этот искусственный туман, легши на воду, предохранил суда каравана от дальнейших потерь, все усилия адмирала Шульца пропали впустую. Он смог найти пароход «Дакия», который с помощью морских лихтеров и пары буксиров был подтянут ближе к берегу. Но с остальными судами он никак не мог установить контакт. Так и получилось, что многие суда, в особенности более мелкие, с примитивными навигационными возможностями, ослепленные туманом и темнотой, курсировали у берегов, будучи не в состоянии подойти к предусмотренным для них местам погрузки. В эту последнюю ночь у Херсонеса в общей сложности находилось в море около 60 судов, из которых лишь немногие нашли путь к побережью и смогли встать под погрузку.

Все это время неприятель вел сильный артобстрел по пунктам погрузки и акватории перед ними, начавшийся уже к вечеру 10 мая сокрушительным огневым ударом, продолжавшимся весь следующий день и ночь с 11 на 12 мая. Воздушные налеты, в том числе ночные, с бомбардировкой этих же точек и их штурмовкой после сброса осветительных бомб, внесли свою долю в разрушение целого ряда причалов.

В заливах и бухтах, на узких прибрежных полосах обрывистого западного побережья можно было различить сбившихся в плотные кучки солдат — все, что осталось от некогда куда более крупных боевых групп, державших оборону из последних сил, оставив всяческую надежду. Была предпринята попытка спасти тех из них, которых еще было возможно спасти, и еще около пары тысяч солдат удалось снять с побережья.

Генерал Рейнхардт, командир 98-й пехотной дивизии, случайно обнаружил в одном укромном уголке побережья пять парусных шаланд и несколько более мелких суденышек и распорядился подтащить их к урезу воды. Разослав посыльных и просто созвав голосом части своей дивизии и случившиеся поблизости части 111-й дивизии, он посадил людей на эти скорлупки и отправил в море. Заняв место на последней шаланде, он дождался еще не-

скольких отбившихся от своих частей солдат, среди которых оказался начальник штаба XXXXIX горнострелкового корпуса, и около 3.00 отошел от берега.

На участке обороны 50-й пехотной дивизии неприятель тоже не заметил ее отхода к месту погрузки. С него переправочные средства смогли вывезти около 3 тысяч человек.

73-я дивизия эвакуировалась частью на паромах, частью на морском охотнике.

Не повезло 111-й дивизии — ни одно из судов не нашло пути к определенным для нее причалам.

Поскольку к рассвету, основываясь на имеющемся опыте, можно было ожидать массированного налета советской авиации, а караваны судов находились в акватории совершенно незащищенными, то морской комендант Крыма не мог взять на себя ответственность за продолжение погрузки личного состава. Поэтому в радиообмене с адмиралом Черного моря сказал: «Погрузка в дневное время исключена. Прошу в 2.00 отвести все суда от Херсонеса». В 2.05 последовал новый радиообмен: «Ситуация требует прерывания погрузки. Прием на борт закончить не позднее 2.30».

Около этого времени последний крупный караван судов покинул акваторию Херсонеса и лег на обратный курс, неся по дороге потери. Румынское судно «Тисса» получило значительные повреждения от попадания бомбы и было вынуждено идти далее на буксире. Пароход «Дуростор» затонул вследствие попадания нескольких бомб, а затем торпедной атаки советской подводной лодки. Получивший серьезные повреждения морской охотник затопила его команда, открыв кингстоны.

Стоявшие у причалов морские паромы и после 2.30 оставались там, пока не были полностью загружены. Они получили приказ от морского командования продолжать погрузку до последней возможности. Вместо предусмотренных 250 человек на каждый их них было принято до 700 солдат, на некоторые даже по 1100 человек, после чего они двинулись на запад. Около 3.30 последними отошли торпедные катера 1-й флотилии торпедных катеров под командованием адмирала Шульца и взяли курс на Констанцу.

За последние три дня и три ночи эвакуации (с 9 до 11/12 мая), несмотря на все трудности и потери судов, благодаря неустанной и самоотверженной работе германских и румынских военных моряков с Херсонеса было вывезено по морю в Констанцу 25 697 солдат и 6011 раненых военнослужащих.

Следует упомянуть также и еще об одном исключительном деянии. В ночь с 9 на 10 мая 50 транспортных Ю-52, пилотируемых неустрашимыми экипажами, совершили посадку на обеих взлетно-посадочных полосах для вывоза раненых. До предела перегруженные, приняв на борт до 30 тяжелораненых каждый, самолеты взлетели, легли на обратный курс и — о чудо, без всяких потерь — доставили в тыл еще около 1000 раненых, вырванных из лап смерти.

Последние часы на берегу Херсонеса

Так войска пережили последние дни и часы. В истории 98-й дивизии об этом повествуется следующим образом[1*]:

«Мало кто вернулся назад из защитников позиций на Херсонесе, с этого мыса полукруглой формы, расположенного западнее Севастополя, который они удерживали с 9 мая. Войска были отведены с этих позиций, переформированы и снова отправлены обратно. Собственно позиции для всех, кто находился на передовой, представляли собой немалый сюрприз. Они были прекрасно оборудованы, имели разветвленную систему траншей, бетонированные жилые, складские помещения и арсеналы, в которых до сих пор в изобилии хранилось снаряжение и продовольствие. Однако боеприпасов оставалось совсем немного. Те же, что имелись на месте разгрузки судов в подковообразном глубоком заливе северного побережья, надо было еще доставить на причалы в Камышовой бухте.

Для скученных на очень узком пространстве многих тысячах защитников Крыма начинался заключительный акт всей драмы. Сцена, на которой им предстояло разыграть это действо, западная оконечность мыса Херсонес, прекрасно просматривалась с потерянной германскими войсками Сапун-горы и лежала перед врагом как на ладони.

К вечеру этого черного «дня бегства» стал известен приказ Гитлера о том, что теперь Крым должен быть оставлен нашими войсками. То, что уже три недели тому назад подсказывал здравый смысл, что диктовалось бы чувством ответственности, звучало теперь просто как насмешка и издевательство. И вызывало прежде всего только сомнения, горечь и гнев. Если теперь Крым должен быть оставлен, то это с тем же успехом можно было сделать двумя не-

---

[1*] *Gareis M.* Kampf und Ende der 98 Infanteriedivision.

делями раньше, и тогда бы тысячи солдат остались в живых, а не принесли бы свою жизнь в жертву упрямству одного человека.

Ночь на 10 мая была посвящена подготовке к оборонительным боям грядущего дня. Прежде всего надо было подготовить рубежи обороны для «боевых групп», на которых еще царил невообразимый хаос. Когда забрезжил рассвет, батальоны и роты, в избытке имевшие тяжелое вооружение, хотя и при недостатке боеприпасов, уже поджидали врага: 289-й гренадерский полк слева, 290-й гренадерский полк справа.

Все, кто сейчас стоял на этом последнем рубеже обороны в Крыму — обозники, водители, штабисты, повара, — не были бойцами в полном смысле этого слова, то есть теми обученными и закаленными в боях пехотинцами, какими они должны были бы быть. Но все они в полной мере обладали мужеством и самообладанием и вплоть до последнего дня обороны 98-й дивизии на ныне утерянных позициях дисциплинированно выполняли свой долг, не обращая никакого внимания на явственно различимые признаки грядущего коллапса. Именно поэтому все они в тот день, 10 мая, отбивали бесчисленные атаки врага. И каждый из них ждал скорой эвакуации.

В течение дня войскам был оглашен новый приказ фюрера. В нем говорилось, что все германские и румынские военно-морские силы Черного моря вышли для их эвакуации и что наступающей ночью Севастополь будет оставлен. Вся возможная поддержка с воздуха будет оказана, во вторую половину этого дня 10 мая в бой включатся все эскадрильи дальней истребительной авиации. Если бы только это было правдой!

Дальняя истребительная авиация на помощь не пришла. На всем Восточном фронте ее просто-напросто не существовало. А суда! Они имелись, но...

Потери среди надеющихся на эвакуацию солдат в течение этого дня росли с ужасающей быстротой, прежде всего в районе причалов. Здесь скопились не сражающиеся и изготовившиеся для посадки на суда части, а также многочисленные раненые, на которых сыпались бомбы и огонь бортового оружия постоянно сменяющих друг друга русских штурмовиков. После захода солнца 10 мая каждый солдат ждал приказа об отходе. Он не поступал. Обещанных флотом судов для эвакуации не было. Не оставалось ничего другого, как перенести приказ об отходе еще на 24 часа.

Еще сутки оборонительного сражения! В нашем положении! Когда стремительно убывают боеприпасы, когда нечего противопоставить мощной артиллерии и авиации противника!

Русские продолжали наступать при сильной поддержке артиллерии и танков. Однако все их попытки прорвать передовую линию обороны были отбиты германскими солдатами, сражавшимися за свою жизнь и свободу. Войска, как сражавшиеся на передовой, так и скопившиеся у причалов, несли тяжелые потери. К этому времени последний командующий войсками в Крыму уже покинул мыс Херсонес и уходил с пароходом в Констанцу. Он исполнял приказ фюрера.

В 20.00 противник, после мощнейшего огневого удара по линии обороны и причалам, снова пошел в атаку. И снова эта очередная атака была успешно отбита. Затем, наконец, стал приближаться тот всеми напряженно ожидавшийся час погрузки на суда, которые должны были унести нас к свободе. В ночь с 11 на 12 мая нам был обещан необходимый для эвакуации морской тоннаж. В 23.00 на всех участках обороны начался отход. Скрытым маршем между горящих грузовиков и раненых лошадей, под звуки рвущихся в пламени боеприпасов, все ближе и ближе к морю, уходившие отдельными группами солдаты наконец-то достигли причалов. Отход не только основной массы войск, но также и арьергарда почти не был замечен противником. Теперь должны были подойти суда.

Отведенный нашей дивизии причал находился в 30—40 метрах ниже западного обрывистого берега, который сначала круто снижался, а затем переходил в насыпь из скальных обломков и мелкого щебня. Ближе к берегу в море не было никаких скал, суда с соответствующей осадкой могли подойти почти вплотную.

Целых два часа прошли в напряженном ожидании и полном бездействии. Ничего не происходило. За эти два часа большая часть собравшихся здесь солдат могла бы уже быть погружена на суда. Но судов не было. Среди последних военнослужащих 282-го полка посадки ожидал и капитан Вокентанц. Он рассказывает: «Место нашей погрузки было обрывистым, словно срезанным ножом. Внизу, метрах в двадцати или тридцати, плескалось море. Для спуска имелась лестница шириной 2—3 метра, закрепленная на скалах. Внезапно стало светло как днем — в небе зажглись осветительные бомбы, сброшенные вражескими самолетами. Перед причалом стояли солдаты. Снаряжение, оружие и личные вещи были складированы без всякого порядка кучами рядом с ними. Упали первые вражеские бомбы. Никаких укрытий не было предусмотрено, скрыться от осколков было невозможно. Инстинкт самосохранения за долю секунды смел всякий порядок. Под гром рвущихся бомб охваченные отчаянием люди бросились к скальному обрыву, карабкались наверх, цепляясь за лестницу, висли друг на друге,

срывались и падали вниз на мертвых, раненых и на выброшенные морем камни. А со стороны моря на побережье заходили все новые и новые волны вражеских штурмовиков, расстреливавших из всего бортового оружия клубки человеческих тел».

Лейтенант Клотц пишет: «Мы лежали на небольшом мысу. Бомбы падали в море. Рядом с нами лежали артиллеристы и разведчики, которые ждали погрузки много дольше нас. В морской дали вдруг вспыхнуло пламенем какое-то судно. Вскоре оно уже все было объято огнем. Что там происходит?! Судов для нас попрежнему нет. Нас просто-напросто забыли, как груду ненужного хлама. Море совершенно спокойно. Проходит еще полчаса, начинает темнеть. Море по-прежнему пусто! Где же обещанные суда, где эскадрильи германских самолетов? Некоторые, охваченные отчаянием, пытаются пуститься вплавь в море, чтобы избежать неминуемого плена. Разрывы вражеских снарядов кладут конец этим попыткам».

Теперь стало ясно, что сюда, где ждут эвакуации бойцы 98-й дивизии, суда так и не подойдут. Правда, в других местах можно еще погрузиться на суда, которые вскоре должны выйти в море. Но они совершенно недостижимы. Как позднее станет известно, транспортные суда военно-морских сил достаточной вместимости стояли в этот момент на рейде Севастополя. Однако сильный огонь врага нарушил всю деятельность морского командования. Поэтому на большей части причалов не имелось никаких переправочных средств, так что готовые к погрузке части простояли в напрасном ожидании.

Подполковник Лау, начальник оперативного отдела штаба дивизии, отказался занять место на отходящем последнем катере, загруженном до предела, поскольку еще не все сотрудники его штаба были отправлены на суда. Он повел остававшихся на берегу 50 человек к другому причалу, где стоял готовый к отходу катер обеспечения безопасности полетов. Благодаря энергии подполковника ему удалось посадить на катер пятнадцать своих людей. С остальными подполковник Лау остался на берегу. После этого он пропал без вести.

Под крутым обрывом ждала эвакуации небольшая группа солдат — все, что осталось от 198-го пехотного батальона. К ним подошел морской паром и стал принимать солдат. Командовал погрузкой капитан доктор Мауль, командир пехотинцев. Кому-то надо было прикрыть отход. Со словами «Я и не подумаю бросить своих людей на произвол судьбы!» капитан скрылся в темноте. По приказу моряка, управлявшего паромом, он после краткого

ожидания отчалил от берега. Капитан доктор Мауль пропал без вести, как и многие, многие другие...

Когда темноту ночи сменили первые проблески рассвета, в небе снова появились русские самолеты. Заработала и вражеская артиллерия. «Сталинские орга́ны» дали несколько залпов по водной глади, ставя заградительный огонь.

Полностью рассвело, наступило утро 12 мая. Русские танки двинулись вперед широким фронтом, ведя непрерывный огонь. Закричали раненые. Кто-то из солдат остался на месте, словно отрешившись от всего происходящего, кто-то бросился навстречу вражескому огню. Какой-то офицер произнес: «Ясно, что никакие суда не придут! Нас просто-напросто списали, предали. Все бессмысленно. Остается только одно — сдаваться».

Вальтер Винклер описывает последние часы 50-й пехотной дивизии[1*]:

«К вечеру 9 мая стало известно, что Гитлер наконец-то отдал приказ об отходе из Крыма. Всем было совершенно ясно, что этот приказ отдан слишком поздно. Эвакуация на судах теперь могла быть осуществлена только непосредственно из зоны боевых действий под огнем врага. Атака русских силой до дивизии была отбита по всему фронту на Херсонесе со значительными потерями. Из Констанцы пришло судно с выписанными из госпиталей солдатами, которые были тут же отправлены на передовую.

Это придало войскам новые силы и уверенность. Назначенное в ночь на 11 мая начало эвакуации из-за волнения моря было перенесено. В течение наступившего дня германский фронт оставался на месте. С позиций на Херсонесе из состава XXXXIX корпуса была отведена одна дивизия. Противник этого перемещения не заметил, поскольку его внимание отвлекли две боевые группы, пошедшие в атаку на его позиции. Теперь на позициях на Херсонесе оставалась только примерно одна треть личного состава. Отошедшие подразделения в сопровождении офицера-уполномоченного по эвакуации были препровождены к местам погрузки в бухты Круглая и Омега, откуда они на десантных баржах были переправлены на транспортные суда, стоявшие на якорях на рейде. Погрузка первых боевых частей прошла без каких бы то ни было осложнений.

Незадолго до полуночи майор Тешнер, командовавший арьергардом на правом фланге херсонесских позиций, получил сообщение, что в бухте Омега раненые и тыловики уже много часов ожи-

---

[1*] *Winkler W.* Der Kampf um Sewastopol.

дают погрузки, находясь на десантных баржах. Его предложение о переносе отхода с позиций на 24 часа для проведения посадки на суда в лучших условиях командованием дивизии было отвергнуто. Это означало, что следует еще ожидать подхода судов. После полуночи майор Тешнер со своими людьми отошел с позиции, покинул передовую и арьергард правого фланга. Подразделение Тешнера заняло отсечную позицию на подходе к бухтам, в которых должна была осуществляться посадка на суда, чтобы не дать врагу помешать этому процессу. Но на места погрузки он смотрел теперь без всякой надежды. Там стояли только несколько десантных барж, на которых можно было перевезти лишь несколько сотен солдат. Напротив них на берегу стонали раненые, толпились тыловики и обозные части. Он видел, что и у соседей справа (336-й пехотной дивизии) дела обстоят не лучше. Лишь 121-й полк 50-й дивизии переправлялся более или менее планомерно, хотя и там на берегу множество солдат ожидали своей очереди на погрузку. Около 2.00 к причалу снова подошла баржа. Очередная партия солдат заняла на ней места, и баржа спокойно отчалила, хотя стало известно, что это ее последний рейс. Он и в самом деле стал ее последним рейсом.

Ближе к рассвету 12 мая, когда больше ни одно транспортное судно у причалов не появилось, майор Тешнер со своими людьми занял позицию в форме полумесяца, защищающую бухты погрузки. Он надеялся, что, возможно, будущей ночью сюда еще подойдут суда для эвакуации. Он попытался также договориться с соседями справа, чтобы они подтянулись к его позициям и расширили оборонительный заслон далее к югу. Однако у соседей осталось совсем немного боеспособных солдат, которые располагали только легким стрелковым оружием. Когда русские с рассветом после сокрушительного огневого налета пошли в атаку на заслон, то удержать там линию обороны не удалось, и майор со своими людьми смог пробиться южнее и добраться до бухты Омега. Находившиеся там румыны сдались в плен русским. Продвинувшись еще южнее, немцы узнали, что там уже формируются большие группы из военнопленных.

Красноармейцы снова пошли в атаку на группу Тешнера. Положение становилось явно безвыходным. В 12.00 Тешнер отдал приказ прекратить сопротивление. Печальная участь германских частей, которые уже было невозможно эвакуировать, начала сбываться...»

Донесение военнослужащего 1-й батареи 86-го дивизиона легких зениток:

«Несколько дней тому назад еще можно было сказать — под Севастополем. Теперь же остался только мыс Херсонес, мыс Ты-

сячи Проклятий. Мы не знали, что пришел наш последний день, но мы все это чувствовали. Не переставая била вражеская артиллерия, ведя огонь по крошечному, еще остающемуся у нас пространству, без перерыва падали бомбы.

На прибрежных обрывах тысячами сидели солдаты частей, которых уже не существовало, ожидая эвакуации. В каждой скальной нише, за каждым камнем укрывался человек. Русские штурмовики с интервалом в полчаса обрушивали свой смертоносный груз на свои беззащитные жертвы. Потерявшие всякую надежду солдаты еще сдерживали врага, но грядущая ночь обещала быть последней. Кое-где у побережья находились плавсредства — два понтона, за ними платформа, катер. Они ждали сумерек, поскольку весь день почти без перерыва налетали русские штурмовики Ил-2 и большие бомбардировщики. Еще прошлой ночью они выходили на акваторию бухты, но ни одно судно не вошло с моря в бухту, чтобы принять на борт человеческий груз, так что им пришлось вернуться к берегу. Большей частью солдаты, которые сделали эту попытку, были зенитчиками. Их орудия были уничтожены, боеприпасы израсходованы, по плану они уже несколько дней тому назад должны были быть эвакуированы.

В течение дня 11 мая командир 1-й батареи, который совершенно случайно разыскал эти плавсредства, собрал своих разбредшихся солдат. Все подразделение три дня тому назад снялось с передовой и получило приказ на эвакуацию.

Когда стемнело, началась погрузка. На понтон были переброшены две сходни. По ним торопливыми шагами шли солдаты — большей частью зенитчики, но и много из других родов войск. Смертельно усталые, голодные, оборванные, но снова с надеждой во взгляде. По мере наполнения понтона на нем становилось все теснее и теснее. У одной сходни стоял капитан, у другой — его адъютант, оба с пистолетами в руках. Ни единая черта на лицах этих двух офицеров не выдавала их истинных чувств. Если еще возможно спасти какое-то число солдат, то им, офицерам, надо быть твердыми и безжалостными. Перегрузка парома чревата гибелью всех.

Затем понтон медленно подошел к официально объявленному месту погрузки и принял там еще несколько дюжин раненых. Когда они поднялись на борт, капитан быстро собрал рядом с причалом личное оружие погибших при последнем воздушном налете и раздал его тем солдатам, у кого оружия не было, со словами: «У солдата должно быть по крайней мере свое личное оружие». Собрав стопку разбросанных повсюду одеял, он бросил их солдатам на пароме, сказав: «Это вам тоже еще может понадобиться».

Последнее плавсредство отошло от мыса Херсонес. Оно никогда не вернулось обратно. В понтоне уже была течь, да и те три противолодочных катера-охотника, до которых мы хотели добраться, оставались единственными и последними кораблями. Понтон мог служить только переправочным средством, добраться на нем до Румынии в любом случае было невозможно. Весь его экипаж состоял из трех матросов, которые тоже поднялись с солдатами.

Неожиданно из темноты выдвинулся корпус куда более крупного судна, похоже, морского парома, который принял к себе наших раненых. Их товарищи заботливо помогли им подняться на это судно. Добрался ли он потом до Румынии, мы так и не узнали. Наш же понтон продолжил свой путь в ночь. Трое матросов — вся его команда — напряженно всматривались в темноту. Вдруг — короткие вспышки ратьера[1], и снова, и вот уже моряки ведут между собой двусторонний разговор. Из темноты вдоль борта выплывает силуэт морского охотника. «Поднимайтесь на борт!» И через некоторое время: «Стоп, хватит, идите к другому катеру». И снова темный силуэт, и снова торопливое карабканье через релинги[2]. И третий силуэт. Но вот уже все оставшиеся перебрались на него. Лишь тогда матросы покинули свое плавсредство, которое исчезло в ночи, медленно погружаясь в воду.

Все три морских охотника были небольшими катерами с минимумом экипажа. Под палубой устроиться никому из спасшихся не удалось, настолько там было все забито механизмами. Мы все плотно сбились в одну толпу, стоя на узкой палубе. Надо отдать должное — у матросов охотника хватило юмора, чтобы подначивать нас тем, что они еле могли передвигаться по своему катеру. Однако в случае атаки с воздуха или с моря положение стало бы критическим, так как действовать катерным оружием экипаж бы не смог. Матросы поделились с нами своими скудными пайками, и тогда мы ощутили себя в безопасности на этих элегантных и быстрых корабликах. Но когда мы вспоминали оставшихся на берегу боевых товарищей, к радости спасения примешивалась горечь утрат.

Так мы шли ночь, день и снова ночь. Но вот наконец на горизонте стали различимы очертания берега, а потом и вход в гавань. Мы были в Констанце. Краткое «Спасибо, земляки!», и силуэты катеров снова скрываются в темноте неосвещенной гавани, а мы еще не можем поверить в свое спасение. Через двенадцать часов после отхода из Севастополя сражение на Херсонесе подошло к концу...»

---

[1] Ратьер, фонарь Ратьера — проблесковый прожектор для ведения переговоров ночью, скрытно от противника.

[2] Релинг — жесткое металлическое ограждение палубы судна.

Так завершился заключительный акт всей трагедии.

В течение более чем полугода 17-я армия выполняла совершенно бессмысленный приказ, удерживая Крым. Теперь его последние защитники были брошены на произвол судьбы. Ни один корабль не пришел для их эвакуации. Когда утром 12 мая над Крымом взошло солнце, ровная гладь Черного моря была совершенно пустынна.

Поскольку дальнейшее сопротивление было абсолютно бессмысленно, около 8.00 в районе севернее причалов сложила оружие вся масса еще остающихся здесь войск, в том числе и командир 73-й пехотной дивизии генерал-майор Бёме.

Артиллерия вела огонь по участку шириной менее 25 метров между скальным обрывом и морем, по причалам на западном побережье, где пытались найти укрытие за каменными блоками или в углублениях скал еще тысячи солдат, теснившихся на этом берегу. Потом на их последнее прибежище двинулись русские танки. Всякое сопротивление и тут было явно бессмысленным, поэтому генерал Грюнер, командир 111-й пехотной дивизии, пошел навстречу одному из Т-34, чтобы сообщить о капитуляции, но огнем из танка был смертельно ранен. Дальше все было так, как часто бывает у русских, — офицеры и увешанные орденами и медалями солдаты принялись рыскать в плотной массе сбившихся в кучу пленных, послышались выстрелы и крики. Еще остававшиеся среди пленных состоявшие на германской службе русские хиви («добровольные помощники») были тут же расстреляны у высокого скального обрыва.

Затем под солнцем, заливавшим этим весенним утром все окрестности своими ласковыми теплыми лучами, остатки 17-й армии, еще более 15 тысяч немцев и румын, были выстроены в длинные колонны, которые под объективами камер советских кинооператоров двинулись в плен, из которого мало кто из них вернулся (на мысе Херсонес было взято в плен 21 тысяча вражеских солдат. Процент вернувшихся из плена немецких военнопленных составил 85,1%. — *Ред.*).

Однако отдельные группы солдат не сдавались и все еще продолжали сражаться. Воздушная разведка сообщила, что в 15.00 группы отдельных военнослужащих продолжали обороняться в отчаянной надежде на эвакуацию. Израсходовав все боеприпасы, они складывали оружие или погибали.

Существовали еще солдаты, которые предпочитали рискнуть всем, но не отправиться в русский плен. На маленьких суденышках и самодельных плотах они рискнули выйти в море в надежде,

что смогут там встретить своих. Надежды эти оправдались, и в ночь с 12 на 13 мая еще 83 человека были приняты на борт германских торпедных катеров, которые прочесывали прибрежную акваторию. Они стали последними спасенными из солдат 17-й армии.

Всего за время начатой армией по своей инициативе эвакуации с 12 апреля из числа более 230 тысяч остававшихся в Крыму военнослужащих на германских и румынских судах было вывезено на румынскую территорию около 130 тысяч человек. Люфтваффе за это же время вывезли по воздуху еще 21 тысячу солдат, в основном раненых. Верховное главнокомандование сообщило о потере около 57 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести (в том числе взятыми в плен). К этому надо добавить еще по крайней мере 20 тысяч человек, чья судьба осталась совершенно неизвестной, среди них значительное число утонувших. Обобщая, можно сказать, что борьба за Крым стоила жизни около 78 тысяч германских и румынских солдат. (Только на суше немцы и румыны потеряли 100 тысяч человек, в том числе 61 587 пленными, остальные убитыми. Кроме того, советские авиация и флот потопили много судов, где погибли десятки тысяч вражеских солдат. Потери советских войск в Крымской наступательной операции с 8 апреля по 12 мая 1944 года составили: 177 854 безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) и 67 065 санитарные потери; 171 танк и САУ, 179 самолетов, 521 орудие и миномет. — *Ред.*)

Наряду с этими человеческими жертвами в Крыму было потеряно огромное количество военного имущества всякого рода. Из этого можно назвать только следующее: между 1 и 10 мая обороняющимся была доставлена еще 5261 тонна боеприпасов, которые либо не были поданы на боевые позиции, либо не могли быть использованы уже рассеянными воинскими частями. Лишь 720 тонн боеприпасов удалось вывезти обратно.

И снова в этих боях была уничтожена целая армия в составе двух армейских корпусов, причем вина за ее потерю лежит исключительно на Гитлере.

Из сводок командования вермахта

10 мая

«На плацдарме под Севастополем занимающие его германские и румынские части ведут тяжелые бои с наступающим врагом. В ходе нашего отступления были оставлены развалины города Севастополя. Боевая авиация за прошедший день уничтожила 30 со-

ветских танков. В воздушных боях и зенитной артиллерией было сбито 19 вражеских самолетов...»

11 мая

«...В районе западнее Севастополя наши войска совместно с батальоном из состава румынского горнострелкового корпуса отразили ожесточенную атаку сил противника. Было уничтожено 20 советских танков...»

12 мая

«...На нашем сужающемся плацдарме западнее Севастополя германско-румынские соединения оказывали упорное сопротивление превосходящим силам врага, атаковавшего при поддержке значительного числа танков...»

13 мая

«Наши арьергардные части под Севастополем, находясь в окружении, оказывали ожесточенное сопротивление многочисленному, значительно превосходящему врагу и прикрывали с достойным подражания мужеством эвакуацию германо-румынских соединений...»

14 мая

«...Из Крыма 13 мая были эвакуированы и доставлены на территорию рейха последние германо-румынские части...»

С небывалым напряжением сил суда и корабли германских и румынских военно-морских сил и торгового флота, а также транспортная авиация люфтваффе, несмотря на сильное сопротивление противника, эвакуировали отошедшие из Крыма воинские части вермахта...

Части 17-й армии

Командование 17-й армии:

Генерал-полковник Енеке (с 30.04.1944 — генерал от инфантерии Альмендингер)

Сухопутные силы:

Командование V армейского корпуса:

Генерал от инфантерии Альмендингер (с 5.05.1944 генерал-лейтенант Мюллер)

73-я пехотная дивизия: генерал-майор Бёме

98-я дивизия: генерал от инфантерии Гарайс, затем генерал Рейнхардт

Командование XXXXIX горнострелкового корпуса:

Генерал горнострелковых войск Конрад (с 7.05.1944 генерал от артиллерии Хартман)

50-я пехотная дивизия: генерал-майор Сикст (с 2.05.1944 полковник Бетц)

111-я пехотная дивизия: генерал-майор Грунер

336-я пехотная дивизия: генерал-майор Хагеман

Горноегерский полк «Крым»

Две бригады штурмовых орудий (191-я и 297-я)

Два зенитно-артиллерийских дивизиона (275-й и 279-й)

Военно-воздушные силы:

1-й воздушный корпус:

Генерал-лейтенант Дайхман

Полевой штаб «Крым» 1-го воздушного корпуса: полковник Бауэр с летными частями различной численности и состава (на 1.04.1944, например, 126 боеспособных «Штук», штурмовиков, истребителей и разведчиков)

Зенитная артиллерия:

9-я зенитная дивизия: генерал-майор Пикерт

(включая 3 зенитных полка)

Военно-морские силы:

Штаб военно-морского коменданта Крыма: контр-адмирал Шульц с портовыми комендантами в Севастополе, Феодосии, Ялте и отделениями на побережье Крыма, морские десантные баржи в транспортных частях, торпедные катера, сторожевики и морские охотники.

(По данным адмирала Дёница: 8 торпедных катеров, 12 минных тральщиков, 3 подводные лодки, 6 плавучих батарей, 60 морских десантных барж)

Румынские союзники:

Командование румынского 1-го горнострелкового корпуса:

1, 2 и 3-я румынские горнострелковые дивизии

Командование румынского кавалерийского корпуса:

2, 6 и 9-я румынские кавалерийские дивизии

10-я и 19-я румынские пехотные дивизии

Немцы
Русские
4-й Украинский фронт.
51-я армия
2-я гвардейская армия
Перекоп
50.
С и в а ш
Азовское море
111.
Ишунь
336
10-я румынская дивизия
7-я румынская кавалерийская дивизия
XXXXIX горнострелковый армейский корпус
Джанкой
19-я румынская дивизия
Отдельная Приморская армия
98
Керчь
73
п-ов К Р Ы М
V армейский корпус
Парпач (до 1948 г., ныне с. Ячменное)
6-я румынская кавалерийская дивизия
Таманский п-ов
Сарабуз (до 1945 г., ныне пгт. Гвардейское)
Феодосия
Симферополь
румынский 1-й горнострелковый корпус
Крымские горы
Бахчисарай
Констанца
Севастополь
Херсонес
Балаклава
Ялта
С
0 20 40 км
Черное море

Глава 4
БЕЛОРУССИЯ: ГРУППА АРМИЙ «ЦЕНТР»

Тяжелейший удар, когда-либо полученный германскими сухопутными силами

Белоруссия — страна с богатой историей. Уже в 1812 году здесь маршировали по мостам через Двину и Днепр солдаты Наполеона, двигаясь на Москву, тогдашнюю столицу Российской империи (столицей России тогда был Санкт-Петербург. — *Ред.*). И здесь же, отступая, при переправе через Березину погибла тогдашняя «Великая армия». (На Березине произошел окончательный разгром «Великой армии» Наполеона, насчитывавшей с резервами в июне 1812 года свыше 600 тысяч человек. К Березине после отступления из Москвы у Наполеона оставалось 74 тысячи. В ходе боев у переправ самому Наполеону и 25 тысячам его солдат удалось спастись. Остальные 50 тысяч погибли или попали в плен. Русские потеряли здесь 4 тысячи человек. — *Ред.*)

Подобное повторилось и через 132 года — хотя на этот раз стояла не морозная зима, но разгар жаркого лета 1944 года, царившего над страной. Белоруссия — холмистая равнина, пересеченная реками, с громадными, иногда почти первобытными лесами и бездонными болотами, полями и селениями между ними, озерами и речушками, заболоченными низменностями, через которые протекает на северо-запад Западная Двина и на юг — Днепр со своими многочисленными притоками, одним из которых и является Березина.

Из крупных городов следует назвать Витебск и Оршу, Могилев, Бобруйск и, разумеется, Минск, столицу Белоруссии, из которой первая русская автострада ведет через Смоленск на Москву.

Именно этой стране суждено было в те солнечные дни сыграть особенно трагическую роль в судьбе сотен тысяч германских солдат.

Германская группа армий «Центр» на фронте шириной 1100 километров

Через Белоруссию прокатился вал германских войск, вторгшихся в Советский Союз, здесь летом 1941 года велись тяжелые бои, пока наконец гром битв не стал удаляться все дальше и дальше на восток. Однако наступавшей здесь группе армий «Центр» не удалось взять Москву, после чего война покатилась назад, пока группа армий наконец не остановилась на новом и, как она надеялась, окончательном рубеже[1*], который она удерживала уже в течение года, проведя шесть оборонительных сражений. Этот фронт простирался от стыка с группой армий «Север» у Полоцка на севере до большого выступа на восток у Витебска, затем проходил восточнее Орши и Могилева к Рогачеву по большому плацдарму восточнее Днепра, после чего выгибался к западу, проходя южнее Пинска и далее шел прямо на юг к Ковелю, где позиции группы армий «Центр» соединились с позициями группы армий «Северная Украина». Таким образом, вся группа армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Буш — на тот период самая мощная из германских групп армий, — располагалась на широко раскинувшемся, выгнутом полукругом на восток фронте протяженностью 1100 километров, который удерживали четыре армии.

Северный фланг у Полоцка занимала 3-я танковая армия[2*] в составе IX, LIII и VI армейских корпусов (9 дивизий), в центре располагалась 4-я армия в составе XXVII, XXXIX и XII корпусов (9 дивизий) и, наконец, 9-я армия в составе XXXV, XXXXXI и LV корпусов (10 дивизий).

Южный фланг позиций группы армий «Центр», проходивший вдоль южной границы припятских болот, образовывала 2-я армия в составе трех армейских корпусов. Всего в группе армий «Центр» (без 2-й армии[3*]) насчитывалось около 500 тысяч германских солдат, из них 400 тысяч собственно во фронтовой полосе, — безусловно, внушающее уважение число. (Всего в группе армий «Центр» и примыкающих к ней соединениях соседних групп армий в полосе наступления советских фронтов в ходе Белорусской операции (1100 км) насчитывалось 1 млн 200 тысяч человек (63 дивизии и 3 бригады), 9500 орудий и минометов, 900 танков

[1*] Еще 3 июня 1944 года в Минске на совещании командиров дивизий фельдмаршал Буш сказал: «Фюрер приказал мне удерживать позиции группы армий в течение семи лет».

[2*] 3-я танковая армия имела в своем составе только пехотные дивизии.

[3*] Поскольку в описываемое время 2-я армия не была задействована.

и штурмовых орудий, 1350 боевых самолетов. Против них советское командование бросило 2 млн 400 тысяч человек (2:1), 36 400 орудий и минометов (3,8:1), 5200 танков и САУ (5,8:1), 5300 боевых самолетов (3,9:1). 4 советских фронта имели в своем составе 19 общевойсковых и 2 танковые армии, включавшие 166 дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 7 укрепрайонов, 21 стрелковую, отдельные танковые и механизированные бригады. — *Ред.*) И все же это число ничего не говорило, так как большая часть пехотных дивизий, которые вынесли на себе основную тяжесть боев, были ослаблены и по большей части имели в своем составе от пяти до семи батальонов вместо штатных десяти. Совокупная боевая численность 3-й танковой армии, например, насчитывала только 21 500 солдат, в 9-й армии на передовой имелось 24 тысячи человек. Общая численность дивизионной артиллерии трех армий составляла 1260 легких и тяжелых орудий. Наряду с этими ослабленными дивизиями, которым впредь предстояло удерживать фронт (3-я танковая армия протяженностью приблизительно 220 километров, 4-я армия — 200 километров и 9-я армия — 280 километров фронтовой линии), вся группа армий располагала в качестве резервов частями лишь чуть больше шести пехотных дивизий и охранных дивизий и одной-единственной танковой дивизией[1*], которые располагались в тылу армий. К выгнутому дугой на восток фронту, ослабленным дивизиям и практически отсутствующим резервам добавлялся еще один отрицательный фактор — ситуация с авиацией. Она была в основном задействована на западе и для прикрытия территории рейха, так что 6-й воздушный флот, к тому же страдающий от острейшего дефицита авиационного бензина, смог предоставить в распоряжение группы армий «Центр» лишь крайне незначительное число летных частей, в составе которых было только 40 истребителей. Чтобы с этим все стало сразу ясно — участие люфтваффе в грядущих тяжелейших сражениях было по существу призрачным.

И еще одно обстоятельство добавляло забот командованию группы армий. Вся тыловая область, громадное лесное и заболоченное пространство между Днепром, Березиной и Припятью представляло собой по существу еще один фронт, на котором полностью господствовали партизаны[2*]. Производились, и довольно часто, зачистки местности от них, дававшие мало эффекта.

[1*] 20-я танковая дивизия с одним 21-м танковым полком, в котором насчитывалось 100 танков T IV (Pz IV).

[2*] По советским данным, хотя и явно завышенным, в тылу группы армий «Центр» действовало 240 тысяч партизан.

Поэтому даже в самые спокойные времена по дороге Могилев—Березина передвигаться можно было только в сопровождении охраны, а движение отдельных небольших подразделений по другим, менее значительным дорогам всегда было связано с серьезной опасностью, порой становясь совершенно невозможным. Подобное же происходило и на других участках фронта. Постоянно минировались различные участки дорог, происходили нападения на штабные автомобили, обстреливались связные на мотоциклах, перерезались телефонные линии и т. д.

Вообще положение всей группы армий можно было рассматривать как менее чем стабильное, и поэтому командование группы армий уже в апреле разработало два плана сокращения линии фронта и экономии сил. Первый из них, так называемое Малое решение, предусматривал оставление 3-й танковой армией выступа фронта восточнее Витебска и отход 4-й армии с плацдарма за Днепр. В случае принятия Большого решения все три армии должны были отойти за Березину. Но хотя как группа армий, так и сами армии в течение нескольких недель настаивали на отвод фронта для сокращения его протяженности, Гитлер снова и снова жестко отклонял подобные планы, как и планы работы по оборудованию новых позиций в тылу, приказывая вместо этого создавать «открытые» им «укрепленные пункты» («крепости»), к каковым должны были быть отнесены Витебск, Орша, Могилев и Бобруйск. Поэтому командующий группой армий (генерал-фельдмаршал Буш. 28 июня его сменил генерал-фельдмаршал Модель. — *Ред.*) сдался и отдал приказ о безоговорочном удержании существующей линии фронта.

И существовало еще одно совершенно роковое обстоятельство, а именно — хотя выдававшийся далеко на восток выступ фронта группы армий, по имеющемуся опыту, словно приглашал русских к новому на него наступлению, но Гитлер и вместе с ним все Верховное командование рассматривали положение совершенно по-другому. Считалось, что новое наступление русских будет, однако ожидалось, что оно будет направлено на позиции группы армий «Северная Украина»[1*] из района южнее Ковеля, при этом уверенно предполагалось, что советские войска несколько отожмут на запад выступ фронта группы армий «Центр», а затем нанесут удар в общем направлении к Балтийскому морю, чтобы обрушить фронт группы армий «Север».

[1*] Поэтому ОКВ (Верховное главнокомандование вермахта) перебазировало все имевшиеся в его распоряжении танковые дивизии и резервные части с территории рейха в тыловые районы этой группы армий.

Тем самым Верховное главнокомандование исходило из абсолютно неверных оценок ситуации на фронтах и ставило в своих стратегических разработках размышления советского командования выше своих собственных. Советское Верховное Главнокомандование (Ставка) планировало военные действия далеко не столь смело, как это ожидалось германской стороной. Скорее, оно намеревалось осуществить все в несколько этапов — сначала уничтожение группы армий «Центр», затем прорыв к Балтийскому морю с изоляцией группы армий «Север» и, наконец, продолжение наступления на запад через Польшу до Вислы. Планирование и подготовка к первой фазе общей операции под кодовым названием «Багратион»[1*] с начала года шли уже полным ходом.

Начало: партизаны открывают масштабное советское наступление

В ходе прошедшей зимы русские особенно упорно наступали на Витебск, но 3-я танковая армия стойко удерживала оборону. В пяти «шоссейных войнах» на автостраде Минск—Смоленск в полосе обороны 4-й армии все удары русских также остались безрезультатными. Теперь же, после завершения тяжелых зимних боев, на фронте воцарилось затишье, но затишье обманчивое. Солдаты были довольны — да и какой бы солдат не был доволен — тем, что их позиции были оборудованы по всем правилам военного искусства (то есть по имеющимся возможностям), и они теперь могут чувствовать себя гораздо увереннее. По общему мнению, успехи в предыдущих оборонительных сражениях вселяли надежду. Сменившись на передовой, можно было отдохнуть в тылу, купаться в речках, съездить в краткосрочный отпуск домой, снабжение поступало бесперебойно, а с прочими реалиями службы на передовой, такими как нахождение в карауле или под беспокоящим огнем противника, можно было смириться. То, что происходило в глубоком тылу, в партизанских районах, фронтовиков интересовало мало, на то существовали охранные дивизии.

Да, спокойствие сохранялось, но своим безошибочным инстинктом фронтовики чувствовали, что «на той стороне» что-то

[1*] Имя русского генерала—участника войны 1812 года против Наполеона. (Командующий 2-й русской армией, с боями отступавшей в начале войны, вместе с 1-й армией (командующий Барклай-де-Толли). В Бородинской битве Багратион был смертельно ранен. — *Ред.*)

происходит. Каким-то образом это ощущалось даже в воздухе. Со временем это становилось все более и более очевидным. Взятые при вылазках разведчиков пленные рассказывали о формировании ударных групп позади русского фронта, агенты-разведчики приносили аналогичные сведения, после обработки данных аэрофотосъемки, сделанной самолетами-разведчиками, выяснялось, что на многих участках фронта появлялись новые крупные армейские соединения. Уже 7 июня стратегическая разведка информировала, что перед фронтом группы армий сконцентрированы мощные силы неприятеля. Но командование группы армий ответило на это: «Никаких разговоров об этом!» С 10 июня стали множиться грозные признаки того, что близится мощное советское наступление. Службы радиоперехвата расшифровывали соответствующие приказы врага, среди радиосообщений появлялись позывные новых русских армий, воздушная разведка докладывала об оживленном движении железнодорожных составов и маршевых колонн войск на участках дорог, ведущих к фронту. Приток советских войск к фронту усиливался с каждым днем. С 14 июня советская артиллерия и авиация стали наносить удары по тыловым коммуникациям германской армии и полевым аэродромам люфтваффе. Повторяющиеся вражеские удары на различных участках фронта в период с 17 по 21 июня явно были прощупыванием германской обороны в поисках слабых мест, а также для получения разведданных.

Для всех — от воинских частей до командования армий — больше не было сомнений в том, что русские готовят нечто весьма опасное, причем гигантского масштаба. Речь не могла идти о разведке боем или ложном сосредоточении сил для маскировки намерений — на участке группы армий «Северная Украина» никаких подобных признаков заметно не было.

И все же все эти поступавшие на самые высокие уровни командования сообщения не принимались всерьез, к ним относились как к чему-то второстепенному, а то и просто не доверяли. По-прежнему царила точка зрения, что это советское сосредоточение сил представляет собой всего лишь обманный маневр русского командования и что главный удар будет нанесен против группы армий «Северная Украина». На основании этих взглядов командующий группой армий «Центр» не нашел никакого понимания в штаб-квартире вермахта, когда он пытался привлечь внимание фюрера ко все более явным фактам концентрации громадных сил и вероятности крупного советского наступления против его группы армий. Гитлер разубедил его в этом, отклонил его

просьбу о вводе дополнительных сил и приказал удерживать занимаемые в настоящее время позиции. Поскольку Верховное командование сухопутных сил вермахта разделяло мнение Гитлера, то фельдмаршал Буш присоединился к царящим там взглядам, что о крупном наступлении против его группы армий речь идти не может. С этим твердым убеждением он даже отбыл 19 июля в краткосрочный отпуск на родину — аккурат за три дня до начала вражеского наступления.

К середине июня Красная армия закончила все приготовления и завершила развертывание своих сил. Чудовищным был ее перевес в тех силах, с которыми она была готова наступать на фронте протяженностью 700 километров (1100 км. — *Ред.*) против трех германских армий, в составе которых имелось 28 дивизий (см. примеч. ред. ранее). Против них было собрано четыре советских фронта, в том числе 1-й Прибалтийский фронт (командующий — генерал армии Баграмян) в составе пяти армий[1*] и 3-й Белорусский фронт (генерал-полковник Черняховский) в составе шести армий[2*]; 2-й Белорусский фронт (генерал-полковник Захаров) в составе трех армий[3*] и 1-й Белорусский фронт (генерал армии Рокоссовский) в составе пяти армий[4*], представители Ставки, координировавшие действия фронтов, — маршалы Жуков и Василевский. Объединенная группировка советских войск включала 19 армий из 138 дивизий и 43 танковых соединения и насчитывала 2,5 миллиона красноармейцев, 31 тысячу орудий, минометов и реактивных минометов, более 4500 самолетов в составе пяти воздушных армий. (Четыре советских фронта действовали на фронте в 1100 км. Численность и соотношение сил приведены редактором ранее. — *Ред.*). Одна лишь только эта масса войск гарантировала успех операции, победу Советов и конец группы армий «Центр».

Советское Верховное главнокомандование выбрало начало операции с умыслом, приурочив его к дню третьей годовщины германского нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года. По всей видимости, это должно было символизировать, что теперь наступление русских, обеспеченное громадными человеческими и техническими ресурсами, с точностью часового механизма будет развиваться в противоположную сторону.

[1*] 29 дивизий, 8 танковых бригад.
[2*] 45 дивизий, 20 танковых бригад.
[3*] 16 дивизий, 2 танковые бригады.
[4*] 50 дивизий, 13 танковых бригад.

В ночь с 21 на 22 июня советская авиация произвела массированные бомбардировки всех самых крупных населенных пунктов. Одновременно с этим партизаны по всему тылу германских войск произвели на железнодорожных магистралях, по которым осуществлялось снабжение войск, около 10 500 диверсионных актов и взорвали 3500 мин, заблаговременно заложенных под железнодорожным полотном. Эта крупнейшая диверсионная акция партизан привела к тому, что все железнодорожное сообщение было прервано более чем на сутки. Кроме того, во многих местах были повреждены кабельные линии связи, проходившие вдоль дорог и отходящие к различным армейским частям.

После этого русские начали свое широкомасштабное наступление, которое по своей мощи и размаху намного превосходило все прочие операции Второй мировой войны. (Чтобы сохранить логическую связь всех многочисленных событий, рассмотрим последовательно вкратце ситуацию по каждой отдельной германской армии.)

3-я танковая армия: в высшей степени критическое положение уже в первый день наступления

Все началось ранним утром 22 июня. После сокрушительной многочасовой артподготовки[1*] и штурмового удара советской авиации по позициям IX армейского корпуса на левом фланге армии, при этом особенно интенсивном обстреле позиций армейской артиллерии, таком, что многие из артбатарей были уничтожены, советские стрелковые дивизии, поддержанные многочисленными танками, нанесли удар северо-западнее Витебска. В центре разгоревшегося сражения очутилась расположенная восточнее Оболя[2] 252-я пехотная дивизия, которая в ожесточенном, продолжавшемся весь день оборонительном сражении смогла сдерживать значительно превосходящего по силам противника, в конце концов все же сумевшего проделать в ее фронте брешь шириной 8 километров. В результате последующих атак враг сумел еще больше расширить эту брешь на участке корпуса. После новых массированных атак утром 23 июня волны наступающих

[1*] На участке под Витебском плотность огня советской артиллерии достигала 380 стволов на километр линии фронта.

[2] О б о л ь — поселок городского типа в Витебской области Белоруссии на железной и шоссейной дороге Полоцк—Витебск.

красноармейцев уже на широком фронте перевалили через дорогу Полоцк—Витебск и двинулись на юг, нанеся частью сил удар на юго-восток. Обойденная с двух сторон и уже частично разрезанная на отдельные боевые группы дивизия, сражаясь в сильную грозу, была вынуждена отойти назад. Несмотря на тяжелое, продолжавшееся всю ночь с 23 на 24 июня сражение, корпусу удалось в течение первой половины наступившего дня удерживать плацдарм на северо-восточном берегу Западной Двины. Для этого в бой были брошены все имевшиеся в наличии временные боевые формирования и военно-строительные части. Отдельные войсковые части, постоянно атакуемые с воздуха красной авиацией, продолжали отбивать вновь и вновь повторяющиеся удары врага. Но уже в первой половине дня неприятелю удалось во многих местах прорвать наспех оборудованные позиции на Западной Двине и переправиться через реку, в том числе с танками, в районе поселка Бешенковичи[1]. Хотя местами и удалось отразить прорвавшегося врага, но многие части различных воинских формирований уже были окружены. По единственной еще остававшейся свободной дороге Бешенковичи—Лепель бесконечным потоком двигались тыловые части (частично и тех дивизий, которые дислоцировались в Витебске), постоянно атакуемые с воздуха вражескими штурмовиками и бомбардировщиками. В течение всего дня 25 июня продолжали ожесточенно сражаться окруженные в Бешенковичах части корпуса, которые оттянули силы врага на себя. Их личный состав вечером этого дня получил приказ наступающей ночью предпринять прорыв на соединение с основными силами корпуса, чего удалось достичь.

В течение последующих суток положение всего IX корпуса еще больше обострилось. Переброшенные сюда на помощь группой армий «Север» для спасения положения 24-я и 290-я пехотные дивизии были вынуждены снова отойти на север, в направлении на Полоцк. Обе уже сильно потрепанные в боях дивизии корпуса, испытывая постоянное давление неприятеля, были вынуждены с арьергардными боями отойти к югу и затем уклониться к западу.

Еще более катастрофичным выглядело положение на правом фланге армии, на юго-восточной части фронта VI корпуса, в междуречье Западной Двины и Днепра. Уже в течение первого дня наступления русских оно стало здесь более чем критическим.

---

[1] Бешенковичи — поселок городского типа в Витебской области Белоруссии, районный центр и пристань на Западной Двине.

Юго-восточнее Витебска войска 3-го Белорусского фронта силами своей северной ударной группировки (18 стрелковых дивизий, девять танковых бригад) в двух местах глубоко вклинились в германскую оборону. Разорванный фронт корпуса был продавлен на глубину до 18 километров. Всю ночь с 22 на 23 июня здесь также продолжались тяжелые бои, которые не прекратились и с наступлением дня 23 июня. Многократно превосходящими силами, поддерживаемые сильным огнем тяжелого пехотного вооружения, минометами и артиллерией, реактивными минометами, но в особенности танками и штурмовой авиацией, русские части наносили основной удар в южном направлении, намереваясь пробиться по обе стороны дороги Витебск—Орша на юг. Здесь путь им должна была преградить до сих пор сохраняемая в качестве армейского резерва 95-я дивизия, нанести основными своими силами бесполезный контрудар и еще раз попытаться ликвидировать прорыв неприятеля. Остальная же часть дивизии должна была усилить измотанный в боях IX корпус.

В вечерние и ночные часы этого дня 23 июня события стали меняться с калейдоскопической быстротой. Советские войска прорвали повсюду также тыловые позиции и стали продвигаться по германским тылам в северо-западном, западном и юго-западном направлении. И у соседей к югу (4-я армия) советские танки действовали уже в глубоком тылу, прорвав брешь в полосе обороны соседнего XXVII корпуса шириной 20 километров. Напрасно все, кто еще только мог сражаться, были брошены против намного превосходящего врага. В ночь с 24 на 25 июня, снова не удержав фронт, VI корпус оказался больше не в состоянии сдерживать врага и был на севере в окрестности автотрассы и в районе Богушевска охвачен войсками противника. В то время как занимавший позиции вокруг Витебска LIII корпус был оставлен неприятелем в покое — это стало совершенно ясно — и не был последним атакован, между левым и правым флангами армии (IX и VI корпусами) на фронте образовалась брешь шириной 45 километров, которая в течение дня 25 июня постоянно расширялась. В конце концов VI корпус был совершенно смят массой русской пехоты преследовавшей его 5-й гвардейской танковой армии. Его дивизии были раздавлены, стерты в порошок, все их мужество и воля к победе не могли больше помочь. Отдельные боевые группы на следующий день пытались прорваться с боем на запад или пробиться на юг к XXVII корпусу. Однако, преследуемые танками или кавалерией неприятеля, они были снова рассеяны, окружены в многочисленных малых кот-

лах, как, например, под селением Шилки, рассечены и уничтожены. В этих боях пал и командир корпуса, а весь VI корпус вместе с имевшимися у него резервами с 25 июня перестал существовать.

Борьба за Витебск с собственным высшим командованием

Русские настолько углубили созданные ими прорывы линии фронта по обе стороны от Витебска, что их наиболее подвижные части могли теперь без помех действовать в глубине тылового пространства германской 3-й армии. Теперь их ударные клинья угрожали сомкнуться вокруг Витебска после ударов с северо-востока и юго-запада. Со всей ясностью вырисовывалась перспектива окружения города с выступом линии фронта, занятой LIII корпусом.

В этой обстановке началась борьба за этот корпус — но не с неприятелем, а с собственным высшим командованием.

Фельдмаршал Буш, который с началом советского наступления тут же возвратился из отпуска в свою ставку в Минске, лишь здесь был полностью посвящен в то, какие истинные силы брошены неприятелем против его группы армий. Однако представленный ему уже к вечеру 23 июня командованием план отступления из витебского выступа фельдмаршал резко отверг.

Но ситуация даже «с самого верха» выглядела столь внушающей опасения, что ранним утром 24 июня в Минск лично прибыл генерал-полковник Цейтцлер, начальник Генерального штаба сухопутных сил, где фельдмаршал Буш обрисовал ему ситуацию и уже от себя потребовал отвода LIII корпуса. Но это предложение было отвергнуто также и Цейтцлером, который дал согласие только на отвод трех дивизий корпуса до позиций на окраине города. Такая мера не была сочтена излишней. После этого начальник Генерального штаба вылетел обратно в рейх.

Тем временем ударные вражеские клинья сомкнулись — как это и можно было предсказать — в районе поселка Островно к западу от Витебска.

Командующий 3-й танковой армией снова предложил, но только на этот раз не отход, но своевременный прорыв вражеского окружения.

Во второй половине дня Цейтцлер позвонил по телефону из Берхтесгадена, где в тот момент находился Гитлер, и запросил

генерал-полковника Рейнхардта[1], так ли уж необходим срочный отход армии из Витебска.

Рейнхардт в нескольких словах обрисовал всю серьезность обстановки. Он сказал о том, что сейчас подошел последний срок, когда еще возможно отдать приказ о прорыве. С каждой четвертью часа вражеское кольцо все плотнее и плотнее сжимается вокруг города и LIII корпуса.

Через некоторое время ему снова позвонил Цейтцлер: фюрер принял решение, что Витебск следует оборонять и сделать «укрепленным пунктом». Три дивизии должны удерживать город.

Несколько позже в штаб 3-й танковой армии поступило радиодонесение коменданта Витебска о том, что дороги, ведущие на запад, уже совершенно перекрыты, город полностью окружен и LIII корпус находится в котле. Командующий армией еще раз попытался убедить фельдмаршала Буша в том, что Витебск необходимо оставить. Но в 16.10 командующий группой армий сообщил в штаб 3-й танковой армии, что решение Гитлера остается неизменным.

25 июня сражение за судьбу LIII корпуса продолжалось. Уже находящийся в котле корпус в ходе радиопереговоров в 13.12 доложил: «Обстановка коренным образом изменилась. Полное окружение все более усиливающимися силами неприятеля. 4-я авиаполевая дивизия люфтваффе больше не существует. 246-я пехотная дивизия и 6-я авиаполевая дивизия люфтваффе в тяжелых боях отбивают удары неприятеля с различных направлений. Множественные прорывы вражеских сил на городскую территорию. Идут ожесточенные уличные бои».

Снова, уже в который раз, за этим докладом последовало настоятельное требование командования 3-й танковой армии о скорейшем оставлении города. Вечером в 18.30 поступило разрешение Гитлера LIII корпусу отойти и сражаться на заранее подготовленных позициях. Одновременно с этим фюрер настаивал на том, что Витебск и в дальнейшем следует оборонять как «укрепленный пункт» («крепость»), теперь уже силами одной дивизии (206-й пехотной), и держаться до последнего солдата. А затем удаленное за тысячи километров «командование» или, вернее сказать, вмешательство Гитлера устроило нечто, что можно характеризовать только как гротеск. Фюрер также пожелал, чтобы офицер Генерального штаба спрыгнул бы с парашютом в уже окруженный врагом город и лично передал письменный приказ об обороне «укреплен-

[1] Командующий 3-й танковой армией.

ного пункта» командованию. Только когда генерал-полковник Рейнхардт объяснил фюреру, что такой приказ должен был бы выполнить он, Рейнхардт, Гитлер отказался от этой идеи.

В 19.30 из корпуса пришло сообщение: «Общая обстановка требует осуществить прорыв на юго-запад всеми имеющимися в наличии силами. Выступление назначено на 5.00 26 июня». В 19.30 последовал новый радиообмен с просьбой о поддержке прорыва с воздуха. Тем временем корпус в ожидании поступления разрешения на прорыв был готов к нему, хотя и в ситуации полного хаоса.

С наступлением рассвета дня 26 июня, при первых лучах поднявшегося над горизонтом багрово-красного солнца, LIII армейский корпус пошел на прорыв. Самолет-разведчик, посланный командованием группы армий, сообщил в 8.30 о том, что передовые части корпуса находятся в 10 километрах юго-западнее Витебска. Днем в 12.10 фельдмаршал Буш по радио еще раз потребовал от командования 206-й дивизии, чтобы все еще остающиеся в Витебске части сражались до последнего и удерживали город. Этот радиообмен стал последним, на который из города пришло подтверждение о получении приказа. Новое наблюдение с воздуха доложило о многочисленных группах германских солдат, продвигающихся к западу и юго-западу от Витебска. Часть этих групп еще вела бой с неприятелем. И опять: в районе от 10 до 15 километров юго-западнее Витебска на проселочных дорогах, в селениях и перелесках большие скопления германских сил, бои и вражеские атаки с воздуха.

Командир 206-й дивизии генерал-лейтенант Хиттер и не думал о том, чтобы оборонять Витебск до последнего человека. Во второй половине дня 26 июня он также принял решение прорываться из горящего, окутанного дымом города. Около 22.00 его части выступили из города, увозя с собой раненых на запряженных лошадьми подводах и немногих гусеничных бронетранспортерах. Высланным вперед боевым группам не пришлось пройти далеко, они были обнаружены заслонами русских и уничтожены их огнем. Последняя отчаянная попытка прорваться к своим, бросившись на врага с личным оружием и громким «Ура!», потерпела неудачу. В небольшом перелеске оставшиеся в живых были перебиты или взяты в плен.

В тот же день, 27 июня из радиодонесения LIII корпуса выяснилось, что при продолжении прорыва в 13 километрах юго-западнее Витебска были прорваны еще несколько вражеских по-

зиций. Войска несут тяжелые потери от действий советской авиации, боеприпасы заканчиваются... Этот радиообмен с корпусом стал последним.

Там, на пространстве от 15 до 20 километров юго-западнее Витебска, среди маленьких белорусских сел и перелесков и завершились тщетные попытки прорыва частей LIII армейского корпуса. Лишь нескольким небольшим группам, преодолев головокружительные превратности войны и совершив длиннейшие переходы, удалось выйти к германским частям и поведать о своих мытарствах.

29 июня Советы по своему радио объявили о завершении сражения за Витебск — 5 тысяч убитых в городе, 20 тысяч человек погибли после ожесточенного сопротивления и уничтожены в результате воздушных атак, еще 10 тысяч сдались в плен. Среди них оказался и генерал, командующий корпусом, вместе с ним сдалась и небольшая группа солдат численностью 200 человек, из которых около 180 было тяжелораненых. После гибели LIII корпуса со все ускоряющейся быстротой наступил крах всей 3-й танковой армии. С потерей двух корпусов (VI и LIII) командование армии оказалось перед ситуацией глубоких обходов врага вдоль полностью открытых флангов, которые оно могло прикрыть только измотанными в тяжелых сражениях остатками дивизий IX корпуса и едва боеспособными резервами, составленными из всевозможных временных боевых формирований и тыловых частей и личного состава военного училища. А неприятель наносил все новые и новые удары, прорывая наскоро оборудованные полевые позиции, занятые собранными с бору по сосенке частями или немногими резервными формированиями. Не помогало и то, что фельдмаршал Буш запретил всякое дальнейшее отступление — враг был намного сильнее. Теперь приходилось расплачиваться за то, что командование группы армий своевременно не отвело 252-ю дивизию за рубеж реки Уллы[1]. Уже сильно потрепанной в боях отступающей дивизии пришлось 27 июня из-за отсутствия всяких мостов преодолевать реку вплавь, при этом многие солдаты выбрались на западный берег практически голыми, некоторые утонули. Большая часть личного состава шла дальше босиком, поскольку при переправе утопила свои сапоги. Отдельные части корпуса были отрезаны от основных частей, окружены и уничтожены, другим удалось прорваться с боем на юго-запад, в направлении Лепеля — в

[1] Улла — левый приток Западной Двины, направление течения с юга на север.

который русские ворвались уже утром 28 июня — и далее к верховьям Березины, где они были включены в состав выдвигающейся в этот район 112-й пехотной дивизии.

О каком-либо фронте армии не могло быть и речи. Сквозь полностью открытый правый фланг армии неприятель наступал к Минску, другие русские соединения развернулись для удара по столь же открытому левому флангу в направлении на северо-запад. Этим ударом 3-я танковая армия была отрезана от соседней с ней 16-й армии (из группы армий «Север»). Попытка контрудара этой армии была пресечена действиями советской авиации. Здесь, на севере линии фронта, с 27 июня зияла постоянно расширявшаяся брешь, которую никакими усилиями невозможно было закрыть и которая привела в конце концов к отсечению всей группы армий «Север». После пяти дней тяжелейших боев 3-я танковая армия перестала существовать.

О каждом дне этого периода написал в своих записках старший ефрейтор 505-го саперного батальона:

«Наш батальон подчинялся 246-й пехотной дивизии и наводил на участке между Полоцком и Витебском свайный мост через Западную Двину. Этот мост предназначался для обеспечения снабжения 3-й танковой армии. Сваи уже были вбиты, и мост временно был действующим. Начиная с 22 июня с фронта до нас стала доноситься отдаленная артиллерийская канонада, в небе можно было видеть много русских самолетов. Нас это не особенно тревожило. То, что враг наступает по обе стороны от Витебска, уже не было для нас новостью, такое часто случалось и ранее. Необычным было разве что число вражеских самолетов.

23 июня с наступлением темноты наш кол[1*] велел нам приступать к делу. Появился командир роты обер-лейтенант Краузе и сообщил ситуацию: ночью нам следует окопаться у северной оконечности не законченного строительством моста, над которым мы еще трудились, чтобы отбить возможную попытку врага захватить мост.

Мне удалось урвать пару часов сна, а затем мы выступили в путь. С нами двигался и штаб батальона. Всю ночь издалека, с передовой, доносились отдаленные звуки боя, горизонт озарялся вспышками разрывов, орудийных выстрелов и огнем пожарищ.

Три роты нашего батальона без всяких проблем добрались до моста, возле которого уже окапывались наскоро собранные пехотинцы и солдаты из авиаполевых частей. Мы тоже взялись за

[1*] К о л (*нем., воен. жарг.*) — ротный старшина.

лопаты и к полуночи оборудовали позиции, прикрывавшие мост. Тем временем по мосту один за другим двигались на юг грузовики. Когда мы, чтобы хоть немного вздремнуть, забились в наши окопы, обращенные фронтом на север, поступил приказ — оборонять предмостье и мост до тех пор, пока по нему не пройдут и не окажутся в безопасности все части.

Через некоторое время нас, саперов, снова собрали. «Все на мост!» — последовал приказ. После того как по нему несколько предшествующих дней и ночей двигались груженые грузовики, орудия и запряженные лошадьми телеги, он с началом русского наступления стал уже не таким надежным. Досталось ему и от бомбежек русских самолетов. Местами мост следовало подправить, чтобы он смог выдержать новую нагрузку, ожидавшуюся с движением по нему войск.

С рассветом снова появились русские самолеты, упали первые бомбы. Затем самолеты пошли волнами. Русская авиация задействовала здесь такие силы, каких нам не приходилось еще видеть за все предшествующие военные годы. На мост градом сыпались бомбы, но, к счастью, в основном они падали в воду рядом с мостом и взрывались там. Самолеты еще гудели над мостом, когда к нему уже подошел враг и открыл огонь из артиллерийских орудий.

На подходах к мосту сбилась в кучу масса людей из отходящих частей со своим вооружением и снаряжением, они ожидали своей очереди на переправу. Офицеры кричали и ругались, размахивая своими пистолетами, каждый хотел переправиться со своей частью быстрее других. Наша рота работала под огнем противника, вместе с ней трудились и остальные подразделения нашего батальона. Поскольку я был ротным связным, мне приходилось доставлять требования на материалы на правый берег реки, где находился наш КП.

Как часто мне пришлось пересекать мост туда и сюда под огнем врага, я даже не могу сказать. Возможно, раз десять туда и обратно. Тут и там лежали тела моих мертвых товарищей, так, как их застала смерть во время работы, порой они еще сжимали в коченеющих руках топор, рукоять пилы или молоток. То и дело мне приходилось падать между ними, спасаясь от обстрела. Порой я лежал по полчаса и больше, не в состоянии поднять и головы, над которой осколки снарядов врезались в балки моста, а прямые попадания крушили сделанное нами. Когда обстрел стихал, на мосту появлялись санитары и подбирали стонущих раненых, а я вскакивал и бежал к КП или к своей роте.

В первой половине дня русские предприняли атаку при поддержке танков. Она была отбита, и предмостье враг захватить не смог. Тем не менее советские Т-34 остановились в пределах прямой видимости и открыли огонь по мосту прямой наводкой. Обстрел продолжался весь световой день под палящими лучами летнего солнца.

По мосту продолжали перебираться на противоположный берег реки все новые и новые солдаты, грузовики и запряженные лошадьми телеги. Подбитый огнем русских танков транспорт сбрасывали в воду. Опустился вечер, но мы по-прежнему удерживали предмостье, хотя сам мост уже стал непригодным для прохода грузовиков и телег. Между балками и сваями моста свисали мертвые тела солдат и лошадей, на кружимых водой обломках досок виднелись ухватившиеся за них раненые.

«Саперам собраться!» — последовал приказ. Увы, тех, кто ему последовал, оставалось уже немного. Те, кто еще мог двигаться, взяли свое оружие и стали перебираться на южный берег Западной Двины. Мы карабкались по доскам разбитого, расстрелянного моста, по свисающим в воду балкам, и на всем этом пути то один, то другой из нас, сраженный пулей или осколком, падал в воду и исчезал.

После нас перебирались другие солдаты, защищавшие предмостье. Но солдаты арьергарда, прикрывавшие отход, остались на северном берегу и погибли при отступлении или попали в плен. На том же берегу пришлось бросить громадное количество военной техники, лошадей, грузовиков и боеприпасов. Они остались стоять и лежать на северном берегу, темнеющими бесформенными кучами, частично неуничтоженными и полностью пригодными для использования противником.

Перебравшись на южный берег, мы двинулись чистым полем, преследуемые с воздуха русскими штурмовиками. Вдоль всего видимого северного берега стояли солдаты и техника неприятеля, стрелявшие нам вслед. Раненых все же перевязывали, но брать их с собой было уже невозможно. Господствовало только одно стремление: спасайся, кто может. Русские к этому времени уже должны были перебраться через Западную Двину и двинуться нам вслед. Мы с моим товарищем Файхтингером нашли брошенный мотоцикл с коляской и погнали на нем по широкой плоской степи.

Появились первые красноармейцы, за ними еще несколько. Очевидно, враг уже смог преодолеть реку и двигался по южному берегу. Еще пару километров нам удалось выиграть, но потом враги уже стали видны повсюду, перед нами и по сторонам, си-

лами до двух батальонов или больше. На темнеющем горизонте вырисовывалась цепь их фигур, затем они возникли и западнее нас, вместе с силуэтами танков.

Резанула автоматная очередь, в наш мотоцикл попало несколько пуль. Мы соскочили с него и, не имея времени выяснять, что именно произошло, бросили мотоцикл и двинулись дальше пешком. Ощущая себя загнанными зайцами, мы метались под треск выстрелов по открытому полю, а вместе с нами и множество других немецких солдат. Пехота врага вела огонь такой интенсивности, что отдельные выстрелы уже не были различимы, все сливалось в один непрерывный гул, который то повышался, то понижался. Когда он стал особо интенсивным, я бросился на землю. Вместе со мной упали и многие из бегущих рядом, но, когда я встал, вместе со мной поднялись лишь немногие.

Когда мы миновали полосу плотного огня вражеской пехоты, начался минометный и артиллерийский обстрел. Несмотря на все потери, моих товарищей все прибывало. Каждый, кто мог еще двигаться, старался уйти как можно дальше.

Затем появились самолеты. Эскадрилья за эскадрильей, они переходили в пике над степью; истребители и штурмовики обрушивали на нас осколочные бомбы и поливали свинцом из своих бортовых пулеметов. Мой товарищ Файхтингер внезапно куда-то пропал. Я не знал, где он остался, не видел я и того, чтобы он пал, сраженный пулей.

С наступлением сумерек нам удалось выйти из зоны вражеского обстрела, да и ненавистные летчики оставили нас в покое. Стали ощущаться голод и невыносимая жажда, они заставили нас шарить по многочисленным брошенным грузовикам в поисках воды и съестного.

В небольшом перелеске стали собираться выжившие в этом аду. Группа пришедших раньше нас солдат взяла командование на себя. Они стали называть номера частей. Так и мне удалось найти свою роту, вернее, то, что от нее уцелело. От двух других рот нашего батальона осталось не более десяти человек. Не существовало больше и штаба батальона.

Но оставался в живых наш ротный командир, а также ротный кол. Он собрал нас вместе и прежде всего пересчитал. Я уже не могу вспомнить точно, сколько нас осталось, но где-то от 30 до 40 человек. Напрасно я искал среди них моего товарища Файхтингера.

В соседней рощице собралось куда больше солдат, уж точно несколько тысяч человек. Там были и остатки дивизий, разбитых

в Витебске, часть из которых спаслась благодаря нашему мосту. Было здесь и много грузовиков, и даже несколько танков и штурмовых орудий, хотя почти и без боеприпасов.

Подошел какой-то генерал с несколькими офицерами и рассказал нам, что мы находимся в окружении. Русские форсировали Западную Двину северо-западнее нас, когда мы еще удерживали наш мост. Но они пришли также и с юго-востока, по водоразделу между Западной Двиной и Днепром. На рассвете, сказал генерал, надо будет нанести удар, чтобы прорваться на запад. Каждый солдат из любого рода войск должен будет сражаться как пехотинец. Ударом пехоты надо будет пробить брешь в рядах неприятеля, в которую затем войдут танки и штурмовые орудия, чтобы завершить прорыв. Наши шансы, сказал генерал, довольно высоки. Вполне можно рассчитывать на плохое охранение войск противника. Все ненужное для прорыва должно быть уничтожено.

Уже с полуночи русские начали вести по лесу беспокоящий огонь артиллерией и «сталинскими орга́нами». Было не до сна. Я нашел плохонькое укрытие за стволами деревьев, но должен был постоянно менять его, прикидывая по вою снарядов, прятаться ли мне за следующим толстым стволом или лучше забиться в какую-нибудь яму. Кричали раненые. Они были обречены. Тот, кто не мог идти, должен был остаться здесь.

Наступило утро 26 июня, и мы изготовились к прорыву. Артиллерийской подготовки перед его началом не было, так как орудия и боеприпасы были уже уничтожены. Это означало, что мы должны были прорвать русские позиции, рассчитывая только на ошеломляющий противника удар. Из вооружения у нас оставались только ручные пулеметы и наше личное оружие. Лично у меня был только мой карабин, 40 патронов, стальная каска на голове да еще обычное походное снаряжение пехотинца.

В полном молчании выдвинулись на исходную позицию для удара на опушке леса пехотинцы, перешедшие в пехоту авиаторы и солдаты авиаполевых дивизий. За ними держались русские хиви (добровольные помощники), мужчины и женщины. Не увенчайся наш прорыв успехом — их ожидало то, что хуже смерти.

За ударными группами следовали солдаты-санитары, что уже не имело никакого смысла. Все равно взять с собой тяжелораненых они уже не могли. Если человека в ходе боя ранят легко, то его товарищи справа и слева, действуя как санитары, помогут ему идти со всеми. Если же он получит тяжелое ранение, то его придется оставить на поле боя. Некоторые группы солдат, оставшиеся от своих частей, шли в бой без командиров или тех, кто при-

нял командование на себя. Наш ротный, обер-лейтенант Краузе, по-прежнему был с нами.

При первых лучах рассвета мы оставили наше укрытие в лесу и ползком двинулись вперед. На высоте перед нами виднелся бруствер перед русскими траншеями. Подобравшись к нему поближе, передовые бойцы вскочили и с криками «Ура!» бросились вперед, вслед за ними поднялись и рванулись на штурм фигуры в «фельдграу»[1], «блауграу»[2] и пятнистой униформе.

И тут навстречу им ударил огонь врага. Крики «Ура!» смешались с криками боли раненых. Земля, выброшенная разрывами снарядов, вздыбилась подобно огненной стене. Первая волна атакующих была сметена, вторая прижалась к земле.

Передовые ударные группы, ринувшиеся на врага, пали почти полностью. Русские вели огонь из винтовок, пулеметов, минометов, противотанковых пушек и даже полевых орудий по нашей наступающей пехоте. Да, позиции русских не были слабыми, враг явно ожидал здесь нашего прорыва и за прошедшую ночь неплохо потрудился над ними. Нашему ротному в спину попал осколок. Мне повезло — избежав ливня пуль, удалось затащить его в небольшую ложбину. Солдат нашей роты бросил мне перевязочный пакет, и я перевязал ротного, как и нескольких своих товарищей. Когда огонь немного стих, мы с товарищем вдвоем ползком протащили его назад сквозь кустарник и смогли спрятать в лесу. Рана обер-лейтенанта оказалась тяжелой, он потерял сознание. Не знаю, удалось ли ему оправиться после ранения и пережить плен. Тогда в лесу я видел его в последний раз. Он был хорошим офицером. Мы оставили его там, куда сносили и других тяжелораненых.

Неизвестный мне майор принял командование на себя и отдал приказ снова идти в атаку. Вдвоем с товарищем мы снова вышли на опушку леса, выбежали из-под его прикрытия и бросились к линии огня, на которой лежали рядом друг с другом живые и мертвые, раненые и не задетые пулями. Новая атака. Молоденький офицер люфтваффе попытался поднять в нее солдат. «Ну, ребята, осталось всего пятьдесят метров! Все за мной!» Несколько человек последовали за ним — и погибли вместе с ним.

Снова и снова пытались некоторые пехотинцы одним броском подняться на высоту. Но окопавшиеся там русские плотным ог-

[1] «Фельдграу» — полевое обмундирование серо-стального цвета (у пехотинцев).

[2] «Блауграу» — полевое обмундирование голубовато-серого цвета (у люфтваффе и авиаполевых дивизий).

нем либо уничтожали их, либо заставляли откатиться назад. Несколько человек с поднятыми руками двинулись было к вражеским позициям — но были расстреляны едва ли не в упор. Не могли помочь нам и наши штурмовые орудия, стоявшие в лесу, поскольку снарядов у них уже не было.

Снова попытка штурмовать высоту, снова убийственный огонь в ответ, снова потери. Чтобы выжить, бросаешься на землю и вжимаешься в нее. На высоту не поднялся никто. Все, кто был еще жив, вжимались в малейшие неровности почвы, пытаясь найти укрытие. Вражеский огонь достигал такой силы, что не слышно было и криков раненых. Русские вели огонь из всего, что у них есть, по косогору, лежащие на котором уже не смели поднять головы.

Я лежал между убитыми, живыми и ранеными под палящим солнцем, не двигаясь и едва сохраняя сознание, уже не ощущая ни жажды, ни зноя. Поднять хотя бы голову было равносильно смерти. Так я пролежал почти до вечера, когда огонь и разрывы снарядов стали стихать. Русские убедились, что никаких атак на них больше не будет, поскольку почти все наступавшие убиты. Постепенно огонь прекратился. Наступившая тишина оглушала.

Чуть позже я увидел, как справа от меня поднялось несколько солдат — и по ним никто не стрелял. Встал и я, чересчур оглушенный и отупевший, чтобы испытывать страх, и поднял руки, сдаваясь.

Обведя взором далеко простирающийся косогор, я увидел, что он весь покрыт телами моих мертвых товарищей. Уже редко вскрикивали и раненые, чаще всего те, кто был ранен во второй или даже третий раз...»

Группа армий «Центр», а также все три армии и их корпуса уже в первые дни почти потеряли боеспособность. Резервы также иссякли, да и управление войсками стало едва возможным. Связь с подчиненными дивизиями почти не работала, как не было связи и между отдельными частями. Плотным артиллерийским огнем и продолжающимися бомбардировками с воздуха была уничтожена вся телефонная и радиоаппаратура. В тылу линии связи были перерезаны партизанами. Протягивать новые линии связи в условиях постоянных арьергардных боев было невозможно, радиопередачи забивались русскими помехами. Приходилось поддерживать связь, активнее используя связных, но тем надо было покрывать слишком большие расстояния, так что приказы поступали в части с большим опозданием. Часто случалось, что части меняли дислокацию, и связные их просто не находили, а то и погибали или попадали в плен. Также доставалось и ординарцам командующих, посланным с донесениями. Порой даже офи-

цер Генерального штаба или генерал лично в «Физелер Шторьхе»[1] доставлял приказ в часть, ежеминутно рискуя быть сбитым вражеским истребителем. Все эти проблемы начали преследовать войска уже с 24 июня, и высшее командование, которому было необходимо знать детально продолжающее ухудшаться положение, зачастую было просто не в курсе происходящего. Поэтому практически каждый корпус, каждая дивизия сражались сами по себе, а потом уже и отдельные части и подразделения вели бой, не имея никакого представления об общем положении и планах, принимали решения самостоятельно, на свой страх и риск. Никто больше не знал, где находятся отдельные части, как далеко располагается неприятель и т. д.

4-я армия обойдена справа и слева

22 июня противник провел только разведку боем, которая была успешно отражена по всему фронту. Но днем позже началось крупное наступление врага против этой армии, при этом 23 июня уже выявились два основных направления ударов. Один из них обозначился на левом фланге, где Советы силами южной ударной группы своего 3-го Белорусского фронта (25 стрелковых дивизий, 11 танковых бригад) севернее автострады наступали на участке XXVII армейского корпуса в направлении Орши; второй основной удар наносился на участке XXXIX танкового корпуса в окрестностях населенного пункта Чаусы, где 2-й Белорусский фронт с 16 стрелковыми дивизиями и 2 танковыми бригадами рвался в направлении Могилева.

В 5.30 утра началось нечто такое, чего не доводилось видеть даже ветеранам сражений в России. На окопавшуюся германскую армию обрушились снаряды всех возможных калибров из бесчисленных орудий. Метр за метром они перепахивали фронт армии, громадные воронки изменили облик местности, повсюду от разрывов взметались ввысь фонтаны земли. В этом аду из-за воя снарядов и грохота разрывов неразличимы были отдельные выстрелы. Все проволочные заграждения были сметены артиллерийским ураганом, блиндажи и подбрустверные укрытия разрушены, траншеи завалены, пулеметные и минометные гнезда уничтожены прямыми попаданиями. Позиции артиллерийских батарей

---

[1] «Физелер Шторьх» — германский легкий двухместный самолет связи и наблюдения.

заволокло серо-черно-коричневыми облаками, в воздух то и дело взлетали искореженные орудия, от детонации стали рваться выложенные для ведения огня боеприпасы. Тела убитых, истекающих кровью, умирающих людей валялись между все новыми и новыми взметающимися к небесам фонтанами земли. Те, кто еще выжил на передовой, сжавшись в комок на дне засыпанных землей траншей и в полуразрушенных блиндажах, едва воспринимали окружающее, то, что происходило вокруг. После артподготовки над головами немецких солдат заревели моторы краснозвездных самолетов, сброшенные с которых бомбы взметнули вверх новые фонтаны земли. Затем в атаку пошли советские стрелковые дивизии. Зашевелились завалы земли, и из-под них стали то тут, то там подниматься пехотинцы, сжимавшие в руках свое оружие. Навстречу наступавшим раздались одиночные выстрелы, затем они участились, слились в ровный гул. Но толпы красноармейцев в униформе защитного цвета, за которыми с лязганьем гусениц двигались танки, под прикрытием дымовой завесы шли на штурм разгромленных германских позиций.

Однако пережившие артподготовку пехотинцы ожесточенно оборонялись и даже смогли отбить первые вражеские атаки. Прорывы фронта на участках XXVII корпуса севернее Орши и XXXIX корпуса восточнее Могилева вскоре были ликвидированы. Однако уже возникший широкий прорыв на фронте VI корпуса (см. раздел 3-й танковой армии) в междуречье Западной Двины и Днепра расширялся буквально на глазах. Враг оттеснил от автострады (Брест—Минск—Москва) расположенную левее 78-ю штурмовую дивизию XXVII корпуса. Корпус был вынужден к вечеру бросить в бой против многократно превосходящих сил противника единственный имеющийся в группе армий резерв — 14-ю дивизию, чтобы сдержать натиск неприятеля и хоть сколько-нибудь сократить возникший уже в первый день прорыв фронта. Однако уже на следующий день, когда Советы ввели в бой свои танковые бригады, этот уже существующий прорыв фронта 3-й танковой армии расширился почти до 100 километров, в котором находились едва сохранявшие боеспособность германские части. Теперь в этот прорыв широким потоком вливались русские танковые и механизированные части, беспрепятственно продвигающиеся по автостраде и севернее ее на запад. Отрезанные друг от друга части корпуса были вынуждены отойти на новые позиции в тылу.

На центральном участке фронта армии две советские армии нанесли особенно мощный удар по 337-й дивизии XXXIX корпу-

са и глубоко прорвались вдоль дороги Рясна—Могилев. Когда первая и вторая полосы германских траншей были взяты штурмом, русские Т-34 начали утюжить тылы этого корпуса. Находившаяся здесь в резерве панцер-гренадерская (моторизованная) дивизия «Фельдхернхалле»[1] еще вечером 23 июня получила приказ ликвидировать широкую брешь во фронте, но не смогла этого осуществить.

Судьба 4-й армии определилась уже на второй день наступления и исходила с левого фланга. Прорыв вражеских частей на этом участке более всего угрожал дивизиям, занимавшим позиции по эту сторону Днепра. Предложение командования армии немедленно отвести расположенные на приднепровском плацдарме дивизии за реку было снова отклонено Гитлером. На этом участке фронта русские, издеваясь, разбрасывали с самолета листовки: «Ждем вас к нам!»

25 июня тонкая линия обороны отведенного в район озера Ореховского (севернее Орши) XXVII корпуса снова была прорвана противником, корпус был оттеснен от шоссе, неприятель уже продвинулся до автотрассы Ленинград—Киев. Этим русские получили возможность свободного продвижения не только севернее, но также и западнее Орши, чем создали угрозу всему левому флангу армии. Ожесточенные сражения продолжались день и ночь. На центральном участке армии, там, где был прорван фронт XXXIX корпуса, советские войска, несмотря на все возможное сопротивление, продолжали развивать свое наступление в направлении Шклова и Могилева. Когда на этот третий день наступления была перерезана связь с 9-й армией севернее Рогачева (XII корпус), то был полностью изолирован от основных сил 4-й армии весь ее правый фланг, и весь выступ фронта восточнее Днепра оказался под угрозой окружения. Лишь тогда генерал фон Типпельскирх под свою ответственность отдал приказ оставить плацдарм, хотя Гитлер еще утром 25 июня отклонил такое предложение. Но и это решение командующего армией было принято слишком поздно.

Ведущие к Днепру дороги и часто проходящие по болотам узкие тропинки были забиты отступающими тыловыми частями и обозами различных дивизий. Вражеская пехота и танки наносили удары по этим в спешке и беспорядке отходившим частям,

---

[1] Дивизия получила свое название «Зал полководцев» в честь мюнхеского мемориала «Фельдхернхалле», построенного по приказу короля Баварии Людвига I в Мюнхене и известного тем, что рядом с ним произошли столкновения нацистов и баварской полиции во время «пивного путча» 1923 года.

рассекали их, подавляли сопротивление арьергардов и вышли к Днепру практически одновременно с передовыми германскими подразделениями. Какое-либо руководство боевыми действиями высшим командованием в районе боев отсутствовало. От командования XII корпуса пришло радиосообщение: «Корпус пробивается на запад через...» После этого корпус замолчал, всякая связь с ним была потеряна. Когда отходящие соединения в ночь с 25 на 26 июня и весь следующий день перебирались через Днепр, противник также форсировал реку на участке между Оршей и Могилевом одновременно с частями XXXIX корпуса. Последней сколько-нибудь боеспособной отошла 25-я моторизованная дивизия, которая южнее Орши сражалась в качестве арьергарда XXVII корпуса. До 26 июня на западный берег Днепра перебралась едва ли половина армии, которая вследствие сильного давления неприятеля не могла удерживать подготовленные там оборонительные позиции. На рассвете 27 июня мосты через Днепр были взорваны.

Вследствие едва ли не ежечасно обостряющегося общего положения группы армий «Центр» (а также, в частности, 3-й танковой армии и 9-й армии) фельдмаршал Буш 26 июня вылетел в ставку фюрера в Растенбурге, в Восточной Пруссии, где ему предстояло сделать доклад. По результатам обсуждения ситуации фюрер дал согласие на постепенный отвод 4-й армии к Березине, но настаивал на удержании и обороне «укрепленных пунктов» («крепостей») Орши и Могилева. Однако об этом не могло быть и речи — крупный железнодорожный узел Орша уже к вечеру оказался в руках русских еще до того, как там могла быть организована германская оборона. Последние транспортные составы с ранеными и имуществом вермахта ушли буквально за минуты до полного окружения города. Увы, далеко уйти им не было суждено — уже через несколько километров 25 составов были остановлены на открытом участке железнодорожного пути советскими танками и расстреляны. Слабый гарнизон Могилева (части 31-й пехотной дивизии) пал на следующий день.

А мощь русского наступления только нарастала. 27 июня противник через взломанный фронт севернее XXVII корпуса нанес удар своими танковыми и механизированными соединениями дальше на запад, продвинувшись до расположенного на Березине города Борисова, а затем крупными силами, развернув фронт, двинулся через шоссе у Толочина на юго-восток, угрожая открытому левому флангу армии. Командование армии отдало приказ об ускоренном отходе к реке Березине.

Отход к Березине.
Русская авиация господствует в воздухе

В тот же день потрепанные в боях дивизии XXVII корпуса сконцентрировались в районе южнее Орши в форме блуждающего котла, вышедший из Могилева XXXIX корпус пытался собрать те свои разрозненные части, которые еще было возможно, из района Рогачева начали движение остатки XII корпуса. Назад, к Березине — это было ясно. Но кратчайшие пути были перекрыты неприятелем, который на севере оседлал шоссе и наступал оттуда, а с юга (с 9-й армией) двигался по обоим берегам низовьев Березины и уже находился в районе Осиповичей. Поэтому оставался единственный маршрут к Березине — через Березино, где проходила крупная автотрасса Могилев—Минск.

Расстояние до реки Березины составляло 200 километров пешим ходом. А поскольку уже сейчас к западу от Днепра не существовало никаких рубежей обороны, то, безусловно, они должны были быть за Березиной — так считали, надеялись и ожидали генералы, офицеры и солдаты. И с этими надеждами они двинулись в путь — остатки дивизий, которые, пока их части и подразделения еще оставались сплоченными, и образовали ядро перемешавшейся армейской массы, за которым следовали отдельные подразделения армии и ее корпусов, обозы, тыловые службы и неисчислимое множество отбившихся от своих частей солдат.

Это невозможно было назвать бегством, не напоминало это и организованный отход, скорее это было отступление с боем по бесконечным лесам и болотам, с переходами через многочисленные реки и ручьи, мосты над которыми были разрушены, по большей частью до предела разбитым дорогам, под палящим солнцем, почти впроголодь, с грозящей со всех сторон опасностью. Уже вскоре после начала этого отступления, отбивая удары с флангов и преследуемые с тыла, наскоро составленным из остатков подразделений полкам и боевым группам пришлось сражаться против хорошо вооруженных партизан и регулярных частей Красной армии, в постоянных боях прикрывать и обеспечивать движение основной колонны, с боями прокладывать путь сквозь заградительные заслоны и расчищать полосу дальнейшего движения вперед. Советские танки с пехотой на броне, более быстрые, маневренные, часто обходили колонну, наносили удары по отдельным маршевым группам, пытались расчленить колонну, отрезать составляющие ее части друг от друга и уничтожить по отдельности. Ко всему этому в течение светового дня добавлялись почти

непрерывные атаки штурмовиков и бомбардировщиков с воздуха на незащищенные маршевые колонны и колонны флангового охранения, не имевшие никакой возможности противостоять атакам авиации, и бомбежки по ночам. Ни одного германского самолета в воздухе видно не было.

Говорившие на немецком языке русские в германской офицерской форме, выдавая себя за бежавших из русского плена военнопленных, пытались усугубить неразбериху в массе отступавших, собирая отбившихся от основных колонн солдат и уводя их в другом направлении или указывая колоннам неправильную дорогу — с тем чтобы они попали в советский плен. Порой доходило даже до того, что солдаты принимали германских, но незнакомых им офицеров, пытавшихся взять их под свою команду, за переодетых русских и встречали их огнем.

Огонь и дым, внезапные схватки в перелесках, у лесных речек и болот, ожесточенные сражения на проселочных дорогах и улицах сел, за мосты и переправы, отрывистый лай танковых орудий, хлесткий огонь пехоты, рев заходящих на штурмовку колонн самолетов, треск очередей их пулеметов и автоматических пушек, грохот бомбовых разрывов, кинжальный пулеметный огонь из лесных чащ, завывание моторов грузовиков и стоны раненых, а короткими летними ночами — зарево пожарищ по всему горизонту.

28 и 29 июня пришлось с боем очищать несколько удобных для переправы мест, чтобы иметь возможность навести там мосты. Через сутки после этого к вечеру подошли к реке Осливка, переходы через которую также были разрушены, так что надо было их восстанавливать. И лишь оттуда к Березине и через реку, где еще должны были стоять наши части...

Но направляемых сюда буквально по каплям свежих сил было слишком мало, и прибывали они слишком поздно. С их подходом остатки армии смогли только нанести контрудар и на какое-то время остановить надвигающуюся гигантскую волну вражеских сил — да и то всего лишь на несколько дней. Когда 27 июня русские танки уже подходили к Борисову, туда была переброшена только что введенная в бой 5-я танковая дивизия, которая смогла лишь несколько притормозить продвижение неприятеля и задержать его только на несколько часов. Затем дивизия вместе с приданными ей частями, в том числе ротой из учебного саперного батальона, полицейскими частями и т. д., была поставлена прикрывать отход из района восточнее Минска, с плацдармом на шоссе, ведущем в Борисов, — по сути, без всякой пользы принесена в жертву гибнущей группе армий.

Юго-восточнее Минска подошедшая туда 12-я танковая дивизия 9-й армии также была брошена против наступающего врага и смогла добиться некоторого успеха (см. раздел о 9-й армии).

Стоит упомянуть еще об одном событии, произошедшем в тылах 4-й армии после глубокого прорыва противника. Здесь в конце июня генерал Флёрке[1*] по заданию армейского командования, собрав остатки различных соединений, оборудовал восточнее Минска оборонительный рубеж, который удерживался до 3 июля. И хотя эта мера не смогла предотвратить грозящее окружение армии, все же тылы армии со всеми лазаретами в большой спешке смогли оставить Минск. В течение 1 и 2 июля из города было эвакуировано 8 тысяч раненых, а также отправлено на запад 3 санитарных поезда и 43 состава с 12 тысячами эвакуируемыми служащими вермахта, среди которых были многочисленные женщины-добровольцы из технического персонала армии, — и вскоре после этого в городе появились русские. 3 июля они ворвались в столицу Белорусской ССР, которую никто не оборонял. Боевая группа Флёрке, которая находилась южнее Минска и двигалась на запад, была остановлена неприятелем и уничтожена, в бою погибла большая часть арьергарда. Для уже зажатой между ударными клиньями врага с севера и с юга спрессованной массы 4-й армии оставался еще путь на Березино. Здесь германские солдаты еще удерживали вплоть до 1 июля плацдарм восточнее реки[2*]. Сюда и устремились с различных направлений отходящие с боями маршевые и транспортные колонны, сбившиеся в плотную массу, чтобы пересечь реку по длинному мосту. Хотя имелся еще недавно наведенный второй мост и несколько мостков для пехоты, переправа всей этой массы людей и техники продолжалась в течение нескольких суток. Все это время преследующий их враг подходил все ближе и ближе к месту переправы, почти непрерывно поддерживаемый советской авиацией, обрушивавшей свой смертоносный груз на сбившихся в плотную толпу людей, в которой пули и снаряды авиационных пулеметов и пушек и осколки бомб безошибочно находили свои жертвы. Через некоторое время из-за попаданий бомб мосты стали непригодными для переправы, и саперам пришлось восстанавливать их под обстрелом врага. Происходили неописуемые сцены. Офицеры потрясали оружием, пытаясь как можно скорее переправить остатки своих частей на другой берег, грузовики двигались

[1*] Флёрке — командир 14-й пехотной дивизии (с октября 1940 года по лето 1943 года моторизованной), остатки которой были включены в состав 110-й пехотной дивизии.

[2*] Части 31-й и 267-й пехотных дивизий.

сквозь людскую массу вперед, несмотря ни на что, запряженные лошадьми телеги сцеплялись друг с другом, возницы орали друг на друга, валялись перевернутые повозки, горели грузовики, рвались снаряды, взрывались танки, везде валялись истекающие кровью и мертвые люди и лошади — хаос под названием «спасайся, кто может».

Приведем описание того, что происходило в районе переправы у Березино[1*]:

«От советских самолетов нигде не было спасения. Дорога проходила через мост у городка Березино. Через краткие интервалы времени над этой дорогой появлялись советские штурмовики, ведя огонь по тесно сбившимся в плотную массу маршевым колоннам.

Нам удалось продвинуться километра на три и приблизиться к мосту у Березино. Но здесь все остановилось. «Все» — это едва обозримое взглядом множество самых разнообразных транспортных средств, моторизованных и гужевых, полевые орудия, гаубицы, обозные повозки, штурмовые орудия, танки, легкие и тяжелые зенитки — скопившиеся на дороге перед мостом, сбившиеся в кучу, колонна за колонной, колонна рядом с колонной, справа и слева от дороги, метров по сто в каждую из сторон. Вся эта масса рвалась на мост. Только бы очутиться на другом берегу! Но нам надо было сначала преодолеть это опасное место. Чем позднее удастся это сделать, тем опаснее будет предприятие. Скорее на ту сторону! В целости и сохранности! Именно там, по нашему представлению, только и можно было обрести безопасность, если можно вообще говорить о безопасности на войне, особенно в нашем сомнительном положении. Шаг за шагом мы стали пробиваться вперед. До моста всего 300 метров! Но по нему уже в течение какого-то времени наносили удары артиллерия и авиация. Нам пришлось снова ждать.

В этой давке мы уже не могли продвигаться вперед. А тут еще в воздухе появились штурмовики, числом до 20 машин. Заработали их бортовые пушки и пулеметы, обрушив огонь на скопление сбившихся в кучу грузовиков. Рядом с нами они сбросили множество самых мелких бомб, большей частью с взрывателями замедленного действия. Слева от нас их взрывы взметнули в воздух столбы земли. Самолеты ясно видели нас в своих прицелах. Укрыться от их огня не было никакой возможности. Погонщики лошадей должны были оставаться на шоссе при своих телегах.

[1*] *Hinze R.* Der Zusammenbruch der Heeresgruppe Mitte in Osten 1944.

Бои в котле — артиллерийский огонь отовсюду

В ожидании новой атаки противника у железнодорожной линии на Корсунь, на переднем плане — ручной пулемет, за ним тяжелое противотанковое орудие

Колонна проходит через деревню у поселка Стеблев, впереди справа — флажок у КП дивизии

И снова русские атакуют — в руках у них отчетливо видны автоматы, справа — станковый пулемет «Максим»

Деблокирующий удар — и германская танковая дивизия завязла в грязи...

...а потом снова ударили холода

Снабжение прекратилось — приходится выложенными из соломы буквами требовать доставки бензина самолетами

Подготовка к последнему удару на поселок Октябрь

Шендеровка, «врата ада», под огнем противника

Солдаты передовых частей прорыва ждут сигнала к атаке

Пехота длинными колоннами выходит в район сосредоточения

Прорыв на свободу

...а это осталось позади

Те, кто спасся

Русские наступают на Тернополь — тяжелое орудие на буксире за гусеничным тягачом

Мимо подбитого германского танка Pz IV советская пехота продвигается в центр города

Красноармейцы в перерыве между боями со своим обычным оружием: *слева* — с пистолетами-пулеметами ППШ, *вверху* — с ручным пулеметом Дегтярева, *справа внизу* — с автоматической винтовкой Симонова АВС-36

И снова деблокирующий удар — командующий группой армий «Северная Украина» фельдмаршал Модель (*на заднем плане слева*) в бронетранспортере проводит рекогносцировку

Спешенные мотопехотинцы километр за километром продвигаются к Тернополю...

...но, несмотря на всю подготовку, их атака захлебнулась

Стена огня, земли и дыма — начинается советское наступление на Перекопе

Спешное отступление на севере и востоке Крыма; на телеге — раненые

Решающее сражение за Севастополь

Русские пехотинцы отражают германский контрудар

Одна из последних германских оборонительных позиций в Северной бухте

Крутой западный берег мыса Херсонес и Черное море

Корабли охранения пока еще беспрепятственно сопровождают караваны судов до румынского побережья

Прибытие переполненного морского парома в Констанцу

БОБРУЙСК–МИНСК

22 июня. В ожидании предстоящей вражеской атаки на участок 3-й танковой армии

23 июня. Артиллерийский обстрел передовой на участке 4-й армии

24 июня. Советский прорыв на участке фронта 9-й армии

Тяжелое противотанковое 75-мм орудие ведет бой

За каждое село приходилось ожесточенно сражаться

Арьергард прикрывает отход

Взрываются грузовики

Спасшиеся защитники
Бобруйска
в расположении
12-й танковой дивизии

Но для большинства спасения не было — длинные колонны по дороге к местам сбора пленных

Проход пленных германских солдат по Москве — впереди группа генералов...

...а за ними около 56 тысяч солдат

«Прорыванцы» — им повезло выйти к новой германской линии фронта

Вслед за огненным валом артподготовки атакуют советские танки и спешившиеся мотопехотинцы

Германский танковый контрудар был остановлен огнем противника

БРОДЫ

Раненые мотопехотинцы укрылись за танком

Финал в котле

Им удалось вернуться из окружения к своим...

...как и этой группе, которая следует к пункту приема «окруженцев»

«Прорыванцы» представляются генералу Ланге

Русская артиллерийская подготовка в районе города Яссы

КИШИНЕВ–ЯССЫ

Советское легкое 45-мм противотанковое орудие поддерживает атаку пехоты

После прорыва врага отошедшие на промежуточную позицию солдаты снова оказывают сопротивление атакующим

Наступающие красноармейцы под обстрелом германских минометов

Русский танк врывается в село, где идет бой

Столбы дыма отмечают места уничтожаемых машин и вооружения

Горький путь в плен

Мы бросились на землю, изо всей силы вжимаясь в нее. Кто-то даже пытался руками рыть землю, чтобы хоть так укрыться от огня самолетов. Заревели бортовые пушки и пулеметы! Взрывы бомб все ближе и ближе к нам! Над головами свистели их осколки. Минута под обстрелом с воздуха казалась вечностью. Красная авиация непрерывно кружилась над нами. Да, окопаться было просто необходимо...»

И еще одно описание:

«Здесь повсюду стояли штурмовые орудия, танки, легкие и тяжелые артиллерийские орудия и грузовики, все без капли горючего, взорванные, сожженные, разбомбленные. У въезда на мост, там, где была самая давка, разыгрывались никогда ранее не пережитые сцены. Грузовики и повозки пытались пробиться на проезжую часть с обочины, каждый хотел как можно скорее прорваться на мост. Это препятствие надо было преодолеть как можно быстрее. Да и как долго вообще простоит мост? Секунды, минуты или все-таки дольше? При следующем артобстреле он вполне может рухнуть в воду. Поэтому погонщики получили приказ не пускать другие повозки в свою колонну. Около 10 маршевых колонн теснили друг друга при входе на мост, по которому могла следовать единовременно только одна колонна. Стоявшие на «шоссе» грузовики сначала питали надежду все-таки перебраться на ту сторону, но со временем она испарилась. Машины сталкивались друг с другом, водители ругались и схватывались врукопашную. В результате к уже стоявшим брошенным автомобилям добавлялись новые. Солдаты полевой жандармерии ничего не могли поделать. В конце концов, речь шла о жизни и смерти каждого. И все же мост надо было преодолеть!..»

Примерно в 13 километрах севернее Березино, у поселка Жуковец, 110-я дивизия соорудила своими силами собственный временный мост, по которому перешли через реку части XXVII корпуса.

В 20.00 вечера 2 июля основной мост у Березино был взорван после того, как небольшой арьергард завершил оборону плацдарма и в боевой готовности перебрался через реку. Но еще и на следующий день саперы переправляли через Березину на своих понтонах выходивших к этому участку отбившихся от своих частей солдат и отдельные боевые группы.

Всем, кто целыми и невредимыми перебрался на западный берег, суждено было испытать новое жестокое разочарование. Там не оказалось никакой оборонительной линии — ни оборудованной, ни занятой свежими германскими частями. Рухнула

даже надежда на то, что на западном берегу удастся остановить продвижение русских. К тому времени, когда 5-я танковая дивизия должна была закончить переправу своих последних частей у Борисова, русские уже с 30 июня начали быстрыми темпами переправляться во многих местах в верховьях Березины, а вскоре их танки уже находились на окраинах Минска. Наступая с юга, где русские вынудили к отступлению и 12-ю танковую дивизию (см. раздел о 9-й армии), советские войска уже 4 июля подошли к окрестностям Червеня[1]. Любой дальнейший путь на запад для германских войск был перекрыт.

Остатки трех корпусов в безвыходном положении

Выхода для них не было — крах 4-й армии приближался с невероятной скоростью.

Без какой бы то ни было информации о местоположении неприятеля, о ситуации с двумя соседними армиями, без связи с собственным армейским командованием, не имея никакого понятия, существует ли еще свой общий фронт, оставшиеся части армии попытались продолжить свое отступление. В ходе этого отступления передовые части 4 июля наткнулись примерно в 10 километрах северо-западнее Червеня, то есть в 30 километрах к востоку от Минска, в необозримом лесном и заболоченном массиве на крупные силы неприятеля, перекрывшего дорогу на запад. Первые попытки прорыва, предпринятые днем 4 июля и в ночь с 4 на 5 июля, несмотря на значительные потери, успеха не принесли. На эти остановленные в своем отступлении части стали все больше давить следовавшие за ними колонны отступавших. Таким образом, в окрестностях Пекалина[2], в треугольнике между шоссе на Минск и Червенем (который был уже занят русскими еще 1 июля), стал быстро образовываться котел 12 на 5 километров, в котором перемешались остатки 11 дивизий, охранные подразделения, армейские и корпусные части, различные тыловые службы, среди которых было от 4 до 5 тысяч раненых. Очень скоро положение всех оказавшихся в котле частей стало безнадежным. Русские вели сильный огонь по этому раскаленному котлу, русская авиация не прекращала свои атаки с воздуха, в небе постоянно висело от 20 до 30 вражеских машин.

---

[1] Червень — небольшой город в Белоруссии к юго-востоку от Минска.
[2] Пекалин — поселок в Минской области Белоруссии.

Потери росли. Отдельные местные попытки прорыва были отбиты, но стоили немногих остававшихся запасов артиллерийских снарядов. Подходили к концу и боеприпасы пехоты. Вражеские удары пока удавалось отбивать за счет того, что еще боеспособные солдаты поднимались из своих окопов и штыковыми атаками отражали атакующего неприятеля. В ходе этих контратак были израсходованы последние ручные гранаты. Не оставалось уже ни капли горючего, боеприпасы и продовольствие тоже иссякли.

В этой ситуации генералы, командовавшие XXVII и XII корпусами (генералы Фёлькерс и Мюллер[1*]), собрали всех генералов, оказавшихся в котле, и после обсуждения пришли к единственному возможному решению — немедленный прорыв! Но имевшегося в их распоряжении времени было совершенно недостаточно для организации и приведения в боевую готовность разнообразных, перемешанных между собой, а частично изолированных частей. Генерал Фёлькерс еще 5 июля, пока радиосвязь действовала, по радио отдал своему корпусу последний приказ: прорываться на запад, собрав все силы в единый кулак, — в общем направлении на Барановичи! Но расстояние до Барановичей составляло 170 километров.

В ночь с 5 на 6 июля около 23.00 большая часть находившихся в котле войск пошла в прорыв на запад, с тем чтобы обойти уже занятый неприятелем Минск с юга, но натолкнулась на столь сильный огонь врага, что вскоре распалась на отдельные боевые группы и оторвавшиеся от своих частей кучки солдат. В направлении прорыва разобщенные советские части быстро сплотились, на их усиление подошли механизированные части, после чего началось преследование прорывающихся немецких формирований и новые окружения. Несколько дивизий попытались 6 июля прорваться по другую сторону через шоссе, чтобы обойти Минск с севера. Однако к 9 июля последние из таких попыток прорыва прекратились. Основной причиной этого стало то, что вражеская авиация нанесла прорывающимся новые тяжелые потери. По советским донесениям, генерал Мюллер 8 июля прекратил всякое сопротивление, после чего боеспособность еще находящихся с ним частей и разрозненных солдат почти совершенно сошла на нет, а всякая перспектива выйти к удаленному от них фронту германских частей перестала существовать. Всякие действия окруженных здесь германских войск практически прекратились. Но,

[1*] Командир XXXIX танкового корпуса генерал Мартинек уже погиб в бою.

несмотря на это, еще многочисленные крупные и малые пошедшие на прорыв части пытались вырваться из окружения и найти путь к своим через поля, леса, болота и заброшенные деревни. Но это удалось сделать лишь немногим отдельным солдатам. Большинство же из них пали в бесконечных схватках, были убиты партизанами, умерли от голода где-то в заболоченных чащах или, измотанные до предела, попали в плен. Около 60 тысяч человек, в том числе 13 генералов, пали в бою, попали в плен или пропали без вести... (Восточнее Минска было окружено 105 тысяч солдат и офицеров вермахта. В ходе тяжелых боев 5—11 июля свыше 70 тысяч из них были убиты. Около 35 тысяч взято в плен, в том числе 12 генералов — командиров корпусов и дивизий. — *Ред.*)

Вот некоторые из воспоминаний военнослужащих отдельных дивизий этой армии.

XXXIX танковый корпус

«С начала мая становилось все более отчетливым ощущение предстоящего вскоре крупного наступления неприятеля. Поступали сведения о передвижениях танковых и артиллерийских формирований, оборудовании огневых позиций и концентрации пехоты перед всем фронтом корпуса. Но плохие условия для наблюдений и особенно то обстоятельство, что русские, в противоположность своему прежнему обыкновению, хранили полное радиомолчание, не позволяли составить полное впечатление о намерениях врага. Предположения о возможных направлениях главного удара и сроков ожидаемого крупного наступления противника постоянно менялись до тех пор, пока в середине месяца не вырисовалось представление об особенно крупном сосредоточении вражеских сил по обеим сторонам шоссе на Рясну[1]. Дислоцированная там 337-я пехотная дивизия закрывала линию фронта шириной почти 40 километров. Чтобы осуществить концентрацию своих сил, корпус был вынужден перебросить 110-ю пехотную дивизию на свой левый фланг. Но при этом постоянно нарастала критика высшего командования, которое — вместо того чтобы отвести 4-ю армию за Днепр — направляло дополнительные силы в выступ фронта — как в мешок, который при прорыве русских севернее и южнее 4-й армии мог

[1] Рясна — поселок в Могилевской области Белоруссии.

быть в любой момент захлопнут врагом. При этом из обещанных 30 штурмовых орудий для каждой дивизии еще ни одно не поступило.

16 июня русская артиллерия открыла огонь на всей протяженности фронта корпуса при основной тяжести удара по обеим сторонам шоссе на Рясну, причем только там было задействовано 120 вражеских батарей. 23 июня последовало также мощное советское наступление на фронте 4-й армии.

После того как прошлой ночью враг в ходе военных действий на многих участках задействовал свою авиацию, он также в 5.30 начал столь мощную артиллерийскую подготовку, что первые линии траншей были буквально полностью перепаханы снарядами орудий, а находившиеся в них части уничтожены. За артобстрелом последовало общее наступление неприятеля на всем фронте корпуса. Как и ожидалось, основной удар противника был направлен на участок 337-й дивизии по обеим сторонам шоссе Рясна—Могилев, где русские на узком фронте ввели в бой 6—7 дивизий и 100 танков, поддержанных огнем 140 батарей. Если враг под Чаусами[1] и северо-восточнее Горок[2] смог достичь лишь местных успехов, то на направлении главного удара ему удалось прорвать оборону и вклиниться в расположение германских войск на глубину до 6 километров. С помощью введенной в действие лишь частично маневренной и не полностью боеспособной моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» удалось задержать прорыв русских на рубеже восточнее Шушары, но так и не получилось воссоединиться с 110-й пехотной дивизией, которая севернее участка прорыва была вынуждена несколько отвести назад свой правый фланг. Попытки русских атаками из области прорыва оттеснить на юг фронт 12-й пехотной дивизии удалось с большим напряжением сил предотвратить, но 12-я и 31-я пехотные дивизии с тяжелыми боями отошли на северо-запад.

25 июня враг прорвал также позиции у реки Реста. Весь корпус теперь сместился, обороняясь из последних сил против надвигающегося противника, на рубеж у берега Днепра в районе Могилева. Рано утром 26 июня корпус еще находился восточнее реки. Враг приближался к Могилеву с юго-востока и востока. Его авиация полностью господствовала в воздухе. К полудню русские уже переправились через Днепр в 20 километрах севернее Моги-

---

[1] Чаусы — поселок Могилевской области к востоку от Могилева.
[2] Горки — вероятно, имеется в виду поселок Горки Могилевской области южнее Могилева.

лева и на западном берегу развернулись к северу, зайдя в тыл еще находившихся на восточном берегу и сражавшихся там частям 110-й пехотной дивизии и XXVII армейского корпуса.

Об удержании линии фронта на Днепре нечего было больше и думать. Дивизии корпуса были разбиты. К тому же существовали обстоятельства, о которых уже говорилось, — фронты обеих соседних армий были прорваны неприятелем, предпринявшим быстрый бросок к Березине с целью сомкнуть кольцо вокруг 4-й армии.

У корпуса оставалась теперь только одна возможность — предпринять как можно более быстрый отход для достижения Березины. Для этого командир корпуса генерал Мартинек должен был проигнорировать приказ высшего командования о превращении 12-й пехотной дивизии в гарнизон Могилева, который был объявлен «укрепленным пунктом» («крепостью»). Он отдал приказ 31-й пехотной дивизии с раннего утра 27 июня отступить из Могилева вдоль линии железной дороги на юго-запад вместе с остатками 337-й пехотной дивизии и дивизией «Фельдхернхалле», а также обходить севернее шоссе Могилев—Белыничи—Березино на запад. 110-я пехотная дивизия, с которой еще поддерживалась радиосвязь, должна была совместно с XXVII армейским корпусом пробиваться на запад за Березину. Вплоть до этого времени генерал Мартинек, несмотря на прекращение поступления разведсводок и отсутствие информации об общей ситуации, лично командовал своими пятью дивизиями.

28 июня около 17.00 генерал ехал в машине по поселку Белыничи в направлении на Березино, чтобы прибыть на расположенный западнее поселка новый КП корпуса. Проезжая часть улицы была занята отступающей колонной пехоты, на которую заходили летящие на бреющем полете советские штурмовики, обстреливавшие ее из бортового оружия и сбросившие несколько бомб. Во время одной из этих воздушных атак генерал Мартинек, находившийся в нескольких метрах от своей машины в укрытии, был поражен в лоб осколком авиабомбы, разорвавшейся рядом. Генерал умер мгновенно. Судьба избавила его от картины последовавшего за этим уничтожения его корпуса.

А на следующий же день после гибели генерала Мартинека безжалостная судьба обрекла на смерть и обоих его преемников,

генерала Пфайфера и генерала Шюнемана, а также начальника штаба корпуса полковника Масиуса, павших в течение 24 часов после своего командира такой же солдатской смертью на поле боя...»

110-я пехотная дивизия

«К началу советского наступления дивизия дислоцировалась с востоку и юго-востоку от поселка Горки и удерживала линию фронта протяженностью около 25 километров. Передовая линия обороны проходила по западному берегу реки Проня. Войска были полностью боеспособны, настроение и боевой дух находились на должной высоте, все без исключения боевые позиции хорошо оборудованы.

22 июня. После чрезвычайно мощной артиллерийской подготовки русские начали наступление в 5.30 силами до двух полков на левом фланге дивизии, где оборонялся 254-й гренадерский полк (на левом фланге его позиции). Одновременно были нанесены отвлекающие удары на центру и правому флангу того же полка. В ходе чрезвычайно жестокого боя, во время которого ситуация многократно менялась, а также проведенного контрудара противник был отбит, понеся значительные потери. К вечеру этого дня германские части прочно удерживали передовую в своих руках, противнику не удалось осуществить намеченной цели — овладеть поселком Горки.

23 июня. В продолжение своего начатого вчера масштабного наступления противник снова после мощной артподготовки нанес удар по левому флангу 255-го гренадерского полка. Несмотря на брошенные им в бой многочисленные самоходные орудия, дивизии удалось отбить этот удар и к концу дня сохранить за собой контроль над передовой линией обороны.

24 июня. Расширяя свое наступление, противник нанес крупными силами удары по всему участку обороны соседней дивизии справа (337-й пехотной дивизии) и смог достичь здесь успеха, прорвав ее фронт. Для прикрытия правого фланга в промежутке между селениями Роботка и Кишиси в качестве заслона от проникновения противника с юга были введены в бой 321-я дивизионная группа[1*], а также 120-й учебный батальон и сводная рота из состава пополнения.

[1*] Силами до полка.

25 июня. Русские повторили свою атаку на соседний участок фронта справа. Им удалось при поддержке крупных танковых сил (80 танков) вклиниться в главную полосу обороны. Немедленно нанесенный контрудар силами двух полков резерва смог задержать врага, но не ликвидировать прорыв, поскольку неприятель, подтянув свои резервы, все же смог еще дальше углубиться в наши позиции. Поздним вечером на основании ситуации на фронте соседней дивизии справа и в соответствии с приказом командования корпуса 110-я пехотная дивизия отошла с занимаемых ею позиций. Отход был осуществлен организованно и без всяких осложнений, несмотря на сильные налеты авиации в течение всей ночи.

26 июня. Русские начали боевые действия с опережающего преследования. Благодаря насыщенности своих войск моторизованными средствами передвижения и достаточным танковым силам им удалось опередить и обойти часто задерживающиеся, отходящие с боями дивизии. Особенно тяжелые бои разгорелись вдоль шоссе Орша—Могилев. Шоссе постоянно подвергалось ударам с воздуха советских штурмовиков. Южнее Шклова русским удалось прорваться к Днепру, где они тут же заблокировали шоссе завалами из деревьев и постановкой мин, так что наносившая удар с юга под командованием генерал-лейтенанта Шюнемана 337-я пехотная дивизия при поддержке штурмовых орудий, имевшая своей целью расчистку шоссе, остановилась перед этой баррикадой из деревьев. Тем временем русские перешли шоссе, достигли берега Днепра и, прежде чем германские части смогли отойти за реку, переправили через нее свои мобильные части. Командир дивизии вовремя оценил создавшееся угрожающее положение. Он сократил свой собственный плацдарм на восточном берегу Днепра, отвел с него 254-й полк и перебросил его на моторизованном транспорте на западный берег Днепра с приказом развернуться там фронтом на юг и воспрепятствовать продвижению русских на север и северо-запад.

27 июня. Поскольку место переправы русских находилось за пределами участка обороны дивизии, 254-й гренадерский полк смог достичь указанного района и организовать здесь оборонительные позиции. Чтобы воспрепятствовать дальнейшим переправам войск противника, на рассвете под руководством командира полка был нанесен удар по местам вражеских переправ. Неожиданность сработала — удар полностью достиг своей цели. Тем временем на западный берег Днепра были переправлены все еще остававшиеся на восточном берегу части и подразделения дивизии. 225-й гренадерский полк обеспечивал прикрытие с востока и се-

вера, а тыловые части — с северо-запада, со стороны Шклова. Ближе к полудню на участке 254-го полка русские внезапно нанесли удар с юго-запада по правому флангу полка. Полк был вынужден несколько отвести свой правый фланг и развернуть фронт на юго-запад. Это удалось вовремя осуществить. В течение всего следующего дня русские превосходящими силами пехоты и танков атаковали правый фланг полка, во многих случаях им удавалось прорвать оборону, но все эти прорывы сразу же ликвидировались контрударами германских войск. В ходе этих боев противник почти совершенно уничтожил подчиненный 254-му гренадерскому полку 1-й батальон 252-го гренадерского полка. На усиление полка ему был подчинен саперный батальон другого полка, а также 321-я дивизионная группа той же дивизии. Вечером дивизия, получив соответствующий приказ, отошла дальше к западу.

28—29 июня. Основные силы дивизии подошли к реке Друть и начали переправляться по мосту у деревни Тетерин. Поздним вечером последовал сильный натиск противника с юго-востока. Мост оказался в плохом состоянии. Перед ним скопилось значительное число моторизованной техники и гужевых повозок. Враг приблизился к германским силам. Поздним вечером последовал обстрел колонн и переправы у Тетерина. Перебравшись на противоположный берег, дивизия осуществила ночной марш на запад и юго-запад в район селения Шепелевичи, а оттуда еще южнее. Там последовали стычки с партизанами и моторизованными частями врага, которые уже зашли в тыл дивизии. Однако командование дивизии прочно удерживало в своих руках управление ею.

30 июня. Передовые части дивизии подошли к лесному массиву восточнее Березины у поселка Жуковец и оставались там до тех пор, пока 110-й саперный батальон дивизии и приданный ему саперно-строительный батальон не навели через Березину два моста — один грузоподъемностью 16 тонн, а другой — 4 тонны. На всем пути до Березины дивизия испытывала постоянное давление неприятеля с востока и подвергалась обстрелам из танковых орудий с севера. Весь день продолжались также бомбово-пулеметные удары авиации. Выйдя из боев за Оршу и Могилев, сильно поредевшие части дивизии собрались в лесном массиве восточнее Жуковца. Здесь были также части дивизии «Фельдхернхалле», 78-й штурмовой дивизии, 157-й и 337-й дивизий, а кроме них еще и дивизион зениток, танковая рота «Тигров» и штабные подразделения XXVII и XXXIX армейских корпусов. Трудности снабжения были чрезвычайно значительными, запасы продовольствия закончились, из-за практического отсутствия перевязочных мате-

риалов и лекарств раненые не получали необходимой помощи, боеприпасы, и прежде всего артиллерийские снаряды, заканчивались, как и горючее, так что все излишние транспортные средства, кроме танков, самоходных орудий и моторизованных средств передвижения для раненых, должны были быть уничтожены.

1 июля. Началось упорядочение собравшихся в лесу под Жуковцом разбитых дивизий. Основная часть сил 110-й пехотной дивизии была присоединена к другим дивизиям. В Боровино, находящемся в 12 километрах западнее Жуковца, по распоряжению командования дивизии командиром 110-го батальона связи был образован сортировочный пункт, который принимал все разрозненные части дивизии и подчиненные ей подразделения и размещал их в районе Боровино. Все остальные, не подчиненные дивизии подразделения следовали дальше на запад.

2 июля. По ориентировке начальника штаба XXXIX танкового корпуса, погибшего в этот день, дивизиям следовало двумя маршевыми колоннами пробиться к реке Птичь южнее Минска и здесь соединиться с германскими войсками. Более южный один из двух предписанных маршрутов проходил через Драчково—Котяги, северный маршрут, которым также должна была следовать 110-я пехотная дивизия, вел от Волмы (в 30 километрах восточнее Минска) на Колядичи. Во второй половине дня, ближе к вечеру, передовые части дивизии подошли к Волме и образовали плацдарм на берегу этой реки. Согласно приказу XXVII армейского корпуса дивизия в течение суток должна была оставаться здесь, использовав эти сутки для дальнейшего сокращения обоза и для уничтожения излишних транспортных средств.

4 июля. Утром в 5.00 самолетами доставлено необходимое снабжение: продовольствие и горючее, но в минимальных количествах. В ночь на 5 июля дивизия продолжила движение на запад в следующем составе: передовой отряд, 254-й гренадерский полк, штаб дивизии, 255-й гренадерский полк, 321-я дивизионная группа, артиллерия, самоходные противотанковые орудия и остальные подразделения дивизии. Они достигли окрестностей поселка Гатово, в 20 километрах юго-восточнее Минска.

5 июля. Весь день продолжались мощные танковые атаки противника и штурмовые удары его авиации. После осуществленного русскими прорыва по шоссе Бобруйск—Минск и продвижения до Гатово передовой отряд маршевой колонны и 254-й гренадерский полк предприняли атаку, с тем чтобы оттеснить русские части к юго-западу. Хотя атака оказалась успешной, русские вскоре нанесли контрудар, перерезав силами 6 танков и находившейся на

их броне пехоты численностью 250—300 солдат (250—300 солдат не разместятся на броне 6 танков. Очевидно, 50, максимум 80 солдат. — *Ред.*) связь с передовыми батальонами и штабом полка. Немедленно брошенные в бой полковые резервы и еще остававшиеся подразделения штаба дивизии успеха не достигли. Одновременно последовали сменяющие один другой налеты авиации, час от часу усиливавшиеся. Временами в воздухе находилось по 30—40 вражеских штурмовиков. В то же самое время русские предприняли атаку с востока от селения Готваские (Gotwaskije) на лесной массив в 2,5 километра западнее Готваские.

В этом лесном массиве были сосредоточены остальные подразделения 254-го гренадерского полка, его передовой отряд, две артиллерийские батареи, тыловые транспортные средства, повозки с ранеными и, наконец, штаб дивизии. Два других полка находились еще дальше. Из перехваченных радиопереговоров между ними стало понятно, что они не в состоянии пробиться к основному сосредоточению сил дивизии. По упомянутому лесному массиву русские систематически вели артиллерийский огонь, подвергали его танковым атакам и бомбовым ударам авиации. Из-за острейшего дефицита горючего и боеприпасов командование дивизии в конце концов приняло решение об уничтожении всех моторизованных транспортных средств и тяжелого вооружения. Остались лишь колонна автомобилей да еще колонна гужевых повозок, обе с ранеными, которые должны были следовать за дивизией по шоссе.

6 июля. Основные силы дивизии, вооруженные лишь легким стрелковым оружием, выступили поздним вечером на запад и на рассвете подошли к лесному массиву западнее Канючицы. Дивизия намеревалась, взяв с собой раненых, прорываться небольшими ударными группами на запад. Артиллерийский полк, равно как и истребительно-противотанковый батальон, хотя теперь и без орудий, как и все другие подразделения, образовали пехотную боевую группу. Дивизия еще располагала также 5-ваттной радиоустановкой. Боевая группа 254-го гренадерского полка со штабом дивизии, общей численностью около 400 человек, весь остаток дня оставалась в вышеупомянутом лесном массиве.

7 июля. В ночь на 7 июля личный состав дивизии отдельными боевыми группами продвигался в северо-западном направлении и миновал оба шоссе, проходившие севернее и южнее линии железной дороги Дзержинск—Минск. На рассвете они достигли леса в 10 километрах западнее железнодорожной насыпи. Здесь было решено немного передохнуть. Противник, должно быть, заметил

ночное передвижение этих боевых групп, поскольку уже утром окружил этот лес и предпринял наступление со всех сторон. Боевые группы поначалу заняли оборону на опушке леса, но потом, когда артиллерийский огонь стал очень сильным, а потери резко выросли, стали отходить на запад. В неравном бою во время отступления русские окружили остатки боевых групп, сжали их со всех сторон и в ходе боя уничтожили. Командир 254-го полка был при этом тяжело ранен и попал в плен.

После этого полного уничтожения основной массы личного состава дивизии судьба других отдельных боевых групп известна только по отрывочным рассказам сумевших выйти из окружения и выживших солдат. Большая часть их оказалась в русском плену. Командира дивизии генерал-лейтенанта фон Куровски предположительно видели в последний раз с группой в 13 человек в районе города Лида. Об офицерах штаба дивизии и других командирах, за исключением подполковника Реедера, командира 254-го полка, нет никаких сведений. Часть обоза с ранеными, а именно 10 грузовиков и 15 телег, на которых находилось около 400 раненых, уже 6 июля южнее Минска была захвачена силами наступавшего врага. По сообщениям вышедших бойцов, все раненые были расстреляны. Около 150 человек после многодневных блужданий все же смогли выйти к германским позициям.

Остатки дивизии, в основном те подразделения, которые вышли из котла до начала описанных событий, собрались западнее Гродно, среди них и 110-я ремонтная рота. После перебазирования в Шмелово рядом с городом Стависки в Польше максимальное число собравшихся здесь военнослужащих составило 16 офицеров и около 1100 солдат. Однако среди них находилось около 450 отпускников и командированных, которые не участвовали в отступлении дивизии, а также около 350 человек, отбившихся от 110-го маршевого батальона. Таким образом, удалось спастись лишь примерно 300 солдатам дивизии — из общего числа 12 тысяч человек.

На пути следования в 110-ю пехотную дивизию находился 110-й маршевый батальон численностью около 1400 человек, который погрузился в эшелон 25 июня в Детмольде (Германия). Поскольку отрезок пути Столбцы—Минск был взорван партизанами, батальон выгрузился в Столбцах, оставался там в течение двух дней, а потом брошен в бой в качестве пехотного батальона. Станция Столбцы была занята русскими и должна была быть нами отбита, поскольку там стоял санитарный поезд с тяжелоранеными. Атака оказалась успешной, санитарный поезд продви-

нулся на 3 или 4 километра в сторону Минска. Его дальнейшая судьба осталась неизвестной. Маршевый батальон в ходе последующих боев был полностью уничтожен...»

57-я пехотная дивизия

Конец мая. «Дивизия была брошена в бой на правом фланге 4-й армии, когда XII корпус занимал позиции на реке Друть. В тылу дивизии располагался обширный лесной и заболоченный район, в котором активно действовали крупные партизанские отряды. Снабжение было возможно только с севера, из Могилева.

22 июня. Начало русского летнего наступления. XXXIX танковый корпус отразил вражеские атаки, нанесенные по обеим сторонам дороги Рясна—Могилев. Однако в расположении дивизии обстановка пока оставалась спокойной.

23 июня. Дивизия отразила разведку боем со стороны русских, отбросив неприятеля за проволочные заграждения и нанеся ему серьезные потери.

24 июня. На правом фланге дивизии неприятель прорвал фронт XXXV армейского корпуса в лесном районе у поселка Хомичи. Против наступавших введена в бой 707-я охранная дивизия. XII армейский корпус остается на занимаемых им в настоящий момент позициях.

25 июня. В 4.00 часа утра сильный артиллерийский обстрел по позициям правого полка дивизии и — после переноса огня далеко на юг — по фронту 9-й армии. Прорыв на правом фланге 164-го гренадерского полка ликвидирован. Все имевшиеся в наличии у командования дивизии офицеры и солдаты переброшены к месту прорыва. В первой половине дня все заранее определенные санитарная рота, «большой» обоз и ненужные подразделения были отведены на запад. Их отход осуществлен без всяких осложнений.

26 июня. Этот день прошел для дивизии спокойно.

27 июня. В первой половине дня около 11.00 заместитель командира дивизии лично отдал приказ: с наступлением темноты сняться с занимаемых позиций, выйти в окрестности точки пересечения шоссе Могилев—Бобруйск с рекой Друть и воспрепятствовать продвижению русских с юга. Все имеющиеся в наличии части дивизии должны быть задействованы для выполнения этого приказа и подтянуты в указанный район. 2-я бронеавтомобильная группа из состава 18-й моторизованной дивизии была временно передана в оперативное подчинение 57-й пехотной ди-

визии. Две другие дивизии корпуса уже без приказа сверху в ночь на 27 июня были отведены за Днепр. Для дальнейшего движения 57-й дивизии на запад через заболоченные лесные пространства, в которых действовали партизаны, дивизии был придан саперно-строительный батальон. Именно этому батальону дивизия в значительной степени обязана своим успешным отходом.

После отдачи необходимых приказов командир дивизии проехал по переправе через Друть, провел рекогносцировку местности и указал позиции прибывающим подразделениям дивизии и приданным ей частям.

Здесь он также принял рапорт подошедшего полка 707-й охранной дивизии в составе 1 офицера и 19 солдат. Это было все, что осталось от целого полка, доложил офицер, и сообщил примерно следующее.

Танковая группа 20-й танковой дивизии, будучи на марше в указанный ей район, в первой половине дня 25 июня получила приказ немедленно отойти к Бобруйску. Вместо этого в боевых действиях должна была быть задействована 707-я охранная дивизия с задачей одним своим полком выдвинуться вперед на старую границу между позициями 4-й и 9-й армий, а другим полком отбросить врага на линию бывшей передовой на участке 57-й дивизии и вновь овладеть этими позициями. Во исполнение этого приказа полк к позднему вечеру покрыл около 30 километров с запада на восток и незадолго до этого встретил отставшие ослабленные подразделения 134-й пехотной дивизии, которые сообщили ему, что русские прорвали фронт на широком участке. Несколько позже полк вступил в бой с крупными силами русских, поддержанных танками, и был полностью уничтожен.

57-я пехотная дивизия смогла к вечеру этого дня беспрепятственно выйти в указанный район и в течение ночи занять предназначенные ей позиции.

28 июня неприятель безуспешно атаковал крупными силами с востока и юга. Вскоре после полудня заместитель командира корпуса вызвал командира дивизии и отдал ему приказ: силам дивизии тотчас же оторваться от врага, поскольку этого требует ситуация с 18-й дивизией. При выполнении этого приказа батарея тяжелых орудий попала на заболоченный участок, подверглась там атаке вражеских танков, и прислуга взорвала орудия.

В последующие дни командир дивизии, следуя во главе дивизии, руководил рекогносцировкой местности, наведением гатей, борьбой с партизанами и дальнейшим отходом, тогда как коман-

дир 217-го пехотного полка образцово вел арьергардные бои, весьма тяжелые из-за превосходства сил преследующего врага. 1 июля дивизия продолжала отступление к Березино, в течение предшествующей ночи отбив танковую атаку неприятеля и подбив при этом восемь танков. Когда же командир дивизии утром 2 июля прибыл с рапортом на КП XII армейского корпуса, заместитель командира корпуса сообщил ему примерно следующее: два часа тому назад на легком самолете «Физелер Шторьх» на КП прилетал офицер связи из штаба армии и привез ему приказ — передать все без исключения части дивизии 4-й армии, в которой осталось еще меньше боеспособных частей. 9-я армия полностью разбита. В тот же день дивизия в ходе дальнейшего отступления достигла района в 12 километрах северо-западнее Березино.

3 июля дивизия продолжила движение в северо-западном направлении, пытаясь достигнуть «шоссе» у Борисова. Но уже ранним утром передовые части дивизии на северном берегу реки Уша наткнулись на крупные силы врага с танками и штурмовыми орудиями. Развернувшись из походной колонны, врага атаковали стрелковый батальон и 1-й батальон 217-го пехотного полка, но около 11.00 они прекратили атаку, получив приказ командования корпуса немедленно прервать удар и продолжать движение в юго-западном направлении, поскольку державшийся до утра 3 июля Борисов под мощным давлением наступающих русских сил пришлось оставить. Как доложил командир дивизии командованию XII армейского корпуса, в ходе марша он встретил генерала, командовавшего XXVII корпусом, а также целый ряд командиров дивизий. После продолжительного обсуждения ситуации 4 июля было решено для дальнейшего передвижения разделить остатки 4-й армии на две маршевые колонны и подчинить правую колонну XII корпусу, а левую — XXVII корпусу.

4 июля дивизия двигалась как еще боеспособное соединение во главе XXVII корпуса в ходе дальнейшего марша на запад. Картина, которую представляли собой отдельные группы отступающих на марше, была неописуема. Многие тысячи прибившихся солдат из других частей, железнодорожники, рабочие команды, по большей части безоружные, двигались рядом или перемешались с подразделениями дивизии. Наведенные дивизией мосты через маленькие речки были так забиты этими ордами, что собственное тяжелое оружие дивизии, орудия, грузовики и т. д. часами не могли пройти по этим мостам. Ближе к вечеру передовой батальон наткнулся на врага. Немедленно организованная атака, однако, не принесла успеха, так как тяжелое оружие оказалось

невозможным задействовать, а руководство и связь были блокированы из-за множества безоружных солдат других частей.

При этих обстоятельствах командир дивизии был вынужден доложить командующему корпусом, что наступление и дальнейший марш невозможны, тем более что основные силы дивизии пришлось задействовать против подходящего с юга противника. В результате этого 57-я пехотная дивизия была придана двум другим дивизиям. Но когда оба командира дивизий со своими начальниками штабов прибыли для доклада, оказалось, что каких-либо боеспособных частей у их дивизий уже нет.

Дальнейший отход был прерван, арьергардам всех маршевых групп пришлось в тяжелых боях и со значительными потерями сдерживать натиск противника, чтобы предотвратить сжатие кольца окружения.

Утром 5 июля состоялся военный совет всех оставшихся командиров дивизий при командовании XXVII корпуса. Несмотря на крупные расхождения во мнениях, командир корпуса отдал приказ перейти к обороне. Возвращаясь к своим соединениям, командиры решили действовать самостоятельно и вечером прорываться на запад. Около 19.30 по радио было получено распоряжение XII корпуса о том, что все оставшиеся дивизии должны быть распущены, оставшиеся орудия, тяжелое оружие, грузовики и боеприпасы следовало уничтожить. Личному составу было приказано образовать боевые группы и пробиваться в юго-западном направлении. Общее выступление было назначено на 22.30. Сколь бы ни было тяжелым это решение, оно оставалось единственной надеждой на спасение. В 22.20 артиллерия дивизии выпустила оставшиеся снаряды. Под гром орудий были взорваны грузовики и тяжелое оружие, а последними снарядами — и сами орудия. В 22.30 вся масса немецкой пехоты, примерно 40—50 тысяч человек, двинулась на окруживших их русских и решительным ударом уничтожила их.

В ходе дальнейшего движения на запад большая часть боевых групп, образованных из 57-й дивизии, еще держалась вместе. В конце дня 6 июля они встретились с остатками дивизии «Фельдхернхалле», которая принадлежала к правой маршевой группе и отходила, уклоняясь к юго-западу, между громадными, недавно заполненными водой воронками от взрывов бывших германских складов боеприпасов. Севернее шоссе Червень—Минск они наткнулись на крупные вражеские силы и, несмотря на все усилия, затратили целый день, пытаясь, с громадными потерями, перебраться через шоссе и двинуться дальше на юг. Непрерывные, доселе невиданной интенсивности удары советских штурмовиков

с воздуха нанесли чрезвычайно тяжелые потери. Оба командира дивизий приняли решение преодолеть шоссе вечером, двумя группами, а именно: командир 57-й дивизии со всеми пешими солдатами в 6 километрах западнее, а командир «Фельдхернхалле» со всеми еще имеющимися у него транспортными средствами, на которые были погружены раненые, непосредственно в южном направлении. Попытка прорыва была осуществлена с наступлением темноты. Группе «Фельдхернхалле» прорваться через шоссе не удалось. Понеся тяжелые потери, она перестала существовать, попав по большей части в плен.

Группе же 57-й дивизии, напротив, преодолеть шоссе удалось. Двигаясь со всей возможной быстротой, вне каких-либо дорог, эта группа, состоя из приблизительно 12—15 тысяч человек, решила разделиться на отдельные более мелкие группы, с тем чтобы каждая из них самостоятельно и как можно более быстро попыталась продвинуться возможно дальше на юго-запад.

Вплоть до позднего утра продолжался марш группы командира дивизии, который прошлым вечером последним миновал шоссе. В составе группы еще имелось два плавающих вездехода, в которых ехало несколько раненых. Когда группа вышла в большую излучину реки, открытую на восток, то выяснилось, что ведущие на юг и север мосты заняты крупными силами русских, а единственный ведущий на запад железнодорожный мост перекрыт танками. Тогда было принято решение рассыпаться по большому полю ржи, чтобы с наступлением темноты продолжить движение. В этой излучине, которая находилась примерно в 12—15 километрах юго-восточнее Минска, в свое время, должно быть, происходили тяжелые бои. Было решено — когда стемнеет, собраться на западном краю ржаного поля и оттуда с двумя плавающими вездеходами форсировать реку вне дорог. Изнемогая от усталости, солдаты рухнули в рожь и провалились в глубокий сон, но в 17.00 были разбужены выстрелами. Русские окружили ржаное поле, открыли по нему огонь из минометов и взяли небольшую группу немцев в плен. Остальные боевые группы, на которые разбилась дивизия, смогли уйти немногим дальше, и те из них, которые уцелели в последних боях, 8 и 9 июля были взяты в плен южнее Минска.

Про остальные группы прорыва со временем стало известно следующее.

8 июля. Подполковник Рёсслер, командир 164-го гренадерского полка, и капитан Мюссе, командир 1-й роты 164-го полка, погибли вместе со многими из своих солдат во время одной из последующих попыток прорыва. Остатки полка, над которыми взял

командование адъютант полка капитан Крефтинг, продолжали пробиваться к своим. Полковник Цунке, командир 217-го гренадерского полка, будучи тяжело ранен, попал в плен вместе с остатками своего полка.

9 июля. Капитан Крефтинг, раненый, с остатками 164-го гренадерского полка попал в плен юго-восточнее Минска.

Между 5 и 16 июля группа Денцлингера (1-я рота 217-го полка с примкнувшими подразделениями) смогла преодолеть шоссе Орша—Минск восточнее Минска и затем, развернувшись на Молодечно, следовать в северо-западном направлении. Там они влились в состав новых германских формирований. 57-й дивизии больше не существовало. Вплоть до вечера 5 июля, когда был отдан приказ о ее ликвидации, каждое ее отдельное подразделение оставалось боеготовой, надежной и стойкой воинской командой в руках своего командира...»

Моторизованная дивизия «Фельдхернхалле» (краткие итоги)

«После кровопролитных боев на фронте под Нарвой (в составе группы армий «Север») дивизия была переброшена на усиление в район Могилева. Когда противник в ходе своего широкомасштабного наступления прорвал фронт севернее и южнее этого города, дивизия была введена в бой за шоссе, ведущее на Чаусы. Однако поскольку советские войска уже обошли Могилев справа и слева, то дивизия спустя два дня была снята с этого направления и должна была удерживать свободной дорогу на Минск. Однако выполнить эту задачу ей не удалось. Прежде чем добраться до Березино, следовало преодолеть реку Березину, но достичь ее по дорогам, забитым многочисленными транспортными средствами, под постоянными атаками с воздуха вражеских штурмовиков, стоило многих жертв. Переправа через Березину привела к новым потерям. Орудия и тяжелое оружие пришлось уничтожить, поскольку горючего для тягачей уже не было ни капли. Переход через Березину прикрывал 2-й батальон артиллерийского полка, который 29 июня понес при этом особенно большие потери. Остатки дивизии своим ходом добрались к 5 июля к району юго-восточнее Минска. Со всех сторон окруженные неприятелем, постоянно атакуемые партизанами, полки разделились на небольшие группы, начавшие каждая с боями выходить через леса и поля пшеницы на запад. Большинству из них это сделать не удалось...»

78-я штурмовая дивизия[1*]

«21 июня штурм-гренадеры лежали в своих траншеях по обеим сторонам шоссе Смоленск—Минск и ожидали приближения неприятеля. Всем было ясно, что буквально с часу на час должно начаться вражеское наступление, хотя в течение дня наблюдалось лишь незначительное движение сил по ту сторону фронта.

В ночь с 21 на 22 июня между 21.55 и 1.50 сражение начали русские летчики, обрушив свой груз на передовые позиции и стремясь прежде всего вывести из строя германскую артиллерию.

Когда наступил рассвет 22 июня, над всем фронтом царила полнейшая тишина, за которой чудилось нечто жуткое. И в 7.00 эту тишину разорвал грохот вражеской артиллерии, нанесшей особенно мощный удар по шоссе. Одновременно в воздухе над германскими батареями снова появилась русская авиация, забросавшая их бомбами столь плотно, что те некоторое время не могли открыть ответный огонь. Уже через десять минут после начала артподготовки с германской передовой поступили донесения о первых атаках, в которые русская пехота двинулась под прикрытием дымовых завес. Но даже когда день стал близиться к вечеру, враг не смог добиться сколько-нибудь значительного успеха, а его атаки более или менее походили просто на прощупывание германского фронта (это была разведка боем. — *Ред.*).

23 июня неприятель уже сделал попытку прорвать фронт. В ночные часы его авиация снова нанесла удар бомбами крупного калибра по германской передовой и ближайшим тылам. Под прикрытием этого бомбового града в 1.00 ночи пехота неприятеля выдвинулась на исходные позиции для наступления. С 5.00 советская артиллерия открыла ураганный огонь по всей германской передовой, особенно плотный по артиллерийским батареям. Тем временем русская пехота еще ближе подошла к германской передовой, а вплотную за пехотой вышли, готовые к атаке, танки. Несмотря на неистовый обстрел русской артиллерией, батареи 178-го артполка открыли ответный огонь.

Атака началась в 6.00 утра. Русские бомбардировщики и штурмовики поддерживали мощный натиск русских на переднюю линию обороны и артиллерийские позиции. Фронт зашатался. 3-й батальон 122-го пехотного полка, приданный 215-му штурмовому полку, бросился в контратаку, которая успеха не принесла. Отдельные опорные пункты на передней линии обороны еще держались и

[1*] *Merker L.* Das Buch der 78 Sturmdivision.

оказывали сопротивление. Из-за постоянно поддерживаемой дымовой завесы, под которой действовала вражеская пехота, обзор был весьма ограничен.

И в это время на левом фланге, который оборонял 480-й гренадерский полк, произошло событие, которое мгновенно высветило всю серьезность сложившегося положения. Около 7.30 противнику удалось прорвать на этом участке переднюю линию обороны, а затем углубиться в проделанную брешь.

На остальных участках фронта советские батальоны и полки также продолжали атаковать. Прорыв на участке 14-го штурмового полка был сначала отбит контратакой, а затем, после ввода в действие переброшенной с севера батареи штурмовых орудий, был наконец ликвидирован. Не лучше обстояло дело и на участке 195-го штурмового полка.

В бой были брошены последние резервы, вплоть до сводной роты. Но положение все же оставалось предельно критическим. Однако отдельные батальоны все же пытались переходить в контратаки, в ходе одной из которых они даже заняли первую линию траншей.

Советские танковые подразделения, численностью около 20 машин, уже продвигались на запад.

Ближе к вечеру дивизия получила приказ занять новую линию обороны. Ей предстояло переместиться во вторую линию траншей — ближе к позициям артиллерии. Вечером и в течение ночи она была занята, но из-за больших потерь плотной обороны на этом участке создать не удалось. Артиллерия тоже сменила позиции, отойдя назад. Фронт всей 78-й штурмовой дивизии из-за давления врага с севера (где стоял 480-й гренадерский полк) значительно подался назад. Теперь уже речь шла о том, чтобы сохранить целостность всего фронта посредством постепенного отхода на запад к «тигровым позициям» севернее Орши, где можно было создать новую линию обороны. 24 июня давление вражеских войск ничуть не ослабло. Еще существовала весьма неустойчивая связь между соседними германскими частями, однако связи между правым флангом 215-го полка и левым флангом 14-го полка, где сражался 178-й запасной батальон, уже не было. Через эту брешь широким потоком вливались советские танковые лавины и заходили в тыл новой оборонительной линии. Такова была ситуация, в которой около 16.00 дивизия была вынуждена отдать приказ об отходе на «тигровые позиции». Центром этих позиций были Лисуны[1].

---

[1] Лисуны — поселок в Витебской области Белоруссии.

Они стали следующей целью русских. Поэтому их танки и пехота, развернувшись с северо-востока, вскоре двинулись в тыл этих позиций, и лишь по счастью наступившая ночь не позволила им развернуть наступление с ходу.

Этим вечером и наступившей ночью факелы горящих деревень по обоим флангам отмечали, сколь далеко продвинулся враг, прорвав фронты соседних дивизий.

Уже начиная с вечера 24 июня обоим флангам 4-й армии грозила серьезная опасность. Дальше к северу все еще удерживала фронт 78-я штурмовая дивизия, а отвод ее северного фланга на «тигровые позиции» позволил избежать самого худшего. Тем не менее положение оставалось крайне угрожающим.

С раннего утра 25 июня развернулись ожесточенные сражения за «тигровые позиции». Брешь фронта, пробитая врагом, вскоре была закрыта. Куда более неприятным стал прорыв фронта соседней слева дивизии, закрыть который никак не удавалось. Вражеские танки уже вышли на шоссе, часть из них прямо на глазах оборонявшихся перевалила через шоссе и устремилась на запад. Участок фронта, удерживаемый соседями слева, начал распадаться. Положение для левого фланга дивизии (480-й гренадерский полк) становилось крайне шатким, если бы не удалось закрыть возникшую брешь фронта в районе озера Кузьмино.

В этот критический момент сражения командование дивизии отдало приказ удерживающим фронт на северном участке 215-му и 480-му полкам отходить с арьергардными боями вдоль шоссе в направлении на Оршу. Там им предстояло занять линию обороны. Неприятельское кольцо вокруг Орши начинало сжиматься.

Положение становилось все более и более беспросветным. Как пробиваться к своим? Солдатам 78-й ясно было лишь одно — что им удалось посредством отступления избежать попытки прорыва врагом линии фронта на их участке.

26 июня неприятель повел наступление на Оршу сразу с трех сторон. Для дивизии оставался открытым лишь путь из города на юго-восток. К вечеру Орша уже была в руках русских, хотя отдельные части дивизии еще оставались в городе, который Гитлер пожелал видеть «укрепленным пунктом», а 78-я штурмовая дивизия должна была стать его гарнизоном.

4-й армии не оставалось никакого другого пути для воссоединения с отодвинувшейся далеко назад оборонительной германской линией, как пройти дорогой Могилев — река Березина—Минск. Этот маршрут становился путеводной нитью для отходящих сил армии, а севернее должна была отступать 78-я штурмовая дивизия

в рамках отхода всего XXVII армейского корпуса. Собственно, это были лишь остатки прежней, еще несколько дней тому назад полнокровной, дивизии. Однако уцелевшие солдаты были исполнены железной решимости пробиться сквозь все заслоны и воссоединиться со своими отошедшими назад товарищами по оружию. 27 июня все дивизии XXVII корпуса собрались в поселке Дубровка, расположенном примерно в 30 километрах южнее Орши, спустя сутки после окончания боя под Брянзово, в ходе которого немногие штурмовые орудия дивизии в первой половине дня уничтожили еще 15 русских танков. В течение дня здесь соединились 78, 25 и 260-я дивизии. По дороге в район встречи этим соединениям пришлось выдержать тяжелые бои с врагом. Теперь здесь образовался блуждающий котел, а находящимся в нем три дивизиям в ближайшие дни предстояло с боями продвигаться на юго-запад и в направлении Минска. Ближе к вечеру каждой из дивизий были отданы боевые приказы. Командир дивизии обрисовал сложившееся положение, особо отметив, что окружение произведено всего несколько часов тому назад, что из-за того направления отхода, к которому вынуждают действия врага, по плохим дорогам, нет никакой надежды на обеспечение боеприпасами, продовольствием и горючим. Дальнейшая эвакуация многочисленных раненых совершенно невозможна или сопряжена с чрезвычайными трудностями. Для обеспечения маневренности дивизии количество транспортных средств должно быть ограничено самым необходимым минимумом, поскольку скорость осуществления отхода является критическим фактором для судьбы всех окруженных войск.

Итак, слово было произнесено. В отчаянно серьезном положении не было больше места для оптимизма. Все, что препятствовало движению, следовало бросить. И самым ужасным из этих шагов была необходимость бросить раненых. Это было необходимо сделать, чтобы спасти как можно больше солдат, которым предстояло пройти бог знает сколько километров, чтобы соединиться с отошедшими далеко к западу своими войсками. Намного превосходящему численностью, предвкушающему победу противнику следовало противопоставить только стойкость и выдержку.

28 июня начался отход корпуса. Около 8.00 русский батальон прорвал слабое боевое охранение двигающихся вместе в направлении Дубровки соединений, став значительной помехой в их движении. Лишь вводом в бой всех ослабленных сил дивизии и 6-й батареи 178-го артполка удалось отбить этот прорыв. Ближе к вечеру боевое охранение было отозвано для того, чтобы

прикрыть, расположившись полукольцом, переправу через преграждавшую путь реку. Вследствие малой надежности переправы командование дивизии снова отдало приказ — оставить все транспортные средства, которые задерживают передвижение. В частности, 178-му артполку было приказано уничтожить все орудия, идущие на конной тяге, но этот приказ был выполнен далеко не полностью.

В 4.00 утра 29 июня дивизия снова начала движение. Однако вскоре ее авангард наткнулся на врага. По неприятелю открыли огонь штурмовые орудия, танк «Тигр» и сопровождавшая их пехота. Враг был отброшен на расстояние от 4 до 5 километров, путь движения расчищен. В ходе этого боя обер-лейтенант Бирк со своими солдатами взяли в качестве трофеев 3 полевых орудия, 6 противотанковых орудий, 5 автоматов и 20 ручных пулеметов; на месте боя осталось лежать 400 погибших русских. Это стало платой за раны гренадеров, они были исполнены решимости как можно дороже продать свои жизни. В ходе дальнейшего марша, когда авангард занял места арьергарда, последовал налет вражеских штурмовиков, которые обрушили на маршевые колонны бомбы и огонь бортового оружия. Отступающие понесли значительные потери.

Неприятель продолжал буквально наступать дивизии на пятки, когда она вечером подошла к реке Друть. Чтобы восстановить уже разрушенную к этому времени переправу и обрести возможность перебраться на противоположный берег, следовало предпринять энергичные меры и нанести контрудар. 25-я моторизованная дивизия форсировала реку у села Круглое, 78-я, 260-я дивизии, дивизия «Фельдхернхалле» и полк «Лист» из состава 57-й дивизии — несколько южнее, у Тетерина. После переправы у командования корпуса появилась надежда 30 июня соединиться с двигающейся впереди 110-й пехотной дивизией и, наконец, прорваться через вражеские заслоны. Увы, эта надежда также была напрасной, как и многое другое в эти дни. 110-ю дивизию оказалось невозможно догнать, а неприятель тем временем уже занял Борисов.

Во второй половине дня 30 июня русские нанесли удар по маршевым колоннам между 260-й и 78-й дивизиями примерно в 5 километрах западнее реки Друть. Дивизия удар отразила, расчистив дальнейший путь. С небосвода немилосердно палило солнце. Русские штурмовики снова нанесли с воздуха удар по маршевым колоннам. К вечеру дивизия подошла к реке Осливка, переправа через которую снова оказалась разрушенной. Через пару часов удалось отыскать брод, по которому дивизия форсировала реку. Лег-

кие моторизованные транспортные средства были переправлены на буксире более тяжелыми гусеничными вездеходами. В поселке Шепелевичи, выставив со всех сторон дозоры, удалось немного отдохнуть. В одном-единственном селении разместился на отдых весь личный состав целой дивизии...

Как развертывались события в дальнейшем, поведал адъютант одного из штурмовых полков:

«На рассвете 1 июля русские произвели разведку боем. Вслед за ней они пошли в атаку на наши слабые позиции, поддержанные с востока огнем тяжелого оружия. Эта атака сопровождалась сильным артиллерийским огнем и действиями штурмовой авиации. Дивизия, будучи арьергардом корпуса, имела трудновыполнимый приказ — удерживать свои позиции до 10.00, чтобы дать возможность маршевым колоннам миновать лесную чащу, расположенную западнее места отдыха, проходы в который были забиты горящими грузовиками с боеприпасами. В ходе ожесточенного арьергардного боя приказ был выполнен. Под давлением неприятеля наше боевое охранение вынуждено было отходить. В распоряжение дивизии предоставили все еще сохранившиеся транспортные средства, чтобы арьергард корпуса мог по выполнении задачи оторваться от врага. Это тоже удалось сделать.

К вечеру, после форсированного марша, несмотря на многочисленные атаки русских и попытки окружить нас, а также несмотря на налеты вражеской авиации, мы добрались до протянувшихся вдоль Березины перелесков. Там удалось немного отдохнуть и разведать дорогу к переправе. На узких лесных просеках царило такое столпотворение, что порой после многочасового ожидания удавалось продвинуться вперед буквально на несколько метров, а вслед за этим снова следовали часы мучительного стояния в толпе. Множество штурмовых орудий, танков «Тигр» и самоходных транспортных средств пришлось взорвать из-за отсутствия горючего.

К вечеру 2 июля основная масса дивизии переправилась через реку. Оставшиеся около моста подразделения встретили штаб дивизии и направили его на предусмотренный сборный пункт. В первую очередь теперь было необходимо занять позиции для оставшихся солдат полка. После первого же дня боев в передовых траншеях осталось едва сто боеспособных солдат. Так или иначе, предстояло искать отбившихся от своих частей солдат. Большая же часть наших солдат была потеряна. Из собранных нами отставших от своих частей солдат удалось сформировать две роты неполного состава. Штаб же полка по численности соответствовал нормальной группе управления роты. Поэтому из незадействованных офи-

церов штаба полка создали снабженческую команду (верхом на лошадях), поручив им обеспечивать сражающихся хотя бы минимально необходимым. Противник же тем временем уже подошел к Червеню и занял Погост на основном направлении отхода 4-й армии.

С раннего утра 3 июля отход в прежнем направлении на западо-юго-запад продолжился. Оставалось надеяться только на то, что грядущий переход от Березины вызовет меньшее противодействие со стороны противника. Но уже около 11.00 снова появились русские. Они со свежими силами нанесли удар с южного направления, явно намереваясь окончательно перерезать маршрут отхода и уничтожить наши силы. Благодаря обладанию находящимся в неплохом состоянии шоссе Могилев—Минск им удалось быстро подтянуть свежие части и бросить их в бой. Район запланированного неприятелем окружения наших частей находился западнее Березины, несколько севернее Червеня.

Для отражения этого намерения из почти всех частей и подразделений корпуса был организован заградительный заслон, которому было поручено примерно в 3 километрах южнее маршрута отхода занять оборонительный рубеж и удерживать его до 16.00 4 июля, то есть до встречи с передовыми частями 267-й пехотной дивизии, следующей за 78-й штурмовой дивизией. Численность заградительного заслона составила около 700 человек, вооруженных в основном винтовками и карабинами. Для немногих имеющихся автоматов патроны уже почти закончились. Из тяжелого оружия имелось лишь два 20-мм орудия на самоходных лафетах. И это все.

Первая атака русских была отбита около 12.30. За ней последовала вторая примерно в 15.00, которая также была отбита. Около 17.00 противник направил нам двух плененных им германских солдат с требованием безоговорочной капитуляции. Командование дивизии это предложение отклонило. Под давлением наступающих русских, которые около 20.00 снова пошли в атаку, удерживаемый фронт рухнул. Войска отошли назад, но через 1 километр все же смогли вновь занять позиции и организовать оборону. Ширина оборонительной линии, которую занимал сильно ослабленный арьергард, составила примерно 800 метров. При том что боеприпасы подходили к концу, обороняющиеся все же были в состоянии сдерживать напирающего врага. Однако потери росли. Тем не менее никому в голову не приходила мысль о добровольной капитуляции. Перебежчиков не было. Каждый боец еще надеялся на выход из этого образовавшегося котла. В ночь на 4 июля

из-за недостатка сил выявилась необходимость нового отступления. Новая линия обороны опиралась на небольшой населенный пункт, что способствовало отражению атак врага. В направлении, откуда ожидались его атаки, уходил перед нашими позициями вытянутый туда заболоченный участок шириной около 400 метров. В полукилометре за полосой обороны проходила трасса движения наших отступающих колонн.

Около 11.30 утра русская пехота пошла в атаку на широком фронте при сильной огневой поддержке. Основной удар наносился по населенному пункту. Наш правый фланг уже подался назад. Сражались все, до последнего человека. В селе кипела ожесточенная рукопашная. Через какое-то время неприятель овладел селом и оказался в 300 метрах от трассы движения наших частей. Наши солдаты с боем начали отходить, но через некоторое время им удалось овладеть ситуацией и остановить наступающих русских. После краткого отдыха наши части пошли в контратаку. В решающий момент на помощь им пришли остатки 17-го гренадерского полка, которые тоже ринулись в бой. Враг дрогнул, село снова перешло в наши руки. Его удалось удерживать вплоть до подхода передовых частей 267-й дивизии. Решающий вклад в успех контратаки принадлежит двум самоходным орудиям 178-го истребительно-противотанкового батальона. Около 21.00 сражавшиеся подразделения 78-й штурмовой дивизии снова воссоединились с основными ее частями.

В расположении дивизии состоялось совещание комсостава, на котором обсуждалось сложившееся положение. Остатки примерно 12 германских дивизий и отдельные части и подразделения армии и корпуса оказались в тесном и сжимающемся котле диаметром от 12 до 13 километров. Трасса возможного отхода на запад была перекрыта крупными силами неприятеля. Повторять попытку прорыва с боем после понесенных крупных потерь было бесперспективно. Немногие еще боеспособные солдаты различных частей удерживали тонкую линию обороны по периметру котла. Большинство раненых, а также повозки и лошади концентрировались в центре котла, укрытые от взора вражеских летчиков. Там же находились и все штабы дивизий. Вследствие безвыходности положения в них царила глухая безнадежность. Боеспособность войск из-за отсутствия продовольствия, предельной измотанности и непрерывных сражений была весьма низкой. Повторяющиеся прорывы из одного котла для того, чтобы тут же оказаться в следующем, подавляюще действовали на моральный дух солдат. Перед всеми стоял страшный вопрос — как теперь быть? С быстротой

молнии разнеслась весть, что, несмотря на все мужество и отвагу личного состава, невозможно расчистить себе путь для дальнейшего отхода. В этих обстоятельствах, с учетом ситуации и расположения неприятеля, продолжение отступления становилось возможным только при условии оставления всех транспортных средств и образования из всех еще сохраняющихся подразделений небольших боевых групп, которым следовало прорываться самостоятельно.

Итак, было приказано, в ночь с 5 на 6 июля, начиная с 23.00, разделившись на отдельные боевые группы, начать, воспользовавшись внезапностью, прорыв из котла. Цель прорыва — достичь вновь образовавшейся линии фронта германских войск в районе города Барановичи. Однако в тот момент, когда остатки дивизии готовились к последней схватке, никто из немцев в котле не знал, что русские уже три дня как заняли Минск, пять дней тому назад овладели Слуцком, а в этот момент в 30 километрах восточнее Барановичей ведут сражение с остатками 9-й армии[1*].

Вечером 5 июня внезапно появившаяся полевая кухня в первый и последний раз за последнее время раздала горячую еду личному составу одного из полков 78-й штурмовой дивизии.

Последние приготовления к прорыву велись с решимостью отчаяния. Все лишнее оставлялось. Раненые и больные были собраны в центре котла. Их предстояло передать русским.

Ровно в 23.00 начался прорыв. Некоторые подразделения затянули «Песнь немцев»[2]. Образ этой ночи остался в памяти выживших незабываемым. Горящие села, артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, глухие разрывы снарядов смешивались с громовым «Ура!» и песней идущих на прорыв частей. Ошеломленный враг попытался было отбить натиск, но был опрокинут и смят. Прорыв удался...

К рассвету полоса вражеского окружения осталась далеко позади. Но разбитые русские заслоны на удивление быстро оправились от удара. На усиление к ним подошли новые механизированные части. Там, где прорвавшиеся германские солдаты двигались крупными группами, они вскоре снова были окружены и попали в новый котел. Единственной возможностью прорваться было только просачивание мелкими группами. О дислокации врага не было никакой ясности. Чтобы просочиться через плотно насыщенные силами неприятеля окрестности, надо было рассчитывать

[1*] С LV армейским корпусом.

[2] «Песнь немцев» — более известный (по первой строке) как «Германия превыше всего» официальный гимн Третьего рейха на музыку Гайдна и слова Гофмана фон Фаллерслебена.

только на изворотливость одиночек. Их маршрут отхода проходил из котла в котел, общая его протяженность составила около 200 километров.

Основная масса личного состава 78-й штурмовой дивизии, как и других дивизий, пропала без вести. Пропал без вести и ее командир, генерал-лейтенант Траут...»

Натиск на позиции 9-й армии

Ситуация там ничем не отличалась от той, что сложилась на фронте 3-й танковой армии и 4-й армии. Советское командование распространило свое массированное наступление, начатое 24 июня, далее к югу, захватив и фронт этой армии.

Все разведки боем и пробные атаки, проведенные русскими 23 июня, еще были отбиты. А дальше все развивалось точно так же, как и под Витебском, Оршей и Могилевом, разве что сокрушительный огонь неприятеля обрушился в основном на левый фланг армии, на участок XXXV корпуса под Рогачевом еще ночью, в 2.30. В течение трех четвертей часа с грохотом и воем снаряды всех калибров обрушивались на траншеи, опорные пункты, узлы сопротивления, артиллерийские позиции, командные пункты. Вряд ли можно было найти квадратный метр земли, на котором бы не разорвался снаряд. Пехотинцы в своих окопах не могли поднять головы, артиллеристы в укрытиях не спешили к своим орудиям. Все телефонные линии были перебиты осколками, радиостанции вышли из строя — всякая связь была потеряна. Затем неприятель перенес артиллерийский огонь дальше в наш тыл. С рассветом волны штурмовиков и бомбардировщиков начали обрабатывать наш еще дымящийся передний край. А затем двинулась неприятельская пехота и танки — две армии 1-го Белорусского фронта пошли в наступление на две германские дивизии. (Всего на Бобруйском направлении на заблаговременно подготовленных, глубокоэшелонированных позициях оборонялись 10 дивизий 9-й армии и 2 дивизии 4-й армии. На направлениях главного удара советских войск, в данном случае к востоку от города, оборонялась, естественно, лишь часть группировки немецких войск. — *Ред.*)

Уцелевшие после этого огневого налета германские солдаты не верили своим глазам, поскольку, как они считали, перед их фронтом в качестве естественных препятствий имеются по крайней мере река Друть и болота. Однако не только русская пехота

перебралась через реку по многочисленным переправам, но через Друть переправились по наведенным подводным мостам и танки, которые теперь медленно двигались через болотные топи по проложенным гатям.

Начался ближний бой с медленно двигающимися вперед с криками «Ура!» красноармейцами — первые атаки врага еще удавалось отражать, однако вторая волна пехоты уже захлестнула германскую передовую. Пришедшие в себя германские солдаты яростно отбивали удары наступающих. В качестве примера здесь можно назвать третий батальон 446-го гренадерского полка (134-я дивизия), который один за первую половину дня смог уничтожить тридцать советских танков. Много танков подбили и другие германские части. Да, то там, то тут на различных участках обороны случались успехи, но на фоне громадного перевеса сил противника этого было ничтожно мало. Русским уже удалось осуществить первые прорывы на участках 134-й и 296-й дивизий, как раз на стыке 4-й и 9-й армий. Крупные силы неприятеля начали скапливаться в лесном районе западнее Друти. Против этого чреватого новым прорывом скопления сил восточнее Бобруйска командование армии задействовало находившуюся в резерве единственную танковую дивизию в составе всей группы армий (20-ю танковую дивизию), которая уже вечером пошла в наступление и добилась первого успеха.

Однако местность восточнее Бобруйска не была единственным основным направлением удара противника на участке армии. Вторым таким пунктом был район к западу от поселка Паричи, где также 24 июня мощная группировка двух советских армий (65-й и 28-й) после артиллерийской подготовки, продолжавшейся с 4.50 до 5.30, пошла в наступление против XXXXI корпуса и осуществила глубокий прорыв на участке 36-й дивизии. Поскольку здесь развитие ситуации представлялось более угрожающим, 20-я танковая дивизия получила приказ о контрударе только в южном направлении. Поэтому эта боеспособная дивизия была развернута на 180 градусов, ей пришлось в ночь на 25 июня проделать марш-бросок на расстояние более чем в 100 километров по ужасным дорогам в расположение XXXXI корпуса. Из-за неизбежных происшествий по пути она подошла в указанный район слишком поздно. Когда наступило утро 25 июня, брешь у Паричей уже достигла ширины в 40 километров. 20-я танковая дивизия, хотя и подбила 60 вражеских танков, все же не могла удержать на этом рубеже неприятеля. К 26 июня русские вышли к линии железной дороги южнее Бобруйска, подтянули дополнительные силы и вме-

сте с приданными им механизированными частями двинулись в наступление широким фронтом на запад и северо-запад. 27 июня их передовые части вышли к Осиповичам. Оттесненный назад XXXXI корпус со своими разбросанными и поредевшими дивизиями должен был с боем восточнее Березины пробиваться на север, чтобы захватить там мосты через Березину у Бобруйска.

На северном участке прорыва русские 25 июня также прорвали фронт XXXV корпуса, с неослабевающей силой предприняли наступление в северо-западном и западном направлении, грозя перерезать ведущие к Бобруйску дороги. Закрыть зияющие здесь и постоянно расширяющиеся бреши на фронте 4-й армии силами 707-й охранной дивизии (707-я пехотная дивизия. — *Ред.*) никак не удавалось. Во второй половине следующего дня фронт на участке корпуса был прорван во многих местах, занимавшие здесь позиции части начали отступление в направлении Бобруйска. Неприятель, однако, уже перерезал большое шоссе Могилев—Бобруйск, его сильная танковая группировка подходила с северо-востока к поселку Титовка, захватив там имевшиеся мосты через Березину.

Командование армии снова запросило разрешение на отвод XXXV корпуса на север, пока время это еще позволяло осуществить. Ответ на это командования группы армий (основывавшийся на приказе Гитлера) гласил: о разрешении на отступление ни при каких обстоятельствах не может быть и речи. Однако неприятель обладал слишком крупными силами, и теперь события стали развертываться лавинообразно.

XXXV армейский корпус также оказывается в котле

Отступивший южнее, на восточный берег Березины XXXXI корпус выслал вперед 20-ю танковую дивизию с задачей отбить мосты, через которые проходила дорога на Бобруйск. Дивизии, однако, не удалось 26 июня справиться с сосредоточенными вокруг Титовки крупными неприятельскими силами и освободить проход по мостам. Удалось лишь захватить находящийся в 3 километрах южнее железнодорожный мост. Из-за скопления подошедших сюда германских частей и тыловых обозов мост стал целью постоянных воздушных атак, все подходы к мосту и само его полотно были полны горящими грузовиками, устланы трупами солдат и лошадей. Лишь пешим солдатам удавалось перебраться по нему на западный берег Березины и дойти до города.

Для основных сил отходящего с боями с востока XXXV корпуса это было невозможно. Уже 26 июня вражеские клещи двигавшегося с севера неприятеля сомкнулись вокруг корпуса и начали сближаться. Атакуемый со всех сторон, во все сильнее сжимающемся неприятельском кольце, медленно тающий корпус продолжал обороняться, в то время как двигающиеся мимо него отступающие колонны и отдельные части различных дивизий шли с востока под постоянными ударами с воздуха, надеясь перебраться по единственному оставшемуся железнодорожному мосту и дойти до Бобруйска. Занимаемая XXXV корпусом, а также отдельными частями XXXXI корпуса территория восточнее Бобруйска сжималась буквально на глазах, в возникшем котле царила совершенная неразбериха, командованию корпуса никак не удавалось организовать порядок и руководство потрепанными в сражениях и перемешавшимися подразделениями. Не оставалось никакого другого выхода из положения, кроме как прорвать кольцо вражеского окружения и пробиваться на северо-запад, поскольку путь на запад через Березину был уже перекрыт. 27 июня поступил приказ о том, чтобы все части, даже еще только подтягивающиеся, в 20.30 шли на прорыв создающегося кольца вражеского окружения. Пока что у них еще оставался шанс.

И снова, уже в который раз, возникла картина воплощенного ужаса. Поскольку по обе стороны дороги, проходящей по восточному берегу Березины, тянутся справа и слева непроходимые болота, на ее узком полотне столпились в страшной тесноте еле двигающиеся, постоянно останавливающиеся и снова приходящие в движение остатки частей и тыловых служб шести дивизий и отдельных частей и подразделений корпуса. Вся эта масса постоянно подвергалась с воздуха ударам пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков, от которых она не могла ни укрыться, ни защититься, а подбитая самолетами техника только загромождала путь, создавая новые заторы и вызывая новые потери.

В ночь на 28 июня русские произвели полуторачасовой удар с воздуха, в котором участвовало более чем 500 самолетов, по еще находящимся в котле германским войскам. (Чтобы сорвать планы немцев прорваться через еще непрочное кольцо окружения на северо-западе котла (этот участок прикрывался лишь частями двух танковых корпусов, так как стрелковые соединения подойти еще не успели), 526 самолетов 16-й воздушной армии группами по 25—30 самолетов в течение 1,5 часа наносили непрерывные удары по окруженным войскам. Готовившаяся к про-

рыву группировка немцев была рассеяна и понесла большие потери. — *Ред.*)

Это была ночь, полная огня и гула битвы. Ночное небо над восточным берегом Березины пересекалось строчками трассирующих путь, освещалось сигнальными ракетами и заревом горящих хат, тишины ночи не было — гремели орудия, взрывались бомбы, кричали раненые люди, и ржали кони. Когда забрезжило утро нового дня, на окруженных немцев двинулись советские танки и массы пехоты, в течение 28 и 29 июня разрезая движущиеся по шоссе колонны и уничтожая изолированные группы. В качестве примера надо назвать одну из многих боевых групп, в которой двигался генерал, командовавший корпусом. Она образовалась рано утром 28 июня из остатков боевой группы 296-й дивизии. Рано утром ей удалось перебраться не замеченной врагом через шоссе Могилев—Бобруйск. День она провела в районе между этим «шоссе» и отходящей от него проселочной дорогой на поселок Подречье. Когда в сгустившихся сумерках она попыталась двинуться через шоссе дальше на север, то была обстреляна батареей вражеских 122-мм орудий, под огнем которой и полегла вся до последнего человека. О генерал-лейтенанте фон Лютцове с тех пор больше ничего не было известно.

Оставшиеся в живых солдаты разрозненных боевых групп снова собрались в более крупные группы и на следующий день попытались прорваться дальше на северо-восток, но были все в последующем уничтожены или взяты в плен. Лишь отдельные небольшие группы все же вышли снова к Березине севернее Бобруйска и попытались преодолеть ее вплавь, думая тем самым ускользнуть от неприятеля. Но, по всей видимости, они все же попали в руки поджидавших их на западном берегу реки красноармейцев. Лишь отдельным бойцам удалось в конце концов добраться до тех или иных германских частей.

В течение пяти дней был уничтожен весь XXXV корпус. Однако оставались еще Бобруйск и XXXXI корпус.

26 июня русские находились уже в 3 километрах юго-западнее города, на следующий день они окружили его и с юга, запада и севера. Полное окружение города Советам удалось осуществить столь быстро потому, что им в руки попал совершенно целым мост, расположенный в 15 километрах севернее города. Помимо железнодорожного моста у Бобруйска германские войска удер-

живали еще и небольшой плацдарм на восточном берегу. Для основного ядра XXXV корпуса он не сыграл никакого значения.

И снова приказ группы армий от 27 июня: «Укрепленный пункт» Бобруйск удерживать при любых обстоятельствах». Все повторялось точно так же, как ранее в Витебске, в Орше и в Могилеве: ни о каком «укрепленном пункте» («крепости») речь не шла — никаких соответствующих укреплений, никаких необходимых запасов продовольствия и боеприпасов, никакого сильного сплоченного гарнизона — ничего, кроме массы скопившихся здесь вооруженных толп солдат. Назначенный комендантом этого «укрепленного пункта» генерал-майор Хаманн — позднее он был повешен русскими — не располагал ничем для длительного сопротивления.

Снова начиналась губительная игра в «быть или не быть». Еще 27 июня командующий 9-й армией неоднократно требовал разрешения на прорыв окруженных сил на запад. Фельдмаршал Буш такого разрешения не дал, но отдал приказ оборонять Бобруйск до последнего патрона.

Первое мощное наступление русских с юга и запада было остановлено оборонительным огнем защищавших город 383-й дивизии, 20-й танковой дивизии[1*], штурмовых орудий и охранных частей и подразделений. В течение дня и наступившей ночи в город еще стекались тысячи солдат, в основном с востока, отбившиеся от своих частей, а также из тыловых подразделений армии с запада, по большей части безоружные. Ночь на 28 июня прошла спокойно. Но ранним утром последовал мощный удар противника, снова с юга, запада и северо-запада, длившийся весь день. В ходе удара русской пехоте удалось потеснить передовые позиции германских войск и проникнуть на городские окраины. В 8.25 генерал-лейтенант Хоффмайстер, командовавший XXXXI корпусом, передал радиодонесение в штаб 9-й армии: «383-я пехотная дивизия ведет бой под Бобруйском. В городе находятся командиры 36-й, 45-й пехотных дивизий и 707-й охранной (пехотной. — *Ред.*). Командир 134-й дивизии застрелился. С вечера прошлого дня в Бобруйск хаотически стекаются войсковые части всех дивизий, частично безоружные и уничтожившие все тяжелое вооружение. Подход разрозненных частей по железнодорожному мосту также продолжается. С XXXV корпусом, согласно приказу взорвавшим все орудия, связи нет. Прошу предоставить свободу действий.

[1*] В период до 28 июня дивизия уничтожила 213 вражеских танков.

Прорыв из Бобруйска — вырвалось только 15 тысяч человек

В 12.50 из штаба группы армий наконец пришла радиограмма: «Согласно приказу фюрера «укрепленный пункт» Бобруйск сдать, окруженным войскам прорываться вдоль Березины на север» — как уже было, с опозданием на один-два дня.

К этому времени «крупные шишки» уже «списали» солдат 9-й армии. Это вполне ясно видно по выдержке из журнала боевых действий группы армий «Центр» за 28 июня: «Поступившие к утру донесения о катастрофе окруженной в районе Бобруйска основного ядра 9-й армии не оставляют никакого сомнения в том, что это оперативное объединение, еще будучи способным на прорыв из котла, тем не менее не представляет собой больше никакой боевой ценности».

В тот же самый день в журнал боевых действий 9-й армии была внесена следующая запись: «Неприятельское кольцо вокруг Бобруйска замкнулось. Армия как боевое формирование практически больше не существует».

В переполненном городе, где скопилось около 70 тысяч человек, начал разверзаться совершенный ад. Заканчивались боеприпасы и продовольствие, вышел из строя водопровод. Сброшенное однажды на парашютах продовольствие попало в руки русских. Раненые с различных перевязочных пунктов были собраны в не оборудованных для этой цели казематах крепости, лишь несколько более других безопасном месте — здесь скопилось около 5 тысяч человек. Им предстояло остаться здесь вместе с санитарами и попасть в руки русских, поскольку вывезти их было невозможно. Во время тех ударов русских войск, которые пока еще удавалось отбивать и ликвидировать прорывы, неприятель начал обстреливать весь город из артиллерии и реактивных минометов зажигательными снарядами с фосфорной начинкой. Налетавшие на город волнами самолеты сбрасывали свой бомбовый груз. Дома стояли объятые пламенем, склады полыхали. Непрерывно работающие русские громкоговорители требовали от коменданта гарнизона сдачи города. Командование в спешке стало организовывать прорыв, который должен был осуществиться в три волны. Начало прорыва было назначено на 23.00 на западном берегу Березины в общем направлении на север.

Но пока еще только солдатские массы и транспортные средства готовились к осуществлению этого почти невозможного и крайне рискованного предприятия, неприятельская артиллерия

открыла сокрушительный огонь по городу. Пламя объяло целые кварталы, столбы пламени вздымались в черно-багровое ночное небо, густой дым полз по улицам, перегоревшие стропила крыш рушились, испуская столбы искр, коробки выгоревших домов разваливались, круша все вокруг. Над языками огня, дымом и пылью развалин погибающего города ревели моторы русских бомбардировщиков. Поток солдат устремился к северным предместьям города, указанный в приказе район сосредоточения сил для прорыва. На широком шоссе, выходящем из города, стояли и ждали команды к началу движения колонны бойцов, в конце концов совершенно запрудившие всю дорогу. Между ними скапливались остатки различных частей, уйма одиночек, отбившихся от своих подразделений, многочисленные служащие вермахта и беженцы из числа русского гражданского населения (активно сотрудничавшие с немцами. — *Ред.*), намеревающиеся уходить от приближающейся Красной армии. Сюда же подтягивались и способные самостоятельно передвигаться раненые. В этой толпе из уст в уста передавались различные слухи, порой панические. Лишь колоссальными усилиями и с большими трудностями удалось хоть как-то организовать эту первую волну боевых групп и ее передовой клин, ядро 20-й танковой дивизии, еще сохранившей несколько танков и 12 бронетранспортеров. Им придали 10 штурмовых орудий и несколько самоходок, с помощью которых предполагалось прорвать окружение и обеспечить проход.

Около полуночи огонь неприятеля и море пожаров охватили всю центральную часть города и начали смещаться на его северные окраины. И здесь произошло нечто совершенно невероятное — в полыхающем Бобруйске среди разрывов снарядов и уханья бомб к небу вознеслась песня. Ее завели несколько человек, сотни подхватили мотив, и вот уже тысячи германских солдат в едином порыве пели: «О Германия, сколь высока честь...» С нее и начался прорыв сквозь вражеское кольцо.

С величайшим напряжением войска ждали сигнала к выступлению. Около 23.30 передовые отряды первой волны пришли в движение. Противник пока еще ничего не замечал. Однако через 4 километра передовые отряды наткнулись на первые заградительные позиции русских, тут же смятые рядами прорывающихся. С решимостью отчаяния были преодолены позиции противотанковых орудий. После подавления новых попыток русских остановить прорыв вперед двинулись и более глубинные маршевые группы, поднимаясь на холмы и спускаясь в низины, по дороге, проходящей вдоль берега Березины. Затем на востоке забрезжил рассвет,

и в воздухе снова появились русские штурмовики, которые на бреющем полете обрушили на двигающихся в колоннах солдат огонь бортовых пушек и пулеметов. Пехотинцы бросились врассыпную, упав, вжимались в землю, чтобы найти хоть какое-нибудь укрытие от смерти с неба. Затем движение возобновилось — но ненадолго. Снова и снова русские Т-34 атаковали маршевые колонны, немногие оставшиеся германские танки и штурмовые орудия вступили в неравную борьбу с ними, но через немногое время были подбиты и остались горящими на обочине дороги. Тем не менее первая волна все же продвигалась вперед и проделала около 35 километров на северо-запад, когда стали появляться партизаны в немецкой форме, пытавшиеся внести сумятицу в ряды отдельных маршевых и ударных групп. Вплоть до 30 июня они вступали в ожесточенные схватки с сильным врагом, подошедшим с востока, из-за Березины. В этих схватках пали командующий XXXXI корпусом и командиры 36-й и 45-й дивизий. Двигаясь затем мелкими группами, некоторые солдаты смогли пробиться дальше на северо-запад. Выйдя различными путями в район Свислочи, им удалось соединиться с находившимися в окрестностях Марьиной Горки[1] 12-й танковой дивизии.

А потом на западном берегу Березины события развивались точно так же, как и на ее восточном берегу. Вторая волна прорыва по неизвестным причинам вышла из Бобруйска только около полудня 29 июня и уже через 5 километров попала в новый котел, из которого выбрались лишь немногие.

Последняя волна, в которой двигались также и части 383-й дивизии, получившие приказ — сдерживать огнем преследующего врага, а также множество раненых и отбившихся от своих частей солдат, среди которых было много вернувшихся из второй волны, последовали за ними вечером 29 июня. Их прорыв потерпел крах в самом начале, русские перекрыли им путь отхода, полностью сомкнув кольцо окружения с запада и севера, и, возможно, лишь маленьким группкам и одиночкам удалось вырваться из этого котла.

Особенно печальным был удел раненых. Вплоть до 26 июня находившиеся в Бобруйске транспортабельные раненые отправлялись из города по железной дороге или автотранспортом в относительной безопасности. Много ходячих раненых из лазаретов ушли из города вместе с волнами идущих на прорыв солдат, дру-

---

[1] Марьина Горка — поселок в Минской области Белоруссии к юго-востоку от Минска.

гие ковыляли на костылях или даже пытались выбраться ползком, только чтобы ни в коем случае не попасть в плен и избежать вполне однозначной судьбы раненых[1*]. В самом же Бобруйске оставалось около 5000 раненых, по большей части раненных тяжело и нетранспортабельных, а также много отбившихся от своих частей солдат и комендант города.

Остатки XXXV и XXXXI корпусов еще несколько дней блуждали, сражаясь и погибая, в междуречье Друти, Березины и Свислочи. Лишь около 15 тысяч человек[2*] смогли добраться до позиций 12-й танковой дивизии, которая 3 июля с боями отступала южнее Минска. (Цифра 15 тысяч и тем более 20 тысяч мифическая. На самом деле из Бобруйска прорвались в северо-западном направлении, на Осиновичи, 5 тысяч немцев. Вскоре они были окружены и пленены. — *Ред.*) Выходящих из окружения как можно быстрее собирали в Марьиной Горке и эвакуировали на запад. Во время перевозки в переполненных вагонах из-за нападений партизан и воздушных налетов эвакуируемые несли новые потери.

Неизвестным осталось также число германских солдат, павших в сражениях, утонувших в реках, заблудившихся в чащах лесов и сгинувших с топких болотах. По советским данным, в котлах восточнее и западнее Березины погибло и было пленено 73 тысячи германских солдат. (По советским источникам, только на Бобруйском направлении было убито и пленено 74 тысячи немцев. Под Витебском немцы потеряли 20 тысяч убитыми и 10 тысяч пленными. Под Могилевом и Оршей — еще 36 тысяч. Это к востоку от Березины. К западу же от этой реки восточнее Минска 5—11 июля было убито более 70 тысяч немцев и пленено 35 тысяч. — *Ред.*)

Но существовал еще и правый фланг армии, на котором сражался LV армейский корпус. В ходе советского наступления корпус со своими двумя дивизиями был рассечен прорывом неприятеля у местечка Паричи, так же как и входившая в состав XXXXI корпуса 129-я дивизия. Лишь этим трем дивизиям и удалось единственным уцелеть из всей группы армий — но какой ценой!

Чтобы избежать движения по контролируемым бандами партизан дорогам, 129-й дивизии пришлось выбираться через едва проходимые припятские болота. С 24 июня солдаты и офицеры дивизии 14 дней с громадными трудностями продвигались под палящим солнцем и на постоянно убывающем рационе, часто по только что настеленным саперами гатям и мосткам через топи, болота, речки

[1*] См. *Hinze R.* Der Zusammenbruch der Heeresgruppe Mitte in Osten 1944.

[2*] Вместе с ранее эвакуированными ранеными и отдельными подразделениями более 20 тысяч человек.

и лесные чащи. 6 июля они случайно наткнулись на железнодорожную ветку, на которой стоял пустой состав. Погрузившись в него и сумев раскочегарить паровоз, они двинулись на запад, в направлении Пинска — только таким образом 129-я дивизия (точнее, ее остатки, разместились в одном составе. — *Ред.*) и спаслась.

Также и 102-я и 292-я дивизии вместе с другими частями корпуса отходили на запад через Птичь, Оресу, Случь и Лань. 5 июля обе дивизии соединились со штабом корпуса в окрестностях севернее города Лунинец и продолжили отступление.

О том, что произошло, в частности, в 9-й армии, можно узнать из историй входивших в ее состав дивизий.

45-я пехотная дивизия[1*]

«В районе Рогачева, где на фронте 134-й дивизии образовался опаснейший глубокий прорыв, действовал XXXV корпус, который сразу же среагировал на эту угрозу, подтянув туда все части и ударные группы с неатакованных или прочно удерживаемых участков фронта. Поэтому на участке 45-й дивизии остались только 135-й пехотный полк, 45-й стрелковый батальон и отдельные артиллерийские, саперные и истребительно-противотанковые подразделения. Все остальные должны были быть в срочном порядке переброшены на северо-восток, к прорыву на участке 9-й армии.

Когда наш 133-й пехотный полк прибыл туда со своими двумя батальонами, положение там, на участке 134-й дивизии, сложилось отчаянное. Вследствие неудержимого давления неприятеля контроль над ситуацией оказался безвозвратно утраченным. Массированно применив танки, артиллерию и штурмовую авиацию, русские смогли рассечь линию германской обороны, лишив подразделения связи друг с другом и заключив многие части в многочисленные малые котлы. Вновь прибывшие части прежде всего попытались занять наиболее выгодные позиции, но перед лицом неудержимо стремящегося вперед противника оказались в кратчайший срок смятыми, опрокинутыми и, несмотря на все попытки закрепиться, вовлеченными в общее отступление по всему фронту. В дальнейшем командованию пришлось ограничиться тем, чтобы собирать свои уже основательно ослабленные части, готовить их к новым ударам неприятеля и постоянно отводить их на все новые и новые позиции, в надежде хоть там как-то за-

---

[1*] *Geshopf R.* Mein Weg mit der 45 Infanteriedivision.

крепиться и каким-нибудь образом остановить продвижение врага. Огромные потери каждой из сторон свидетельствовали о неслыханном ожесточении боев.

Небывалую стойкость в сражении продемонстрировала боевая группа 133-го полка, полностью окруженная 27 июня северо-восточнее Бобруйска. Хотя дисциплина ни на одно мгновение не ослабла, все же в этой безвыходной ситуации то тут, то там стали проявляться единичные случаи малодушия, что нашло выражение в начавшихся самоубийствах. Ничего удивительного: то у одного, то у другого бойца, сражавшихся день и ночь без перерыва, разве что иногда получавших краткую паузу между тяжелейшими боями, почти без еды, обескровленных и совершенно измотанных, иссякали всякие силы сопротивления. И снова русские наносили удар за ударом, все сжимая и сжимая периметр котла. Снова и снова германские бойцы поднимались в контратаки, мечтая о прорыве окружения. Эти разведки боем позволили нащупать слабые места в позициях русских, куда и следовало направить всю силу удара на прорыв. Ближе к вечеру собрались все остававшиеся в котле бойцы. Приказ гласил: «Прорываемся в направлении на север, двумя ударными группами. На потери внимания не обращать, бросить весь транспорт и лишнее вооружение».

Следуя одной маршевой группой, не развернутой в боевой порядок, полк под покровом темноты прошел лишь несколько метров и натолкнулся на передовые линии русских. Когда враг открыл огонь, боевая группа с криком «Ура!» ринулась вперед, на вражеские позиции. Командир полка полковник фон Хорн рухнул на землю, раненный в обе ноги, и так, тяжелораненым, был взят в плен. Его солдаты неудержимо стремились вперед и в ночном ожесточенном ближнем бою пробились в ближайшие тылы русских, а затем и в свободную от неприятельских частей местность. Прорыв увенчался успехом. Утром 28 июня вырвавшиеся из котла 300 бойцов собрались и снова двинулись в путь, надеясь все-таки пробиться к своим частям, отбивая нападения партизан и разрозненных советских подразделений. Не имея никакого продовольствия, почти без боеприпасов, неся потери, измотанные до предела, они все же вышли к Березине. Пока принявший на себя командование офицер разрабатывал план, как перебраться через реку, их маленькая группа снова была окружена крупными силами неприятеля. Выскользнуть из этого окружения было невозможно, дальнейшее сопротивление бесполезно. Направленные почти в упор советские пулеметы решили судьбу немецких солдат: им предстоял плен. Лишь отдельным группкам бойцов,

образовавшимся при прорыве из котла, тоже удалось добраться до Березины и даже — также при совершенно драматических обстоятельствах — добраться до противоположного берега Березины. Таким был конец 133-го полка.

Совершенно так же развивались события с боевой группой под командованием полковника Каммерера, которая была составлена из недавно поступивших как пополнение подразделений 130-го пехотного полка и прибившихся к ним солдат различных других частей. Они могли бы пробиться, наступая несколько севернее участка обороны нашей дивизии. К сожалению, это было невозможно, поскольку столь малые части не располагали полнотой информации на фронте. Полковник Каммерер почти наверняка погиб в одном из боев.

Собственный участок фронта дивизии между Паричами и Плесковичами русские в первые дни своего массированного наступления оставили в покое. Лишь в воскресенье 25 июня на него обрушился чрезвычайно интенсивный артиллерийский огонь неприятеля. По бревенчатой гати, которая была наведена поверх проходящего через наши позиции заболоченного участка, вперед двинулись вражеские танки, которые и осуществили первый прорыв, по большей части выровненный нашими последующими контрударами. Этот день стал последним успешным днем боев 45-й пехотной дивизии на Восточном фронте. Тем не менее в тот же вечер пришел приказ оставить занимаемые позиции, поскольку на соседних участках фронта враг уже прорвался в северном и западном направлениях. Около полуночи оба батальона 135-го полка, а также 45-й стрелковый батальон заняли находившийся в тылу опорный пункт. Но уже утром выяснилось, что и эта позиция непригодна для обороны, поскольку противник ввел в действие подошедшие в течение ночи ему на подмогу танковые части. Некоторые роты еще были в состоянии вести тяжелые оборонительные бои, удерживая свои позиции, но другие под все усиливающимся давлением противника были просто смяты. Буквально за считаные часы русские танки зашли в тыл опорного пункта. В ходе последующего отступления была потеряна всякая связь между отдельными частями дивизии, почти невозможно стало принимать приказы и информацию от вышестоящего командования. Как стало совершенно точно известно 27 июня по данным разведки, передовые танковые части врага, наступая от Рогачева и Могилева, уже достигли мостов через Березину, а западнее перекрыли шоссе Бобруйск—Минск. До вечера этого дня дивизия еще пыталась отдавать своим частям приказы в духе распоряже-

ний корпуса, соответственно которым она должна была на рассвете 28 июня пробиться сквозь находящиеся восточнее Березины вражеские дивизии в общем направлении на север и постараться соединиться с 4-й армией, которая предположительно должна была удерживать там плацдарм. При этом считалось, что силы противника на этом направлении менее значительны. Как место сосредоточения всех сил приказ называл окрестности селения Бабино, расположенного севернее шоссе Рогачев—Бобруйск.

Частям дивизии удалось продвинуться вперед и незаметно для врага сконцентрироваться на указанной позиции. Личный состав батарей 98-го артполка, который после израсходования боеприпасов и уничтожения орудий не было смысла сохранять в своем качестве, был разделен на отдельные боевые группы и действовал в качестве пехоты. Само же шоссе представляло собой картину совершенного хаоса. На всем видимом пространстве оно было до предела забито грузовиками и гужевыми повозками самого различного вида, сцепившимися в беспорядочные, частью горящие и взрывающиеся кучи. Но самым страшным было то, что русские почти постоянно атаковали отступающие в беспорядке немецкие части с воздуха, в невиданных ранее масштабах применяя бомбардировщики и штурмовики. Бредя мимо убитых и раненых солдат и лошадей, мимо разбитых автомобилей и опрокинутых орудий, бесконечная колонна пехотинцев двигалась на северо-запад. Но едва они пришли в обозначенный в приказе район, как офицер для поручений передал дивизии новый приказ командования корпуса: согласно ему, следовало теперь пробиваться не на север, а на Бобруйск! Оказывается, в самом городе и вокруг него сосредотачивались остатки дивизий, которым предстояло организовывать оборону района. Собственно город приказом фюрера был провозглашен «укрепленным пунктом» («крепостью»), который следовало удерживать при любых обстоятельствах, даже если бы враг обошел его слева и справа.

Чем плотнее сбивались в колоннах войска, тем ближе становились спасительные мосты у Бобруйска. Наведенный саперами наплавной мост к этому времени уже был разбит огнем русских, а их танки вели огонь из своих орудий по центру города. Тем не менее многие попытались преодолеть реку вплавь, но сделать это удалось лишь немногим. Большинство солдат было унесено течением или утонуло еще на заболоченных берегах реки. Другие боевые группы, которые не получили измененного приказа или сочли переправу через Березину в этом месте безнадежным делом, продолжили отступление в северном направлении. Но и здесь им

оставалось только испытывать судьбу. Едва какая-то отдельная маленькая группа считала, что она уже выбралась на «воздух», оторвавшись от преследователей, как снова и снова попадала в окружение русской пехоты. Вскоре все мельчайшие группы, оставшиеся от более крупных подразделений, оказались в многочисленных мелких котлах и после израсходования боеприпасов были вынуждены прекратить сопротивление. Восточнее и северо-восточнее Бобруйска одна за другой остаточные группы пехотинцев также попадали в неминуемый плен.

Лишь немногим отдельным группам улыбнулось счастье, и они избежали гибели или русского плена. Так, одна группа из остатков 133-го полка численностью около 240 человек под командованием обер-фельдфебеля Кирали смогла просочиться, главным образом под прикрытием ночной темноты, вплоть до Минска, а оттуда через Динабург[1] вернуться на родину. Отступление на Минск предприняли и другие группы, но они были вынуждены снова двигаться в юго-западном направлении, так как наткнулись на шедшие на Минск передовые танковые части русских.

Тяжкой была судьба солдат, оказавшихся в плену. Многочисленные раненые были просто погружены в телеги, в которых они долгими днями передвигались из одного места в другое. Многие из них по дороге умерли. В конце концов их всех доставили в один из русских лазаретов, переполненных и забитых до отказа. Здесь их ждало много страданий и почти полное отсутствие медикаментов, хотя русские женщины-врачи делали все, что было в их силах. Все остальные солдаты, несмотря на полную измотанность после тяжких последних недель, были собраны в маршевые колонны и после трехдневного перехода без всякой еды попали в огромный сборный лагерь под Жлобином. Здесь их впервые накормили: жидким супчиком один раз в день. Те, кто смог перенести это, стали готовить из обыкновенной травы похлебку, чтобы хоть как-нибудь поддержать физические силы и пережить первые дни...»[2*] (Здесь было бы полезно вспомнить обращение немцев с советскими во-

---

[1] Динабург (*нем.*) — с 1893 года Двинск, с 1917 года Даугавпилс в Латвии.

[2*] Другие вернувшиеся из советского плена солдаты 9-й армии рассказывали, что их вели от места их плена по заболоченным лесам до города Жлобина без всякого питания. Те, кто, обессилев, не мог дальше идти, оставались брошенными на обочине или пристреливались советскими конвоирами. В Жлобине их затолкали стоймя по 80 человек в вагоны для перевозки в Москву. При выгрузке в Москве вместе с живыми из вагонов вытаскивали и многочисленных мертвых. Здесь же выжившие впервые получили по миске теплой похлебки. Спустя некоторое время их всех провели в громадной колонне через Москву.

еннопленными летом и осенью 1941 года. Подавляющая часть этих пленных умерла от голода и болезней или от пуль конвоиров. А вот из немецких пленных, несмотря на вышеописанные «ужасы», четверо из пяти, поработав в народном хозяйстве СССР, вернулись к своим семьям. — *Ред.*)

6-я пехотная дивизия (сокращено)[1*]

«Пока что положение на участке фронта дивизии, за исключением довольно сильного артиллерийского огня противника, оставалось довольно спокойным. И лишь когда «клещи» русских стали опасно сжиматься вокруг Бобруйска, неприятель предпринял наступление и на фронте дивизии.

Уже 23 июня Советы после мощной артподготовки и атак с воздуха особо крупными соединениями штурмовиков и бомбардировщиков прорвали более слабые позиции дивизии на ее правом фланге, и эти бреши никак не удавалось закрыть. 6-й стрелковый батальон пришлось задействовать в качестве флангового прикрытия с севера, а к вечеру 28 июня — отвести со своих позиций 58-й гренадерский полк и влить его в состав 296-й пехотной дивизии. Когда штаб 58-го полка ранним утром переместился на КП 296-й дивизии в Кошарах, он получил там приказ занять тыловой рубеж на западном берегу Добрицы[2] для обеспечения отхода частей 296-й дивизии. Когда роты подошли к этому рубежу, оказалось, что эти позиции уже заняты русскими. Пришлось вступить в бой, и к полудню указанная в приказе позиция была уже в руках полка. Однако установить соединение с расположенной левее 134-й дивизией не удалось. Полк, с которым предполагалось соединиться, был уже уничтожен противником и прекратил свое существование. В соответствии с приказом, 58-й гренадерский полк в 23.00 оставил занятую позицию и, не испытывая никакого противодействия со стороны противника, под ударами с воздуха отошел на новую позицию за рекой Добасна, которую он занял только на рассвете следующего дня. Но и тут со 134-й дивизией соединиться не удалось. В течение дня были отбиты несколько атак неприятеля. Во второй половине дня в расположении полка побывал генерал, командовавший XXXV корпусом, тогда как севернее уже можно было

[1*] *Гросманн Г.* История 6-й рейнско-вестфальской пехотной дивизии в 1939—1945 гг.

[2] Река Добрица (приток Друти), протекающая по территории Рогачевского района Белоруссии.

наблюдать вражеские танки, продвигавшиеся на запад. Генерал барон фон Лютцов сообщил, что он прибыл сюда не по причине местного прорыва на участке 296-й дивизии, но для того, чтобы понять — возможно ли будет остановить удар русских войск по Бобруйску с юга вдоль западного берега Березины. Если это осуществить не удастся, то весь корпус попадет в окружение.

26 июня полк снова согласно приказу оставил свои позиции и к утру следующего дня занял новый рубеж за рекой Ола. Но здесь уже 3-й батальон полка оказался не в состоянии отразить натиск превосходящих сил врага и был вынужден отступить. Группы русской пехоты севернее продвигались на запад. Однако удар советских танков в тыл полка отразить удалось огнем трех приданных полку штурмовых орудий. В 15.00 адъютант полка, прибывший на КП 296-й дивизии в поселке Красная Дубрава, получил там приказ примерно следующего содержания: «XXXV корпус попал в окружение восточнее Березины. Корпус пробивается на северо-запад с целью достичь селения Бацевичи на реке Ольса, которое удерживается частями 4-й армии. Начало прорыва — 23.00. Слева наступает 58-й гренадерский полк, справа полк 134-й дивизии. Все тяжелое вооружение, транспортные средства и т. п. подлежат уничтожению, лошадей пристрелить. У солдат оставить только легкое стрелковое оружие! Приказ по армии, на основании которого издан настоящий приказ, предусматривает следующее: «XXXV корпус объединяется с XXXXI танковым корпусом в Бобруйске. Если осуществить это не удастся, то пробиваться на северо-запад и выйти к Бацевичам».

Шоссе Рогачев—Бобруйск уже осталось позади 58-го полка и находилось под постоянным огнем противника, уже находившегося южнее Червеня, и танков из окрестностей Крупичи—Барак. Перед лицом уже грозящего полку окружения его командир приказал входящим в его состав батальонам отойти через селение Летичи на опушку леса. Так как шоссе уже было перекрыто вражеским огнем, войскам пришлось вплавь преодолевать протекавшую через Летичи речушку. Значительные потери причинил фланговый обстрел неприятеля с севера и юга. У селения Долгоросское полк занял круговую оборону. Сгустившаяся темнота только еще явственнее вырисовала картину окружавшего полк хаоса. Разрывы снарядов кольцом опоясывали позиции полка. Повсюду метались солдаты, разыскивая свои подразделения. Контакта со 134-й дивизией больше не существовало, но, несмотря на это, полк в 23.00 пошел, как и было приказано, на прорыв в указанном ему направлении. Севернее деревни Велички полк незаметно перебрался че-

рез шоссе Могилев—Бобруйск, после чего попал на заболоченную местность. В непроглядной темноте ночи ориентироваться по компасу было особенно трудно, поскольку приходилось постоянно обходить различные препятствия. На опушке леса южнее Морковичей ранним утром 28 июня полк наткнулся на русское охранение, прорвался сквозь него и продолжал двигаться в направлении на Бацевичи, полагая, что это село по-прежнему находится в руках германских частей, хотя на самом деле оно уже было занято русскими. Западнее селения Любеничи передовые группы внезапно попали под сильный огонь неприятеля. Противник занял позицию на опушке леса, чтобы воспрепятствовать нашему дальнейшему продвижению на север. С криком «Ура!» германские солдаты бросились в атаку и в ожесточенном ближнем бою овладели одной линией окопов за другой. Однако численный перевес противника был слишком велик, и дальнейшее продвижение оказалось невозможным. Ко всему прочему, во время атаки на этой лесной местности связь между отдельными батальонами и ротами была утрачена. Поэтому 58-й гренадерский полк как единая боевая часть уже не существовал. Те, кто не погиб в сражении, не был взят в плен и избежал ранения, пытались пробираться вперед в составе небольших групп.

Основное ядро 6-й дивизии (без приданного ей 58-го полка) в ночь с 25 на 26 июня согласно приказу оставило занимаемые ею до сей поры позиции, чтобы образовать новый фронт за рекой Добасна. С наступлением утра разгорелся ожесточенный бой вблизи КП 37-го гренадерского полка. При попытке отбить у русских занятое ими село западнее Кабановки от пулевого ранения в голову в ближнем бою погиб командир полка полковник Бойе. Сам же 37-й полк понес в этом бою тяжелые потери. Саперный батальон дивизии за несколько дней построил через Добасну мост, выдерживающий нагрузку в 24 тонны. Поздним вечером большой мост на шоссе Жлобин—Бобруйск в последний момент был взорван обер-фельдфебелем Мёллером, хотя русские танки уже стояли на мосту и перед ним.

Имея совершенный хаос в своем тылу, дивизия сражалась против ударов все усиливающегося врага с северо-восточного, восточного и южного направлений. Связь с вышестоящим командованием была потеряна. Наконец, 26 июня по радио был принят несколько обескураживающий приказ: «6-й пехотной дивизии взорвать и уничтожить все имущество и со стрелковым оружием в руках пробиваться в северном направлении на соединение с правым флангом 4-й армии, располагающимся у Бацевичей на реке Оль-

са». Ранним утром 27 июня основная масса дивизии вела тяжелый бой с врагом по другую сторону реки Ола вдоль шоссе Жлобин—Бобруйск. Как и было приказано, все тяжелое вооружение, включая и полностью исправные и имеющие значительные количество боеприпасов артиллерийские орудия и т. п., было уничтожено. В сгущающихся сумерках дивизия, после последнего обсуждения ситуации в местечке Кумы, что в 20 километрах восточнее Бобруйска, на котором всем командирам было определено направление движения и указаны цели, выступила в свой последний поход.

18-й гренадерский полк с саперной ротой, штурмовым орудием и истребительно-противотанковым взводом образовал арьергард. С ходу миновали шоссе Рогачев—Бобруйск, затем быстрыми ударами расчистили себе дорогу, стерев с лица земли занятые врагом села. Неизвестными остались солдаты, унтер-офицеры и офицеры, проявившие образцы храбрости. Вахмистр 6-го артполка тремя выстрелами из своего карабина уничтожил расчет русского противотанкового орудия, которое держало под своим огнем шоссе, а затем сам пал в бою. И это лишь один пример из многих.

Дивизия двигалась в основном в северном направлении, подчиняясь рельефу местности, так что всю дивизию, вытянувшуюся в длинную колонну, можно было рассмотреть только с относительно возвышенного места. При этом наблюдатель с такого возвышенного места вскоре заметил бы, что эта длинная человеческая колонна постоянно тает, поскольку, обнаружив ее, справа и слева вдоль нее также двигаются русские механизированные части с противотанковыми орудиями и пулеметами. Оттуда, с высот, они вели огонь по двигающейся дивизии и делали постоянные попытки перекрыть ей путь. За всеми ранеными самоотверженно ухаживал старший дивизионный врач доктор Лоренц, и то, что все они вместе с телегами, на которых их везли, завязли в болотах, нельзя поставить ему в вину. Доктор Лоренц застрелился, получив ранение в область таза, его помощник и заместитель доктор Шульц также покончил с собой, будучи ранен в живот.

На шоссе Могилев—Бобруйск более или менее успешно развивавшийся до этого момента прорыв дивизии был остановлен. Неприятель поспешно подтянул сюда свои механизированные и танковые части и занял позиции. После нескольких последовательных, но неизменно отраженных немецких атак до сих пор единый удар германских частей разбился на отдельные акции. Атакующие несли крайне тяжелые потери, многие пехотинцы пали в

попытках вырваться из этого окружения, другие с тяжелыми ранениями остались после боя лежать на земле. Получившие тяжелые раны полковник Хёке, командир 18-го полка, и капитан Гайзель, командир саперного батальона, были перенесены в одну из деревенских хат, в которую затем попал снаряд.

Остатки частей дивизии, которым удалось перебраться через шоссе, смогли отыскать командира дивизии и ближе к вечеру 28 июня все-таки выйти к намеченному месту. Однако по ходу движения еще державшиеся вместе части перемешались с другими в совершенном беспорядке. И прежде чем удалось составить представление о силах и позициях неприятеля и изготовиться для движения на Бацевичи, в сгустившихся сумерках на германские части со всех сторон обрушился огонь, и немцы только теперь сообразили, что многократно превосходящие (как же без этого. — *Ред.*) их силы врага либо поджидали их здесь, либо были в спешном порядке сюда подтянуты. В ходе этого боя, который продолжался вплоть до рассвета следующего дня, дивизия была полностью уничтожена.

Командир дивизии генерал Хейне со своим начальником штаба старшим лейтенантом Аренсом и одним ефрейтором все же смогли добраться до западного берега реки Ольса, где и были взяты в плен.

Лишь отдельным, совсем крошечным группам солдат, как, например, из состава 18-го гренадерского полка, удалось пробраться в Бобруйск по железнодорожному мосту. Здесь одна часть из них некоторое время вела безнадежную борьбу с окружавшим их противником, другая часть — присоединилась к готовящемуся прорыву из Бобруйска. Вышедшие из окружения солдаты были собраны командиром 6-го артполка и вывезены в Варшаву — для этого хватило всего двух грузовиков. И лишь совсем немногим военнослужащим дивизии удалось после нескольких недель скитаний по занятой русскими территории, пройдя сотни километров, все же выйти к переднему краю германской обороны...»

35-я пехотная дивизия

«После того как 23 июня все атаки были отбиты, противник в 4.00 утра 24 июня после часовой артподготовки нанес мощный удар на участке фронта дивизии и смог прорвать линию фронта. На следующий день основная масса дивизии, у которой были разбиты все средства связи и части которой перемешались, отошла

на запад и 26 июня у местечка Оземля (примерно в 40 километрах южнее Бобруйска) была окружена намного превосходящими силами противника. После уничтожения всех транспортных средств, тяжелого вооружения, снаряжения и документов бойцы дивизии лишь с легким стрелковым оружием в руках и с криком «Ура!» прорвали кольцо русского окружения и единой колонной с боями направились к реке Птичь, чтобы через краткое время занять там новые позиции. В дальнейшем остаток дивизии сражался среди непроходимых припятских болот, постоянно преследуемый вражескими танками и испытывая удары с флангов, но все же двигался на юго-запад. Благодаря высоким темпам продвижения противнику не удалось направленным с севера на юг ударом отсечь большую часть дивизии при выходе из болотистой местности...»

36-я пехотная дивизия (268-й артиллерийский полк)

«26 июня началось мощное советское наступление также и на участке фронта дивизии. Увы, не помогло и то, что дивизия, которой для поддержки был придан 268-й артиллерийский полк, удерживала свои позиции в течение трех дней, — рухнул весь фронт группы армий «Центр». В этой катастрофе пришел конец и 268-му артполку. Орудия и снаряжение были взорваны или приведены в негодность на подходе к Березине напротив Бобруйска. Около 2 тысяч офицеров и артиллеристов попали в плен, из которого вернулись только немногие, большинство же расстались с жизнью в советских лагерях для военнопленных. Примерно 700 человек погибли в боях или пропали без вести. Только отдельным солдатам удалось добраться до германских позиций...»

Уже через 10 дней это одно из самых крупномасштабных сражений в истории войн подошло к концу. К 28 июня бывшей группы армий «Центр» уже не существовало, все окруженные армии не располагали более сколько-нибудь боеспособными частями, германский фронт протяженностью около 350 километров (по кратчайшему расстоянию) перестал существовать.

Теперь даже Гитлеру и Верховному командованию вермахта должно было стать понятно, что в основе катастрофы на фронте лежали их собственные ошибки планирования и совершенная недооценка Советов.

Но Гитлеру снова требовался козел отпущения. И на роль его был выбран не кто иной, как командующий группой армий фельдмаршал Буш, который, проводя в жизнь непреклонную оборонительную концепцию Гитлера, запретил осуществление своевременного выпрямления линии фронта и отвода войск и тем самым нес свою долю вины за разгром. Вечером 28 июня Буш был снят со своего поста и уже тем же вечером заменен фельдмаршалом Моделем, оставшимся наряду с этим командующим группой армий «Северная Украина». Но и Модель не мог уже ничего изменить, не мог спасти ситуацию, лишь пытаясь в последующие дни переброской новых дивизий остановить напор неприятельских войск. Только отступив на 400 километров к западу, ему удалось на этом рубеже создать новый германский оборонительный фронт.

Чтобы понять, как германская армия пришла к этой катастрофе — и здесь, и на других фронтах, — есть смысл еще раз привести сравнительное соотношение сил.

По одну сторону фронта находились (далее — привычный плач в жилетку. — *Ред.*) численно ослабленные германские пехотные дивизии, передвигавшиеся по большей части на конной тяге и слабо маневренные, линейно расположенные на неблагоприятной для них линии фронта, с совершенно недостаточной глубиной обороны, имевшие в своем распоряжении буквально горсточку резервов, среди которых была одна-единственная танковая дивизия, не располагавшие действенной поддержкой отсутствующей авиации.

По другую линию фронта — Советы с их огромным преобладанием в живой силе и артиллерии, танках и самолетах, накопившие опыт проведения крупномасштабных наступательных операций, исполненные готовности к действию и не желавшие сдерживать своего наступательного порыва. Под неслыханно огромным перевесом противника в живой силе и технике весь германский фронт разлетелся вдребезги, образовывающиеся в нем бреши сразу же расширялись устремлявшимися в них новыми силами. Сквозь эти проломы фронта рвались, без оглядки на открытые фланги, танковые и механизированные русские соединения, вперед на запад, северо-запад и юго-запад, нарушая отход германских войск, перерезая связи между отдельными частями и беря их в кольца окружения. В ближнем тылу германских войск враг, прорвав фронт и расчленив не успевшие отступить дивизии и корпуса, в своем дальнейшем продвижении заключал их остатки в клещи и частично окружал. Приказы об удержании отдельных населенных пунктов и продолжающееся наступление противника вносили сумятицу в

действия немногих еще боеспособных частей и тыловых служб, делая невозможными сколько-нибудь организованные арьергардные бои. Немногие незанятые тыловые отсечные и заградительные позиции равным образом быстро преодолевались наступающими советскими частями.

Активно действовавшие в германских тылах партизаны постоянно поддерживали действия регулярной Красной армии, нарушая пути сообщения, нападая из засад на колонны и отдельные части немецких войск, порой вступая в открытые бои, чем значительно осложняли все германское отступление.

Совершенно исключительную роль играли советские ВВС, которые непрерывно господствовали в воздухе, с еще никогда не виданной интенсивностью нанося бомбо-штурмовые удары. Бомбометанием по площадям они расчищали минные поля и проволочные заграждения, бомбили занимаемые пехотой позиции и артиллерийские батареи, разрушали мосты и переправы, с особым азартом осуществляли штурмовку беззащитных маршевых колонн, двигавшихся по проселкам, полевым и лесным дорогам, привнося хаос в их передвижение.

Долгие недели на пути к новой германской линии фронта

Бесчисленное множество германских солдат пали в боях, получили ранения или навсегда пропали без вести. Те, кто смог перенести все это и выжить, преследуемые красноармейцами, попадали в плен и были вынуждены долгими переходами, страдая от голода и жажды, следовать пешим ходом к крупным пунктам сбора военнопленных.

Но были еще и тысячи таких, которые, лелея в себе единственный лозунг: «Жизнь и свобода!», вырвавшись из вражеского кольца, искали дорогу к новой германской линии фронта, которая должна была где-то существовать.

В общей сложности таких было 10—15 тысяч человек, пытавшихся пробиться к своим в составе мелких или более крупных групп. Они начали свой скорбный путь из Витебска, из Бобруйска и из крупных котлов юго-восточнее Минска. Их число быстро уменьшалось, в последующие дни и недели большая часть этих групп была уничтожена. Многие не выдержали напряжения и, обессилев, сгинули в лесах и болотах, многие оказались в новых котлах, большинство же нашли смерть в схватках с поис-

ковыми группами русских солдат или партизанскими бандами. Последнему обстоятельству весьма способствовал приказ советского диктатора Сталина, который объявил всех скрывающихся в лесах германских солдат партизанами, которые должны уничтожаться на месте.

Уцелевшие, те, кого позднее назовут «пробившимися», находили путь по уже отвоеванным русскими территориям, пробивались через Польшу или Литву — в общем направлении на запад и северо-запад. Те, кто не мог уже больше идти, не мог больше держаться, был ранен, — те оставались лежать и умирали в одиночестве, всеми покинутые.

Советские же военные власти изо всех сил старались всеми средствами отловить всех этих отбившихся от своих частей и старающихся выйти к своим регулярным частям одиночек. На их поиски и преследование отправлялись конные группы казаков, создавались блок-посты и рубежи заграждений, их искали и уничтожали с воздуха. В небе кружили самолеты-бипланы У-2, прозванные «швейными машинками», которые раньше ночами с бреющего полета бомбили германские передовые, а теперь время от времени сбрасывали листовки на немецком языке. Эти листовки были подписаны Национальным комитетом «Свободная Германия» и призывали всех германских солдат сдаваться ближайшему русскому командованию, многословно обещая хорошие условия содержания в плену, достойное обращение и скорейшее возвращение на родину. Иногда эти давным-давно устаревшие, но еще используемые машины приостанавливали свои моторы, и тогда с неба через громкоговорители звучали немецкие военные марши, а потом: «Внимание, внимание!» — и следовало описание военной ситуации и в заключение: «Ваше положение совершенно безнадежно — сдавайтесь!»

Пробивавшиеся к своим пехотинцы не обращали на эти обещания никакого внимания, они из собственного опыта знали совершенно о другом: слишком много они видели и пережили. Поэтому они упорно и неустрашимо шли к своим, ни в коем случае не желая попадать в советский плен, все уменьшающимися группами, в которых в конце концов оставалось всего несколько человек или даже один-единственный солдат, все дальше и дальше во вражеском тылу. Днем они по большей части отсыпались и отдыхали, набираясь сил, а двигались ночами, все еще сжимая в руках оружие, а то и без него. По дороге они встречали своих боевых товарищей, обменивались опытом и рассказывали обо всем происшедшем с ними, какое-то время шли вместе, а потом опять рас-

ходились, чтобы просачиваться сквозь вражеские заслоны. Они избегали дорог и даже проселков, продирались сквозь почти непроходимые чащи и густой подлесок, по колено в воде брели по громадным болотам, пересекали ночами поля и пашни, днями лежали в засадах у русских линий коммуникаций, поджидая момента, чтобы незаметно пересечь их, переплывали через реки, крались вдоль русских деревень и проползали мимо русских постов.

Не имея большей частью ни карт, ни компаса, они ориентировались по солнцу, луне, звездам и природным знакам. Они страдали от голода и жажды, по утрам слизывали с травы росу и жили на подножном корме. Они ели еще не созревшие лесные ягоды, наливающееся зерно на ржаных полях и наполовину сгнивший картофель прошлогоднего урожая. Им приходилось жевать полевой клевер, вейник и ободранную с деревьев кору, воровать кур, овец и телят из стоящих на окраинах деревенских домов. Иногда какой-нибудь сердобольный селянин выносил им молоко, яйца и хлеб. Они пили некипяченую воду из луж, болот и прудов — но не падали духом и не теряли надежды добраться до своих. На польских и на литовских землях им приходилось несколько лучше, но население испытывало слишком большой страх перед русскими, чтобы оказывать им бóльшую помощь.

Наконец, после оставленных за спиной тысячекилометровых переходов и едва ли представимых страданий наступал самый тяжелый этап — прорыв через русскую передовую к германским войскам, зачастую, когда цель была уже перед глазами, этап этот не удавалось осуществить.

Если же он все-таки благополучно заканчивался и бородатые, одичавшие, оборванные, частично одетые в гражданскую одежду и едва похожие на германских солдат беглецы появлялись в расположении германских войск, то их встречали дружески, но все же с понятными предосторожностями и плохо скрываемым недоверием.

Всех «пробившихся» сначала основательно допрашивали, внимательно выслушивали повествование об их скитаниях и тщательно проверяли все фактические данные, поскольку могло быть так, что среди них затесались отпущенные русскими военнопленные, завербованные в качестве агентов, шпионов и саботажников.

Только когда точно устанавливалось, что вышедшие к германским войскам бойцы являются в самом деле «пробившимися», их направляли в городок Шлосберг[1] в Восточной Пруссии, где на-

---

[1] Шлосберг — ныне Добровольск — поселок сельского типа в Краснознаменском районе Калининградской области.

ходился сборный пункт для таких солдат. Очень часто это были буквально человеческие скелеты, обтянутые кожей, обретавшие здесь уход и заботу. Здесь находились военнослужащие многих дивизий и различных званий. Из прошедших это место самым высоким по званию был майор и кавалер Рыцарского креста, проделавший путь к германской передовой в одиночку и вышедший к своим под конец босиком. Офицеры более высоких званий, принимая во внимание их возраст, проделать такой путь не смогли. Вообще лишь очень немногие обладавшие несокрушимым здоровьем солдаты смогли поодиночке, вдвоем-втроем или совсем маленькими группами, после многонедельных страданий проделать тысячекилометровый марш по вражеским тылам и выйти к новому германскому фронту. Всего же не более 900 солдат смогли выйти из различных котлов, в которые попали разные части группы армий, и добраться до своих. Один из них рассказывал: «Мы были просто еще одной небольшой группой, готовой совершить переход к своим. На следующее утро мы остановились лагерем в небольшом перелеске вблизи большой дороги. Мы устали, испытывали голод и жажду. Кроме этого, у нас почти не было боеприпасов. Короче говоря, мы почти дошли до точки.

Наш обер-лейтенант собрал нас и сказал: «Ребята, выхода никакого нет. Для нас война закончена. Сейчас мы практически находимся за русской передовой. Лучше всего будет, если каждый из нас попытается пробиться домой в одиночку. Я благодарю вас за готовность сражаться и желаю вам всего лучшего...»

А вот рассказ другого: «Из всей нашей группы в 250 человек, с которой я выходил, осталось в конце концов только двое солдат, которые все же попали в плен. Лишь мне одному удалось выйти к своим...»

Трагически сложилась судьба одной из самых больших групп под командованием командира 267-й дивизии генерала Дрешера. Она потерпела неудачу в самом конце своего похода, выйдя в низовья Немана, потому что в ее составе оказалось много не умеющих плавать солдат, которым надо было преодолеть реку. После многочисленных неудачных попыток связать плоты из ветвей росших здесь верб была сделана цепь из солдатских ремней, которая при ширине реки 110—120 метров и довольно сильном течении обладала известной прочностью. Когда по завершении работы несколько пловцов доставили конец цепи на западный берег реки, переправляться, держась за нее, начали сразу так много не умеющих плавать, что на западном берегу ее конец вырвался из рук державших цепь солдат. Новую попытку переправиться предпри-

нять не удалось, поскольку уже рассвело, и советские посты, заметив немцев, открыли по ним огонь. Появившиеся вскоре советские механизированные части взяли группу в кольцо, и в завязавшемся бою вся она была уничтожена, включая штаб дивизии с генералом Дрешером.

Рассказ одного из «пробившихся»

«25 июня наше подразделение (12-й разведывательный батальон)[1*] было переброшено в направлении селения Черовский, поскольку неприятелю удалось совершить в этом районе прорыв крупными силами. Я получил от командира приказ — принять на себя командование обозом и как можно быстрее отвести его в тыл. Около 23.00 мы двигались в направлении Могилева. В соответствии с приказом я собрал весь обоз в небольшой рощице около железнодорожной станции Ростань. Мы не заметили, что русские тем временем прорвали линию фронта, и наш батальон оказался на быстро возникшем плацдарме под Чаусами. Постепенно до нас дошли и другие мало порадовавшие нас вести. Никак нельзя было скрыть того, что дело дрянь. Незадолго до этого я получил через мотоциклиста-посыльного приказ вести обоз в Могилев, который был объявлен «крепостью». В путь мы выступили со смешанными чувствами, которые нас не обманули — мы вляпались в изрядное свинство. Навстречу нам двигался поток разнообразнейших транспортных средств, к Могилеву же тащился один наш обоз. Чуть позже появились сведения, что русские танки уже ворвались в Могилев.

Теперь мне стало совершенно ясно, что до Могилева нам уже не добраться. С тяжелым сердцем принял я решение повернуть назад и отправил старшего вахмистра на своем велосипеде, чтобы добиться изменения приказа и отступать на Минск. Сам же я остался на шоссе с грузовиком, груженным боеприпасами, поскольку хотел непременно доставить их к ведущему тяжелые бои батальону. К сожалению, на этот момент 12-го разведывательного батальона уже не существовало. Неприятель смял его и уничтожил до последнего человека. Но тогда я об этом ничего не знал.

Мимо нас непрерывным потоком, со всей возможной скоростью, двигались грузовики, легковушки, мотоциклы и все мыслимые транспортные средства, часто выходящие из строя. Тех, кто оста-

---

[1*] 12-й пехотной дивизии.

навливались, тут же быстро выталкивали на обочину шоссе. И без того ощутимая паника усилилась еще больше, когда появившийся вдали русский танк Т-34 выпустил пару снарядов по потоку людей, лошадей и повозок. Вдоль шоссе пронеслась эскадрилья советских штурмовиков Ил-2, сброшенные ими фугаски и огонь бортовых пушек и пулеметов смешал отступающих в кровавый хаос. Здесь и там заполыхали подожженные ими грузовики. Сбросив в кювет загоревшийся перед нами грузовик, мы двинулись вперед. Стонали и кричали раненые. Их еще подбирали и укладывали на едущие машины. Но так как раненых становилось все больше и больше, а исправных машин все меньше и меньше, то с машин стали сбрасывать сначала снаряжение, потом боеприпасы и, наконец, продовольствие. Но даже так раненым едва хватало места. Двигавшиеся в этом потоке пехотинцы гибли молча, иногда кто-нибудь громко молился, но слова молитв тонули в разрывах бомб и громе танковых орудий. Все больше и больше грузовиков останавливалось, подожженные или подбитые. Взлетел на воздух и наш грузовик с боеприпасами. Все больше и больше раненых оставалось лежать на обочинах этого «шоссе», постепенно превращающегося в одну братскую могилу.

Я понял, что спастись можно только одним образом: уйдя с шоссе. Неприятель уже обошел нас справа и слева. Совершенно автоматически уходившие с шоссе солдаты образовывали маршевые группы, они с личным оружием в руках собирались вокруг офицеров, фельдфебелей или унтер-офицеров и двигались напрямик через поле по направлению к еще державшейся германской линии фронта, которая глухо громыхала где-то вдали на западе. Но вскоре те сотни и тысячи солдат, которые, как и моя маленькая группа, вместе со мной тащились по равнине, поняли, что они уже находятся глубоко во вражеском тылу.

Ко мне прибилось 13 солдат. Мы обогнали многие другие группы и надеялись вскоре достичь германской передовой. Двигались мы только по ночам, а весь день отсыпались. В один из дней около полудня мы попытались приготовить из припасенных продуктов какое-нибудь горячее съестное в густом кустарнике на краю болота. Но нас выдал дым костерка. Кто-то из нашей группы успел крикнуть: «Они идут!», и тут со всех сторон захлопали выстрелы. В то время как другие бросились бежать в разные стороны, я упал, притворившись убитым, и русские мной не заинтересовались. Местность, по которой я затем пробирался, Господь сотворил не иначе как в приступе гнева. Болота, канавы, густой кустарник, камыши, трясины, большие заболоченные пространства сменя-

лись одни другими. Вскоре я заметил, что иду в этом направлении не один. Под лучами солнца весь окружавший меня ландшафт выглядел пустынным и словно вымершим. Однако с наступлением ночи весь лес наполнился шорохами и звуками, стали слышны шаги и плеск германских солдат, пробиравшихся, как и я, на запад. И мне посчастливилось вскоре найти своих боевых товарищей. Но тут и там стали появляться казаки верхом на своих проворных лошадях, за которыми бежали их собаки; на отступающих также стали охотиться партизаны, и окрестности снова огласились звуками автоматных очередей и разрывами ручных гранат.

Так же как и мы, на запад пробивались многие сотни, а то и тысячи германских солдат. Где-то между Минском и Барановичами мы сбились в группу численностью около 80 человек. Русские устроили за железнодорожной насыпью отсечную позицию противотанковых орудий, чтобы предотвратить продвижение более крупных германских частей. Один молодой капитан разъяснил нам положение вещей и повел нас в атаку. Наши мундиры были изорваны, мы все оголодали, мало у кого остались на ногах сапоги. Но, заслышав наше отчаянное «Ура!», русские бежали. Мы захватили их позицию и пять орудий, которые утопили в ближайшем болоте. Чтобы взорвать их, у нас, разумеется, не было взрывчатки.

Этот наш успех заставил противника активизироваться, он ввел в бой более крупные силы. На следующее утро, когда уже много других групп перебрались через железнодорожную насыпь, враг пошел в атаку. Многие из наших бойцов погибли в бою или были ранены. Из-за ранения осколком снаряда в верхнюю часть бедра я не мог больше двигаться. Это произошло, насколько я помню, 4 июля.

Я не знаю, где остались другие бойцы моей группы. Лишь несколько раненых лежали неподалеку от меня, столь же беспомощные. Они лишь тщетно взывали о помощи. Сам же я накануне использовал свой индивидуальный пакет, перевязывая одного из своих товарищей, так что для того, чтобы остановить кровь из ноги, мне пришлось обходиться перемазанным в грязи носовым платком. После этого я попробовал подняться на ноги. Тут же раздались несколько автоматных очередей и пули просвистели рядом со мной. Упав на четвереньки, я изо всех сил постарался укрыться в ближайшем кустарнике. Рана горела огнем, но мне в конце концов удалось это сделать. Едва я забился среди ветвей и листьев, как на поляну медленно вышли несколько русских с винтовками на изготовку. Опять застонали раненые. Я видел, как они осто-

рожно приблизились к раненым, а потом одного за другим забили прикладами винтовок. Поскольку я не издал ни стона, меня они не заметили.

Когда стало темнеть, я с трудом потащился дальше. На следующее утро я оказался у небольшой речушки, на берегу которой русские женщины стирали белье. Они закричали, увидев меня — оборванного, всего в грязи и перемазанного собственной кровью. Но одна из женщин тотчас же окрикнула меня: «Русские!» — и показала на ближайшую деревню. Обессиленный, я рухнул на землю, мне стало уже все равно. Женщины заботливо промыли мои раны и перевязали их, положив какие-то зеленые листья. Две женщины, правда, тут же направились в деревню. Заподозрив недоброе, я хотел было уйти, но другие успокоили меня. Они то и дело повторяли единственное немецкое слово, которое знали: «Гут, гут!» Вскоре эти две женщины вернулись, принеся с собой хлеб, несколько яиц и фляжку русского образца с теплым молоком. Затем они показали мне направление, в котором мне следовало идти, и жестами посоветовали не приближаться к селам и дорогам. Подкрепившись таким образом, я двинулся дальше. Ближе к полудню меня стало лихорадить так сильно, что порой мне казалось, что я умираю.

Сапоги так натерли мне ноги, что они оказались все покрыты водяными мозолями и болели так, что я не мог снова натянуть сапоги. Поэтому мне пришлось разрезать голенища, а потом кое-как их стянуть. Раны болели столь отчаянно, что я едва не сходил с ума. Но лихорадка спала. В последующие дни я кое-как утолял голод лесными ягодами, выкопанным на полях еще мелким картофелем и даже пытался есть измельченную древесную кору.

Однажды утром я оказался в по-настоящему дремучем лесу. Путь преграждали поваленные деревья, а подлесок был настолько плотным, что сквозь него едва удавалось пробиться. Внезапно я увидел, что, раздвигая кустарники, ко мне направляются несколько человек. Я громко крикнул: «Германский!» Ко мне медленно приблизились восемь немецких солдат с винтовками и автоматами на изготовку, но, подойдя поближе, они опустили стволы и радостно поздоровались со мной. Мы поведали друг другу о своих скитаниях, среди них один человек оказался санитаром, у которого сохранился перевязочный пакет. Он осмотрел мои раны и сказал, что мне здорово повезло, поскольку в них завелись черви. Они, по всей видимости, спасли мне жизнь, поскольку сожрали весь гной. Затем он достал перочинный нож, прокалил его лезвие на огне зажигалки и принялся за работу. С этими повстречавши-

мися мне боевыми товарищами я проделал часть пути. Мы все страдали от голода и, проходя мимо казавшихся неопасными деревень, воровали съестное. Порой просили у одиночных прохожих что-нибудь поесть, и нам довольно часто помогали.

Через некоторое время мы наткнулись на большой лагерь германских солдат. Здесь, в самой чаще леса, собрались почти 400 солдат с 30 телегами под командованием двух офицеров. От удивления я лишился дара речи и даже не поинтересовался, каким образом они здесь очутились. Радость снова оказаться среди своих боевых товарищей была столь велика, что я потерял всякую осторожность. Здесь мы провели два дня. В лагере даже выдавался довольно обильный, принимая во внимание обстоятельства, паек. К вечеру второго дня разведывательные дозоры принесли известие о том, что неприятель прознал про наш лагерь и подготовил операцию по его ликвидации. Было решено в 21.00 прорываться сквозь вражеские позиции. Однако неприятель уже в 20.00 открыл по лагерю огонь из противотанковых орудий и минометов. От разрывов снарядов и мин запряженные в телеги лошади без ездовых рванули в разные стороны. В это время я вместе с одним штабс-ефрейтором люфтваффе, с которым в эти дни мы сошлись поближе, сидел в телеге, в которой лежал раненый обер-лейтенант. Кое-как схватившись за вожжи, мы понеслись как черти, и каким-то чудом нам удалось прорваться сквозь русские заслоны. К сожалению, наш путь лежал через какое-то село. Разумеется, в нем было полно русских и партизан, которые погнались за нами. Но и на этот раз нам удалось от них оторваться и свернуть в какой-то большой лесной массив. В 4.00 утра мы в первый раз остановились на отдых. Мне показалось, что вскоре после этого по лесу прошли какие-то штатские, возможно, они хотели определить наше местоположение и наши силы. Нас собралось 16 человек, из них 6 раненых. Мы предложили обер-лейтенанту немедленно уходить отсюда, но он рассудил, что никакой опасности для нас здесь нет и мы можем продолжить отдых, чтобы набраться сил. Около 7.00 утра на нас напали партизаны численностью около 50 человек. Большинство из нас судьба пока еще хранила, как и меня вместе со штабс-ефрейтором. Обер-лейтенанта куда-то увели вместе с телегой, остальных раненых прикололи штыками винтовок у нас на глазах.

Через день мы наткнулись на группу из 120 человек, к которой тут же примкнули, ею командовали гауптфельдфебель (ротный старшина) 89-го пехотного полка и обер-фельдфебель танковых войск. Мы устроили что-то вроде военного совета, обер-фельдфебель непременно хотел выйти на шоссе, ведущее в Лиду, и дви-

гаться по нему, я возражал против такого плана. Но всем остальным не хотелось продираться сквозь лес, и поэтому мы двинулись за ним сплоченной группой. Обер-фельдфебель шел во главе передовой группы и задал напряженный темп. Я предупредил его, чтобы он был осторожнее и, по крайней мере, обходил деревни, но он не внял моим предостережениям.

Когда мы подошли к первой деревне, в ней не было слышно ни одного звука. Но во дворе одной из изб я заметил русский грузовик, а ехавшие в нем солдаты, по всей видимости, спали. Когда мы подошли почти к окраине села, раздался окрик часового: «Стой!» В тот же момент по нас открыли огонь. Мы бросились врассыпную направо и налево, мой верный штабс-ефрейтор держался со мной. За окраиной села мы снова собрались, не было лишь обер-ефрейтора и еще трех человек. Теперь наша группа насчитывала только 14 человек. Мы поспешили сойти с дороги и снова побрели по лесам и болотам.

13 августа в 3.00 утра мы вышли к Мемёлю[1] примерно в 50 километрах южнее Ковно (Каунаса). Той же ночью без труда перебрались через реку в лодке, которую нашли на берегу. И снова шли пять дней, двигаясь в основном по ночам и избегая дорог. Ближе к концу дня 18 августа мы лежали в густом кустарнике. Внезапно мой верный товарищ, штабс-ефрейтор, поднял голову. «Послушай-ка!» — прошептал он. В тишине летнего вечера издалека доносились звуки артиллерийской канонады. Наконец-то мы приблизились к фронту. С забившимися от волнения сердцами мы двинулись в ту сторону.

Со всеми предосторожностями мы пробирались в темноте по вражеским тылам и приблизились к русской передовой. Небо освещалось мерцающими вспышками орудийных залпов, тишину ночи нарушали громоподобные разрывы снарядов. Тут мне пришлось объяснить моим товарищам, что у нас нет никаких шансов перебраться через линию фронта, держась группой, и что нам придется разбиться на малые группки по два-три человека.

Вместе со мной пошел только штабс-ефрейтор. Три дня и три ночи мы провели лежа у самой русской передовой. Весь первый день мы скрывались в пшеничном поле. Снаряды германской артиллерии ложились в опасной и неприятной близости от нас. С наступлением ночи мы по-пластунски поползли вперед. Мы слышали разговоры красноармейцев между собой, видели их си-

---

[1] Мемель — в данном случае немецкое название реки Неман. Мемелем также назывался литовский город Клайпеда.

луэты и порой были так близко от них, что, как нам казалось, они должны были нас заметить.

Следующей ночью мы опять сделали попытку перебраться к своим, но снова были вынуждены отойти назад, так как были дважды обстреляны в момент приближения к передовой. И снова мы скрывались в пшеничном поле, от голода жуя уже налившиеся спелостью зерна. На третью ночь мы, наконец, решились пойти на прорыв. Небо заволокли плотные облака, тут и там раздавались пулеметные очереди, вверх взлетали разноцветные ракеты, хлопали винтовочные выстрелы. Пробираясь вперед, мы поняли, что уже добрались до вражеской передовой. Она представляла собой только одну траншею, довольно слабо населенную. Так как русские постоянно наступали, сильные оборонительные сооружения они не возводили. Парные часовые медленно обходили свои участки, остальные вповалку спали. Едва пара часовых несколько удалилась от нас, мы бесшумно перепрыгнули через траншею и осторожно поползли вперед. Никто даже не пошевелился. Русская передовая уже оказалась за нашими спинами. Я облегченно поднялся и встал на четвереньки. В то же мгновение вверх взвилась осветительная ракета, которую выпустил какой-то нервный часовой — русский или немецкий. За ракетой грянули пулеметные очереди, и мы вжались в почву нейтральной полосы. Только бы не схватить сейчас пулю!

При вспышке разрыва я увидел рядом с нами снарядную воронку и стал сползать в нее левой ногой вперед. В ту же секунду меня ослепила яркая вспышка взрыва, по ушам ударила взрывная волна. Я хотел было встать, но вместо этого рухнул на землю. Только тогда я понял, что наступил на немецкую противопехотную мину, которая оторвала мне левую ногу по колено. Мой товарищ тут же оказался рядом и помог мне перетянуть ногу ремнем, остановив кровь. Он что-то сказал мне, но я не понял, так как обе мои барабанные перепонки были разорваны взрывной волной. Правая рука сильно кровоточила, осколок мины сидел глубоко под левым глазом. Удивительно, но боли я совершенно не чувствовал, поэтому, поддерживаемый своим верным товарищем, поковылял вперед.

Внезапно мой штабс-ефрейтор, опустив меня на землю, куда-то исчез. Оставшись один, я лежал неподвижно и не хотел умирать. Постепенно я начал ощущать все более сильную боль. Затем мой товарищ, который, оказывается, успел добраться до германской передовой, вернулся с нашими санитарами, и они поволокли меня к нашим позициям. Это было ночью 31 августа. Я потерял левую

ногу, получил рану в голову и правую руку. Но мы все-таки добрались до своих — спустя 10 недель адских переходов в тылу русских войск. Что сталось с остальными моими боевыми товарищами тех дней, я так и никогда не узнал...»

То же самое произошло, например, с группой Диркса[1*]. Унтер-офицер Диркс был военнослужащим 36-го артиллерийского полка, который входил в состав 383-й пехотной дивизии.

«Сначала Диркс выбирался в одиночку. Затем ему повстречался унтер-офицер Бриксиус с четырьмя солдатами. Отстав от своей части, они уже в первую же ночь вышли к Березине. Весь день скрывались в болотах. Страдая от голода, они слышали лязг гусениц советских танков и гул машин, двигавшихся по шоссе на запад. У Диркса была карта местности, а у Бриксиуса — компас. С их помощью они смогли определиться на местности и наметить свой маршрут. Лесные ягоды в первые дни их блужданий еще не поспели. Но с каждым днем они становились все спелее и спелее. Вместо календаря немецкие солдаты определяли время по цвету ягод.

Время от времени им приходилось вступать в перестрелки с русскими патрулями и поисковыми отрядами. Попадались им и другие группы германских солдат, а однажды они повстречали экипаж сбитого «Хейнкеля-111». Какое-то время они двигались вместе, а затем снова расставались. Вплавь они преодолели Птичь, тогда как не умевшие плавать перебрались через нее на каком-то бревне. Затем пересекли шоссе, ведущее от Минска на Брест-Литовск. Дорогой им удавалось выпрашивать в крестьянских избах хлеб, а порой то тут, то там им подавали по кружке молока. Труднее было выпросить горстку соли или коробок спичек. Однажды они натолкнулись на большую группу таких же, как и они, солдат, выходящих из окружения, численностью около сорока человек, которой командовал полковник. Однако после встречи снова разошлись, каждая группа предпочитала двигаться своим собственным путем.

На группу Диркса наткнулся взвод из состава 52-го минометного полка и присоединился к ней. Лейтенант, командовавший взводом, стал подчиненным унтер-офицера Диркса. В этих обстоятельствах командовал не формальный ранг, а опыт. Остановившись в сыром лесу, они проштудировали карту и приняли решение: двигаться в сторону Восточной Пруссии.

Они перебрались через Неман. За время странствий окруженцы набрались хитрости, сноровки и опыта, став подобными старым

[1*] Приведено в сокращении из: *Карелл П.* Выжженная земля.

трапперам (охотники на пушного зверя в Северной Америке. — *Ред.*) и лесным бродягам. Солдат Якобс, например, буквально за одну минуту закалывал овцу и бесшумно похищал ее из крестьянского овина, связав ей ноги и неся на своем ремне. Вся группа вместе с ним двигалась после этого дальше. Углубившись в лес, ее разделывали и жарили на костре. Однако все же чаще приходилось обедать украденной свеклой и зернами ржи.

Недели проходили за неделями. Форменная одежда изорвалась, тела отощали, лица обросли бородами. Однако болотистая местность осталась уже позади. Прошли немецкие солдаты и бассейн Немана в слабо населенной литовской глубинке с дружественно настроенными к ним «аборигенами». Заканчивалась седьмая неделя их странствий.

Но где же проходила теперь новая линия фронта? Они встречали свежие следы сражений. Однако война все еще шла впереди них, они никак не могли до нее добраться. Им приходилось сталкиваться с врагами. В одной из таких скоротечных схваток пали штабс-ефрейтор Ралль и ефрейтор Хуммель. Один из них тяжело раненным, а другой умирающим, они были оставлены при отходе остальной группы. Но вот, наконец, стал слышен голос фронта: громы орудий и пулеметные очереди.

Перед немецкими солдатами располагалась позиция русской артиллерии. Группа сделала попытку обойти ее с одного фланга, но была замечена и обстреляна. Буквально каждого зацепили пули, но, по счастью, никто не был ранен в ноги. Им удалось найти убежище в свекольном поле. Нервы у всех были напряжены до предела. Место, где отлеживалась группа, находилось между русским НП и советской передовой. На высотах вокруг них стояли русские батареи. Группа очутилась в кольце вражеских артиллерийских позиций.

Ночью холод пробирал до костей. Диркс и Бауэр плотно прижались друг к другу и согревали один другого теплом своих тел. Фельдфебель Зайтц стонал от боли, его бил озноб. Бесконечно тянулись часы ожидания. Они не могли подняться из своего укрытия, поскольку вся округа кишела русскими. Оставалось только растирать в руках колосья, добывая зерна, и грызть выдранную из земли свеклу. Пути назад не было.

Судьба заставляла их сделать последний бросок. Подобравшись к одному из советских часовых, Дирксу удалось повалить его на землю и прикончить. Теперь вперед! Русские орудия открыли заградительный огонь. Это означало, что впереди бегущих больше нет занятых русскими солдатами траншей. Но была еще

одна траншея — пустая и заброшенная. За ней простиралась нейтральная полоса, и, наконец, стали слышны немецкие голоса.

В ночь на 14 августа в 14 километрах восточнее городка Сувалки группа Диркса вышла к германской передовой. Они оставили за спиной 450 километров по прямой, пройдя около 650 километров дорог и бездорожья. На выдвинутом вперед КП полка из состава 170-й пехотной дивизии унтер-офицер Диркс доложил: «Пять германских солдат вернулись в ряды вермахта после 49 дней прорыва из котла под Бобруйском!»

Дольше всех скитался по вражеским тылам унтер-офицер А. Анцхофер из 246-й пехотной дивизии. Вместе с еще двумя солдатами он после 69 дней скитаний вышел к германскому фронту 2 сентября неподалеку от Шяуляя (Литовская ССР в составе СССР (с 1991 года Литва). Они прошагали около 600—800 километров (точно установить не удалось, по прямой это составило около 400 километров). На этом пути он оставил десять своих боевых товарищей...

Когда масштабное наступление русских завершилось, его результаты превзошли даже ожидания советского Верховного главнокомандования. В течение одного месяца намного превосходившая германские силы Красная армия продвинулась до района Ковно (Каунаса) и Бреста. Спустя месяц русские стояли уже на Висле и подошли к Восточной Пруссии, то есть к границе рейха. Кроме этого, новыми ударами передовых частей им удалось выйти на севере к берегу Балтийского моря и тем самым изолировать всю группу армий «Север», оставшуюся в окружении в Курляндии[1]. Основное ядро группы армий «Центр» осталось за боевыми порядками рвущихся вперед русских войск и было потеряно — а это вся 3-я танковая армия, 4-я армия и большая часть 9-й армии.

В продолжавшемся менее 14 дней главном сражении были уничтожены:

— из 9 армейских корпусов — 7 (VI, XII, XXVII, XXXV, XXXIX, XXXXI и LIII),

— из 34 дивизий — 28 (6, 12, 14, 31, 36, 45, 57, 78-я штурмовая, 95, 110, 134, 197, 206, 246, 256, 260, 267, 296, 299, 383-я корпусная часть D, 707-я охранная (пехотная. — *Ред.*), 18-я и 25-я танковые

---

[1] Курляндия (Курземе) (*нем.* Kurland, латыш. Kurzeme), в литературе о Средневековье Курония — историческая область Латвии, входившая в состав владений Ливонского ордена, Речи Посполитой, Российской империи. (Изолировать группу армий «Север» удалось только в конце октября 1944 года. — *Ред.*)

дивизии, моторизованная дивизия «Фельдхернхалле», 20-я танковая дивизия, 4-я и 6-я авиаполевые дивизии);

— многочисленные армейские и корпусные части.

Спасшиеся от уничтожения части едва ли можно было считать боеспособными.

Некоторые дивизии были уничтожены буквально до последнего человека, из их состава ни один военнослужащий не вышел к другим германским частям либо вернулся на родину лишь после многолетнего пребывания в советском плену.

Так, например, отдел расформирования частей Верховного командования вермахта в Рудольфштадте, Тюрингия, объявил весь личный состав численностью 12 тысяч человек восточнопрусской 206-й пехотной дивизии погибшим или пропавшим без вести. Официальной датой гибели всех военнослужащих этой дивизии от генерала до последнего бойца стало 18 июля 1944 года, местом гибели — Витебск.

Совокупные потери германской стороны составили около 350 тысяч человек, из которых около 150 тысяч человек были взяты в плен Советами. Дальнейшие потери — расстрелянными во время переходов к сборным пунктам, умершими там от голода и во время перевозки в переполненных вагонах в Россию и там в лагерях для военнопленных от голода и дурного обращения — оцениваются в 75 тысяч человек, то есть общая смертность составила около 275 тысяч германских солдат.

Советская сторона для периода времени с 23 июня по 27 июля привела следующие цифры: 380 тысяч немецких солдат убито, 158 500 человек взято в плен, среди них 4 генерала, командующие армиями, и 13 командиров дивизий, в общей сложности 22 генерала. (Потери советской стороны с 23 июня по 29 августа 1944 года составили: безвозвратные потери 178 507 человек (а также 1533 человека Войска польского), 587 308 санитарные (а также 3540 поляков), 2957 танков, 822 самолета, 2447 орудий и минометов. — *Ред.*)

Наряду с этими неслыханными людскими потерями группа армий «Центр» лишилась и практически всего вооружения и воинского снаряжения. Ее полный крах стал крупнейшей катастрофой в истории сухопутных сил Германии, вообще величайшей катастрофой в германской военной истории.

Победители обращались с побежденными не только жестоко и бесчеловечно, но и всячески их унижали. Но и об этом следует рассказать. Через пять дней прозябания в громадном сбор-

ном лагере для военнопленных под Жлобином все пленные были погружены в вагоны и привезены в Москву, где их всех, 57 600 человек согнали на Центральный ипподром — для проведения особого действа. 16 июля в Москве состоялся большой салют в честь разгрома германской группы армий «Центр». На следующий день было назначено безжалостное завершающее событие этого торжества. Утром этого дня 17 июля все 57 600 германских военнопленных, с группой генералов во главе, под конвоем красноармейцев с винтовками с примкнутыми штыками и конных казаков с автоматами на груди, были проведены по широкому Ленинградскому шоссе и улице Горького громадной маршевой колонной по 29 человек в шеренге в направлении Кремля.

Посмотреть на это зрелище вышли толпы москвичей, стоявшие плотными рядами вдоль улиц и не скрывавшие своей ненависти. Большинство из них оскорбляли, оплевывали пленных и грозили своим беззащитным жертвам (автор сочиняет — большинство москвичей, как правило, молчали. — *Ред.*) — и только немногие старые женщины плакали, вспоминая о своих потерянных мужьях и сыновьях. Длинная колонна истощенных, скелетообразных и оборванных (имеется кинохроника — ни скелетообразности, ни особого истощения, ни оборванности. — *Ред.*) германских солдат, но, несмотря ни на что, не потерявших своей выправки, все же не была проведена по Красной площади, но буквально перед ней повернута и разведена по различным вокзалам. Там пленные солдаты были посажены в вагоны и отправлены в лагеря для военнопленных в глубине Советского Союза. Лишь немногие из них увидели Родину после долгих лет заключения. (Уже говорилось ранее, что четыре из каждых пяти пленных немцев вернулись к своим семьям. — *Ред.*)

Из сводок вермахта:

23 июня

«...На центральном участке фронта большевики начали ожидавшееся наступление. Все атаки врага, наносившиеся на широком фронте при поддержке танков и штурмовой авиации, в ожесточенных сражениях отбиты, отдельные прорывы его сил устранены немедленными контрударами. По обе стороны от Витебска продолжаются ожесточенные бои...»

24 июня

«...Осуществляемое Советами крупномасштабное наступление на центральном участке фронта набирает силу и распространяется на новые участки. Крупным силам пехоты и танков удалось прорвать наши передовые позиции по обе стороны от Витебска. Оборонительные бои продолжаются со все возрастающим ожесточением...»

25 июня

«...На востоке наши дивизии на всем центральном участке фронта ведут тяжелые оборонительные сражения с наступающими крупными силами пехоты, танков и авиации противника. Врагу удалось расширить осуществленные прорывы, особенно в районе Витебска...»

26 июня

«...На центральном участке Восточного фронта оборонительное сражение продолжается с неослабевающим напряжением. Наши войска оказывают упорное сопротивление превосходящим силам противника в районе Бобруйска...»

27 июня

«...На центральном участка Восточного фронта наши доблестные дивизии в районах Бобруйска, Могилева и Орши ведут ожесточенные сражения с превосходящими силами наступающих советских войск. Западнее и восточнее Витебска они с боями отошли на новые позиции...»

28 июня

«...На центральном участке Восточного фронта продолжаются ожесточенные бои в районе Бобруйска и Могилева. После оставления городов Орша и Витебск тяжелые оборонительные сражения сместились в район восточнее среднего и верхнего течения Березины...»

29 июня

«...На центральном участке Восточного фронта в ходе ожесточенного оборонительного сражения советские войска заняли часть наших позиций. Гарнизоны Бобруйска и Могилева продолжают оказывать упорное сопротивление превосходящим силам атакующего противника. Восточнее среднего и верхнего течения Березины, а также южнее Полоцка продолжаются тяжелые сражения с ударными советскими войсками...»

30 июня

«...В центре Восточного фронта продолжаются тяжелые бои. Между Слуцком и Бобруйском передовые силы врага были остановлены перед нашими позициями. В районе Борисова и юго-

западнее Полоцка происходят ожесточенные сражения с наступающими силами врага. Наша боевая авиация принимает участие в наземных сражениях и штурмует пехотные колонны и коммуникации противника...»

1 июля

«...На центральном участке Восточного фронта наши войска ведут тяжелые оборонительные сражения. На улицах города Слуцк происходят уличные бои. Советские войска при поддержке танков атакуют наши части в районе Осиповичей и Борисова. В верхнем течении Березины и юго-западнее Полоцка в ожесточенных боях отражены все вражеские атаки...»

2 июля

«...В центре Восточного фронта наши доблестные дивизии продолжают оказывать упорное сопротивление превосходящим силам наступающих советских войск. В районе Слуцка большевики смогли продвинуться вперед лишь в результате тяжелых боев. Город был оставлен. Под Осиповичами наши войска сохранили свои позиции, отразив все вражеские атаки. Боевые группы из района под Бобруйском пробились к нашим главным силам. В среднем течении Березины идут непрекращающиеся тяжелые бои с наступающим противником. В районе западнее Полоцка вражеское наступление остановлено...»

3 июля

«...На центральном участке Восточного фронта в ходе ожесточенного сражения был отбит сильный удар большевиков западнее Слуцка. В тяжелых боях с наступающим противником в районе Осиповичей и среднего течения Березины наши дивизии отошли к Минску. Разгорается упорное сражение за город Полоцк...»

4 июля

«...В центре Восточного фронта борьба продолжается с еще большим ожесточением. Западнее Слуцка вражеские атаки перемежаются нашими контратаками... Большевистские танковые силы ворвались в Минск и развивают удар в западном направлении. Юго-восточнее города наши соединения оказывают ожесточенное сопротивление наступающим со всех сторон Советам и пробиваются на запад. В районе Молодечно наступление передовых сил врага остановлено нашим контрударом...»

5 июля

«...На центральном участке наши войска продолжают сражаться в кольце сил противника на водоразделе между болотистыми пространствами в районе Барановичи и Молодечно... Южнее Минска наши части продолжают оборонительные сражения...»

6 июля

«...На центральном участке фронта между Барановичами и Молодечно продолжаются ожесточенные сражения...»

Части группы армий «Центр» (с севера на юг)

Командование группы армий (генерал-фельдмаршал Буш)

Резерв группы армий:
14-я пехотная дивизия (с октября 1940 по лето 1943 года моторизованная) (генерал-лейтенант Флёрке — пленен)

3-я танковая армия (генерал-полковник Рейнхард)

IX армейский корпус (генерал артиллерии Вютман)
252-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Мельцер)
Корпусная группа «D» (генерал-лейтенант Памберг)

LIII армейский корпус (генерал пехоты Голльвитцер — пленен)
246-я пехотная дивизия (генерал-майор Мюллер-Бюлов — пленен)
4-я авиаполевая дивизия (генерал-лейтенант Писториус — пал в бою)
6-я авиаполевая дивизия (генерал-лейтенант Пешель — пал в бою)
206-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Хитер — пленен)

VI армейский корпус (генерал артиллерии доктор Пфайффер — пал в бою)
197-я пехотная дивизия (генерал-майор Хане — пропал без вести)
299-я пехотная дивизия (генерал-майор Юнк — пропал без вести)
256-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Вюстенхаген — пал в бою)

Армейский резерв:
95-я пехотная дивизия (генерал-майор Михаэлис — пленен)
201-я охранная дивизия (генерал-лейтенант Якоби)

4-я армия (генерал пехоты фон Типпельскирх)

XXVII армейский корпус (генерал пехоты Фёлькерс — пленен)

78-я штурмовая дивизия (генерал-лейтенант Траут — пропал без вести)

25-я моторизованная дивизия (генерал-лейтенант Шюрманн)

260-я пехотная дивизия (генерал-майор Кламмт — пал в бою)

XXXIX танковый корпус (генерал артиллерии Мартинек — пал в бою)

110-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант фон Куровски — пленен)

337-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Шюнеманн — пал в бою)

12-я пехотная дивизия (моторизованная) (генерал-лейтенант Бамлер — пленен)

31-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Охснер — пленен)

Армейский резерв:

Моторизованная дивизия «Фельдхернхалле» (генерал-майор фон Штайнкеллер — пленен)

286-я охранная дивизия (генерал-майор Ошманн)

XII армейский корпус (генерал-лейтенант Винценц Мюллер — пленен)

18-я моторизованная дивизия (генерал-лейтенант Цутаверн — пал в бою)

267-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Дрешер — пал в бою)

57-я пехотная дивизия (генерал-майор Тровитц — пленен)

9-я армия (генерал пехоты Йордан, позднее генерал танковых войск фон Форман)

XXXV армейский корпус (генерал-лейтенант барон фон Лютцов — пропал без вести)

134-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Филипп — покончил с собой)

296-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Кульмер)

6-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Гейне — пленен)

383-я пехотная дивизия (генерал-майор Гир — пленен)

45-я пехотная дивизия (генерал-майор Энгель — пленен)

XXXXI танковый корпус (генерал-лейтенант Хоффмайстер — пленен)

36-я пехотная дивизия (генерал-майор Конради — пленен)
35-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Рихерт)
129-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант фон Лариш)

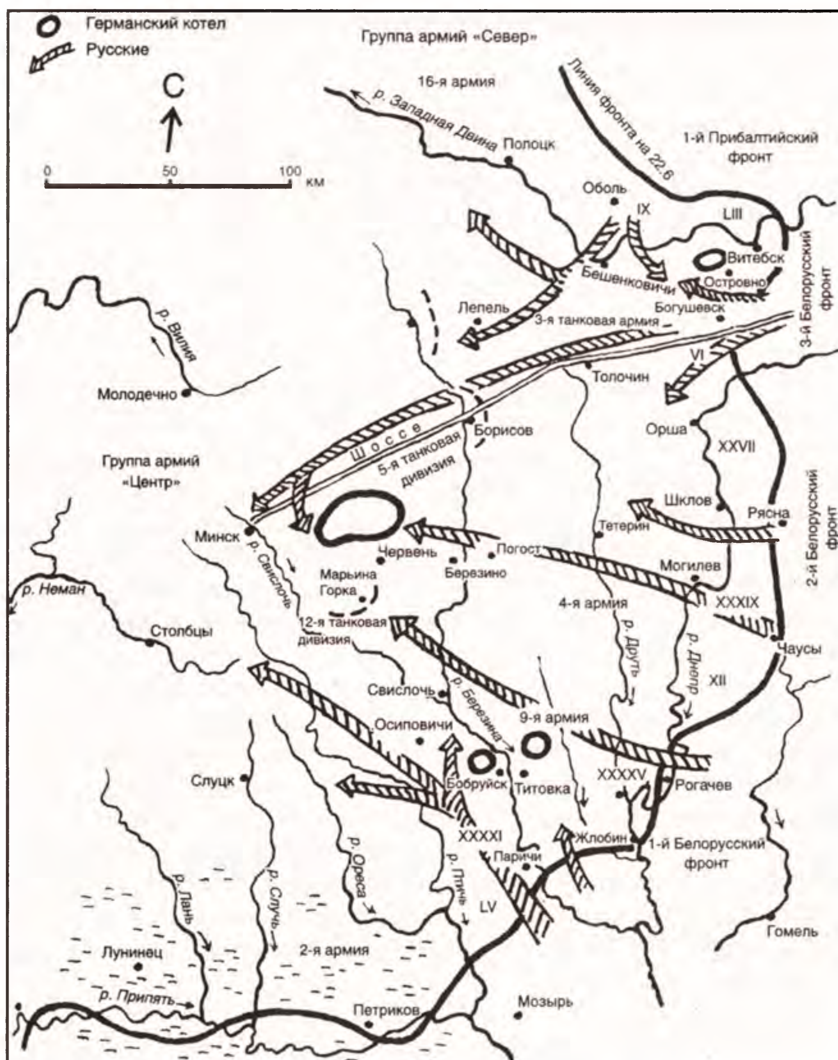
LV армейский корпус (генерал пехоты Херлейн)
292-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Йон)
102-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант фон Беркен)

Армейский резерв:
20-я танковая дивизия (генерал танковых войск фон Кессель)
707-я охранная (пехотная. — *Ред.*) дивизия (генерал-майор Гиттнер)
Командующий гарнизоном Бобруйска (генерал-майор Хаман — повешен Советами[1]

2-я армия (генерал-полковник Вайсс)
в составе XXIII, XX и VIII армейских корпусов[2]

[1] За совершение тягчайших военных преступлений был приговорен к смертной казни через повешение Военным трибуналом Московского военного округа 25 декабря 1945 года.

[2] 2-я армия приняла участие только во второй фазе Белорусской операции.

Германский котел
Русские
С
0
50
100
км
Группа армий «Север»
16-я армия
р. Западная Двина
Полоцк
Линия фронта на 22.6
1-й Прибалтийский фронт
Оболь
IX
LIII
Витебск
Бешенковичи
Островно
Лепель
Богушевск
3-я танковая армия
3-й Белорусский фронт
р. Вилия
VI
Толочин
Молодечно
Шоссе
Борисов
Орша
XXVII
Группа армий «Центр»
5-я танковая дивизия
Шклов
Рясна
2-й Белорусский фронт
Тетерин
Минск
Червень
Погост
р. Свислочь
Березино
Могилев
р. Неман
Марьина Горка
4-я армия
XXXIX
Столбцы
12-я танковая дивизия
р. Друть
р. Днепр
Чаусы
XII
Свислочь
р. Березина
9-я армия
Осиповичи
Слуцк
XXXXV
Бобруйск
Титовка
Рогачев
XXXXI
Жлобин
1-й Белорусский фронт
Паричи
р. Ореса
р. Птичь
LV
р. Лань
р. Случь
Лунинец
2-я армия
Гомель
р. Припять
Петриков
Мозырь

Глава 5
БРОДЫ: XIII АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

Крах в котле

Восточная Галиция была частью Австро-Венгерской империи, после чего в результате Первой мировой войны вошла в состав Польши, а к началу Второй мировой войны была захвачена (возвращена. — *Ред.*) русскими. Идиллически-спокойный окрестный ландшафт на водоразделе между Западным Бугом с его притоками и болотами и начинающимися здесь текущими на юг Южным Бугом и Днестром с их притоками.

Покрытые лесами холмы, долины, малые и большие села, окружающие городок Броды. Всего в 100 километрах от Бродов располагается Лемберг[1], бывшая столица Галиции, и лишь немногим дальше Тернополь. Больше сказать о Бродах и их окрестностях было бы нечего, кроме разве того, что в 35 километрах юго-западнее этого городка находится местечко Золочев, через которое проходит большая автотрасса, ведущая к Лембергу (Львову) и рассекающая бывшую польско-российскую пограничную область надвое. Эта магистраль приобрела особое значение теперь, в годы войны.

Через эту местность в 1941 году на восток прокатился железный вал начатой фашистской Германией войны против Советского Союза, который теперь, после тяжелейших сражений, в 1944 году снова возвратился в эти края. Русские, продолжая свое массированное наступление, снова готовились вторгнуться в Польшу.

---

[1] Лемберг — город Львов. Основан в 1256 году русским князем Даниилом Галицким, назван в честь его сына Льва, стал центром Галицко-Волынского княжества. В 1349 году захвачен Польшей, в 1370 году Венгрией. В 1387—1772 годах в составе Польши, в 1772—1918 годах — Австрии, 1918—1939 годах — Польши, с 1939 года — Украинской ССР в составе СССР, с 1991 года — в Украине. — *Ред.*)

Новое советское крупномасштабное наступление по обе стороны от Бродов

В этой важной в военно-оперативном отношении местности с середины марта располагался после его отвода из района Ровно германский XIII армейский корпус под командованием генерала Хауффе. Этот корпус в составе своих четырех дивизий, компактно введенный в бой восточнее Бродов, уже имел опыт пребывания в котле. Он находился в окружении с конца марта по середину апреля в районе Бродов, затем русским пришлось немного отступить из-за тяжелых потерь, вызванных упорным сопротивлением и успешным прорывом кольца окружения германскими танковыми частями. После этого корпус получил передышку до середины лета.

Но это было затишье перед бурей.

За это время Советы, которые не оставили замыслов окончательно уничтожить группу армий «Центр» и затем нанести стремительный удар на запад, уже подготовили свое следующее наступление, «шестой сталинский удар», как они назвали его в ряду других наступательных операций 1944 года. На этот раз оно должно было также прийтись и по группе армий «Северная Украина», командование которой с 28 июня принял генерал-полковник Й. Гарпе. Положение этой группы армий после окончательного разгрома группы армий «Центр» значительно ухудшилось, значительная часть имевшихся резервов была передана ей (в попытках замедлить наступление Красной армии, а также для того, чтобы создать новый фронт взамен рухнувшего. — *Ред.*).

Русские, которые с 22—23 июня наступали в Белоруссии, наращивали силы и здесь — с целью нанесения нового мощного удара через Лемберг (Львов) и Перемышль, намереваясь выйти на рубеж реки Сан. Ближайшей их целью, для обретения возможности скорейшего продвижения к Львову, было овладение ведущей к этому городу крупной автотрассой, для чего было необходимо сокрушить германский фронт, прикрывавший развилку дорог у Золочева, — позиции здесь занимал XIII корпус. С этой целью они применили свой излюбленный двусторонний охват с ударом на стыке позиций 4-й танковой армии и 1-й танковой армии, с тем чтобы рассечь фронт этих двух армий, а затем заключить XIII корпус в котел. Левым соседом XIII корпуса был XXXXVI танковый корпус (4-й танковой армии), а правым — XXXXVIII танковый корпус (1-й танковой армии),

пехотные дивизии которых должны были находиться на передовой.

В крупномасштабном наступлении советских войск должен был быть задействован 1-й Украинский фронт, которым командовал маршал Конев. Для осуществления намеченных планов по обе стороны от Бродов были сосредоточены следующие силы: северная группировка, состоящая из двух армий общей численностью 16 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских корпусов и 29 танковых бригад в составе 5 танковых и механизированных корпусов. Южная группировка включала в себя 4 армии общей численностью 29 стрелковых дивизий и 24 танковые бригады в составе 5 танковых и механизированных корпусов. Их действия обеспечивала авиация, намного превосходящая численностью германскую.

На этот раз советская подготовка наступления не осталась незамеченной. К началу июля имелось множество признаков, свидетельствующих о предстоящем масштабном советском наступлении на фронте группы армий «Северная Украина». Последовали соответствующие распоряжения, и войскам, в том числе XIII корпусу, было заранее приказано находиться в состоянии боевой готовности. Это означало — тотчас отменить все отпуска, подтянуть к передовой из тыловых районов всех способных носить оружие, активизировать фронтовую разведку. Количество дозорных и патрулей было удвоено, наблюдательные посты сутками не смыкали глаз, солдаты в блиндажах спали посменно, не раздеваясь, всегда имея при себе оружие и каски. Накапливались боеприпасы, артиллеристы складировали поступающие снаряды рядом с орудиями, проверялись линии связи, радисты связывались между собой каждые полчаса. Полевые кухни выдавали дополнительные сухие пайки на тот случай, если из-за внезапного обстрела врагом снабжение продовольствием на какое-то время ухудшится или прервется, армейские полевые госпитали готовились к приему значительного числа раненых, штабные работники несли круглосуточную вахту и находились в постоянной готовности.

Солдаты хранили спокойствие и самообладание, их позиции были хорошо оборудованы, воевать им было не привыкать, в обороне до сих пор они держались стойко. Почему бы и на этот раз им не отразить напор врага — если русские хотят кровавой бани, то они ее получат.

Все было вроде бы как всегда и в то же время не так — на германской передовой стояла только одна пехотная дивизия в линию с другой, за ними была еще вторая, но не занятая тыловая

позиция «Принц Ойген» («Принц Евгений»), и больше ничего. В качестве резерва 4-я танковая армия располагала двумя танковыми дивизиями (16-й и 17-й), 1-я танковая армия также имела в резерве две танковые дивизии (1-ю и 8-ю), а точнее говоря, танковые боевые группы. Это были (за исключением 8-й) те самые танковые дивизии, которые уже недавно сражались при Черкассах и Тернополе. Эти танковые дивизии и приданные им формирования давно уже не имели своей полной ударной мощи и прикрывали оборонительную полосу глубиной менее 30 (лучше бы 50) километров. (Немцы не успели создать 3-ю, тыловую линию обороны, а имевшиеся две линии были глубиной около 20 километров. — *Ред.*) Тонкий же оборонительный заслон пехотинцев (автор прибедняется — оборонительные позиции были хорошо подготовлены и насыщены огневыми средствами. — *Ред.*) в любом случае был бы очень быстро прорван наступающим врагом. Короче, возможности германской линии обороны не соответствовали мощи наступающего врага.

В ночь на 13 июля приказом командующего XIII корпусом весь личный состав до последнего солдата занял свои боевые позиции. Уже ранним утром, в 3.45, с севера донеслись громовые раскаты отнюдь не природного происхождения, а вскоре то же самое послышалось и с юга. Лишь на фронте корпуса все оставалось в спокойствии, и солдат это отнюдь не навело на особые раздумья — главное, что их пока не трогали. Но командование корпуса насторожилось — неслыханно интенсивная артиллерийская подготовка, обрушившаяся на германскую передовую соседей и продолжавшаяся до 9.30, знаменовала собой начало ожидавшегося крупномасштабного русского наступления. Подобного сосредоточения военной техники, особенно тяжелой артиллерии, танков и авиации, вслед за которыми двигались массы пехоты, до сих пор никто еще не видел. (На участках прорыва протяженностью 26 км, составлявших всего 6% ширины полосы наступления 1-го Украинского фронта, было сосредоточено 70% артиллерии, до 90% танков и САУ и вся авиация. На 1 км прорыва имелось 235—255 орудий и минометов. — *Ред.*) Вскоре выдвинутые вперед германские пехотные дивизии этого удара не выдержали. Под Гороховом севернее и у Колтова южнее Бродов противник глубоко вклинился в германскую оборону, несколько позднее линия фронта в этих местах была прорвана. Уже на второй день наступления соседние корпуса были от XIII корпуса отрезаны. Местные контрудары, нанесенные по прорвавшемуся врагу, успеха не имели.

И снова — танковая дивизия в бесполезном контрударе

Находившиеся в резерве танковые дивизии хотя и были подняты по тревоге 13 июля, но лишь два дня спустя были брошены в бой для ликвидации обоих прорывов фронта в ходе разгоревшейся битвы. На северном направлении нанесли удар 16-я и 17-я танковые дивизии, на юге была брошена в бой боевая группа, состоявшая из 1-й и 8-й танковых дивизий. Но еще до того, как эти силы были развернуты для нанесения контрудара, советские передовые танковые части прошли от Горохова через Радехов по направлению к Бугу и нанесли удар от Колтова на Золочев.

Все по машинам! Оружие на изготовку! Закрыть люки! Танки — вперед! Взревев моторами и лязгнув гусеницами, пришли в движение танки, командирские машины и передвижные радиостанции, бронетранспортеры и моторизованные транспортные средства. Но даже выдвижение в район развертывания сил шло с большими трудностями и первыми потерями. В воздухе появилась советская авиация, на германские танковые дивизии стали пикировать русские штурмовики и полученные из США по импорту истребители-бомбардировщики «Москито»[1]. Стаями от 20 до 30 машин штурмовали они двигавшиеся германские боевые танковые группы. Оглушительные разрывы бомб, очереди бортовых пушек и пулеметов, серые вспышки ракетных снарядов. Танки пытались уклониться от ударов авиации, идя зигзагообразным курсом, но все же вскоре один за другим окутывались черным дымом, запылали грузовики, замерли на месте бронетранспортеры, из которых спасались раненые. Отдельные боевые группы, с которыми двигались на самоходных лафетах немногочисленные зенитные 20-мм установки, пытались огрызаться огнем, но экипажи этих установок не были защищены сверху броней, и едва успевали разворачивать стволы своих зениток, чтобы встретить новую волну вражеских машин. В небе появилось небольшое количество германских истребителей, которые вступили в воздушный бой с советскими летчиками, — но их было слишком мало. Затем в контратаку пошла 8-я танковая дивизия, впереди двигался 1-й батальон 10-го танкового полка, который еще состоял из четырех полных танковых рот, и 301-й танковый батальон, но последнему противостояли намного превосходящие силы против-

---

[1] «Москито» (*англ.* de Havilland Mosquito DH.98) — британский многоцелевой истребитель-бомбардировщик, ночной истребитель времен Второй мировой войны, состоявший на вооружении Королевских ВВС.

ника, и его удар был отбит, а сам батальон понес значительные потери. Этим ударом неприятель открыл себе дорогу на Золочев, а части дивизии оттеснены в район дислокации XIII корпуса[1*]. Также и 1-я танковая дивизия, которая в тот момент южнее и восточнее Колтова пыталась локализовать прорыв фронта и занять отсечную позицию против надвигающегося врага, вынуждена была вскоре отойти на тыловую позицию «Принц Ойген». Некоторые из наступающих русских частей уже продвинулись столь далеко вперед, что они миновали эту позицию раньше, чем ее заняли германские мотопехотинцы. Во второй половине дня танковые части обеих германских танковых дивизий, находившиеся юго-восточнее Золочева, были брошены в контрудар на север с тем, чтобы здесь снова соединиться с XIII корпусом. Однако запоздалый удар более чем 100 танков, несмотря на первоначальный успех, остановился, наткнувшись на превосходящий по силам вражеский заслон из танков и противотанковых орудий, — русские бросили на Золочев очень сильный танковый клин. Так что контрударом не удалось ни закрыть образовавшуюся на фронте брешь, ни воссоединиться с XIII корпусом. В течение этого дня 15 июля Советы осуществили решающее расширение обоих своих прорывов фронта. Как на юге 1-я и 8-я танковые дивизии, так и на севере 16-я и 17-я танковые дивизии не смогли продвинуться вперед, их контрудары были остановлены. Все четыре задействованные в боях танковые дивизии с их незначительной боевой мощью не смогли изменить обстановку на фронте перед лицом противника, значительно превосходящего их в танках, артиллерии и авиации. В последующие дни события в особенно драматической форме происходили на южном направлении. О контрударе для закрытия бреши на фронте речь больше не шла, 1-я танковая дивизия своими сдерживающими оборонительными действиями пыталась лишь сократить полномасштабный вражеский прорыв или, по меньшей мере, притормозить его развитие. Русские, которые продвинулись далеко вперед через брешь во фронте, продолжали решительное наступление всю ночь на 16 июля и весь следующий день, а каждый боец германской танковой дивизии был на передовой. Танкисты и истребители танков снова и снова отбрасывали массы советских танков Т-34 и ИС-2, спешенная германская мотопехота сдерживала напор многочисленных пехотинцев врага. Ежедневные многочасовые артобстрелы противника и налеты его недавно полученных из Амери-

[1*] См. перечень частей.

ки бомбардировщиков заставляли прекращать свою деятельность даже снабженцев, которые лишь в течение ночи имели возможность с большими усилиями подтягивать к переднему краю боеприпасы и продовольствие. Ситуация в 8-й танковой дивизии, которая также понесла значительные потери, отличалась не намного. Дивизия была оттеснена на запад и должна была прежде всего обеспечивать передвижение по трассе Золочев—Львов. Уже в тот же день 16 июля неприятель, несмотря на упорное сопротивление германских войск, смог занять Золочев, а во второй половине дня 17 июня советские танки южной ударной группировки вышли к реке Западный Буг в районе города Буск. Здесь они в течение дня соединились с конно-механизированными частями северной ударной группировки, а это означало одно — после шести дней тяжелых оборонительных сражений и не достигших своей цели контрударов XIII корпус оказался в окружении в районе севернее Золочева.

Вопреки всему полученному опыту — прорыв задерживается

Командование корпуса оценивало положение как серьезное, но еще не угрожающее. Отчетливо различимый гром сражения и русские прорывы на севере и юге, правда, не обещали ничего хорошего, но все же корпус уже один раз побывал в окружении и был освобожден из него. Почему бы и на этот раз не произойти такому, если уж известно, что четыре германские танковые дивизии наносят контрудар? Но на этот раз все складывалось по-другому, совсем по-другому...

Корпус, в состав которого входила и отрезанная неприятелем 349-я дивизия, до сих пор был мало вовлечен в боевые действия всем своим фронтом. После того как был потерян находившийся на его правом фланге Золочев, корпус еще 16 июля получил приказ отойти на подготовленную позицию «Принц Ойген». Это удалось сделать еще достаточно планомерно, оставив Броды, несмотря на значительно ухудшившуюся с 17 июля погоду и раскисшие от дождей дороги. Саперный батальон получил приказ обеспечить переправу через Западный Буг у Буска на запад. В ночь с 17 на 18 июля 349-я дивизия с частями корпусной группы «Ц» — как предполагалось — должна была соединиться с пробивающейся на север 8-й танковой дивизией в районе северо-восточнее Золочева. Но этот контрудар успеха не имел, гер-

манские соединения не смогли пробиться навстречу друг другу, разорванный правый фланг, на котором германские войска еще удерживали Колтов, остался открытым. Да и в глубине левого (северного) фланга корпуса внезапно появились не ожидавшиеся здесь германские силы 16-й и 17-й танковых дивизий, но землисто-бурые волны русских пехотинцев с танками Т-34. Поэтому пришлось согласно приказу развернуть на позиции «Принц Ойген» левый фланг корпуса с 454-й охранной дивизией и 14-й дивизией СС «Галиция» («Галичина», была набрана из западноукраинских добровольцев. — *Ред.*) и занять фронт, обращенный на север.

18 июля от командования армии пришел приказ о прорыве, решение о котором это командование, как и во многих других случаях, принимало слишком долго. Этого решения также слишком долго ожидал командующий корпусом генерал Хауффе, вместо того чтобы действовать самостоятельно. Поскольку давление неприятеля с востока и с севера становилось все сильнее, а на западе лесные и болотистые пространства были по большей части непроходимыми для людей и транспорта, прорыв становился возможным только в южном направлении. Во второй половине того же дня последовал соответствующий приказ о подготовке к прорыву. Командование корпуса еще питало надежды осуществить этот прорыв планомерно, после соответствующих приготовлений, и в течение трех дней наступления достичь соединения с XXXXVIII танковым корпусом.

В первой половине дня 19 июля начальник штаба корпуса на КП корпуса, собрав там всех начальников штабов дивизий, отдал подробный приказ о прорыве.

Корпусная группа «Ц» в качестве еще боеспособной дивизии должна была двигаться во главе ударного клина прорыва. Она получила задание на рассвете 20 июля форсировать Западный Буг по обе стороны от Белого Камня[1], а затем двигаться в южном направлении через реку Золочевку между селами между Скварява и Хильчицы, при соблюдении всех мер предосторожности с юго-востока, овладеть селом Хильчицы. Для этой цели ей была придана 361-я дивизия и 249-я бригада штурмовых орудий. В то же время 349-я дивизия была выведена из района села Ушня и заняла высоту 334 и близлежащие высоты, чтобы прикрывать восточный фланг корпусной группы «Ц», так как краеугольный ка-

[1] Белый Камень — село в Золочевском районе Львовской области Украины.

мень в предшествующей ситуации — Колтов — уже был занят противником.

Тыловые подразделения и раненые должны были двигаться с некоторым интервалом вслед за наступающими частями.

14-я дивизия СС «Галиция», 361-я дивизия и 454-я охранная дивизия должны были прикрывать обе наступающие дивизии с тыла, с тем чтобы позднее отходить в соответствии с приказом. В случае успеха прорыва через эту брешь должны были выходить сначала артиллерия, обоз, тыловые службы и эвакуироваться раненые, а затем следовать три оставшиеся дивизии. Со значительной долей уверенности можно было также вывести из возникшего котла большую часть имеющихся транспортных средств, орудий и тяжелого вооружения. Для этого корпусная группа «Ц» и 349-я дивизия при поддержке подошедших танковых дивизий должны были удерживать открытым проход из района прорыва.

Начало прорыва было назначено на 20 июля в 3.30 утра.

Затем начальник штаба сообщил дополнительные данные об обстановке — что южнее шоссе Золочев—Львов до глубины в пять километров имеется только охранение неприятеля, что фронт XXXXVIII танкового корпуса удерживается вполне надежно и что этот корпус своими 1-й и 8-й танковыми дивизиями должен успешно пробиться из района южнее Золочева — как первое, так и второе и третье было совершенно ошибочной информацией, имевшей тяжкие последствия.

О том, что в действительности происходило южнее перед фронтом корпуса, командование ничего не знало.

Деблокада потерпела неудачу

События в глубине флангов и в тылу XIII корпуса приобрели внушающие в высшей степени опасение масштабы. На севере германский контрудар окончательно захлебнулся, там лишь с большими усилиями удавалось сколько-нибудь замедлять продвижение основных сил неприятеля на запад в сторону Львова. Положение на юге под Золочевом тем временем точно так же ухудшалось на глазах. 16 и 17 июля, после того как основные силы 8-й танковой дивизии вынуждены были отойти дальше к западу, 1-я танковая дивизия продолжала вести ожесточенные сражения в районе вражеского прорыва, а мотопехотинцы понесли тяжелые потери. К вечеру 17 июля командованию пришлось отдать и этой дивизии приказ о дальнейшем отходе на

Кабаровцы[1], юго-восточнее Золочева. В течение двух последующих дней мотопехотинцы под проливным дождем вели ожесточенный бой за этот населенный пункт. Противник вел почти непрерывный артиллерийский огонь по германским оборонительным позициям, а превосходящие силы его пехоты при поддержке танков теснили обороняющихся. Но все же лишь в ночь с 19 на 20 июля противник смог занять развалины Кабаровцев, а боевая группа дивизии 20 июля отошла в направлении на Поморяны[2].

Тем временем вечером 19 июля еще боеспособные танковые части 8-й танковой дивизии были отведены с занимаемых ими позиций, с тем чтобы на следующий день совместно с танковой ударной группой 1-й танковой дивизии, соединившись, нанести удар на узком фронте западнее Залесья для деблокады все еще окруженного XIII корпуса. Но и этот контрудар не смог прорвать кольцо окружения и был отбит с большими потерями для наступавших. Сильные заградительные позиции противотанковой артиллерии врага и успешные действия, несмотря на дождливую погоду, его штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков свели на нет всякий удар танков по холмистой и поросшей деревьями местности южнее шоссе. На всех участках русские оказались сильнее и поставили немецкие танковые ударные группы в сложное положение.

Так, на участке 8-й танковой дивизии 2-й батальон 28-го моторизованного полка был окружен советскими танками. В батальоне оставалось еще 200 мотопехотинцев, которые в течение пяти дней продержались за вражеской линией фронта и смогли затем пробиться обратно к своим. После прорыва вернулось только 60 человек. Три лейтенанта и 140 солдат, большинство из которых погибли в бою, остались за линией фронта. 4-я рота 10-го танкового полка под командованием обер-лейтенанта Прессбергера сражалась до последнего танка, сдерживая натиск намного превосходящих сил противника. Германские танкисты дрались до последнего снаряда либо до тех пор, пока их танки не взлетали в воздух, взрываясь от попаданий вражеских снарядов в боезапас. Из всей роты к своим вернулись только два фельдфебеля и четверо рядовых, все остальные погибли или остались лежать на поле боя ранеными, среди них и командир роты обер-лейтенант Прессбергер.

---

[1] Кабаровцы — село в Зборовском районе Тернопольской области Украины.
[2] Поморяны — поселок городского типа в Золочевском районе Львовской области Украины.

Все происходило так же, как и при Черкассах и Тернополе, — германские деблокирующие танковые части доходили до границ котла, вклинивались в кольцо русских войск, но, несмотря на все усилия, не могли его прорвать. И снова окруженные были уверены в том, что германские танки находятся совсем недалеко от них, что им осталось преодолеть совсем еще небольшое расстояние. В данном случае это тем более непонятно, поскольку командование XIII корпуса поддерживало постоянную связь с командованием 1-й танковой армии. Какие губительные обстоятельства вмешались здесь, создав ложное представление о создавшемся положении, понять совершенно невозможно.

Крах массированного удара

Во все более сужающееся пространство, на котором находился XIII корпус — после того, как 19 июля неприятель овладел также и Колтовом, — вливались и теснились в районе между селениями Чишки, Чехи, Олеско, Подгорцы и Белый Камень, в четырехугольнике размером примерно 9 на 8 километров, около 65 тысяч человек со всем своим вооружением и транспортом. В котле все больше нарастала полная неразбериха — маршевые колонны, которые скапливались и забивали и без того разбитые дороги; артиллерийские орудия, которые их прислуга старалась доставить на новые огневые позиции; войсковые части, отведенные с существовавшей еще недавно линии фронта и следующие в район сосредоточения; подразделения, ищущие свои дивизии, в состав которых входят; транспортный хаос из грузовиков, вездеходов, бронетранспортеров и телег; переполненные районы сосредоточения. При всем этом необходимо было двигаться так, чтобы ни в коем случае не нарушить согласованность действий при прорыве, чтобы движением множества конных повозок тыловых частей в южном направлении при полном свете дня не выдать преждевременно неприятелю направление готовящегося прорыва.

И вот наступило утро 20 июля. В 5.00 утра корпусная группа «Ц» с полуторачасовым опозданием из района своего сосредоточения пошла на прорыв. Боевая группа 183-й дивизии, составлявшая правый фланг передового клина, поначалу значительно продвинулась вперед, смяв незначительные силы противника, а после переправы через Западный Буг подошла в 7.25 к занятому противником северо-западному берегу Золочевки у села Белжец.

Боевая группа 217-й дивизии, шедшая по центру, напротив, наткнулась на неожиданно сильное сопротивление на высоте 366, где несколько русских противотанковых орудий на самоходных лафетах на некоторое время приостановили прорыв. Русские задействовали в этом месте даже танки.

Тем временем боевая группа 183-й дивизии уже перебралась через реку у села Белжец и продвигалась на юго-запад, при этом, правда, встретив сильное сопротивление с направления на Почапы. Против русских здесь была задействована примерно в 12.00 пополудни броневая группа[1*] корпусной группы «Ц», которая должна была идти на острие прорыва, но из-за сильного огня русских с высоты 336 была приостановлена, после чего, выдержав напряженный бой с вражескими танками и противотанковыми орудиями и уничтожив при этом двадцать из них, прошла по мосту через Золочевку у села Почапы. После ожесточенного уличного боя село около 15.00 было очищено от врага и занято германскими частями.

Примерно до середины дня дела шли не так уж плохо, первые цели прорыва были достигнуты. Боевая группа 183-й дивизии овладела высотой 257, броневая группа заняла Почапы, тогда как боевая группа 217-й дивизии находилась глубже в тылу у села Жуличи. 349-я дивизия на левом фланге (с подчиненной ей боевой группой 339-й дивизии) на рассвете овладела высотой 334 и пробивалась с боями далее на юг. Правее нее стоял в районе села Скварява 361-й стрелковый батальон, прикрывая ее с запада. Так что прорыв разворачивался вполне планомерно — во всяком случае, до этого времени. Еще казалось, что все будет хорошо идти и впредь...

Затем боевая группа 183-й дивизии должна была продвигаться дальше до станции Княжее, боевая группа 217-й дивизии получила приказ взять село Хильчицы и организовать там заслон, обращенный к востоку, тогда как на левом фланге несколько застряла 349-я дивизия.

Кроме этого, боевая группа 217-й дивизии около 13.00 вместе с частью броневой группы из-под села Почапы после трехчасового боя, взломав сильную оборону врага, смогла овладеть селом Хильчицы и высотой 274 и удерживать их. После этого оставалось пройти от 8 до 10 километров, преодолеть шоссе Золочев—Львов в южном направлении и соединиться с боевыми группами 1-й и 8-й танковых дивизий.

[1*] Пять ранее взятых в качестве трофеев советских Т-34 с германскими экипажами.

Однако теперь положение начало меняться и с каждым часом становилось все хуже и хуже. Уже после обеда начались все усиливающиеся атаки советской авиации. Бомбардировщики и штурмовики почти непрерывно засыпали бомбами ударные подразделения прорыва и следующие за нами воинские части, маршевые колонны, артиллерийские позиции и командные пункты, обстреливали из бортовых пушек и пулеметов все различимые на земле цели. Эти налеты стали причиной первых тяжелых потерь личного состава и техники в ходе прорыва, прежде всего в тыловых подразделениях. Надо сказать, что впоследствии солдаты докладывали, что советские летчики почти без перерыва кружили в воздухе, тогда как ни одного германского самолета увидеть не удалось.

Да и на земле неприятель постоянно наращивал силы. Боевая группа 183-й дивизии из-за все более сильной обороны и трудностей передвижения по пересеченной местности так и не смогла овладеть селом Княжее. Наступавшая левее 349-я дивизия смогла лишь немного продвинуться вперед, но уже к середине дня была оттеснена назад. Во второй половине дня русские войска предприняли атаку с востока и юго-востока. Высота 334 несколько раз переходила из рук в руки и к вечеру была окончательно потеряна немецкими войсками. Подошедшие к селу Жуличи и высоте 274 части оказались втянуты в тяжелые бои. Войска, пошедшие на прорыв, вынуждены были остановиться.

Угрозой с востока для успеха всего прорыва стало постоянно нарастающее давление неприятеля на тылы прикрывающих прорыв дивизий. Оставался только один выход — как можно быстрее вырваться со всеми частями из котла. Командование корпуса еще раз рассмотрело расклад сил и к вечеру этого трудного дня 20 июля отдало приказ: несмотря на усталость войск, продолжить прорыв наступающей ночью. В качестве целей прорыва для корпусной группы «Ц» были определены окрестности села Ласковое, для 349-й дивизии — Золочев. И снова в приказе говорилось о том, что 8-я танковая дивизия уже вышла к селу Вороняки и в течение ночи подойдет к Золочеву, а 1-я танковая дивизия к утру должна продвинуться до села Залесье — что совершенно не соответствовало действительности.

В 1.00 ночи ударные дивизии должны были возобновить наступление, но руководство ими едва ли было возможно практически. Все средства связи вышли из строя, офицеры для поручений и вестовые лишь с большими трудностями и потерей времени устанавливали связь с отдельными подразделениями. Организованный прорыв единым фронтом, каким он был еще до наступления ночи,

становился невозможным, некоторые боевые группы и части уже стали пробиваться на свой страх и риск, без какой-либо команды.

Пасмурным и серым начиналось утро 21 июля.

Боевая группа 183-й дивизии больше не продвинулась вперед, в течение всей прошедшей ночи они вела бой за село Княжее и была снова отброшена на север на высоту 257.

С рассветом снова начались непрерывные налеты русской авиации.

Части ударной группы 217-й дивизии, к которым присоединились многочисленные бойцы, потерявшие свои подразделения, около 4.00 утра пошли на прорыв, не замеченные неприятелем прошли несколько восточнее села Ясеновцы, заняли господствующие над этой местностью высоты, однако не обнаружили здесь германских танков. Поэтому командир этой группы совместно с остатками 249-й бригады штурмовых орудий (без орудий) принял самостоятельное решение пробиваться дальше на юг. Во второй половине дня, после боев с переменным успехом в районе Жукова эти части встретились с арьергардом 1-й танковой дивизии. Они стали первыми частями, которые успешно совершили прорыв.

Но прорывались также и другие подразделения.

На рассвете боевая группа 1-й танковой дивизии под командованием полковникаНоймайстера в последний раз была послана в бой. Ей удалось на краткое время в кольце окружения в 10 километрах западнее Залесья на западной границе котла открыть проход, через который смогли спастись около 3 тысяч солдат различных дивизий и 400 человек 14-й дивизии СС «Галиция». Несколько позже в тот же самый день боевая группа получила приказ развернуться на запад и занять населенный пункт Липовцы, поскольку Советы в своем неудержимом продвижении на северо-запад в начале второй половины дня уже подошли к реке Золотая Липа. Поскольку движение боевой группы происходило параллельно выходящим из котла солдатам, танкисты снова стали зрителями апокалипсического зрелища, которое развертывалось рядом с ними. Сотни и тысячи раненых, больных и совершенно истощенных, обессилевших солдат, большинство которых отбилось от своих частей, тянулись под проливным дождем по бесконечным дорогам в германский тыл. Вскоре все дороги были совершенно забиты ими, некоторые колонны часами стояли на одном и том же месте, не имея возможности сделать ни шагу.

В котле же вплоть до 21 июля продолжались тяжелые оборонительные бои между все более и более теснимыми германскими войсками и их тыловыми частями и наступавшим противником.

Штаб боевой группы 217-й дивизии со своим саперным взводом и отбившимися от своих частей солдатами сдерживал фланговый удар подступившего слева неприятеля у села Хильчицы и удерживал его вплоть до самого вечера. Замкнулось кольцо окружения и вокруг села Почапы. Его удерживали две саперные роты, враг смог сломить их сопротивление только мощными бомбовыми ударами с воздуха. Сильное сопротивление врагу было оказано и при штурме им села Жуличи. Боевая группа 183-й дивизии предприняла новую отчаянную попытку прорвать вражеское окружение в районе села Княжее. Ей удалось на некоторое время проделать брешь в кольце вражеского окружения, через которое затем выйти через Гологоры на воссоединение с 8-й танковой дивизией.

Для прикрытия правого фланга германских частей в районе Белжец—Скварява надо было отвести с северного участка фронта 454-ю охранную дивизию. Давление неприятеля на северной и восточной границах котла стало теперь настолько сильным, что в ночь на 22 июля стала ясна необходимость прорыва кольца окружения для ядра корпуса на широком фронте. Причем делать это надо было в ситуации полной неосведомленности об истинном положении дел на фронте и, как оказалось ясным впоследствии, ошибочном предположении о том, что корпус южнее шоссе Золочев—Львов соединится с танковыми дивизиями XXXXVIII танкового корпуса, которые в тот момент уже были оттуда отведены. Сколь силен неприятель на юге, еще предстояло с катастрофической ясностью узнать.

Поскольку приказ о прорыве до большинства частей не дошел, он был повторен, но на этот раз его было приказано осуществить в ночь с 21 на 22 июля. Теперь с этим приказом было ознакомлено командование практически каждой заключенной в котле части. В штабе корпуса уже царило подавленное настроение, витали сомнения в успехе операции. В котле же господствовала неописуемая неразбериха, все вертелось в водовороте предстоящих событий. Теперь уже вряд ли можно было выделить какую-либо отдельную часть, все перемешалось в общем хаосе.

Около 1.00 ночи оставшаяся часть корпусной группы «Ц» (боевая группа 339-й дивизии) и полк из состава 349-й дивизии, который нашел сюда дорогу, изготовились к последнему броску к железнодорожной насыпи южнее Бонишина тремя штурмовыми группами под командованием командиров обеих дивизий. Вскоре после 3.00 утра, когда темнота ночи еще скрывала местность, ударные группы начали атаку. Находившийся на юге враг до сих пор пока еще ни-

чего не замечал. Но с началом атаки русские с расположенных на холмах позиций своих войск между селами Вороняки и Ласковое обрушили на германские части прорыва огонь из всех видов оружия. Танки, противотанковые орудия, зенитки, минометы и станковые пулеметы пытались остановить удар наступающих. Но даже без какой-либо поддержки тяжелого вооружения и артиллерии, которое едва ли можно было использовать в таких условиях, лишь подбадривая себя криками «Ура!», офицеры и солдаты под предводительством обоих генералов обрушились на вражеские позиции на высотах, с громадными потерями прорвали их и двинулись к шоссе. При этом в ближнем бою было уничтожено много танков. И даже усилившийся с рассветом огонь артиллерии не смог остановить наступающие войска. Около 5.00 утра покрытые лесом холмы около села Ясеновцы были взяты, само селение и деревня Залесье тоже оказались занятыми германскими частями, прорыв левой ударной группы в количестве 5 тысяч человек увенчался успехом — они смогли продвинуться дальше на юго-запад.

Конец 30 тысяч германских солдат

С этого дня — 22 июля — XIII армейский корпус прекратил свое существование. Правая и центральная ударные группы, где двигался командующий корпусом со своим штабом, прорваться к германским частям не смогли. После того как по меньшей мере одна ударная группа успешно совершила прорыв, для всего сбитого в плотную массу, двигавшегося за ней ядра корпуса не оставалось больше никаких сдерживающих моментов, каждый солдат мыслил только об одном — как вырваться из котла.

У запертых в котле солдат, с севера преследуемых по пятам противником, с востока также теснимых все больше набирающим силы врагом, на западе отрезанных болотами и русскими, оставался только один путь к свободе — на юг, через шоссе Золочев—Львов. Но это был ужасный, смертельный путь. Русские быстро заделали бреши на фронте, и теперь перед германскими войсками в полном свете дня расстилалось большей частью совершенно открытое пространство, отлично просматривающееся и простреливающееся врагом. Без всякого порядка и строя, без прикрытия и связи между подразделениями, волна за волной, германские солдаты с криком «Ура!» устремились вперед. Плотными рядами и

колоннами, кое-где под командованием офицеров, а чаще всего предоставленные самим себе, тысячи и тысячи солдат пытались штурмовать позиции русских. Обозники, раненые, тыловые части, солдаты дивизий, которые ранее прикрывали тылы, перемешались в совершенном беспорядке в своем стремлении прорвать заслоны врага. Погонщики ожесточенно рвали поводья, бросая свои телеги из стороны в сторону, грузовики и тягачи лавировали в плотной людской массе, уворачиваясь от взметающихся фонтаном разрывов, гремели взрывы снарядов, завывали «сталинские орга́ны», сухим стаккато строчили пехотные пулеметы и автоматы. Огонь врага выискивал себе все новые и новые жертвы, солдаты падали на землю и оставались лежать неподвижно, мертвые или раненые. Повсюду ужасные картины — убитые лошади, разорванные взрывами грузовики, горящие автомобили, подбитые последние тягачи и взорванные штурмовые орудия. Если кто-то падал, он оставался лежать и был обречен — людской поток захлестывал его и стремился только вперед. Все новые и новые группы штурмующих рвались вперед, вдоль линии железной дороги южнее села Княжее, бежали по лугам навстречу врагу с полным презрением к смерти и врывались в траншеи русских позиций, где сражались врукопашную, один на один с врагом. Но в ходе этого штурма вверх по склону, на лесных опушках у сел Вороняки, Залесье и Лука, потери ничем не защищенных и не прикрытых солдат были просто огромными. В непрерывный треск пулеметных и автоматных очередей вливался могучий рык артиллерийских орудий, которые вели огонь с западного и восточного, а потом еще и северного направлений по исходным позициям прорывающихся войск. Да еще и советская авиация. В этом адовом огне с четырех сторон и с неба, с громадными потерями захлебнулась трех с половиной часовая попытка прорыва, многочисленные отдельные боевые группы были полностью уничтожены. Судьбу многих и многих своих солдат разделили и их командиры. Командующий корпусом генерал Хауффе погиб в бою, начальник штаба корпуса пал во главе батальона, командование которым он взял на себя, командир 454-й охранной дивизии был тяжело ранен в голову, командир 361-й дивизии был раненым взят в плен, командиры боевых групп 183-й и 217-й дивизий пропали без вести.

Лишь очень немногим удалось сквозь вражеский огонь добраться до лесного массива юго-восточнее села Ласковое. Здесь они встретились с отдельными разрозненными небольшими группами из состава различных дивизий, в некоторых группах были еще и раненые. Объединившись, они через несколько дней сумели выйти

к тыловым частям значительно отклонившегося от своего первоначального направления XXXXVIII танкового корпуса. Что им пришлось пережить в эти дни, уцелевшие бойцы вспоминать не любят.

Майор Плян из боевой группы Крюгера (подчиненной 349-й пехотной дивизии) сообщил[1*]:

«18 июля 1944 года

Боевая группа, неся тяжелые потери, удерживает Колтов и отбивает все атаки врага. Артиллерийская батарея, ведя заградительный огонь, расстреляла весь свой боезапас. По сообщениям дивизии, сохраняется полностью неопределенное положение. Из-за дождей, начавшихся 17 июля, дороги стали малопроезжими.

19 июля

Около полудня русские предприняли мощную атаку на высоту 374 и Колтов. Атаке предшествовал 20-минутный обстрел высоты и наших позиций из орудий и «сталинских орга́нов», несколько эскадрилий бомбили Колтов. Неприятелю удалось захватить высоту и населенный пункт. Мотопехотинцы отошли на северо-запад... Из-за непрерывных дождей все дороги стали совершенно непроезжими. Стало известно, что наша боевая группа полностью окружена.

20 июля

На рассвете начался прорыв в южном направлении. Передовые части продвинулись довольно далеко вперед. 2-й батальон 8-го моторизованного полка нанес удар по высоте 334 у селения Жуличи, взял село и продвигается дальше к югу, занял лесной массив между селами Почапы и Хильчицы и идет с боями дальше.

21 июля

Во второй половине дня командир 349-й пехотной дивизии получил приказ из штаба корпуса о том, что ему с 21.00 предоставляется свобода действий. Генерал-лейтенант Лаш тотчас же собрал военный совет, на котором в конце концов было решено идти на прорыв кольца окружения... Все части должны были как пехотинцы пробиваться на юг. Тяжелое вооружение и транспортные средства следовало предварительно привести в негодность или взорвать... Лейтенанту Мессершмидту было поручено попытаться эвакуировать раненых на бронированном тягаче...

С наступлением темноты остальные части дивизии в длинных колоннах выступили, стараясь как можно меньше шуметь, в южном направлении...

[1*] *Haupt W.* Die 8. Panzerdivision im 2. Weltkrieg.

22 июля

Наши планы стали известны неприятелю... Когда наши части подошли к железнодорожной линии Золочев—Красное, русские внезапно открыли огонь. Ночной прорыв осуществить не удалось. С наступлением рассвета огонь врага усилился, «сталинские орга́ны» вели заградительный огонь. Дивизия разделилась на отдельные боевые группы, которые под командованием своих офицеров с громким «Ура!» пошли на штурм позиций русских войск на вершинах холмов. После тяжелого боя, продолжавшегося около часа, частям дивизии удалось прорвать кольцо окружения и уйти на юг...

Остатки боевой группы Крюгера в один из последующих дней южнее Вишневчика все же вышли на КП 8-й танковой дивизии...»

События, происшедшие после 22 июля, позднее описал вернувшийся из советского плена католический капеллан Бадер из 454-й охранной дивизии[1*]:

«В то утро я был в одном из батальонов моей дивизии, который стоял в селе Княжее. Около полудня я встретил генерала Хауффе на северной окраине этого села. Что делать сотням людей, которые не знают, куда податься? Он ответил: «Противник слишком силен, сопротивление бесполезно. Нельзя больше позволить ему перемалывать наши силы. Возможно, есть смысл дождаться ночи и еще раз попробовать вырваться. Положение безнадежно!»

Мы молча пожали друг другу руки, прощаясь, и он удалился вместе с полковником фон Хаммерштейном — начальником штаба дивизии — и другими офицерами штаба. С этого момента в котле уже не было никакой командирской власти. По сбившимся на тесном пространстве войскам непрерывно вели огонь «сталинские орга́ны». Не исчезая ни на минуту, кружили в небе эскадрильи русских самолетов, с бреющего полета пулеметно-пушечным огнем и бомбами штурмуя скопления транспорта... По всему периметру котла стояли орудия и минометы русских, из всех стволов ведя огонь по его внутреннему пространству, заполненному целями. Противник овладевал одной батареей германских орудий за другой, рота за ротой переставала существовать — повсюду горели автомашины и тягачи, взрывались бензобаки, заглушая стоны раненых и умирающих людей. Лучи солнца едва пробивались сквозь облака дыма и гари. Земля тряслась и ходила под ногами. Многие солдаты в этом аду сохраняли самообладание вплоть до гибельного

[1*] *Lange W.* Korpsabteilung C.

конца, другие от ужаса происходящего впадали в какой-то ступор и не были способны принимать решения, некоторые кончали с собой.

Русские обрекли корпус такой судьбе, потому что он последние полгода задерживал их успешное продвижение вперед. Когда в этот день 22 июля кроваво-красное солнце спустилось к горизонту, XIII армейский корпус был ликвидирован: на поле боя лежало от 25 до 30 тысяч германских солдат. Еще несколько тысяч пару дней блуждали по лесам, ища спасения. Над остальными опустилась долгая ночь и глубокая тишина русского плена...»

К этим немногим строкам, повествующим об ужасах котла, добавить нечего. Те, кто не решился идти на прорыв или отступил, закончили свои дни, будучи убитыми, ранеными или взятыми в плен на постоянно сжимавшемся пространстве котла, непрерывно обстреливаемыми и бомбардируемыми с земли и с воздуха.

Но лишь еще только однажды в ночь с 22 на 23 июля большой группе, состоявшей из солдат и офицеров различных германских частей, удалось просочиться сквозь русский фронт западнее села Ясеновцы. Остальные части вели бой в окружении весь день 23 июля в лесном массиве западнее Бонишина и позднее смогли мелкими группами выйти из него.

Судьба многочисленных отставших от своих частей военнослужащих и солдат арьергарда, которые после неописуемых страданий и лишений, проделав пешком по лесам от 300 до 400 километров, все же сумели к середине августа добраться до германской линии фронта в венгерских Карпатах (фронт стоял в предгорьях Карпат на территории Западной Украины; Карпаты здесь (Восточные) никак не венгерские, но Западная Украина была оккупирована Венгрией. — *Ред.*), просто потрясает и достойна отдельного описания.

XIII корпус перестал существовать — и большое шоссе на Львов было открыто для противника. После своего прорыва на фронте группы армий «Северная Украина» советский 1-й Украинский фронт начал широкое наступление в сторону Южной Польши. Польский город Львов был занят советскими войсками 27 июля, почти день в день спустя три года после того, как в него (30 июня 1941 года) вошли германские войска. В этот же день был оставлен Перемышль.

Точное число погибших с германской стороны в составе XIII корпуса до сих пор неизвестно. Из котла смогли вырваться в общей сложности около 12 тысяч человек. Русские называют более 30 тысяч погибших и 17 тысяч взятых в плен германских солдат и офицеров — числа, вполне похожие на близкие к истинным[1*]. Наряду

[1*] *Lange W.* Korpsabteilung C.

с этими громадными потерями личного состава были утрачены также весь гужевой транспорт и все военное снаряжение и вооружение.

Участвовавшие в боях танковые дивизии также были в значительной степени обескровлены. Назовем здесь для примера только одну цифру. 8-я танковая дивизия в июле месяце за две недели тяжелых боев потеряла 2361 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а из техники — 8 (видимо, ошибка — не 8, а 80. — *Ред.*) танков, 77 бронетранспортеров и 24 орудия.

Из числа пленных назад вернулись немногие, среди них генералы Недтвиг и Линдеманн, которые увидели родину только через десять лет.

Из сводок вермахта

15 июля

«...На южном участке Восточного фронта советские войска из района Тернополя и Луцка предприняли ожидавшееся наступление. Вчера все их атаки в тяжелых боях были отбиты, при этом уничтожено много танков, отдельные прорывы ликвидированы...»

16 июля

«...Во время боев в районе Тернополя и Луцка наши дивизии отразили наступление большевиков, поддержанное крупными силами танков. Контратаками наших войск уничтожено много танков и устранены или сокращены возникшие прорывы фронта...»

17 июля.

«...На южном участке Восточного фронта оборонительные бои восточнее верховьев Западного Буга приобретают все более ожесточенный характер. В ходе тяжелых с переменным успехом сражений были остановлены советские войска, наступающие из района Тернополя и Луцка. В течение последних дней здесь было уничтожено 125 вражеских танков...»

18 июля

«...На юге Восточного фронта Советы ведут наступление крупными силами восточнее верховьев Западного Буга. Наши дивизии контрударами отбили все попытки врага прорвать нашу линию обороны...»

19 июля

«...На южном участке Восточного фронта усиливаются удары неприятеля, в особенности восточнее верховьев Западного

Буга. Здесь разгораются тяжелые бои с наступающим на Лемберг (Львов. — *Ред.*) неприятелем. За период с 14 июля на этом участке уничтожен 431 советский танк...»

20 июля

«...На Восточном фронте наши дивизии ведут тяжелые оборонительные бои восточнее Лемберга (Львова). Попытки врага прорвать линию фронта в направлении на сам город отбиты...»

21 июня

«...На востоке с неослабевающей напряженностью продолжаются сражения в районе Лемберга (Львова). Наши дивизии продолжают оказывать Советам упорное сопротивление и наносят им большой урон...»

22 июля

«...На востоке контрударами наших войск ликвидированы бреши фронта восточнее Лемберга (Львова). Северо-западнее города остановить продвижение советских войск пока не удалось...»

23 июля

«...На востоке продолжается ожесточенное оборонительное сражение. В районе Лемберга (Львова) передовые части наступающего противника приблизились к восточной окраине города...»

Соединения и части XIII армейского корпуса

Командующий — генерал пехоты Хауффе со своим штабом

Корпусные группы

Тыловые службы

454-я охранная дивизия (генерал-майор Недтвиг)

361-я пехотная дивизия (генерал-майор Линдеманн)

Корпусная группа «Ц»[1*] (генерал-майор Ланге) с боевыми группами из состава 183, 217 и 339-й дивизий, численностью до полка

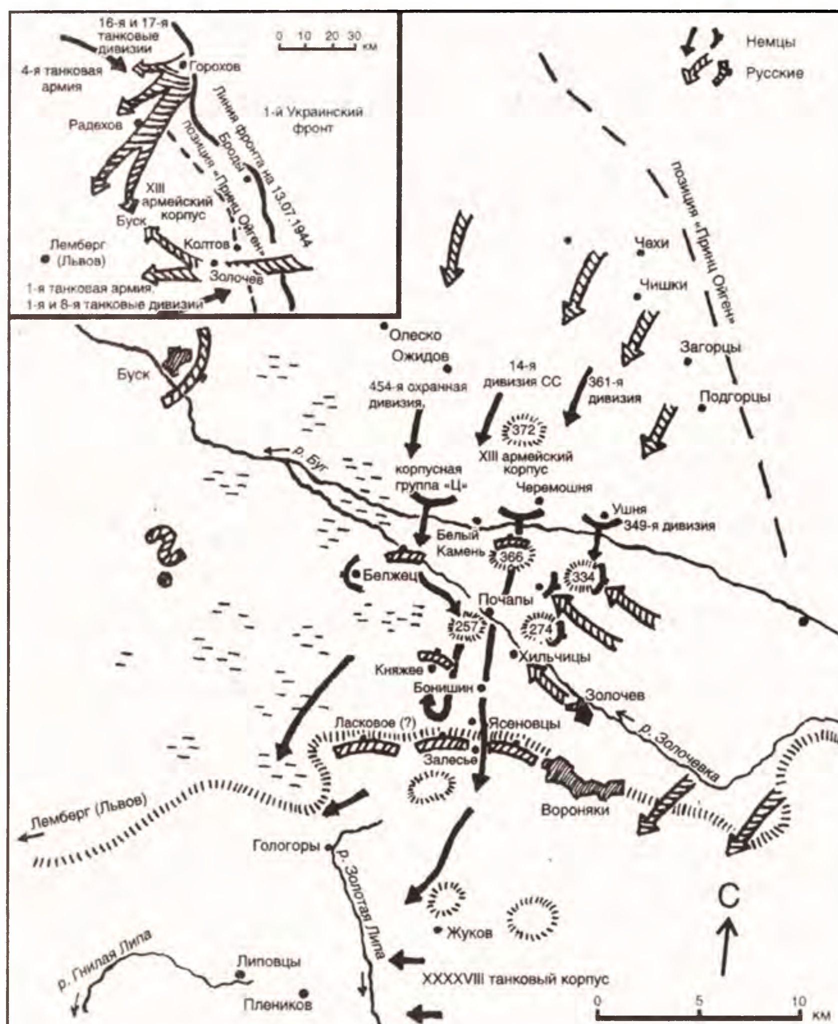
14-я добровольческая дивизия СС «Галиция» (бригадефюрер СС Фрайтаг)

349-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Лаш)

Боевая группа из 8-й танковой дивизии (полковник Крюгер), в подчинении у 349-й пехотной дивизии, состоящая из штаба 8-го моторизованного полка, 2-го батальона 80-го моторизованного полка, смешанной саперной роты

249-я бригада штурмовых орудий

[1*] Пояснения к составу корпусных групп см. в главе «Черкассы».

16-я и 17-я
танковые
дивизии
Горохов
4-я танковая
армия
Радехов
Линия фронта на 13.07.1944
позиция «Принц Ойген»
Броды
1-й Украинский
фронт
XIII
армейский
корпус
Буск
Колтов
Лемберг
(Львов)
Золочев
1-я танковая армия,
1-я и 8-я танковые дивизии
0 10 20 30 км
Немцы
Русские
позиция «Принц Ойген»
Чахи
Чишки
Загорцы
Подгорцы
Олеско
Ожидов
454-я охранная
дивизия
14-я
дивизия СС
361-я
дивизия
372
XIII армейский
корпус
Буск
р. Буг
корпусная
группа «Ц»
Черемошня
Ушня
349-я дивизия
Белый
Камень
366
334
Белжец
Почапы
257
274
Хильчицы
Княжве
Бонишин
Золочев
р. Золочевка
Ласковое (?)
Ясеновцы
Залесье
Вороняки
Лемберг (Львов)
Гологоры
р. Золотая Липа
С
Жуков
р. Гнилая Липа
Липовцы
Плеников
XXXXVIII танковый корпус
0 5 10 км

Глава 6

РУМЫНИЯ: ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕРНАЯ УКРАИНА»

Катастрофа между Днестром и Прутом

Бессарабия расположена на севере Румынии (Бессарабия с 1812 года в составе Российской империи (отбита у Турецкой империи). В 1918 году оккупирована Румынией. В 1940 году возвращена в состав СССР (наследника Российской империи). На части Бессарабии образована Молдавская ССР в составе СССР, южная часть Бессарабии включена в состав Украинской ССР в составе СССР. С 1991 года эти земли соответственно в составе Молдовы и Украины. — *Ред.*). Лежащая в нижнем течении Днестра, она представляет собой тихий уединенный уголок земли с пологими холмами, широкими лощинами, перелесками и ручьями, полями и лугами, шелковичными садами и акациевыми зарослями, с крытыми соломой хатами небольших сел — крестьянская страна с главным городом провинции (с 1940 года Молдавской ССР — союзной республики СССР. — *Ред.*) Кишиневом. По этому идиллическому ландшафту спокойно несет меж высоких скалистых берегов свои воды к Черному морю Днестр. Дальше к западу между покрытыми лесом холмами петляет широкая долина Прута. Меж холмов с круто падающими обрывами река со своими многочисленными притоками с топкими берегами и заливными низинами прокладывает свой путь на юг, впадая в Дунай недалеко от его устья.

Таким был край, в котором предстояло решиться судьбе более чем 270 тысяч германских солдат.

До этого времени война почти что не затронула Бессарабию. Германо-румынское наступление на Советский Союз в 1941 году за несколько дней преодолело пограничную реку Днестр, стихающим валом прокатилось дальше на восток, и в этой стране опять воцарилась тишь да гладь.

Однако этот блаженный покой (по мнению автора. — *Ред.*) весной 1944 года все же начал постепенно меняться. Стали появляться, следуя из Южной России, военный транспорт и воинские части.

Их офицеры и солдаты называли себя «передовыми командами». Затем их стало прибывать все больше и больше, запылили по дорогам длинные колонны самых различных грузовиков, запряженные лошадьми обозные телеги, и, наконец, побрели бесконечные маршевые колонны уставших и исхудалых германских и румынских солдат (уцелевших в ходе разгрома немцев и румын на Правобережной Украине. — *Ред.*). Затем все эти колонны становились все тоньше и тоньше, вдали стала слышна приближающаяся канонада, в небо взвились столбы дыма от горящих деревень. Протянулись последние арьергарды, а потом пришли русские, которые на юге Восточного фронта подошли к Днестру (в апреле 1944 года, а севернее 28 марта форсировали реку Прут, перенеся военные действия на территорию Румынии. — *Ред.*).

Тонкая линия германо-румынской обороны на Днестре

После тяжелых сражений и многонедельного отступления из России отходящие германские и румынские части снова подошли к Днестру и начали занимать позиции вдоль его берегов. Здесь враг, наконец, должен был быть остановлен и отброшен. Так, по крайней мере, это виделось в ту пору.

Германские солдаты облегченно вздохнули — наконец-то снова основательный фронт за естественным препятствием, которое представляла собой широкая река. Повсюду в тылу, в деревнях и городах покрупнее, начались повседневная жизнь и занятия войск, готовящихся к долгим оборонительным боям. Штабы армий, корпусов и дивизий обустраивались на новых местах, тыловые части и обозники налаживали жизнь в местах расквартирований, организовывали базы снабжения, склады боеприпасов, пункты питания и лазареты. Телефонисты тянули линии связи, посыльные ездили по дорогам, артиллерия занимала места на огневых позициях. Перед ней, ближе к переднему краю обороны, создавались узлы обороны с тяжелым оружием — минометами, противотанковыми и полевыми орудиями, а перед ними занимали свои оборонительные позиции полки, батальоны и роты.

Все вокруг прилежно копали, окапывались и строили. Возникал передний край обороны с его передовыми траншеями, прикрытыми спереди проволочными заграждениями и минными полями, с блиндажами и ходами сообщения. В тылу за ним, на основе полученного опыта, рылись новые траншеи, протягива-

лись линии надолбов, организовывались опорные пункты, КП, противотанковые рвы, короче, закамуфлированные оборонительные позиции. В результате нескольких недель работы возникла эшелонированная система обороны — по большей части еще не занятая войсками.

Война не давала забыть о себе краткими и более продолжительными схватками, как, например, когда немцы с румынами пытались удержать плацдарм по ту сторону Днестра в районе Дубоссар или когда советские войска смогли захватить большой плацдарм по эту сторону Днестра у Тирасполя, — но в целом стояло затишье, на всем участке фронта вдоль Днестра особых событий не происходило. Города Кишинев и Яссы стали, по существу, большими тыловыми городами, в которых солдаты могли несколько развеяться и отдохнуть от рутины своего существования на передовой.

Это существование тянулось примерно до середины августа, который горячей пеленой лежал над страной.

К этому времени оборонявшиеся на северной границе Румынии (уже говорилось — в основном на территории СССР. — *Ред.*) находились под общим командованием группы армий «Южная Украина»» и располагались следующим образом.

Справа в нижнем течении Днестра до Черного моря располагалась румынская 3-я армия в составе трех армейских корпусов. В них входили 5 румынских дивизий, 1 румынская бригада, германская 9-я пехотная дивизия и германская бригада штурмовых орудий. Далее на широком выступе фронта следовала — сначала вдоль Днестра, затем резко загибаясь к течению Реута — «вторая» германская 6-я армия[1*] в составе 4 армейских корпусов общей численностью 14 германских, 1 румынской дивизии и 3 бригад штурмовых орудий. Далее на запад располагались румынская 4-я армия, и к северо-востоку замыкала фронт германская 8-я армия в составе 5 румынских и 3 германских корпусов, состоявших из 15 румынских и 6 германских дивизий, а также 4 германских бригад штурмовых орудий.

В резерве группы армий находились: 1 фронтовая учебная дивизия, 1 моторизованная дивизия, 1 танковая дивизия, кроме того, 1 румынская танковая дивизия и некоторые румынские пехотные дивизии и бригады (см. перечень).

В общей сложности фронт занимали 24 германские дивизии и 25 румынских дивизий или бригад суммарной численностью

[1*] Первая германская 6-я армия была уничтожена в Сталинграде. Однако и «вторая» 6-я армия («мстителей») была большей частью уничтожена в боях на Правобережной Украине. — *Ред.*)

около 650 тысяч человек, в том числе 340 тысяч германских солдат. (Вся группировка немцев и румын насчитывала 47 дивизий и 5 бригад. Общая численность личного состава 900 тысяч человек. На их вооружении имелось 7600 орудий и минометов, свыше 400 танков и штурмовых орудий. С воздуха их поддерживали 800 самолетов части сил 4-го воздушного флота и румынского авиакорпуса. — *Ред.*)

Этой обманчиво-громадной армии на первый взгляд вполне хватило бы для длительной обороны всего Южного фронта, если бы противник и дальше вел себя относительно тихо. С самого начала, однако, командование фронта применяло уже избитую линейную тактику, располагало незначительными резервами, а количество имеющихся в его распоряжении танков и штурмовых орудий было слишком незначительным. И еще два фактора вводили в заблуждение. Германские части к этому периоду войны представляли собой отнюдь не ту ударную силу, какой они некогда были. Так, штатная численность пехотной дивизии должна была составлять 12—14 тысяч человек и 6 тысяч лошадей. Но такая численность существовала только в веривших в фюрера и в победу боеспособных соединениях первых лет войны. Гложущие душу сомнения в исходе войны одолевали очень и очень многих. Известия о событиях на остальных фронтах на Востоке и на Западе звучали удручающе, авиация западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции массированными бомбардировками стирала немецкие города. Многие офицеры и солдаты, имевшие опыт фронтовых сражений, уже пали в боях, и в занявших оборону на Днестре частях было лишь около 15—20% военнослужащих с опытом боев на Восточном фронте. Контингент личного состава в основном состоял из недостаточно подготовленных юных новобранцев либо из солдат старших возрастов, служивших ранее в самых различных тыловых частях и никогда не бывавших прежде в реальных боевых условиях. Ко всему прочему, мобильность дивизий к этому периоду значительно снизилась. Уничтоженные в боях бронетранспортеры, грузовики и гусеничные вездеходы по большей части сменили запряженные лошадьми телеги. Противотанковые орудия и средства борьбы с танками имелись в совершенно недостаточном количестве, средства связи весьма ограничены, снаряды для артиллерийских орудий зачастую поступали отвратительного качества.

Другим отрицательным фактором стали румынские дивизии. У них все выглядело еще хуже, чем в германских частях. Они были предельно плохо вооружены и оснащены, к тому же их боевой дух

все больше и больше падал по мере постоянного отступления германских войск с начала 1943 года, куда большей была и их усталость от боев. Хотя румынский вождь маршал Антонеску продолжал оставаться верным и надежным союзником Германии, с некоторых пор в кругах румынского высшего военного руководства стали распространяться антигерманские настроения, и высшие румынские офицеры начали склоняться к предательству Германии и к государственному перевороту в своей стране. Новый командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер[1*] быстро оценил обстановку, и одним из его первых мероприятий после вступления в должность командующего стало обращение к высшему военному руководству с предложением, ввиду военной необходимости, отвести ослабевший фронт в Карпаты и за Дунай. Разумеется, предложение это было резко отклонено Гитлером, который все так же — несмотря на слишком частые примеры — не желал и слышать об отводе фронта, но на этот раз соизволил привести основание для такого запрета: прочные союзнические узы с Румынией и острейшая военная необходимость контроля над румынскими нефтяными месторождениями. Однако — как уже упоминалось — политические и экономические основания имеют смысл только в том случае, если для этого страна располагает достаточной военной силой, что было неоднократно доказано. В данном случае военной силы оказалось недостаточно для того, чтобы удержать румынского союзника от предательства[2], и группа армий была обречена на катастрофу.

СССР, со своей стороны, не помышлял о том, чтобы на сколько-нибудь длительный срок откладывать свое наступление, и, что было еще более ошибочно, немецкая сторона не только не обращала внимания на возможные действия румын, но и недооценивала этот участок фронта, не проявляя никакого внимания к тому, что в действительности делали на той стороне советские войска. Анализируя передвижения войск на вражеской стороне фронта, высшее германское командование пришло к ошибочным выводам. Существовало даже мнение, что советское руководство намерено оттянуть часть сил с южного участка Восточного фронта, чтобы усилить ими до сих пор продолжавшееся мощное и успешное наступление против группы армий «Центр». До начала августа считалось, что причин для сколько-нибудь значительного беспокой-

---

[1*] С конца июля.

[2] Имеется в виду арест румынского диктатора маршала Иона Антонеску с санкции короля Румынии Михая I 23 августа 1944 года и выход Румынии из войны 24 августа.

ства просто-напросто нет. По всей протяженности фронта, не считая локальных операций, противник вел себя довольно спокойно, осуществляя лишь обычный артобстрел да время от времени беспокоя немцев и румын налетами авиации. Подобная видимость спокойствия вводила в заблуждение, и у высшего военного командования сформировалось устойчивое, хотя и совершенно ошибочное, мнение, что главные события будут продолжать разворачиваться на фронте группы армий «Центр».

Лишь когда на западном участке Южного фронта было замечено движение формирований противника, командование стало озабочиваться происходящим. Тем не менее вплоть до 16 августа считалось, что все происходящее означает не более чем подготовку к несколько более масштабному локальному удару.

Так, например, 6-я армия, расположенная на дуге фронта в среднем течении Днестра, сообщала в штаб группы армий: «Не происходит ничего. Повсюду спокойствие».

Достоверно сказать можно было, во всяком случае, только одно, и это вскоре должно было вызвать всеобщее замешательство, — то, что мероприятия врага по подготовке нового крупного наступления на юге Восточного фронта во всем их размахе не были своевременно установлены. Даже обычно надежно работавшее управление «Иностранные армии Востока» Генерального штаба сухопутных сил на этот раз ошиблось с оценкой времени и масштабов вражеского наступления и считало его маловероятным. Советскому же командованию вполне удалось скрыть огромное по своему размаху сосредоточение своих войск и техники и ввести германское руководство в заблуждение.

К тому же было еще нечто, что осталось для немцев скрытым и таким, на что — тогда недостаточно — обращали внимание. С румынами что-то было не в порядке. Там происходило нечто неощутимое и недоказуемое, словно до сих пор верный военный союзник замышлял что-то втайне, а в Яссах среди населения вовсю ходили слухи об ожидаемом вскоре перевороте. Через какое-то не слишком продолжительное время можно было бы установить, что — не считая того, что основная масса румынских войск едва ли оказывала достойное сопротивление, — отдельные части стали изменять уже открыто. Как уже говорилось, Советы отнюдь не рассчитывали ограничиваться наступлением на юге Восточного фронта с выходом к Днестру, старой (до 1940) русско-румынской границе. Тайно и тихо они сосредоточили — поскольку, по всей вероятности, располагали неограниченными резервами живой силы и техники на всех участках Восточного фронта —

новые силы для наступления и бросили в бой громадную вооруженную мощь.

Здесь сконцентрировались под общим командованием маршала Тимошенко (представитель Ставки, координировавший действия 2-го и 3-го Украинских фронтов) в районе севернее города Яссы силы 2-го Украинского фронта (командующий — генерал армии Малиновский) в составе 6 армий (40-я, 7-я гвардейская, 27, 52, 4-я гвардейская и 53-я), 1 танковой (6-я) армии (из двух корпусов), а также конно-механизированной группы 18-го танкового корпуса. Всей этой армаде была придана 5-я воздушная армия.

На большом советском плацдарме в районе Тирасполя (а также на фронте от Оргеева в междуречье Днестра и Прута и по Днестру до Днестровского лимана) располагался в полной готовности 3-й Украинский фронт (под командованием генерала армии Толбухина) в составе 4 армий (5-я ударная, 57, 37 и 46-я), 2 отдельных механизированных корпусов (7-го и 4-го гвардейского) и 17-й воздушной армии.

Совокупная боевая мощь советских войск: 94 стрелковые дивизии, 6 танковых и механизированных корпусов, 1 кавалерийский корпус и многочисленные отдельные части, в общей сложности 930 тысяч человек (1 миллион 250 тысяч человек. — *Ред.*) с 16 тысячами орудий, реактивных минометов и минометов всех калибров, 1400 (1870. — *Ред.*) танками и самоходными орудиями, а также 1760 (2200. — *Ред.*) самолетов.

Этим готовым к наступлению силам противостояли на направлениях главных ударов всего лишь 6 германских корпусов (четыре из них входили в состав 6-й армии) и 2 румынских корпуса с 18 германскими и 7 румынскими дивизиями, а также 4 бригады, кроме этого, 2 германские танковые дивизии и 5 штурмовых стрелковых бригад, всего общей численностью около 270 тысяч германских и приблизительно 200 тысяч румынских солдат с всего только 160 танками (из которых более половины было в составе румынской танковой дивизии), 283 штурмовыми орудиями и штурмовыми гаубицами. Их действия поддерживали 232 самолета германских ВВС. (Всего немцы и румыны имели 47 дивизий и 5 бригад, 900 тысяч человек (соотношение 1 : 1,4), 7600 орудий и минометов (1 : 2,1), 404 танка и штурмовых орудия (1 : 4,7), 810 боевых самолетов (1 : 2,7). — *Ред.*) Таким образом, снова имело место громадное превосходство врага в артиллерии, танках и авиации.

Ситуация во многом была схожа с той, которая сложилась под Сталинградом перед зимой 1942/43 года и из которой так и не было извлечено уроков, — снова врагу противостояла вновь сфор-

мированная 6-я армия, снова справа и слева от нее располагались румынские дивизии, снова отсутствовали какие бы то ни было серьезные резервы. Но все же не это громадное вражеское превосходство в силах быстро привело к непредвиденной и вплоть до сегодняшнего дня не осмысленной катастрофе. Советские войска наступали — точно так же, как и под Сталинградом, — массами своей пехоты и танками через брешь в германско-румынском фронте на оба фланга 6-й армии, в точности на стык между соседними румынскими корпусами западнее Прута под Яссами и со своего плацдарма у Тирасполя. Кроме этого, русские имели большое преимущество в том, что им уже не однажды приходилось с боем форсировать крупные водные преграды типа Днестра.

Но истекающая отсюда опасность для германской стороны все еще не была в полной мере осознана. Даже после того, как с исчерпывающей ясностью вырисовались намерения неприятеля, группа армий «Южная Украина» рассчитывала на то, что ей придется иметь дело не с широкомасштабным ударом на Яссы, но всего лишь со вспомогательным ударом от Тирасполя.

Командование 6-й армии воспринимало происходящее лишь с несколько большей долей тревоги и докладывало 19 августа:

«Существует также возможность того, что нечто будет происходить на нашем правом фланге...»

Однако уже было поздно предпринимать решительные мероприятия, поскольку в тот же самый день уже появились первые предвестники надвигающегося шторма: с раннего утра после сильной артподготовки советские войска атаковали правый фланг румынской 4-й армии и восточный фланг 6-й армии.

Но это была всего лишь активная разведка боем силами от роты до батальона, призванная прощупать германо-румынский фронт и найти в нем слабые места. Во второй половине дня на позиции румынского VI корпуса в течение трех четвертей часа обрушивался артиллерийский огонь. Пошедшему затем в атаку неприятелю удалось прорвать позиции корпуса и захватить господствующие над местностью высоты.

Однако это было только начало. На всем остальном фронте по обе его стороны царило зловещее спокойствие.

Вечером этого дня 19 августа и в течение наступившей ночи германские дозорные докладывали об удивительных вещах: с советской стороны фронта наблюдались сигнальные ракеты и сброс осветительных бомб на парашютах, кое-где с румынской стороны

на эти сигналы отвечали соответствующим образом. Однако никто не мог понять, что означают эти сигналы, которые, впрочем, могли быть просто случайным совпадением, да и вообще не иметь особого значения. Что это означало на самом деле, вскоре самым неприятным образом показали грядущие события.

«Черный день» 20 августа

Следующим днем — 20 августа — стало воскресенье.

Багрово-алым жгучим шаром на востоке поднималось над горизонтом солнце. На небе этого раннего утра не было ни облачка, оно обещало ясный летний день. Было 5.00 утра.

И в этот момент с запада, от Ясс, донесся глухой рев — это ударили залпом тысячи легких и тяжелых орудий, «сталинские орга́ны» и минометы[1*]. Неприятель начал артподготовку из орудий всех калибров, с такой плотностью огня, какой еще никогда не приходилось видеть. Полтора часа обрушивались снаряды, мины и ракеты на полосу германской обороны глубиной в восемь километров, которую удерживали румынские IV и VI корпуса и германская 76-я дивизия. Солнечный диск скрылся за непроглядной стеной из дыма, гари и поднятой высоко в воздух иссушенной летним зноем почвы. Артиллерийский огонь крушил возведенные препятствия, перепахивал траншеи и позиции, обрушивал блиндажи и подбрустверные укрытия, уничтожал и ранил личный состав. В небе гудели эскадрильи советских самолетов, подвергавших бомбардировке ближние тылы фронта.

В 6.30 передовые стрелковые дивизии Красной армии двинулись в наступление. Советская пехота наступала на фронте шириной около 30 километров, сопровождаемая танками, густыми массами вслед за огневым валом, поддерживаемая с воздуха большим числом штурмовиков.

И теперь это была уже не массированная атака, это стало началом крупномасштабного наступления врага!

На позициях, находившихся на острие вражеского удара, пережившие артподготовку германские и румынские солдаты, выкарабкавшись из своих полуразрушенных блиндажей и укрытий, внезапно оказались перед лицом красноармейцев, появившихся из плотных клубов дыма и поднятой в воздух земли, которые,

---

[1*] Плотность артиллерии составляла 200—220 стволов на километр линии фронта (на участках прорыва до 240—280 орудий и минометов на 1 км фронта. — *Ред.*).

стреляя и крича, принялись уничтожать полуоглушенных обороняющихся.

Стойкость румынских частей — если они вообще когда-либо обладали ею — исчезла почти мгновенно. Части обоих румынских корпусов, как потом можно было предположить, по предварительной тайной договоренности с наступающим противником, практически без всякого сопротивления оставили свои позиции. Оборона остальных соединений была очень быстро прорвана. И только румынский VI корпус, подчиненный германской 76-й дивизии, в этом почти уже безнадежном положении все же оказал сопротивление наступавшим.

Еще раздавались тут и там автоматные очереди, еще взлетали в воздух и рвались ручные гранаты, брошенные германскими солдатами, еще группировались оставшиеся в живых пехотинцы вокруг своих ротных или взводных командиров, ведя огонь во все стороны. Но сопротивление наступающим русским слабело, линии обороны разрывались, гнезда сопротивления противником обходились и штурмовались с тыла, узлы обороны окружались, а позднее уничтожались.

Несмотря на локальное яростное сопротивление и единичные контрудары, полоса обороны 76-й дивизии также была прорвана. Личный состав понес тяжелые потери. Из бросившихся в бой назад вернулись лишь немногие. А остальные? Пали в бою, ранены, пропали без вести, взяты в плен...

С НП дивизии командиру 76-й пришло донесение: «Русские прорвались!» Неприятель уже был на улицах Ясс. Советские танки и грузовики с сидящей в них пехотой, которым не оказывалось сколько-нибудь заметного сопротивления, двигались через румынские позиции. И словно не замечаемые русскими частями, по обе стороны позиций изрядно поредевшей 76-й дивизии двигались в тыл отступающие румыны. Лишь нерешительную атаку резервной дивизии румынского IV корпуса можно было с большой натяжкой считать попыткой отпора наступавшим, но затем и это соединение побрело в тыл.

Около 10.00 передний край обороны румынских соединений был прорван на всем протяжении, они оставили его практически без боя. Примерно в это же время передовые машины русских танковых частей и мотопехота уже появились на западной окраине Ясс, а к середине дня вражеские части под прикрытием мощного огня артиллерии уже переправились через реку Бахлуй.

Поступившие в штаб группы армий «Южная Украина» донесения ужасали куда больше, чем лицезрение происходящего работ-

никами этого штаба, находящимися вдали от поля боя. Командующий группой армий отдал приказ о немедленном контрударе всеми имеющимися в распоряжении резервами с задачей оттеснить врага на исходные позиции. Но в глубине души генерал-полковник Фриснер прекрасно понимал сложившееся положение: противник слишком силен и глубоко вклинился в германские позиции, румыны ничего не будут делать, а резервы немецкой армии слишком слабы на фоне громадного перевеса сил противника.

Тем не менее в бой решительно пошли 10-я моторизованная дивизия и в спешном порядке снятая с днестровского фронта 258-я пехотная дивизия, боевые подразделения которой были переброшены на грузовиках. Но, несмотря на решимость отразить удар неприятеля, уже продемонстрированную румынской резервной дивизией, их совместные действия не стали мощным контрударом, а отдельные локальные германские контратаки успеха не принесли. Задействованная во второй половине дня румынская отдельная танковая дивизия «Великая Румыния» (оснащенная германскими танками) смогла поначалу только вернуть часть потерянного пространства, но затем ее продвижение было остановлено. В результате не удалось ни отбросить назад значительно превосходящие силы противника, ни ликвидировать их глубокие вклинения в германскую линию фронта. 10-я моторизованная и 258-я пехотная дивизии смогли лишь стать заслоном перед большой брешью на фронте, обращенной к западу. Брошенным на произвол судьбы соседними румынскими дивизиями остаткам 76-й дивизии не оставалось ничего другого, как только точно так же отойти назад. Артиллерия спешно сменила позиции, и еще сохранившиеся части смогли отойти на высоты у селения Лецкани, северо-западнее Ясс. Перед сменой позиций к артиллеристам присоединились разрозненные подразделения и отдельные отбившиеся от своих частей солдаты, у которых осталось только то оружие, которое они держали в руках.

Из-за откровенного предательства румын русские войска, вливавшиеся в прорыв на фронте, занимали все новые и новые территории. К вечеру неприятель уже был в центре города Яссы и надежно там закрепился.

Но на этом все «сюрпризы» «черного дня» 20 августа 1944 года еще не закончились.

Положение на востоке, в советском плацдарме под Тирасполем, ничуть не отличалось от ситуации на западе у Ясс.

Русские с самого начала были так уверены в успехе своего масштабного наступления, что перед его началом вели перегово-

ры по радио частично даже открытым текстом. Так, например, в 3.00 утра был перехвачен следующий разговор:

«Маршал Тимошенко надеется, что каждый красноармеец выполнит свой долг!»

И другой, в 3.45:

«Через 15 минут снова настанет ночь!»

Действительно, через пятнадцать минут, несмотря на занимавшееся ясное солнечное утро, снова настала ночь.

В 4.00 утра — часом раньше, чем у Ясс, — началась артиллерийская подготовка к наступлению, продолжавшаяся 50 минут. Здесь тоже русские намеревались стремительными ударами занять важные в стратегическом отношении позиции или прорвать линию фронта. Однако эти удары пока еще были повсюду отбиты, и фронтовые части и расположенные глубже штабы германского XXX корпуса уже было облегченно вздохнули, считая, что на этом все и закончилось.

Наступило 7.00 утра. И в ту же самую минуту открыли огонь на этот раз тысячи русских орудий. Многочисленные батареи тяжелых орудий посылали свои 122-мм и 172-мм (152-мм. — *Ред.*) снаряды, с дьявольским завыванием взмывали в воздух по 36 реактивных снарядов с каждого из «сталинских орга́нов», целые минометные полки вели огонь крупнокалиберными минами — все больше, все сильнее, пока все немецкие позиции не потонули в море разрывов, огня и смерти.

Только что лежавшая в идиллическом покое летнего утра земля в одночасье превратилась в поле брани. И это был отнюдь не локальный советский удар, это было начало крупномасштабного советского наступления, которого не ожидали и которое проглядели.

В течение полутора часов без перерыва, вплоть до 9.30 утра, длился этот огневой ураган невиданной до сих пор интенсивности. Когда отгремели его последние залпы, вперед двинулась масса советской пехоты в сопровождении тяжелых танков типа «Иосиф Сталин» и прикрываемая с воздуха боевыми самолетами. С громкими криками «Ура!» плотные волны вражеских пехотинцев ворвались на позиции германского XXX корпуса.

Уже геенна огненная артиллерийской подготовки, несмотря на хорошо выстроенные укрытия, стоила корпусу множества жертв. На участке фронта 15-й пехотной дивизии, у которой к этому времени осталось лишь около 50% личного состава и вооружения, враг довольно быстро вклинился в ее зону обороны, хотя едва пришедшие в себя после ада артподготовки солдаты стойко оборонялись. Изолированные очаги сопротивления отчаянно сражались, отра-

жая удары со всех сторон, в горящих селах наступавшим приходилось сражаться за каждый дом. Когда боеприпасы подходили к концу, закипали самые ожесточенные рукопашные схватки. Германские солдаты порой переходили в контратаки, артиллеристы выкатывали свои орудия на прямую наводку, отражая танки противника. К вечеру этого дня на участке дивизии горело 18 вражеских танков. Но все же неприятеля остановить не удалось, намного превосходящие силы русских заняли траншеи и узлы обороны, глубоко внедрились в оборонительный рубеж и, проделав многочисленные бреши в германской обороне, двинулись дальше в глубь нее. С громадным напряжением сил оставшемуся в строю личному составу вместе с еще имеющимся дивизионным резервом все же удалось создать новую оборонительную позицию вокруг селения Каушаны, которое тоже еще удерживалось германскими силами.

Еще более мощным стал удар противника по позициям соседней 306-й пехотной дивизии, боевой состав которой после артиллерийской подготовки противника уменьшился примерно на треть. Оставшиеся в живых окопники затем большей частью пали во время завязавшейся рукопашной, фронт дивизии был прорван. Уже около 10.00 утра вражеские танки стали обходить КП дивизии. С ними вступили в бой защищавшие КП пехотинцы, они подбили немало танков, действуя только имевшимся у них оружием. Дивизия бросила в бой последние имевшиеся у нее резервы. Отсечные позиции были оголены, отступившие в тыл остатки пехотинцев, прибившиеся солдаты других подразделений, обозники заняли новые оборонительные позиции. Из оружия они располагали только несколькими пулеметами и минометами, у которых боеприпасы уже заканчивались, так что им пришлось почти одними винтовками отбивать атаки штурмовых групп русских, которые поддерживали танки с сидящей на них пехотой. Только сильно укрепленный узел обороны «Леонтина» смог еще продержаться до вечера. Но затем сопротивление было сломлено и здесь. Позднее русские сообщили, что после ожесточенных боев только на этом участке обороны было найдено 1200 убитых и взято в плен 250 германских солдат, а 37 орудий захвачено в качестве трофеев.

Связь с КП была нарушена, сообщения о положении этих двух дивизий XXX корпуса поступали неясные и противоречивые. Ничуть не более ясной была и ситуация с примыкающим к корпусу справа XXIX корпусом румынской 3-й армии, к состав которого входили, кроме германской 9-й пехотной дивизии, также две румынские дивизии.

И снова все складывалось как в Яссах: большая часть румынских солдат уже во время русской артиллерийской подготовки покинула окопы и траншеи и ушла в тыл, другие с началом наступления русской пехоты покинули свои позиции и сбежали, побросав свое оружие и технику. Лишь немногие пытались оказать сопротивление противнику. Да, с большой долей вероятности можно даже предположить, что уже в ночь, предшествующую началу наступления, после тайных переговоров между русскими и румынскими офицерами, в основном румынская 4-я горнострелковая бригада покинула позиции на своем участке фронта, позволив противнику незаметно просочиться здесь.

Весь сектор обороны румынского XXIX корпуса без сколько-нибудь заметного сопротивления был прорван противником и пал, поскольку соседнее с румынами соединение, оставленная в одиночестве 9-я дивизия, отбивая удары со всех сторон, была вынуждена постепенно отойти к югу. Так что теперь из-за предательства румын и под Тирасполем на фронте образовалась обширная брешь, а именно на участке 6-й армии, которая с течением времени только расширялась.

Однако не все еще было потеряно, еще отдавались и исполнялись приказы, еще разрабатывались планы контрударов.

По тревоге был поднят мобильный резерв 6-й армии — 13-я танковая дивизия. Что же представляла собой эта танковая дивизия, которая теперь одна должна была нанести контрудар? После предыдущих сражений в ее составе оставалась одна танковая рота с 35 танками, два моторизованных батальона, два артдивизиона и части саперного батальона. Возможно ли было столь слабыми силами отбросить советские войска и вернуть себе потерянные позиции? С самого начала это было сомнительным предприятием против многократно превосходящего врага с сотнями танков.

Тем не менее германские бронетранспортеры с мотопехотинцами двинулись навстречу превосходящим силам противника, несмотря на сильный его огонь, медленно продвигались вперед и поздним вечером вышли снова к возвышенностям южнее Днестра. Однако дальнейшее продвижение, несмотря на все усилия, остановилось, огонь противника нанес большие потери, и все надежды восстановить прорванный фронт были потеряны. Теперь об этом больше не могло быть и речи.

Этим вечером первого дня крупномасштабного наступления, когда остатки отступающих германских дивизий с тяжелыми боями отходили, ища рубежи для новых позиций, которые им предстояло удерживать, а ослабленная 13-я танковая дивизия была

остановлена огнем противника и подалась назад, все ведущие в тыл дороги были переполнены спасающимися бегством румынскими военнослужащими, с оружием и безоружными, пешком, верхом, на телегах и всяческих транспортных средствах. Узнав о поведении своих войск, на фронте неожиданно появился румынский премьер-министр и Верховный главнокомандующий румынской армией маршал Антонеску, сделавший попытку лично остановить отступающие войска и вернуть их на фронт. Несколько высших офицеров были им разжалованы прямо на месте и сняты со своих должностей. По сообщению немецкого офицера связи, Антонеску драконовскими мерами пытался лично повернуть своих солдат — но тщетно. К тому же маршал не мог знать, что через три дня он сам будет смещен и арестован.

Ужасала парность происходивших событий. У этой «второй» германской 6-й армии — как и у «первой» 6-й армии под Сталинградом — в этот злополучный день 20 августа оба фланга были прорваны, и неприятель был близок к ее полному окружению.

Однако расположенный далеко за Тарутино (близ реки Когылник, на юго-западе Одесской области Украины, на полпути от Днестра до устья Прута и Дуная. — *Ред.*) штаб армии еще не осознал всю опасность сложившейся ситуации. Вплоть до позднего вечера командование армии из отдельных поступающих донесений и неглубокой авиаразведки знало только, что правый фланг армии прогнулся под давлением противника. Самое важное, а именно то, что советские войска в результате наступления уже продвинулись в это время до Ясс, армейскому командованию также еще было неизвестно.

Правда, командованию группы армий «Южная Украина» было уже ясно, чем должно закончиться начавшееся сражение. Фронт румынских дивизий к этому времени был уже оголен, войска массово бежали, на них нечего было рассчитывать. Собственные резервы практически отсутствовали. Неприятель осуществил глубокие прорывы, на фронте зияли две громадные бреши слева и справа от 6-й армии, закрывать которые было нечем.

Если бы в распоряжении группы армий имелось достаточное число эскадрилий люфтваффе, бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков «Штука» (в это время самолеты Ю-87 «Штука» активно использовались как истребители танков. Для этого на них устанавливались две 37-мм автоматические пушки, подвешиваемые под крыльями. — *Ред.*), то ударные клинья неприятеля, состоящие из танковых и моторизованных частей, можно было бы попытаться остановить с воздуха. Но самолетов не было, люфт-

ваффе не могли прийти на помощь, и уже измотанная 6-я армия осталась с врагом один на один. Немногие германские самолеты были буквально низвергнуты с небес самолетными полчищами русских. В этот день 20 августа авиация двух советских воздушных армий совершила более 3000 самолето-вылетов, с германской стороны им противостояли только около 230 самолетов (810 с румынами. — *Ред.*). Уже на следующий день присутствие германских самолетов в небе едва можно было заметить, если они вообще поднимались в воздух. (За первые два дня летчики советских 5-й и 17-й воздушных армий произвели около 6350 самолето-вылетов и совершенно подавили авиацию немцев и румын. — *Ред.*)

Но все же, хотя ход сражения с первых его часов складывался не в пользу германской 6-й армии, ее командование никак не решалось отдать приказ об отводе ее за Прут. Этот вопрос даже не решались поставить перед ставкой фюрера. Сначала было необходимо попытаться произвести «выравнивание» фронта, а затем уж можно было говорить о планомерном отходе — таково было мнение начальника штаба группы армий.

Он явно не представлял себе, что на самом деле происходит на фронте перед его группой армий.

Следует вкратце упомянуть еще и о том, что едва ли можно себе представить: в то время, когда правый фланг 6-й армии под Тирасполем уже был прорван, когда на левом фланге под Яссами все «полыхало» и враг по обе стороны фронта армии уже почти завершал окружение, основное ядро армии — дивизии, стоявшие на Днестре и Реуте, — не имели никакого представления о том, что сейчас начинается, и о несчастьях, которые должны обрушиться на них. На передовой царило полное спокойствие, никакой подготовки неприятеля к наступлению не ощущалось. В окопах и на позициях переднего края находились обычные расчеты, в остальном же шла повседневная жизнь. Так, например, в 257-й дивизии, пользуясь прекрасной летней погодой, 20 и 21 августа устроили спортивные состязания, прошедшие без всяких помех. Загорелые солдаты в одних трусах гоняли мяч, вполне отчетливо слыша доносившийся издалека гул канонады, похожий на раскаты грома во время летней грозы, но никто из них не обращал на него внимания и даже не задумывался, что это такое. Никто не знал, что их боевые товарищи из других дивизий уже ведут тяжелейшие и кровопролитнейшие сражения. И что это же вскоре предстоит и им.

С утра 21 августа Советы продолжили свое наступление с тем, чтобы расширить осуществленные накануне прорывы линии фронта и ввести в них свои танковые и механизированные соединения

для дальнейшего проникновения в занимаемое германскими войсками пространство. В ответ на это германская армия могла только еще сильнее загибать назад свои прорванные фланги, по которым русские наносили непрерывные удары.

Под Яссами русским пришлось еще раз почувствовать на себе совместный германо-румынский контрудар. Увы, тщетно! Контрудар был нанесен силами из состава 10-й моторизованной дивизии. 20 танков и моторизованный полк еще смогли в первой половине дня добиться некоторого успеха. Но затем на дивизию обрушился мощный удар 100—150 вражеских танков, она потеряла значительную часть личного состава и была вынуждена отступить. Румынская танковая дивизия больше не принимала участия в этом контрударе, она просто оголила фронт и бесследно исчезла.

Основную тяжесть новых кровопролитных сражений снова должна была выносить пехота, которой постоянно приходилось отходить назад под ударами противника. Поскольку теперь уже было невозможно закрыть бреши на фронте, речь шла прежде всего о том, чтобы загибать линию фронта к югу, предотвращая этим нанесение неприятелем удара в левый фланг 6-й армии.

Поэтому остатки 76-й дивизии с боями отходили в юго-восточном направлении и к утру достигли местности южнее Ясс. Но еще до того, как они смогли образовать там фронт с также отступившей сюда 10-й танковой дивизией, около 300 советских танков с пехотой на броне — мощный ударный клин — прорвались на юг. Все силы, которые остались от дивизии, были рассечены им и отрезаны друг от друга. Остатки дивизии смогли спастись, отойдя к западу, и после этого сражались в составе других частей. 76-я пехотная дивизия стала первой из германских дивизий, которая уже на второй день сражения была практически полностью уничтожена.

На пространстве западного прорыва, словно при сходе некоего гигантского оползня, крошился один участок фронта за другим. При подобном развитии событий 79-й дивизии также следовало бы оставить свои позиции и отходить. Около полудня были сданы Яссы. Исходя из ситуации не оставалось ничего другого, как, самое позднее к вечеру, отвести со своего участка обороны также и 376-ю дивизию, которая до сих пор не подвергалась вражеским атакам. Созданием новой оборонительной линии германский IV корпус (командующий генерал Мит) пытался закрепиться на новом рубеже. Новая оборонительная линия на реке Бахлуй давала такую возможность, направленные на нее атаки можно было отбивать.

В течение этого второго дня своего крупномасштабного наступления противник смог развить свой прорыв под Яссами до

65 километров в ширину и до 25 километров в глубину, а во второй половине дня начать быстрое продвижение танков и моторизованных сил в глубину румынской территории.

В районе боевых действий под Тирасполем ситуация выглядела еще хуже. В рассветных сумерках с позиций у Бендер можно было наблюдать удручающую картину: вдалеке совершенно беспрепятственно двигались плотные длинные колонны русских пехотинцев и техники, направляясь на юг и юго-запад. Рассчитывать на германский контрудар в этом районе также больше не приходилось. Танковые подразделения 13-й танковой дивизии насчитывали теперь не более 20 машин, которые перебрасывались с одного участка фронта дивизии на другой, чтобы хоть на короткое время облегчить положение пехотинцев, подвергающихся упорным атакам противника. Весь долгий летний день уже далеко отошедший назад правый фланг армии вел тяжелейшие оборонительные сражения. Разбросанный в водоворотах вражеских прорывов XXX корпус из последних сил сдерживал давление масс русской пехоты и танков, поддерживаемых с воздуха ударами авиации. Уже значительно ослабленные 306-я и 15-я пехотные дивизии были вынуждены постоянно отступать, при этом все же сдерживая врага, а время от времени им даже удавалось на отдельных участках успешно обороняться. Отдельные сформированные из солдат всех возможных родов войск боевые группы, во главе которых стояли испытанные офицеры, становились волноломами в потоке наступающих советских войск. Со среды прекратилась всякая радиосвязь с армией, телефонная связь вышла из строя еще накануне. Донесения больше не передавались, приказы до частей не доходили. Командующий корпусом генерал Постель лично сражался на передовой, водил бойцов в атаки, пытался удержать неустойчивый фронт своих дивизий. Когда два батальона дрогнули и стали было отступать, он лично появился среди своих солдат и повел их в атаку, стойко сражался до тех пор, пока его бойцы не были остановлены русскими.

Сев на грузовик брошенных в бой в качестве последнего резерва частей 153-й полевой учебной дивизии, генерал еще раз попытался организовать заслон на участке сбежавших румын — но все было напрасно. И все же в ходе продолжавшегося до вечера танкового сражения юго-восточнее селения Каушаны 13-й танковой дивизии и частям XXX корпуса удалось подбить 92 вражеских танка. Но это были всего лишь 92 танка из великого множества советских боевых машин.

Когда поздним вечером XXX корпус подвел итоги боевого дня, картина получилась вполне мрачной. Несмотря на всю самоотверженность обороняющихся, войска были вынуждены отступить, несколько населенных пунктов были потеряны.

Тяжелейшие потери понесла 15-я дивизия, во время налета вражеской авиации погиб командир 306-й пехотной дивизии. Его дивизия была разбита. В 13-й танковой дивизии не осталось ни одного боеготового танка. Дороги в тыл кишели бегущими на юг румынами, к которым также стали присоединяться и отдельные германские тыловые части.

Но самым скверным стало то, что противник, несмотря на все оказываемое ему сопротивление, упорно продвигался на юг (под Яссами) и юго-запад (под Тирасполем). С каждым часом возрастала угроза открытому правому флангу всей 6-й армии.

К вечеру 21 августа русские под Тирасполем вклинились на 50 километров в глубину германской обороны и находились уже в 15 километрах от Тарутино, где располагалось командование 6-й армии.

Теперь командование армии уже осознало всю серьезность сложившегося на фронте положения. Знало оно и то, что все имевшиеся и брошенные в бой резервы уже разбиты. Больше не было ничего, чем можно было бы еще остановить противника. Командующему группой армий «Южная Украина» генерал-полковнику Фриснеру пришлось осознать, что оба прорыва противника слева и справа от 6-й армии на второй день наступления стали столь крупными и глубокими, что вся масса русских войск вышла на оперативный простор. На западе под Яссами румынская 4-я армия и подчиненный 8-й армии румынский корпус были полностью разбиты и не были боеспособными. Уже сейчас 8-я армия больше не играла никакой роли, она располагала на левом фланге еще только тремя дивизиями, которые вынуждены были поспешно отходить на юго-запад в направлении на Карпаты.

Отрезанный от 8-й армии IV корпус генерала Мита из-за такого развития событий был подчинен 6-й армии, но это уже не имело никакого значения. Корпус, отрезанный от 6-й армии врагом и рекой Прут, не имел больше никакой связи с командованием армии и с этого времени вел свою собственную борьбу на западном берегу Прута.

А русские неудержимо пробивались в глубину германской обороны и, развертывая ударные клинья своих войск, сжимали клещи

вокруг 6-й армии с востока и запада. Тем не менее командование группы армий и самой армии все никак не решалось отдать тот единственный приказ, который был бы столь срочно необходим в сложившейся обстановке: «Немедленно отвести армию на запад на рубеж реки Прут!»

Они все еще ждали на это разрешения из ставки фюрера.

Выход один: отступать к Пруту! Но вокруг враг

Всю ночь на 22 августа продолжались тяжелые бои, а утром наконец-то было принято решение. Командование группы армий по радио отдало 6-й армии приказ для немедленной передачи в части об ускоренном отходе за Прут. Начало отхода в 19.30!

Это был последний приказ, отданный армии, однако он поступил слишком поздно, и времени для его выполнения не оставалось. Поскольку приказ об отходе в первой половине дня передавался в штаб корпуса и в штабы дивизий, он уже успел устареть. В полосе своего наступления русские едва встречали какое-либо сопротивление. Почти беспрепятственно они продвигались дальше к югу на Бырлад и Галац, разворачивая одновременно крупные силы на юго-восток и юго-запад.

Теперь глубокие фланговые прорывы на участке 6-й армии угрожали не только ей, начало масштабного окружения германских сил обозначилось вполне отчетливо. Для своевременного выхода на рубеж Прута имел значение каждый час. Кому быстрее удастся добраться до реки, на берегу которой можно создать новый фронт, — советским танковым и механизированным колоннам или маломобильным, в основном на гужевой тяге, германским пехотным дивизиям?

Этот день был столь же горьким и кровавым, что и предыдущий. Сначала, в который уже раз, командующий армией со своим штабом был вынужден оставить свою штаб-квартиру в Тарутино, вскоре после этого захваченную танками противника. Штаб армии перебрался в Комрат, но к вечеру неприятель добрался и сюда, и штаб опять перекочевал в окрестности юго-восточнее города Бырлад. В результате командование 6-й армии никак не влияло на все происходящие события.

На западе IV корпус нанес удар уже южнее Ясс, добиваясь прежде всего того, чтобы сохранить для основной массы 6-й армии переправы через Прут у населенных пунктов Костулени и Збероайя. Но все же, несмотря на непрерывные сдерживающие оборо-

нительные бои, которые вели значительно обескровленные дивизии, к вечеру первые мосты были потеряны, а населенные пункты Костулени и Унгены с находящимися в них переправами через реку попали в руки неприятеля.

На востоке сильно потрепанный в боях XXX корпус снова был вынужден отступать. Там сложилась опасная ситуация для открытого на большом пространстве правого фланга армии.

Там все еще с решимостью отчаяния сопротивлялись атакам врага зажатые на тесном пространстве германские войска. Спешно собранные боевые группы и просто застигнутые русскими отбившиеся от своих частей солдаты отражали сыпавшиеся на них со всех сторон удары. Остатки полков, батальонов и рот весь этот жаркий летний день отбивали вражеские атаки, отступали, искали новые линии обороны, занимали позиции где-нибудь между холмами и рощами, обороняли селения, снова отступали, цеплялись за складки местности. Вражеские танки — артиллерийский огонь — удары с воздуха — мертвые и раненые. Повсюду гром битв, черный дым и чад, пылающие хаты деревень... Смертельно усталые, измотанные в боях солдаты, не смыкавшие глаз в течение трех суток непрерывных боев, снова брели назад, унося раненых товарищей.

Пехотинцы, истребители танков, артиллеристы, обозники, саперы — все перемешались в этой толпе отступающих, их путь в сгущавшихся сумерках освещался только светом взлетающих в тьму августовской ночи ракет всех цветов да багровым пламенем горящих деревень.

Когда последние из остатков соединений и частей XXX корпуса встретились с 306-й пехотной дивизией, они — совместно с временными боевыми формированиями из военнослужащих аэродромного обслуживания авиации и подразделений бригады штурмовых орудий — еще смогли отразить атаку врага на выдвинутом далеко вперед заградительном рубеже под Романово. Когда же обороняющиеся были обойдены с флангов, они решили пробиваться на запад с самоходным орудием впереди. Израсходовав все горючее, орудие поздним вечером остановилось в длинной ложбине, около него расположились на отдых отступающие. Когда стемнело, со всех сторон ударили русские. После этого удара 306-я дивизия перестала существовать.

Тем временем столь же сильно поредевшая в боях 13-я танковая дивизия, лишившаяся всех своих танков, проделав марш-бросок сквозь расположение вражеских войск, вышла к реке Прут, чтобы занять там два небольших плацдарма для ожидаемого подхода соединений 6-й армии. Стоявшие на выступе фронта у Днестра ди-

визии явно не осознавали всю серьезность положения, что в течение этого третьего дня наступления противник своими танковыми и механизированными соединениями еще дальше протянул острия клещей на юго-восток и юго-запад и что угроза окружения 6-й армии вполне очевидна. Дивизии получили приказ командования корпуса об отступлении и собирались оставить свои хорошо оборудованные позиции, на которые противник пока еще не направлял своих атак.

Над полем боя забрезжил рассвет 23 августа.

В течение этого четвертого дня крупномасштабного советского наступления положение германских войск между Яссами и Тирасполем ухудшалось с каждым часом.

На западе IV корпус с остатками своих трех дивизий (376-я, румынские 11-я и 79-я) оборонялся южнее Ясс. И хотя на своем новом оборонительном рубеже он отразил вражеские атаки, ему все же пришлось снова отходить в южном направлении. Корпус сражался в значительном удалении от основной массы войск, не имея никакой связи с ядром 6-й армии на востоке, и вследствие этого не получал никакой информации и приказов. Поэтому командующий корпусом генерал Мит продолжал выполнять последний полученный им приказ, считая, что ожидающие его к востоку дивизии армии удерживают свободными переправы через Прут у населенных пунктов Збероайя и Скопоцени, делая возможным для него занятие новых позиций на западном берегу Прута. То обстоятельство, что противник уже обошел его корпус, стало очевидно, когда 10-я моторизованная дивизия, которая должна была взять под свой контроль еще один мост у селения Хуши, натолкнулась там на вражеские танки. Из обрывка одного радиодонесения стало известно: штаб VII корпуса, вышедший к Пруту раньше своих дивизий, во второй половине дня был на подходе к мосту у селения Леушены неожиданно обстрелян советскими танками и уничтожен. После расстрела штаба неприятель захватил этот мост. Только несколько южнее ведущая боевые действия 13-я танковая дивизия еще удерживала два небольших плацдарма у сел Леово и Фэлчиу, чтобы обеспечить переправу через Прут еще только двигающихся к реке отступающих обоза и тыловых служб различных дивизий.

Основному ядру армии предстояло осуществить в высшей степени тяжелое отступление, испытывая на себе постоянное давление противника и видя все признаки уже начинающегося окружения. Четыре германских армейских корпуса должны были теперь как можно быстрее подойти к реке Прут.

На кратчайшем расстоянии от Прута находился VII корпус. Ведя интенсивные арьергардные бои, три дивизии этого корпуса

за световой день 23 августа ускоренным маршем преодолели более 60 километров и вышли к мостам через Прут у сел Збероайя и Леушены.

Солдаты 370-й дивизии после долгого перехода под палящим солнцем подошли к реке, положив, образно говоря, язык на плечо, с горящими от боли ногами, обливаясь потом. Они шли уже 20 часов, всю предшествующую ночь, все утро, весь день и до позднего вечера, делая лишь краткие остановки для отдыха. «Только бы добраться до Прута!» — эта мысль засела в головах у пехотинцев, артиллеристов, саперов и истребителей танков, у связистов, санитаров, обозников и прочих военнослужащих.

И они сделали это!

Правда, в течение наступающей ночи и всего дня 24 августа воспользоваться переправами у сел Збероайя и Скопоцени удалось только 370-й дивизии, которая затем влилась в IV корпус, образовав «корпусную группу Мита». Остальные две дивизии VII корпуса, которые должны были перебраться через Прут у селения Леушены, сделать этого не смогли. Там уже были русские, которым удалось прорвать заслоны и перекрыть дорогу германским частям. Попытка атакой отбросить русских не удалась из-за упорного сопротивления противника. В то время как единственная еще находившаяся на пространстве, контролируемом германскими войсками, румынская 14-я пехотная дивизия целеустремленно разбегалась в разные стороны, германская 106-я дивизия, зажатая с севера и юга советскими танками и мотопехотой, в течение 48 часов сдерживала напор противника и была почти полностью уничтожена. Только небольшая горстка уцелевших солдат смогла перебраться на западный берег Прута.

XXXXIV армейский корпус в течение прошедшей ночи начал отход из большого выступа фронта между реками Реут и Днестр, и сначала этот отход осуществлялся планомерно. Дивизии в относительном порядке оставили свои позиции, до сих пор с начала наступления русских не испытавшие атак противника, который начал преследовать немцев только позднее. Однако русские нанесли удар по отступающим войскам LII корпуса с востока и по соединениям XXX корпуса с юга, вследствие чего организованное отступление было нарушено и части перемешались между собой. Отход этих трех корпусов быстро превратился в беспорядочное бегство. Хотя группа армий «Южная Украина» и получила отданный по радио приказ Верховного главнокомандования: «Планомерный отход осуществлять в организованном порядке...», действительность выглядела совершенно иначе.

Корпуса и дивизии пересекались на переполненных немногих больших дорогах, колонны перерезали друг другу дорогу, отдельные части и подразделения на глазах перемешивались друг с другом, относительный порядок отступающих частей пропал. Уже с самого раннего утра 23 августа Кишинев был забит войсками, а большая дорога, ведущая в Хуши за Прутом, переполнена. По более узким боковым улочкам тоже двигались маршевые колонны, порой по три-четыре рядом друг с другом, застревали, переругивались, снова медленно с трудом ползли вперед, сталкивались на перекрестках и заклинивались. Повсюду, куда ни взгляни, — запряженные лошадьми телеги, обозы, моторизованный транспорт, продовольственные повозки, полевые кухни, тяжелые грузовики с военным имуществом, противотанковые орудия, то и дело сталкивающиеся друг с другом. Водители и ездовые ругались, офицеры срывали голос в крике, полевая жандармерия пыталась распутать заторы — но ничего не помогало. На обочинах дорог уже стояли десятки повозок и машин со спущенными колесами, со сломанными спицами, с выпряженными лошадьми, с пустыми бензобаками.

Вскоре отходящие войска начали сжигать продовольственные запасы и взрывать склады боеприпасов, которые невозможно было эвакуировать. Боеспособные части разбитого XXX корпуса и сильно потрепанного LII армейского корпуса какое-то время еще прикрывали их действия, но вскоре были вынуждены со всей поспешностью отступить.

Натиск противника с востока, юго-востока и юга все усиливался, вклинения и прорывы в трех направлениях становились все глубже. Ближе к вечеру, например, отступающий LII корпус был вынужден пробивать себе дорогу к отходу сквозь советские механизированные части с помощью штурмовых орудий. В ночь на 24 августа XXXXIV корпусу пришлось оставить Кишинев, после чего неприятель форсировал близ этого места Днестр и устремился на корпус с севера.

Для группы армий «Южная Украина» сомнений больше не оставалось. Советские войска, с одной стороны, со все возрастающим напором и быстротой углублялись на территорию Румынии, с другой же стороны, они пытались завершить начатое окружение 6-й армии. К вечеру 23 августа для армии остался доступным на ее пути к Пруту только узкий коридор в сторону Хуши. Именно туда и устремились наступающей ночью потрепанные германские войска. Однако о событии, сделавшем этот день 23 августа в полном смысле несчастным днем, большинство германских солдат узнали много позже.

Переворот в Румынии! Дружественный Германии правитель страны маршал Антонеску арестован, юный румынский король[1] взял на себя руководство страной. Румыния сложила оружие! И все же для дальнейшего развития событий на фронте это не имело большого значения.

Катастрофа 6-й армии началась и развивалась с нарастающей скоростью.

Настал день 24 августа.

Советским войскам удалось во многих местах прорвать тонкую линию германской обороны и арьергардные заслоны. В обстановке все нарастающего хаоса и беспорядочного отхода масс пехоты и транспортных средств дальше на запад и юго-запад еще боеспособные части, боевые группы и арьергарды, теснимые со всех сторон неприятелем, пытались сопротивляться и наносить удары, но одна за другой погибали под вражескими атаками. На КП XXX корпуса прибыли генералы, командующие LII и XXXXIV корпусами. Во время этой встречи они обсудили с каждым часом становящееся все более критическим положение своих войск. По дороге на КП они воочию могли видеть ситуацию и лишь с большим трудом пробились на своих автомобилях сквозь толпы отступающих по забитым дорогам. В результате обсуждения ситуации было решено, что сейчас уже следует не ожидать никаких указаний от командования 6-й армии, о котором ничего не известно, но совместными усилиями постараться избежать вполне очевидной перспективы гибели в результате грозящего полного окружения. Неудовлетворенные, в подавленном настроении три командующих корпусами генерала расстались. В глубине души каждый из них наверняка понимал, что совместные действия их немобильных пехотных соединений, обремененных громадными обозами в основном на гужевой тяге, при отсутствии всякой связи практически невозможны. Тем более против приближающегося со всех сторон превосходящего противника с его высокоподвижными танковыми и механизированными соединениями.

Этим же днем, во второй его половине, у Хуши...

События стали меняться с головокружительной быстротой...

---

[1] Михай I (Михаил; *рум.* Mihai I; р. 25 октября 1921, Синая, Румыния) — король Румынии в 1927—1930 и 1940—1947 годах, из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Занимал престол дважды: в первый раз ребенком (в 1927—1930 годах), а во второй раз очень молодым человеком (19—26 лет) и влияния на политику, в общем, не оказывал. Однако во время второго царствования совершил один, но весьма значительный для своей страны поступок — вывел Румынию из гитлеровской коалиции (1944). Самый молодой (и единственный ныне живущий) кавалер высшего советского военного ордена Победы.

Уже несколько дней, скрипя, кренясь и треща, все возможные обозы самых разных дивизий и интендантские службы, которые смогли добраться сюда, проследовав через город, который располагался в нескольких километрах западнее Прута, скапливались в глубокой котловине. Каждый, добравшийся до этого места, думал, что худшее уже позади, и «слава богу, мы уже перебрались через Прут» — так считал каждый водитель и каждый ездовой, которые этим ранним утром проезжали по городским улицам. Но тут внезапно раздались выстрелы из танковых орудий. Двадцать и более советских боевых машин ворвались в город с запада, пронеслись, ведя огонь, по улицам и врезались в колонны германских обозников, сея хаос и панику. Телеги были опрокинуты, автомобили раздавлены, грузовики горели, повсюду убитые и раненые. Оставшиеся в живых, ничего не видя от ужаса, очертя голову разбегались в разные стороны. Только малая часть из них к вечеру добралась до местечка Фэлчеу и принесла весть о нападении русских на Хуши.

Но все же это нападение было еще не самым страшным событием. Куда более тяжелым стало то, что примерно в середине дня уже весь советский 18-й танковый корпус из состава 2-го Украинского фронта ударом с северо-запада захватил важный город Хуши, несколькими частями нанес удар по направлению к Пруту в районе переправы у селения Стэнилешти и тем же днем соединился с подходящими с востока танками и мотопехотой 3-го Украинского фронта.

Последняя брешь у города Хуши была закрыта, вражеское кольцо окружения вокруг основного ядра 6-й армии окончательно сомкнулось. Эта весть, как пожар в степи, пронеслась по всем частям, от солдата к солдату: «Мы окружены! Мы в котле!»

Еще оборонялись от наседающего со всех сторон врага последние боеспособные части. Собранные с миру по нитке разношерстные подразделения постоянно образовывали новые рубежи обороны, занимали круговую оборону и отчаянно сражались, оставшиеся полевые орудия выкатывались на прямую наводку и вели огонь по подступающей пехоте противника, противотанковые пушки выпускали последние снаряды по советским Т-34. Но эти еще сражающиеся германские части одна за другой обходились противником, рассекались, окружались и уничтожались его превосходящими силами.

LII корпус в течение дня был еще больше оттеснен и обойден противником, сражающиеся части корпуса все в большей степени перемешивались между собой.

Но еще хуже было положение XXX корпуса, которому до сих пор выпало нести на себе основную тяжесть удара советского наступления. Здесь оттесненные и значительно перемешавшиеся между собой остатки дивизий оборонялись около селения Карбуна, находившегося в 17 километрах от села Гура-Галбеней, уже занятого русскими, но чуть позднее отбитого у них.

В большое, лежащее в речной долине село со всех сторон стремились, словно притягиваемые магнитом, массы солдат и транспортных средств, принадлежавших самым различным видам войск. Где-то здесь должны были открыться ворота к свободе. Однако село Карбуна стало для них поистине дьявольским котлом. С востока немцев упорно теснил враг, с юга он наносил удар за ударом, на западе путь к оступлению уже перекрыт его войсками, а с воздуха почти непрерывно атаковали его истребители и штурмовики, сея смерть бомбами и бортовым оружием. Первая попытка частей корпуса вырваться из котла, предпринятая ранним утром, потерпела неудачу. Советские бомбардировщики и штурмовики, обрушившиеся на ударный клин прорывающихся частей, нанесли им тяжелейшие потери. Среди погибших был и командир 257-й дивизии. И так уже к этому времени ставший беспорядочным отход превратился в хаотическое бегство. Колонны солдат и машин в суматохе бросились назад, охваченные одной мыслью: враг повсюду! Все мчались, спешили, теснили и давили друг друга, стремясь на юго-запад, где только и была надежда на прорыв.

Все дороги были загромождены разбитыми и брошенными транспортными средствами, лесные просеки забиты обозными телегами и всевозможным вооружением и снаряжением. Изможденные и смертельно уставшие от постоянных боев, солнечного пекла и переходов солдаты плотными массами тащились по обочинам дорог. Раненые, которых везли с собой, пребывали в жалком состоянии, ухода за ними почти никакого не было. Легкораненые тащились, опираясь на палки или поддерживаемые товарищами. Тяжелораненых везли на реквизированных телегах, многие из них были без сознания, многие уже умирали.

Каждый желал как можно скорее вырваться из этого ада, только бы не попасть в руки врага.

С наступлением темноты предстояло овладеть районом западнее Гура-Галбеней. Но когда вечером сменилась погода и пошел проливной дождь, то и без того плохие дороги через обширный лесной массив развезло и они стали почти непроходимыми, пришлось оставить основную часть транспортных средств и большую часть артиллерии на конной тяге. В небо взметнулись языки пламе-

ни сжигаемых автомашин, окрестности огласили взрывы уничтожаемых орудий. А из темноты впереди слепили вспышки дульного пламени из оружия все ближе и ближе подходящего противника.

Вечером того же дня.

В штабе группы армий «Южная Украина» придерживались теперь мнения, что сплошное кольцо советского окружения вокруг 6-й армии столь плотно, что рассчитывать на прорыв из возникшего котла еще боеспособные части больше никак не могут.

Командование армии, находившееся вне котла, поддерживало с корпусом лишь весьма ненадежную радиосвязь. Оставалась единственная надежда — на то, что ядро армии еще может отбить у противника переправу через Прут у Хуши, где на западном берегу реки «корпусная группа Мита» должна была удерживать плацдарм.

Тем временем наступившей ночью из лесного массива около села Карбуны была предпринята попытка большими силами занять пространство около села Гура-Галбеней, которое должно было стать исходным рубежом для сбора всех возможных воинских частей. Отсюда можно было попытаться самым коротким путем пробиться с боем на запад, перебраться через Прут и снова собраться на его западном берегу, где еще стояли германские войска — во всяком случае, как это тогда представлялось.

В ночь на 25 августа командовавший XXX корпусом генерал Постель, принявший на себя общее командование попыткой прорыва, отдал по радио приказ:

«Решено начать прорыв в юго-западном направлении к Пруту».

Это было последнее сообщение от 6-й армии, заключенной в котел на пространстве Лапушна — Онешты — Гура-Галбеней.

Находившееся вдали от нее командование армии больше сообщений не получало.

6-я армия в котле.
Безрезультатная попытка прорыва

Генерал Постель предпринял теперь попытку пробиться тремя колоннами между селениями Гура-Галбеней, Сарата и Албина на Хуши.

Хотя весь день 25 августа в кольце окружения еще продолжались ожесточенные бои, но все же день прошел под нарастающим ощущением избавления. Командир 294-й дивизии в предрассветных сумерках вышел на окраину села Гура-Галбеней, в котором генерал собрал последний военный совет. Он обвел взгля-

дом скопище людей, лошадей и транспортных средств, собравшихся здесь, всмотрелся в лица солдат из самых различных воинских частей, смертельно усталых и до предела измученных, вслушался в крики, вопли, ругань и проклятия. Отметил для себя, что обозные телеги горят, документы уничтожены, оружие и снаряжение приведены в негодность. Заметил офицеров, пытающихся навести хоть какое-то подобие порядка, разбитые грузовики, бродящих среди деревьев лишившихся хозяев лошадей, приведенные в негодность орудия, разбросанное содержимое обозных повозок, лежащих прямо на земле убитых и раненых во время последнего налета авиации. Над всем полуразрушенным селением висел тяжелый запах гари.

Когда немного рассвело, он подошел к толпе собравшихся солдат, проверявших свое стрелковое оружие. Это были передовые боевые группы, которым предстояло начать прорыв скопившихся в луговой низине тысячи человек — всех оставшихся из его дивизии, в которой еще 8 дней тому назад было около 14 тысяч солдат. У них больше не было ни орудий, ни тяжелого оружия, ни транспорта, ни полевых кухонь. Когда его люди собрались вокруг своего командира, они стояли плечом к плечу — рядовой рядом с офицером, ефрейтор рядом с капитаном, пехотинец вместе с артиллеристом, истребитель танков с сапером, — среди которых было много легкораненых. Истощенные и грязные, с безнадежностью во взгляде, они смотрели на него безмолвно и вопросительно.

Много говорить было не о чем. Несколько слов благодарности, а затем последний приказ: «Приготовиться! Через час идем на прорыв! Приготовиться к выступлению!» Когда боевые группы стали занимать исходные позиции, генерал-майор фон Айхштедт велел принести ему винтовку и снарядил ее магазин.

Повсюду было видно движение частей, отделения солдат передвигались, собирались, перемешивались с другими, возвращались обратно. Несколько штурмовых орудий занимали новые позиции, подтягивались две-три батареи. Все это отнюдь не выглядело подготовкой к скоординированному решительному прорыву.

Когда подошло время выступления, вперед выдвинулись солдаты 294-й дивизии. Сначала они шли лощиной, вдоль течения небольшого ручья, затем поднялись по некрутому склону. Но едва они вышли наверх, как неприятель открыл огонь из пулеметов и противотанковых орудий. Генерал перешел на бег, крикнул «Ура!», слева, справа и позади него этот клич подхватили рвущиеся вперед солдаты его дивизии. Вражеский огонь усиливался, он был осо-

бенно плотным справа, прямо в скопление идущих в атаку солдат. Уже казалось, что прорыв удался, несмотря на потери. Но тут с фланга немцев атаковали несколько русских танков. Из дул танковых орудий вырывалось пламя выстрелов, в рядах прорывающихся рвались снаряды, танковые пулеметы косили плотные ряды наступающих, у которых не было другого оружия, кроме автоматов и винтовок. Все больше немецких солдат падали на землю ранеными или убитыми, некоторые уже поворачивали назад, все больше и больше остальных следовали их примеру, пока, наконец, все уцелевшие не отступили в лощину.

Больше не будет никаких прорывов. Сосредоточенный огонь противника как здесь, так и на других участках заставил забыть о каких-либо новых попытках прорыва. В ходе этой неудавшейся попытки прорыва из окрестностей Гура-Галбеней вместе с множеством своих солдат пали также и командиры 294-й и 384-й пехотных дивизий.

Командир 302-й дивизии, а также командующий XXX корпусом, который еще утром лично пытался навести порядок в перемешавшихся колоннах, получили ранения.

Лишь малому числу солдат этих трех дивизий удалось вырваться из кольца окружения — но лишь на время.

В то время как четыре советские армии на севере, востоке и юге получили приказ ликвидировать окруженную германскую 6-ю армию, на западе еще одна армия и танковый корпус должны были предотвратить любую попытку прорыва к Пруту.

Советские войска, все сильнее и сильнее сжимавшие германские соединения, оказавшиеся в котле, начали со всех сторон атаковать и разрезать их.

Против этого германская сторона, вследствие неохватности пространства котла, перемешивания частей и подразделений, отсутствия информации и связи, нерешительности командования, а также по другим причинам, не могла предпринять никаких адекватных действий. Остатки корпусов и дивизий сражались без общего командования, все искали выхода из котла сами по себе. Все еще боеспособные части не были брошены на отражение ударов врага, но были поставлены во главе боевых групп, пытавшихся то там, то тут прорвать кольцо окружения. Множество транспортных средств, разбитые в боях подразделения, раненые и беженцы тащились за еще сражающимися частями, безмерно осложняя не только их передвижения, но и боевую деятельность.

В конечном счете у каждого солдата в голове царила только одна мысль: «Прочь из котла!»

Но здесь были еще и врачи, санитары, персонал перевязочных пунктов и лазаретов. Они выполняли свой тихий беззаветный долг, пока могли, и помогали всем, что было в их силах.

Они собирали на поле боя раненых и заботились о них в труднейших обстоятельствах, оказывали первую помощь легкораненым, на марше собирали их вместе и отдавали под наблюдение санитаров, грузили тяжелораненых на любой подручный транспорт и оставались с ранеными до тех пор, пока не приходили русские. Больше о них никто ничего не слышал.

Это был больше не планомерный отвод войск, как 22 августа, не хаотичный отход, как 23 августа, не беспорядочное отступление, как 24-го числа, — теперь это было массовое бегство с целью прорыва из котла любой ценой.

Катастрофа уже происходила, конец 6-й армии обозначился вполне ясно. Преследуемые и теснимые со всех сторон танковыми, механизированными соединениями и стрелковыми соединениями 3-го Украинского фронта, отрезанные друг от друга части трех германских армейских корпусов все еще пытались пробить себе путь сквозь кольцо противника.

Громадными маршевыми колоннами, часто по две-три колонны рядом друг с другом, массы окруженцев двигались в общем направлении на запад. Все было так же, как в последние дни, — переполненные дороги, забитые всевозможными бесчисленными частями и транспортом, неудержимо стремившимися в одном направлении, — с тем только отличием, что теперь русские внезапно появлялись уже со всех сторон и то и дело открывали огонь. Вражеская артиллерия посылала снаряды прямо в середину плотно сжатых колонн, советская пехота вела огонь из лесных массивов и с высот, справа и слева от отходящих германских войск двигались советские танки, расстреливая плотные колонны, которые к тому же постоянно атаковала с воздуха авиация.

Каждый километр давался ценой тяжелых потерь и жертв. Впереди шли боевые ударные группы, расчищая для прохода перекрытые врагом пути, офицеры всех званий пытались навести хоть какое-то подобие порядка и организовать взаимодействие, последние оставшиеся штурмовые орудия то там, то тут отбрасывали пытающегося разорвать колонны неприятеля, еще имеющиеся противотанковые орудия занимали позиции на обочинах дорог и огнем прямой наводкой отгоняли приближающиеся русские танки. К Пруту! К переправе через реку! Там еще должны быть германские войска!

15-я пехотная дивизия (XXX армейский корпус)[1*]

«Уже довольно давно в районе плацдарма на Днестре под Тирасполем можно было заметить признаки готовящегося крупного наступления русских. Наблюдались передвижения частей и подход новых войск, строительство мостов. Бывалые военные могли заметить и признаки предательского отхода румынских частей. 17 августа русские предприняли мощный артиллерийский обстрел переднего края германских позиций. 18 августа сильный обстрел повторился, несколько атак неприятеля с целью разведки боем было отбито. Но 19 августа с неприятельской стороны снова были предприняты новые, еще более интенсивные разведки боем, активно действовала авиация противника.

Несмотря на замеченные войсками и доведенные до сведения командования признаки наступления, командование группы армий считало, что крупное наступление будет предпринято русскими под Яссами, на участке 8-й армии, тогда как на плацдарме южнее Тирасполя готовится всего лишь отвлекающий удар. Так что утро 20 августа 15-я пехотная дивизия встретила готовой к отпору и исполненной решимости отразить удар намного превосходящего по мощи неприятеля, имея к тому же у себя в тылу совершенно недостаточные резервы, ненадежного союзника в соседях и будучи связанной приказом удерживать занимаемые позиции. 20 августа с 4.00 до 4.50 (по другим данным, в течение 1 часа 45 минут — *Ред.*) утра на позиции дивизии обрушился огненный вал артподготовки. После удара артиллерии неприятель предпринял атаку по всему участку фронта. Этот первый натиск удалось повсеместно отбить. Кое-кому пришла было в голову мысль, что этим все и ограничится.

Однако вскоре радисты перехватили переговоры русских, которые они вели открытым текстом: «Всем артбатареям изготовиться к открытию огня!» и «Сейчас все начнется по новой!».

Вслед за этим с 7.00 до 9.35 последовала новая артиллерийская подготовка невиданной до сих пор силы и бомбовый удар авиации. Под обстрелом тяжелой русской артиллерии оказался и выдвинутый вперед КП дивизии, расположенный на высоте западнее селения Кырнацены. Картина, представшая нашим взорам, ужасала. Вся низменность, уходившая к Днестру, и правый фланг участка дивизии заволокло клубами дыма. Солнце, ярко светившее с безоблачного неба, скрылось за пеленой от разрывов. За огненным

[1*] Из наброска истории дивизии, написанной бригадным генералом Виллимером для книги Ганса Кисселя «Катастрофа в Румынии 1944 года».

валом артподготовки последовала массированная атака пехоты на узком участке силами до двух русских стрелковых дивизий при поддержке танков. В результате артподготовки неприятеля 81-й гренадерский (мотопехотный) полк понес потери в живой силе и тяжелом вооружении более 50%. Выжившие после артподготовки обороняющиеся в большинстве своем погибли в ожесточенной рукопашной. Из 1-го батальона 81-го полка к своим поодиночке вернулось только 28 человек. Командный пункт 81-го полка в полном составе погиб во время рукопашной схватки с противником. В других точках на участке обороны дивизии какое-то время еще удавалось удерживать узлы сопротивления и опорные пункты. Однако уже вскоре после окончания артподготовки вблизи КП дивизии стали появляться первые отбившиеся от своих частей солдаты. Сквозь проделанные бреши в обороне неприятель быстро углубился в удерживаемое дивизией пространство, русские танки, промчавшись вблизи КП дивизии, вклинились в ближние тылы. Оставшиеся в живых солдаты переднего края и подошедший батальон резерва армии приняли бой в селе Кырнацены. Удержать село оказалось невозможным, но с помощью отбившихся от своих частей солдат и резерва дивизии удалось занять селение Каушаны, создать там рубеж обороны дугообразной формы и удерживать его.

Для командования дивизии уже на рассвете стала ясна картина успешного прорыва, осуществленного русскими на участке соседней 306-й пехотной дивизии, а также на правом фланге своей дивизии. Многочисленные танки с сидящей на их броне пехотой, а также грузовики с пехотой на борту уже двигались на юго-запад, за ними пешим маршем следовали плотные колонны стрелковых дивизий. В течение второй половины дня армия направила для осуществления контрудара 13-ю танковую дивизию, которая, однако, не смогла остановить вражеский поток.

На участке 88-го гренадерского полка (части 106-го гренадерского полка стали резервом армии) также шел упорный бой. Врагу удалось местами вытеснить обороняющихся с переднего края обороны, но потом в бою был нанесен контрудар резервом дивизии — 1-м батальоном 106-го гренадерского полка, командир которого, действуя в первых рядах, пал в бою. Но к вечеру все части 88-го полка были отведены на подготовленные позиции восточнее селения Урсоая.

Тяжелые потери в этот первый день сражений понесла и артиллерия. Батареи по большей части вели огонь по врагу прямой на-

водкой. К концу первого дня по результатам боев командованию дивизии стало ясно, что прорыв русских увенчался полным успехом. Гренадерский 81-й полк и значительная часть 306-й дивизии оказались разбитыми. Поскольку в соседях находились более не сражающиеся румынские дивизии, правый фланг оказался полностью открытым. Насущно необходимым стало как можно быстрее создать новый рубеж обороны под Каушанами, чтобы обезопасить правый фланг от прорыва войсками врага.

О том, что в тот же самый день неприятелем был прорван фронт на участке 8-й армии между реками Прут и Сирет, командование дивизии еще не знало.

Взошедшее над горизонтом солнце дня 21 августа явило наблюдателям, расположившимся на высотах северо-западнее реки Ботны, удручающую картину. Плотные колонны русских войск двигались на юго-запад. На рубеж обороны вокруг селения Каушаны в течение этого дня обрушилось несколько атак. Гренадерский 88-й полк и 15-й стрелковый батальон этим днем были подчинены 257-й дивизии, так что 15-я дивизия удерживала только обращенный на юг к Ботне фронт. Все сражающиеся здесь части вошли в боевую группу под командованием майора Номанни.

К вечеру эта боевая группа была отведена на северный берег Ботны. Решительные действия, предпринятые 13-й танковой дивизией, успеха также не принесли. Танковая дивизия и остатки 306-й пехотной дивизии оказались разбросаны на большом расстоянии друг от друга.

В ночь на 22 августа дивизия отошла примерно на 10 километров к западу. На этом рубеже она весь день оказывала сопротивление натиску противника.

Тем временем клинья русского наступления продвигались от Тирасполя на юго-запад, на Галац, и на запад, к Леово на Пруте; передовые части русских, прорвавшиеся под Яссами, уже достигли района между Прутом и Сиретом западнее Хуши. Готовилось окружение 6-й армии.

Именно в этот день — слишком поздно — поступил приказ об отступлении: «Отход начать в 19.30, арьергарду — 24.00».

В соответствии с приказом дивизия в ночь с 22 на 23 августа начала отход. После перехода в 25 километров она достигла района села Каинары. Во время этого ночного перехода пришлось несколько раз отвечать огнем на, видимо, случайные обстрелы врага, а весь день 23 августа отражать его атаки. Вечером отступление было

продолжено. Но еще до того, как все части перебрались на другую сторону реки Ботна у селения Каинары, оно было захвачено противником. Арьергард дивизии был уничтожен в завязавшемся бою, все многочисленные транспортные средства захвачены неприятелем.

Утром дивизия достигла окрестностей села Карбуна. К этому времени подразделения XXX корпуса и соседних корпусов в значительной степени перемешались между собой. Средства связи отсутствовали либо не функционировали. Офицеры штабов дивизий и опытные командиры частей прилагали все усилия, чтобы своими действиями восстановить порядок и дать своим формированиям четкие указания, куда следовать и что делать.

Теперь отход осуществлялся под знаком «Враг повсюду». Русские интенсивно наступали с востока, с юга их атаки были направлены во фланги маршевых колонн, с запада как по ту, так и по эту сторону Прута уже продвигались их мобильные части на собственном транспорте, а с воздуха отступающие войска постоянно атаковали русские штурмовики и пикирующие бомбардировщики, бомбардируя и обстреливая колонны из бортового оружия.

Тыловые службы под командованием заместителя начальника штаба по тылу были своевременно эвакуированы, они форсировали реку как единая отдельная часть. Но, несмотря на это, снабжение почти не осуществлялось. Дороги в тыл были забиты брошенным обозным транспортом, из которого отступающие части могли брать себе пропитание. К тому же на летней жаре людей и лошадей мучила жажда, немногие деревенские колодцы не могли обеспечить водой такую массу отступающих.

Весь день 24 августа дивизия сражалась в районе села Карбуна и в течение наступающей ночи должна была овладеть пространством западнее села Гура-Галбеней. К вечеру разразилась гроза с проливным дождем. Проселочные дороги, которые вели западнее Гура-Галбеней через лесной массив, стали непроходимыми для тяжелого транспорта. 15-й артиллерийский полк вынужден был остановиться, все попытки вытащить завязшие в грязи орудия оказались тщетными. Принимая во внимание, что вслед за артиллеристами двигался противник, пришлось взорвать все еще остававшиеся у полка орудия — от двадцати до двадцати пяти легких и три тяжелые полевые гаубицы.

25 августа началась ликвидация окруженных в котле войск. Надвигавшийся со всех сторон враг старался рассечь в беспорядке перемешанные части нескольких армейских корпусов, беспрепятственно расстреливая плотные колонны отступающих из танков и штурмуя их с воздуха.

Наутро генерал, командующий нашим XXX корпусом, еще раз попытался навести порядок в подчиненных ему дивизиях. Однако всякое управление войсками было потеряно, отступление превратилось в повальное бегство. Каждый солдат знал, что котел замкнулся и что речь теперь идет о том, чтобы прорваться на запад через Прут. Даже если бы не было приказа, каждый прикладывал для этого все свои силы. Панические возгласы раздавались только разве что при внезапных ударах советских танков или налетах авиации. Особенно мерзко становилось у всех на душе, когда больше не было возможности вывозить раненых товарищей.

Основная масса дивизии, перемешанная с другими подразделениями, вечером этого дня сделала попытку западнее Гура-Галбеней прорваться к Пруту. Вплоть до утра 26 августа продолжалось движение колонны. Много раз русские части пытались рассечь ее с флангов, но были отброшены. Но в течение дня русские танки со всех сторон атаковали ее, прижав к берегу Прута. Большая часть дивизии в этот день была уничтожена. Нескольким группам бойцов удалось добраться до заболоченного острова в русле Прута».

62-я пехотная дивизия (XXXXIV армейский корпус)[1*]

«Дивизия была задействована в боях севернее Кишинева на речке Реут. Здесь была оборудована отличная оборонительная система с пятью расположенными в глубину друг за другом позициями. Боевой дух бойцов дивизии, полностью укомплектованной и обеспеченной оружием и снаряжением, находился на должной высоте. Совершенно ошеломительной новостью стало для нас известие о наступлении русских и прорыве под Яссами. Вследствие этого становилось невозможным удержать и фронт между Реутом и Днестром. Но отход с занимаемых нами позиций был начат слишком поздно. Только 22 августа началось движение в тыл. Тем временем ударные силы русских развернулись от Ясс на юг и перекрыли все переправы через Прут. Войска 6-й армии ничего об этом не знали. Но после принятия решения об оставлении Бессарабии в кратчайший срок оказалось, что оба моста у Хуши и Леово не в состоянии обеспечить бесперебойную переправу. Только в течение первого дня отвод войск осуществлялся планомерно. Фронтовые части дивизии, которые частично были переброшены вперед мо-

[1*] Из сообщений офицеров этой дивизии.

торизованным транспортом, уже 24 августа вступили в бой с силами русских, которые нанесли удар от Тирасполя на северо-запад. Одновременно советские войска продвигались и с севера. Немногие дороги, которые проходили частью по сложной для передвижения местности, уже очень скоро оказались забиты самым разнообразным транспортом. Это привело к километровым пробкам, по которым русские наносили удары с севера. Так, например, уже в первый день транспортная колонна дивизии была обойдена и уничтожена противником. Я сам находился в ней рядом с командиром интендантской части. Мы все время держались неподалеку от заместителя начальника штаба по тылу, чтобы иметь возможность как можно быстрее передавать поступающие от него указания подразделениям. Во время перехода в воздухе снова и снова появлялись русские штурмовики, которые бомбили и обстреливали из бортового оружия пути нашего отхода. Германских истребителей видно не было, над нами кружил только двухбалочный самолет-разведчик[1]. После напряженного марша с несколькими краткими остановками, подвергаясь постоянным атакам с воздуха, на рассвете 25 августа мы подошли к небольщой деревушке Стольничены. Там уже находился штаб дивизии и многочисленные транспортные средства. Тем временем с севера и северо-востока все ближе подходили русские. Деревушка располагалась в неглубокой котловине. Когда вражеские танки и моторизованная пехота появились на окружавших котловину высотах, Стольничены были для нас потеряны. Примерно в двух километрах к северу от деревни завязался последний бой. Здесь находился командир дивизии генерал-майор Тронниер (умер в русском плену) с остатками частей и подразделений численностью примерно 350 человек. Из тяжелого оружия у них еще оставалось два 75-мм противотанковых орудия и четыре 120-мм миномета. С этим оружием они и заняли круговую оборону, поскольку противник пошел на них в атаку со всех сторон.

Около 17.00 они предприняли попытку прорыва, причем пришлось постоянно вести бой с вражескими частями. В ходе этой попытки погибло много бойцов, остальные были взяты в плен.

Расположенная слева от нас румынская 14-я пехотная дивизия в эти дни оборонялась с той же стойкостью и мужеством, что и германские дивизии. Эту дивизию постигла такая же судьба, что и другие находившиеся в Бессарабии части, — те ее солдаты, кто не погиб в бою, попали в русский плен. Этого нельзя сказать о

[1] Имеется в виду «Фокке-Вульф-189», имевший за характерный внешний вид фронтовое прозвище «рама».

других румынских дивизиях, например о 3, 5 и 7-й румынских дивизиях, где, весьма вероятно, оказались предатели, заинтересованные в свержении маршала Антонеску...»

10-я моторизованная дивизия (резерв группы армий)[1*]

«Во второй половине дня 20 августа дивизия, которая до этого времени находилась в резерве, двинулась к передовой. В то же самое время навстречу нам, в тыл, потоком шли румыны. Кроме немецких частей, к фронту двигалось единственное румынское подразделение — моторизованный дивизион тяжелой артиллерии.

Исходной позицией нашего полка[2*] была указана деревня слева от дороги, штаб полка расположился в усадьбе имения. Уже во второй половине этого дня полк был задействован в бою. 2-й батальон тотчас испытал на себе всю тяжесть сражений, никто из его бойцов не вернулся обратно. Кто не погиб в бою, тот попал в плен к русским. 3-й батальон также был сильно потрепан. Его командир вышел из боя с пулевым ранением в руку и, едва его перебинтовали, с рукой на перевязи тут же вернулся обратно на передовую, чтобы организовать контратаку. 1-й батальон был почти полностью уничтожен. Два командира рот, сражавшиеся как львы, попали в руки русских. Командир батальона, два лейтенанта и фельдшер смогли, сражаясь, пробиться к КП полка. Тому, что 3-й батальон смог выйти из этого боя с относительно небольшими потерями, он целиком обязан дивизиону штурмовых орудий. Правда, выручая батальон, полуокруженный врагом, дивизион потерял несколько орудий.

Этот бой стал первым сражением полка и дивизии у селения Котрицени (южнее Ясс). Чтобы закрыть бреши, образовавшиеся после румын, дивизии пришлось сражаться на слишком широком фронте, где русские — на главном острие удара своего наступления — располагали многократно превосходящими силами.

Утром второго дня сражения на КП нашего полка появились четыре человека — командир дивизии, которая была разгромлена накануне, полковник и еще два офицера. Это было все, что,

---

1* *Reck H.F.* Gehetzt, geflohen, gefangen.

2* 21-го моторизованного полка (командир полковник Фешль).

кроме тылового обоза, осталось от этой дивизии после ее окружения русскими. Офицеры вышли на наш КП, чтобы доложить наверх о судьбе своей дивизии и о сложившейся ситуации.

Во второй половине дня дивизия выступила на восток, по направлению к Пруту. По дороге в нее вливались военнослужащие, отбившиеся от своих пехотных частей. На станции на участке железной дороги Яссы—Галац встретились три командира полков, каждый из них поведал о своих скорбных делах. Затем они вместе со своими подчиненными сместились несколько восточнее станции, чтобы организовать там мало-мальски пригодную линию обороны.

Весь следующий день мне приходилось как ординарцу то и дело пускаться в опасные разъезды на мотоцикле, доставляя приказы. Вновь созданная германская «линия обороны» оказалась весьма ненадежной. Вскоре здесь появились русские танки, а батальон русской пехоты пошел в атаку. Пришлось постоянно менять диспозицию, чтобы удержать передовую линию обороны. 15 русских танков тщетно пытались прорваться к расположенным восточнее станции подразделениям дивизии, чтобы их рассечь; несколько боевых машин были подбиты моими боевыми товарищами.

Вечером этого дня 22 августа началось наше отступление. На ночь полк стал лагерем снова в лесу под Поени, откуда два дня тому назад нас бросили в бой под Яссами.

Весь день 23 августа мы продолжали следовать на юг, слева от нашего маршрута в долине остался лежать городок Хуши. Положение дивизии становилось весьма критическим, вражеское кольцо окружения быстро замыкалось. Подразделениям арьергарда дивизии пришлось с боем пробиваться на проходившее западнее шоссе, поскольку они со своим тяжелым вооружением и моторизованными частями хотели предоставить пехотным колоннам возможность двигаться по менее опасному лежащему восточнее шоссе. Так как русские наступали с севера и запада, восточное направление представлялось менее опасным.

Следующий день начался с тщетных и вызвавших большие потери попыток проложить дивизии проход огнем штурмовых орудий по русским танкам, вкопанным в землю на высоте перед деревней. Наши штурмовые орудия, будучи передовыми бронечастями дивизии, пытались пробить проход на другое шоссе в долине. После того как этот замысел не удался, передовой отряд дивизии двинулся на это шоссе через высоту. 4-я батарея, образованная из почти уничтоженного 3-го (тяжелого) артдивизиона, которая поддержала огнем этот прорыв, понесла значительные потери, командир батареи был тяжело ранен.

А затем началась совершенная чехарда — то туда, то сюда, то вперед, то назад, то вверх, то вниз. В конце концов удалось найти во вражеском окружении брешь, через которую дивизия все-таки прорвалась. Мы двинулись вперед, минуя Красну...»

Вырвавшимся из окружения частям 6-й армии, рассчитывавшим на прочно удерживаемые переправы через Прут и новый германский фронт на западном берегу реки, пришлось испытать горькое разочарование.

Мосты через Прут, даже если бы и оставались в руках германской армии, не играли никакой роли, поскольку западнее реки уже находились советские войска 2-го Украинского фронта, прошедшие сюда через Бырлад[1].

«Корпусная группа Мита» уже потеряла мосты у Збероайя и Скопоцени, переправа у Леушены также была в руках у неприятеля.

Ближе к вечеру 24 августа 13-й танковой дивизии пришлось сдать занятые ею плацдармы у Леово и Фэлчиу. Когда в тыл отходящей дивизии зашли русские танковые части, мосты пришлось взорвать. Последний мост через Прут, находившийся у селения Стэнилешти юго-восточнее Хуши, должен был быть занят спешно переброшенной туда 282-й дивизией[2*]. Однако внезапность была потеряна, и буквально накануне подхода дивизии мост был взорван противником.

Таким образом, когда прорывающиеся из вражеского окружения германские дивизии прокладывали себе путь сквозь заслоны врага, переправ через Прут уже не было.

Но это было еще не все самое плохое.

Со всех сторон преследуемые неприятелем, расстреливаемые с воздуха и земли, рассекаемые танковыми клиньями солдаты твердо верили и надеялись на новый германский фронт по западному берегу Прута, где они смогут укрыться от врага. Но и здесь их ждало жестокое разочарование, поскольку ни о каком фронте или хотя бы оборонительной линии не могло быть и речи.

Именно так — в то время, когда полное уничтожение окруженных основных сил 6-й армии уже началось, а отдельные ее части, вырвавшись из котла, приближались к Пруту, на западном его берегу еще находились германские войска. Это была «корпусная группа Мита», переброшенная из-под Ясс для обороны против подступавшего с севера неприятеля, также медленно отходившая в западном направлении. После прикрытия отхода частей VII кор-

---

[1] Бырлад — город на востоке Румынии, недалеко от границы с Молдовой, стоящий на одноименной реке.

[2*] Входившей в состав XXXXIV армейского корпуса.

пуса, которые переправились через Прут у селений Збероайя и Скопоцени, она приступила к собиранию рассеянного личного состава четырех дивизий[1*] в районе севернее Хуши, правда сильно потрепанного в сражениях и перемешавшегося между собой. Но как командование 6-й армии не представляло себе, где находится «корпусная группа», так и последняя не знала, что происходит с армией и отдельными ее соединениями, поскольку между ними не существовало никакой связи.

Для «корпусной группы» существовала возможность в тяжелых оборонительных боях против наступающего с севера и намного обошедшего ее с запада противника с определенными шансами на успех пробиваться на запад, к Карпатам, на соединение с группой армий (точнее, остатками 8-й армии). Но генерал Мит принял роковое решение, которое в конечном счете должно было обречь на гибель его самого и сотни его солдат. Не имея никакого представления об общей ситуации, он непременно хотел удерживать открытыми мосты через Прут для все еще ожидавшейся с востока 6-й армии, рассчитывая в то же время объединиться с ней.

Поэтому надо было 25 августа снова взять у врага город Хуши, чтобы контролировать переход у селения Стэнилешти[2*]. При этом пошедшая в атаку в качестве авангарда 370-я дивизия была остановлена неприятелем уже на северной окраине города. Лишь 666-й гренадерский полк, чья численность сократилась до батальона, смог ворваться в город, но был там окружен и полностью уничтожен. Не имела успеха и предпринятая утром следующего дня повторная атака. Хуши и переправа у селения Стэнилешти так и остались не взятыми из-за сильного сопротивления противника.

Но силы «корпусной группы» были уже на исходе, к тому же ей все больше грозила перспектива окружения.

Катастрофа 6-й армии подходила к своему апогею.

Все еще боеспособные части на западной и юго-западной границах котла — и в особенности в окрестностях Гура-Галбеней — предприняли последнюю и решительную попытку прорыва вечером 25-го и в ночь на 26 августа.

Возглавили прорыв самые боеспособные подразделения, двигаясь навстречу непрекращающемуся урагану вражеского огня. Множество раз им пришлось штурмовать и прорывать заслоны неприятеля. Когда его огонь становился еще интенсивнее, подтягивались новые, в спешке сформированные ударные группы со

[1*] 79, 258, 370 и 376-й пехотных дивизий.

[2*] Пребывая при этом в неизвестности о неудавшемся ударе 282-й дивизии и местонахождении противника.

штурмовыми орудиями, проламывавшие вражеские заслоны. За ними беспорядочной толпой двигались тысячи солдат и транспортных средств.

Утром 26 августа советские войска с юго-востока от Минжира попытались всеми имеющимися у них силами и средствами предотвратить прорыв. С громадным напряжением сил удалось сохранить брешь в рядах советских войск, через которую в полном беспорядке рвались ведущие огонь, бегущие, потерявшие голову немецкие солдаты. По участку прорыва вели сосредоточенный огонь вражеские танки, противотанковые орудия, реактивные минометы и артиллерия всех калибров.

Солдаты лавировали между взлетающими в небо фонтанами земли от разрывов, за ними громыхали переполненные грузовики, продираясь сквозь вихри вражеского огня. Из тех орудий, которые удалось доставить сюда, солдаты выпускали по врагу последние снаряды. Смерть собирала обильный урожай в плотных толпах прорывающихся людей, у которых в голове была только одна мысль: туда, к Пруту, — навстречу свободе — туда, где их еще должны ждать боевые товарищи...

Остров на Пруте стал ловушкой

И вот, наконец, на холмах под Минжиром — узлы обороны, германская форма, стальные каски и пехотинцы на оборонительных позициях. Но при приближении к ним разочарование во всем этом было безграничным. То, что мы увидели, оказалось никакой не новой линией фронта, но всего лишь небольшим плацдармом на восточном берегу Прута, который был образован ранее отведенными сюда частями 282-й дивизии для приема стекающихся сюда со всех сторон остатков 6-й армии.

К этому времени здесь собралось от 10 до 15 тысяч человек. В ближайшие дни их должно было стать еще около 20 тысяч человек, ну, может быть, подтянется еще пара тысяч — но никак не больше. Около 20 тысяч германских солдат смогли проложить себе путь к Пруту. Всего 20 тысяч из более чем 170 тысяч (численность 18 окруженных дивизий здесь занижена. — *Ред.*), которые были в 6-й армии!

Внутри обширного котла, в который была заключена 6-я армия, все подходило к концу. Рассеченная на три мелких котла, которые со всех сторон простреливались наступавшим неприятелем, все больше сжимаясь под его напором, основная масса 6-й армии, не

сумевшая прорваться, погибала там в последних беспорядочных сражениях, в водовороте хаоса и отчаяния.

Еще был слышен гул битвы, который становился с каждым днем все слабее и слабее. К 28 августа — по другим данным, к 30 августа — все бои и сражения 6-й армии в котле между Кишиневом, Онештами, Гура-Галбеней завершились.

Над XXX, XXXXIV и LII армейскими корпусами, в составе которых было 11 германских дивизий, опустилась вечная тишина. Об их последних днях не существует никаких достоверных известий. Около 150 тысяч германских солдат остались лежать где-то в лесах, долинах и селах, были взяты в плен, пропали без вести, канули в небытие...

Однако оставалось еще более 20 тысяч солдат и офицеров, остатки нескольких корпусов и дивизий (7 из 18 окруженных дивизий 6-й армии), которые уже считали, что плацдарм на Пруте уже и есть новый германский фронт, но, однако, были под защитой всего лишь этого плацдарма на узкой полоске берега. Вслед за первым их разочарованием последовало второе — мосты через Прут были взорваны, переправ поблизости нет, строительные материалы для оборудования плацдарма отсутствуют. Вздувшаяся после недавних проливных дождей бурная река шириной около 30 метров закрывала путь к дальнейшему отступлению.

А если еще возможно нарастание ужасных происшествий, то именно здесь это и происходило. Прут воистину стал неким филиалом ада. Тысячи и тысячи загнанных, смертельно усталых, отчаявшихся солдат, многие из которых были ранены, постепенно собрались на восточном берегу реки. Последние остававшиеся у них орудия, тяжелое оружие и транспортные средства были взорваны или утоплены в Пруте. В самую гущу этой толпы уже вел огонь враг. Чтобы спастись от него, люди стали бросаться в воду, многие из них утонули. Ко всему привычные саперы начали в этот же день, 26 августа, сооружать переправочные средства из немногих еще имеющихся десантных лодок и всяких подручных материалов, на которых тут же стали переправлять солдат на другой берег реки. Снаряды то и дело рвались в реке, в небо поднимались столбы воды. Русские вели огонь по многочисленным переправам из орудий и минометов, им удалось помешать сооружению импровизированного моста и вызвать тяжелые потери.

Всех тех, кто уже перебрался через реку и смог было облегченно вздохнуть, ожидало третье горькое разочарование. К общему ужа-

су, стало понятно, что это вовсе не западный берег. Немецкие солдаты находились на своего рода островоподобной низменности длиной 5—6 километров и площадью около 2 квадратных километров, при этом сильно заболоченной, вытянутой между двух рукавов Прута. Когда первые попавшие сюда солдаты все-таки нашли тропу между болот, ручьев и трясин к небольшому твердому участку берега и перебрались через западный рукав Прута, к селению Стэнилешти, то тут они испытали величайшее и повергшее их в ужас разочарование: на той стороне их ждали отнюдь не их боевые товарищи, как они надеялись, — но русские. Противник уже занял и западный берег реки!

Но где же тогда находилась «корпусная группа Мита», которая еще должна была быть где-то к западу от Прута? Она была именно здесь, даже совсем близко. Лишь какие-то 20 километров отделяли «корпусную группу» от остатков 6-й армии. Но они не могли найти друг друга, не могли совместно действовать, поскольку ничего не знали друг о друге. И кроме того — между ними, а также и вокруг Хуши — располагались три советские дивизии и части танкового корпуса, которые были готовы начать окружение «корпусной группы».

Всю ночь на 27 августа и весь последующий день в основном происходила переправа с восточного берега реки на остров в русле Прута. На высотах восточнее реки, где находились оборонительные рубежи плацдарма, все еще продолжались тяжелые бои — там удерживавшие плацдарм части отбивали атаки русских с востока, предотвращая их продвижение к самому Пруту. Наши боевые товарищи держались, несмотря на явно безнадежное положение, не давая врагу пробиться к реке. Появились советские офицеры, сопровождаемые солдатом с белым флагом. Это были парламентеры, которые хотели вести переговоры о капитуляции. Их не стали выслушивать и отправили обратно. Вечером 27 августа в 22.00 плацдарм был оставлен, его последние германские защитники переправились через восточный рукав реки.

Тем временем на речном острове, как селедки в бочке, рядами лежали тысячи германских солдат, в том числе и генералы, командовавшие XXX, LII и XXXXIV корпусами. После недели непрерывных боев и пешего отступления по палящей жаре, скорее похожего на беспорядочное бегство, преследуемые танками и моторизованной пехотой противника, постоянно атакуемые с воздуха вражеской авиацией, измотанные и смертельно уставшие

солдаты вместе со своими офицерами и генералами, страдая от голода и жажды, вжимались в землю, ища укрытия в камышах, кустарниках, среди невысоких деревьев.

Нет, эти прижавшиеся друг к другу остатки соединений, частей и подразделений уже не были теми корпусами и дивизиями, уже давно не были теми полками, батальонами и ротами, не были теми боевыми группами, какими они были еще вчера и позавчера, — теперь они представляли собой нечто другое — вырвавшуюся из огромного котла толпу солдат, многие из которых потеряли вооружение, а другие имели при себе лишь легкое стрелковое оружие. У них было только то, что они имели на своем теле, — и еще крохотная искра надежды на то, что они могут избежать роковой судьбы.

Ни один человек не представлял, что с ним будет завтра.

Генералы в небольшой рощице совещались, снова вырабатывая план прорыва, офицеры пытались сформировать новые боевые группы и сплотить их.

Но все же в ночь с 27 на 28 августа намечаемый прорыв на западный берег осуществить не удалось, поскольку предусмотренные для него солдаты, которые первыми должны были пробить брешь в позициях врага, в темноте забрели в трясину. Пришлось перенести запланированный прорыв через западный рукав Прута на следующую ночь. Однако он так и не был осуществлен...

Обер-лейтенант Барон из 444-го разведывательного батальона корпуса пережил эти часы[1*]:

«26 августа в составе сотни офицеров, унтер-офицеров и рядовых нам удалось, скрытно передвигаясь по глубоким оврагам в окрестностях сел Войнеску и Разеси на восточном берегу Прута, добраться до рубежа обороны. Я перебежками двигался от одного опорного пункта к другому, проверяя порядок и ободряя бойцов.

Нам довелось пережить удивительное происшествие. С востока приблизился германский Kfz-2[2] с водителем и — стоящим в нем в полный рост — очень крупным блондином-майором, который крикнул нам: «Ну что вам еще надо, неужели недостаточно?» С этими словами он исчез[3*].

Слабые атаки русских были отбиты. Но затем русские задействовали танки, из которых три машины были подбиты фаустпа-

[1*] Из письменных показаний.

[2] SdKfz-2, известный также как Kettenkrad HK 101, — полугусеничный мотоцикл высокой проходимости, разработанный и массово выпускавшийся в Германии в годы Второй мировой войны. Имел места для водителя (впереди) и двух человек в кормовой части.

[3*] Вероятно, русский в германской униформе из трофейного транспорта.

тронами. После этого до вечера продолжалась передышка, нас не беспокоили ни танки, ни вражеская пехота. Но доставала вражеская артиллерия, ее снаряды беспрерывно сыпались на долину Прута и ее восточный склон, на котором прочно держалась наша оборона. За нашим рубежом охранения находились тысячи отбившихся от своих частей солдат, частично они укрывались от огня в балках, но также и в небольших перелесках в долине Прута. Видно было, что командования у них нет, и, как я позднее узнал, среди них было много безоружных. Когда вблизи одной их таких групп разорвался снаряд, все вскочили и побежали в другое укрытие. Тем самым они показали внимательно наблюдавшим за ними русским, куда тем следует теперь вести огонь. Поэтому потери среди таких солдат были весьма велики.

С наступлением темноты всякое подобие порядка исчезло и в наших рядах. Все стремились к Пруту, чтобы как можно скорее добраться до противоположного берега. Мы с майором Золлером и небольшой группой, которая осталась с нами, тоже поспешили вниз по склону к реке. Там царил невообразимый хаос, все перемешалось. Между тут и там сбивавшимися в кучи людьми взрывались русские снаряды. Повсюду раздавались панические крики. На земле лежали раненые, несколько дюжин стоящих здесь же санитарных автомобилей были битком набиты тяжелоранеными. Когда стало немного потише, с реки донеслись крики о помощи утопающих. Множество людей, в том числе и не умеющих плавать, бросались в воду, пытаясь добраться до западного берега. Некоторые пытались достичь его на спинах своих истощенных лошадей, другие на деревянных частях телег. На этом месте не было ни десантных лодок, ни плотов.

Я потерял из виду майора Золлера и на несколько минут был заражен царящей вокруг паникой, но овладел собой и пошел по берегу вниз по течению реки. Толпы солдат и разрывы снарядов русской артиллерии остались позади. На востоке небо было окрашено красным от пламени горящих сел. Я искал что-нибудь пригодное для переправы, когда с другой стороны реки меня кто-то окликнул. Я узнал голос — это был майор Золлер. Когда я отозвался, майор предложил плыть к нему. Я снял форму, свернул ее в узел, закрепил узел на спине и вошел в воду. Но одежда и оружие тянули меня вниз. Возвратившись на берег, я объяснил все майору Золлеру и пожелал ему всего хорошего. Больше я никогда о нем не слышал. Уже почти потеряв надежду, я снова пустился в путь и наткнулся на какую-то железяку. Оказывается, это канистра из-под бензина. Снова разделся, свернул одежду и все, что у меня

есть, уложил на канистру и пустился вплавь. Но в темноте не заметил, что мои пистолет и автомат соскользнули в воду...

Добравшись до противоположного берега и одевшись, я снова пошел, минуя какую-то лесополосу. Через некоторое время наткнулся на нескольких германских солдат, которые сообщили, что дальше к северу собралось много солдат. Пошел туда, минуя большие или маленькие группы совершенно измотанных людей, которые лежали в траве или сидели под деревьями. Пройдя еще несколько сот метров, увидел вокруг тысячи лежащих на земле людей, в большинстве отбившихся от своих частей солдат, почти все были одеты лишь частично, больше половины из них, как и я, без оружия. Доложил о прибытии генералу Мюллеру[1*], по-видимому старшему из присутствующих здесь офицеров.

Тем временем рассвело, наступило 27 августа. К моему ужасу оказалось, что мы отнюдь не оставили у себя за спиной долину реки Прут, а перед нами еще лежали примерно 1500 метров заболоченного пространства. Мы находились на вытянутом в длину по течению реки острове в заболоченной долине. Поскольку высоты на противоположном берегу уже были заняты неприятелем, я не мог представить себе, как нам выходить из этого положения.

Когда начался интенсивный артобстрел, мы залегли тесно друг к другу. Прямо среди нас и вокруг рвались снаряды, осколки с шипящим звуком проносились в воздухе над головами. Я голыми руками вырыл себе выемку в лесной почве. Как долго продолжался артобстрел, я не знаю.

Артобстрел причинил нам значительные потери, в наших рядах было много убитых и еще больше раненых, о которых нам теперь пришлось особо заботиться. Я распорядился начать сбор перевязочных пакетов, верхней одежды и обуви, которые потом передавались немногим имеющимся среди нас врачам или распределялись среди потерявших одежду людей. Большинство врачей и санитаров остались с ранеными на восточном берегу Прута.

Несколько позднее стало известно, что офицеры собираются для обсуждения нашего положения...»

Теперь советские войска начали уничтожение этих еще существовавших остатков 6-й армии. На скопившуюся в пойме реки массу людей обрушился артиллерийский и минометный огонь. Заработали «сталинские орга́ны», плотность и интенсивность огня

[1*] Командующий XXXXIV армейским корпусом.

все нарастали. Налетевшая авиация добавила к этому шквалу огня еще и свои бомбы. Солдатам под огнем оставалось только беспомощно вжиматься в грязь и трясину, поскольку отвечать им было нечем. Потери час от часу росли. Во второй половине дня, около 16.00, когда неприятель осуществил еще один артиллерийский обстрел, на этот раз с запада, охваченные отчаянием люди уже не могли этого вынести. Элементарное чувство самосохранения заставило их подняться из своих укрытий. Тут и там солдаты вставали под ураганным огнем, сначала единицы, потом по нескольку человек сразу, и бежали, спотыкаясь и падая, вперед, среди вздымающихся разрывов от снарядов. Артиллерийский огонь проделывал в их рядах бреши, но солдаты рвались вперед. Ничто не могло сдержать их, людская волна катилась навстречу огню.

Без какой-либо подготовки, без приказа, без всякого порядка все больше и больше солдат, унтер-офицеров и офицеров поднималось с земли. Они увлекали за собой других, людская волна подхватывала их и влекла вперед. И вот, наконец, почти все лежавшие в пойме Прута поднялись и бросились на врага. Вместе с ними взметнулось и единодушное «Ура!», заглушившее даже вражеский огонь, и все 10—12 тысяч германских солдат, офицеров и генералов, забыв о голоде, жажде, изнеможении, в едином порыве бросились на врага, несмотря на его огонь.

Ведомых ужасом и надеждой солдат, из которых едва ли половина имела при себе оружие, теперь не могло остановить ничто. Сквозь топь и грязь они брели навстречу орудийному огню неслыханной плотности, переходили ручьи, порой проваливаясь по грудь в трясину и поднимая в руках над головой винтовки, автоматы, ручные пулеметы и фаустпатроны, перебирались через заболоченное пространство шириной от 300 до 500 метров. Многих затягивала трясина коварных бочагов, другие тонули, многие падали ранеными и оставались лежать.

И все же, несмотря на сильнейший огонь, солдаты добрались до крутого западного берега Прута, в ожесточенной рукопашной схватке овладели позициями противника у селения Стэнилешти и прорвали вражескую оборону. Совершенно ошеломленные этим броском и пришедшие в замешательство русские разбежались в разные стороны (в данном случае предположение автора, поскольку, как он пишет ниже, никто из прорывавшихся немцев не уцелел. — *Ред.*). Отстоявшие несколько дальше от берега высоты тоже были взяты штурмом, всякое сопротивление русских сломлено в рукопашных схватках, и, наконец, волна прорвавшихся достигла большого лесного массива примерно в трех километрах западнее Хуши.

Те, в ком еще теплились последние силы, стали собираться в группы, чтобы попытаться пробиться через занятую врагом территорию к новому германскому фронту где-то в Карпатах.

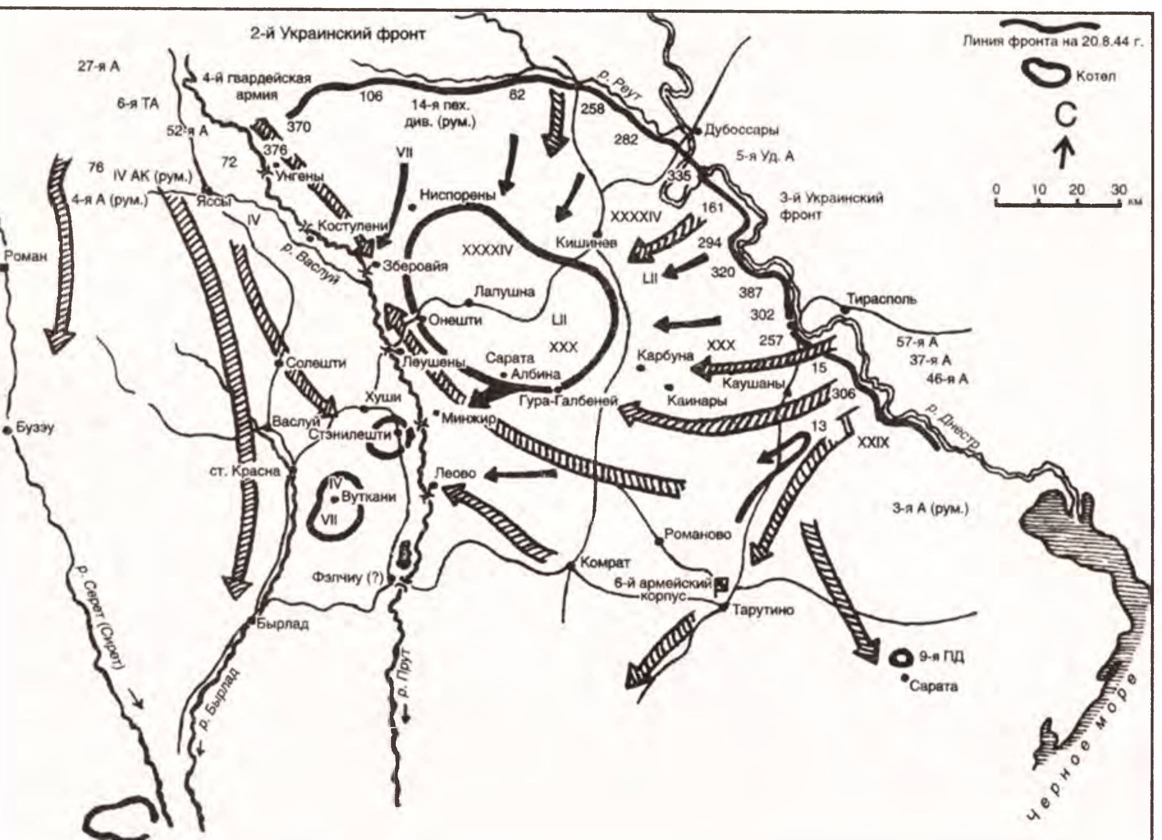
Однако советские войска достаточно быстро оправились после сокрушительного германского штурма (автор не жалеет превосходных выражений для прорыва заслона в отчаянном порыве обреченных на смерть. — *Ред.*). Как всегда, значительно превосходящими силами они утром 29 августа окружили лесной массив. Сначала там еще слышались звуки боя, но потом постепенно все затихло...

Вряд ли хоть один человек уцелел из тех 20 тысяч солдат, которые с небывалыми тяготами смогли пробиться к Пруту и затем в последнем броске добрались до леса западнее Хуши.

Вдали от этих ужасных событий также прекратило свое существование еще одно отдельное германское соединение.

К началу советского наступления далеко на восточном участке фронта находилась, как отдельное германское соединение, входившая в состав XXIX армейского корпуса и подчиненная в оперативном отношении 3-й румынской армии 9-я пехотная дивизия. Дивизия занимала хорошо оборудованные и до поры до времени остававшиеся в покое позиции непосредственно на Днестре, справа и слева от которых располагались румынские соединения. До нее не долетал гром начавшегося сражения, она пока ничего не знала о прорыве русских намного западнее с плацдарма под Тирасполем. Но когда уже 21 августа ее левый сосед, румынская 21-я пехотная дивизия не смогла удержать свой фронт, а штаб корпуса ввиду наступления противника перебрался на запад, то 9-я пехотная дивизия внезапно оказалась одна посреди оголенного румынами фронта. Лишь 22 августа она получила приказ отойти назад, ставший одновременно последним приказом корпуса. Дивизии оставался только путь на юг, и она, обороняясь от наседавшего со всех сторон врага, достигла к вечеру 23 августа местечка Гнаденфельд, а на следующий день вышла в район села Сарата. Окруженная со всех сторон, дивизия предприняла многократные попытки прорыва. В ходе ожесточенных боев ее части и подразделения были почти полностью уничтожены. Оставшиеся в живых, в том числе личный состав штаба дивизии, перед лицом неизбежного сложили оружие и отправились в плен.

Кроме этих немногих строк, о дальнейшей судьбе 9-й пехотной дивизии, в которой было около 13 тысяч солдат, больше ничего не известно.

2-й Украинский фронт
Линия фронта на 20.8.44 г.
Котел
С
0
10
20
30
км
27-я А
6-я ТА
52-я А
76
IV АК (рум.)
4-я А (рум.)
4-й гвардейская армия
370
106
14-я пех. див. (рум.)
62
258
282
376
72
VII
Унгены
Яссы
IV
Костулени
р. Васлуй
Ниспорены
Зберовайя
XXXXIV
Лапушна
Онешти
LII
XXX
Сарата
Албина
Гура-Галбеней
Леушены
Минжир
Кишинев
р. Реут
Дубоссары
5-я Уд. А
335
3-й Украинский фронт
161
294
320
387
302
257
15
306
13
XXIX
Тирасполь
57-я А
37-я А
46-я А
р. Днестр
Карбуна
Каушаны
Каинары
Роман
Солешти
Хуши
Васлуй
Стэнилешти
ст. Красна
Вуткани
Бузэу
Леово
Романово
Комрат
6-й армейский корпус
Тарутино
3-я А (рум.)
9-я ПД
Сарата
Фэлчиу (?)
Бырлад
р. Бырлад
р. Прут
р. Серет (Сирет)
Черное море

Окружение «корпусной группы Мита» в районе села Вуткани

До полного ужаса не хватало кое-чего еще.

Вернемся к «корпусной группе Мита». Точно так же, как солдаты на острове в русле Прута ничего не знали о находившейся лишь на некотором отдалении от них «корпусной группе», так и в этой группе ничего не знали об их отчаянном положении среди трясин и воды.

Именно поэтому генерал Мит не отказывался от своего плана — пребывая в полном неведении о происходящих событиях — активными боевыми действиями расчистить переправу для все еще ожидаемых с востока дивизий. Коль скоро не представлялось возможным снова овладеть мощным вражеским оплотом — городком Хуши, генерал задумал создать плацдарм для выхода германских войск несколько южнее, у Леово. Для этого «корпусная группа» в ночь на 27 августа нанесла удар западнее Хуши в южном направлении. После местами ожесточенных боев с уже находившимися в окрестностях Леово советскими войсками формирования «корпусной группы» в течение дня соединились в покрытой лесами холмистой местности примерно в 15 километрах южнее Хуши и образовали там плацдарм для приема германских войск. Но где же были еще ожидавшиеся боеспособные части 6-й армии? О них ничего не было слышно. Лишь 27 августа в одном из занятых сел были встречены рассеянные остатки частей 282-й дивизии. «Корпусную группу» постигло тяжелое разочарование — все надежды на еще ожидавшийся подход с востока частей 6-й армии и соединение с ними были потеряны. Группа Мита теперь должна была осознать, что она осталась в одиночестве и дальше будет сражаться в одиночку. И более того — она слишком долго сражалась сама по себе, и для нее весьма ясно вырисовывалась перспектива окружения. Русские двигались с севера и уже занимали населенные пункты, расположенные непосредственно западнее плацдарма. Это значило, что путь в задуманном направлении на запад придется пробивать себе с боем.

В штабе «корпусной группы» не предавались самообману. Дивизии все еще были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, их боеспособность в значительной степени потеряна. Позади у них осталось восемь дней тяжелых оборонительных и арьергардных боев на протяжении более чем 100-километрового перехода. Потери уже сейчас были высокими; значителен был также выход из строя орудий и тяжелого оружия, осталось весьма не-

много действующих средств связи. Единственным возможным выходом представлялось следующее: после уничтожения всех без исключения транспортных средств, оставшихся без горючего, и всего вооружения, к которому закончились боеприпасы, пробиваться далее на юго-запад через населенный пункт Вуткани к реке Бырлад и там пытаться достичь реки Серет, где с уверенностью можно было ожидать наличия нового германского фронта. (Эти надежды были напрасными. Мало-мальски устойчивый фронт немцам и венграм удалось создать только в Карпатах. — *Ред.*)

Однако планируемую ночную атаку на Вуткани пришлось отсрочить, поскольку солдаты были слишком измотаны. Лишь на рассвете 28 августа удалось выступить, причем впереди ударным клином двигались 79-я и 370-я дивизии, затем следовали более мелкие части, обоз и тыловые подразделения, а их тылы прикрывали 258-я и 376-я дивизии, развернутые фронтом на север.

Осуществление этого плана натолкнулось на значительные трудности. В Вуткани из-за произошедших во второй половине дня и вечером событий подразделения совершенно перемешались между собой. Смертельно усталые и до предела измотанные солдаты, также, возможно, потерявшие всякую надежду на спасение, спали в садах, а порой и прямо посреди улиц поселка. Так продолжалось около двух часов, до той поры, когда на КП 79-й дивизии в Вуткани было собрано около двадцати офицеров. Со всей ясностью и убедительностью командир дивизии разъяснил им, что если к утру наступающего дня все солдаты еще будут в Вуткани, то гибель неизбежна. С полной уверенностью можно считать, что неприятель использует ночное время для того, чтобы атаковать населенный пункт со всех сторон. Поэтому все присутствовавшие офицеры получили приказ: невзирая на звания и войсковую принадлежность, собрать вокруг себя всех обнаруженных солдат и выступать в 22.00 из Вуткани широким фронтом, двигаясь на запад. По опыту было известно, что в этом случае к ним присоединятся все остальные и встреченные по дороге солдаты. Транспорты с ранеными должны были следовать с первой волной выходящих из селения. Уже находящемуся западнее Вуткани передовому подразделению (последние четыре штурмовых орудия 825-й бригады, усиленные пехотой и саперами) было приказано, выступив ночью из Идрича, занять мост через Бырлад восточнее Читкани и удерживать его до прохода войск. После перехода через реку основному ядру войск следовало разбиться

на небольшие группы и в дальнейшем самостоятельно пробиваться на запад.

Никакого другого выхода не оставалось. Надо было попробовать реализовать этот последний шанс. Чем быстрее начнется прорыв, тем выше будут надежды на удачу!

На такие цели командир 79-й дивизии ориентировал и командира 370-й дивизии во время своего разговора с ним в маленькой крестьянской избе в зловещей ночной тишине, заполнившей Вуткани. После разговора к ним в избу неожиданно зашел ошеломленный генерал Мит, которого никто не сопровождал. Он хотел обсудить ситуацию, принятое решение и отданный приказ. Во время обсуждения появившийся офицер доложил, что не удается разбудить и собрать для выступления спящих мертвым сном солдат, а поэтому следует перенести время начала выступления. На основании его доклада время выступления было передвинуто на 2 часа — на 24.00. Но по той же самой причине и в новый назначенный срок не удалось ничего сделать. Для того чтобы избежать вполне четко прогнозируемой катастрофы при дальнейшей задержке в Вуткани, оба командира дивизий и офицеры их штабов лично принялись трясти и будить спящих солдат, а потом собирать их на западной окраине села. На это ушло так много времени, что, лишь когда уже стало светать, первая волна солдат покинула Вуткани. Остальные тоже постепенно вышли из села и потянулись беспорядочными толпами на запад.

Последний шанс осуществить прорыв единственным обещающим успех образом был утерян. Не удалось в ночь с 28 на 29 августа хотя бы половине находившихся в селе солдат выйти из него и под покровом темноты добраться до Бырлада. В ходе событий 29 августа между Вуткани и столь желанными переправами через Бырлад в одиночных стычках отдельные группы были уничтожены. Всякое управление на дивизионном уровне было уже невозможно.

Уже при выходе из Вуткани на рассвете 29 августа враг эффективно противодействовал действиям германских частей. Так, группа военнослужащих различных званий и из различных частей, выходившая вместе с командиром 79-й дивизии, была вынуждена вступить в ближний бой с атаковавшими ее с юга русскими, которых удалось отбросить. Вскоре стало известно, что утром начавшегося дня генерал Мит во время ближнего боя на восточной окраине Вуткани испытал сердечный приступ.

Другие группы, которые покидали Вуткани в составе первой волны под командованием энергичных офицеров, смогли выбраться из этого переполненного большого села, пройдя под яростным

артиллерийским и минометным огнем врага с южного, юго-западного и юго-восточного направлений. Многие из солдат не единожды были благодарны своим командирам, силой заставившим их двинуться в путь, поскольку русские очень скоро ворвались с востока в Вуткани при поддержке танков и противотанковой артиллерии, устроив там сущий ад.

Солдаты первых групп, спешно добравшиеся до реки Бырлад, последним, неслыханным напряжением сил сломили оказанное им восточнее реки сопротивление русских заградительных отрядов. Занявшие позиции у моста через реку в Читкани сильные заслоны русских были опрокинуты. Благодаря этому до середины дня 29 августа по этому мосту удалось перейти через реку беспорядочной массе германских солдат, большинство из которых имело при себе только винтовку или автомат в руках. С этой массой людей следовало лишь очень немного транспортных средств. Все они быстро устремились к высотам и селам, расположенным западнее реки, где на пространстве вокруг Читкани до вечера находились последние остатки «корпусной группы».

Интенсивность германского продвижения ошеломленный противник смог остановить только в середине дня, во время перехода по мосту у Читкани. С одной из высот южнее Идрича было видно, как большая группировка германских солдат застопорилась на этом мосту. Она была уничтожена артиллерийским огнем и ударом штурмовой авиации.

Вследствие этих обстоятельств представлялось безнадежным делом продолжать переправу по этому мосту. Поэтому группа во главе с командиром 79-й дивизии отправилась в юго-западном направлении, совершенно не представляя себе, каким образом она смогла бы там переправиться через Бырлад. Группа состояла из примерно тридцати солдат, половина из которых получила то или иное ранение, но сохранила способность передвигаться. В этой же группе оказалось не только несколько офицеров, но также и радиостанция, и единственное наскоро отремонтированное в Вуткани штурмовое орудие. Именно по этой еще функционирующей радиостанции и удалось провести последние радиопереговоры о положении группы армий и «вслепую» отвести от противника 8-ю армию, которая уже с 23 августа не имела никакой связи со своими вышестоящими штабами.

На своем пути группа попала под столь сильный минометный обстрел, что ее дальнейшее движение в этом направлении представлялось бессмысленным. Было решено дождаться наступления темноты в небольшом перелеске, а затем просачиваться дальше на

запад небольшими группками. Рация, противотанковое и штурмовое орудия были уничтожены. Но еще до наступления темноты этой группе, как и многим другим, не удалось избежать русского плена.

Те части, которым удалось перебраться через реку и захватить западный берег, попытались на следующий день, пробираясь смешанными группами и группками, большей частью пешим маршем и используя единичные транспортные средства, добраться до Серета, где предполагалось создание новой германской линии обороны. Но здесь все надежды оказались тщетными — таковой просто не существовало.

Здесь почти все группы распались, и большинство солдат стали поодиночке добираться до находящихся от них в 100 километрах перевалов Карпатских гор.

Обер-лейтенант Колльмер в своих записках так описал свои мытарства (отрывки):

«29 августа

Бросок через Бырлад удалось осуществить со второго раза. Отдан приказ двигаться на запад, к Серету, держась по направлению на Бакэу.

30 августа

Больше не существует никаких прежних подразделений, все перемешались между собой. С нами продолжает оставаться командир дивизии генерал-лейтенант Шварц. На рубеже Серета должны стоять германские заслоны.

31 августа

Следуем дальше к Серету. Солдаты телесно сильно изнурены. Генерал Шварц ободряет их. Около полудня основная масса добравшихся досюда войск перебирается через Серет по еще не занятому неприятелем мосту у селения Рогоаза. Германские заслоны не наблюдаются.

1 сентября

По данным разведки, далее к западу уже находятся крупные силы неприятеля. Принято решение двигаться на юго-запад и попытаться достичь румыно-венгерской границы. Генерал Шварц совершенно обессилел. С нами также двигаются еще полковник Хайнц, подполковник Ширмер (начальник штаба 370-й дивизии) и подполковник Штайн из 370-го артполка.

2 сентября

Путь на запад по долине реки Тротуш уже перекрыт неприятелем. Поэтому отдан приказ: все разбиваются на мелкие группы и так следуют дальше...»

Советское командование дало следующее краткое сообщение об уничтожении «корпусной группы Мита»:

«В районе между Хуши и селением Вуткани окружены находившиеся там германские части. 29 августа объединившимся остаткам разбитых дивизий общей численностью около 20 тысяч человек удалось прорваться из окружения. В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся в лесной местности до 30 августа, германские войска намеревались крупными группами пробиться на запад, в направлении реки Серет, и уйти в Карпаты. При зачистках, осуществленных 2 и 3 сентября, было уничтожено около 3 тысяч германских солдат и офицеров и взято в плен около 35 тысяч человек. На следующий день все остатки германских частей были уничтожены».

XXIX корпусу также не удается выйти из окружения

Но даже и этого все еще недостаточно для самого плохого.

Уже уничтожена вся 6-я армия, разбита «корпусная группа Мита» в составе пяти дивизий, гибнет 9-я пехотная дивизия...

Но все же был еще XXIX армейский корпус, первоначально подчиненный в оперативном отношении румынской 3-й армии, а ныне приданный группе армий «Южная Украина». Однако корпус состоял только из штаба и не имел никаких войсковых частей. Германская 9-я дивизия пропала где-то под селением Саратай, обе входившие в состав этого смешанного корпуса румынские дивизии были вне пределов досягаемости. 26 августа вышедший из района Бырлада штаб корпуса получил приказ организовать рубеж сопротивления на линии Фокшаны—Галац (на реке Серет) и создать там новый фронт. Для этой задачи корпусу была подчинена 13-я танковая дивизия, 10-я моторизованная дивизия, остатки 153-й полевой учебной дивизии и недавно переброшенная сюда танковая группа Брауна. Звучит хорошо, но на деле... 13-я танковая дивизия, которая с самого первого дня участвовала в сражениях, имела в своем распоряжении только мотопехоту силой до полка, от четырех до шести орудий, несколько противотанковых орудий далеко не самого мощного калибра и ни единой бронированной гусеничной боевой машины. Подобным же образом выглядела и 10-я моторизованная дивизия, о 153-й полевой учебной дивизии вообще лучше не говорить. Рассматривать в качестве более или менее боеспособного соединения можно было только вновь введенную в состав группы армий танковую группу Брауна с частями 20-й танковой дивизии, 21 штурмовым

орудием и штурмовым батальоном 8-й армии — но в целом снова слишком незначительную и слишком поздно отправленную в бой.

Уже само отступление корпуса к нижнему течению Серета проходило в ходе ожесточенных боев против наступавшего с опережением врага, причем 10-я моторизованная дивизия и 13-я танковая дивизия едва не оказались в окружении. Поскольку русские уже во второй половине дня 26 августа достигли района восточнее Фокшан, тогда как корпус с вечера следующего дня начал оборудовать на Серете западнее Галаца оборонительные позиции, советские передовые танковые клинья уже приблизились к городу Бузэу в глубине левого фланга. Отходивший вместе с другими соединениями и частями группы армий по крупному шоссе Фокшаны—Бузэу и образцово сражавшийся 12-й зенитный полк 15-й зенитной дивизии, подбивший в арьергардных боях много танков, тем не менее не смог остановить быстрое продвижение войск противника. Чтобы снова не оказаться под угрозой окружения при обходе войск неприятеля, корпус в ночь на 28 августа вывел свои моторизованные части с только что занятых позиций на Серете и стал отводить их далее к югу. Во второй половине дня 28 августа на КП полка в Цилибии поступило донесение, что русские уже заняли Бузэу. На основании этого командовавший корпусом генерал принял решение осуществить прорыв на запад южнее Бузэу.

После ускоренного марш-броска в ночь с 28 на 29 августа и нанесенного по врагу удара силами авангарда, образованного из штурмовых орудий, моторизованные части 13-й танковой дивизии, 153-й полевой учебной дивизии, а также танковая группа Брауна достигли района Черашени в 15 километрах южнее Бузэу. Незадолго до этого 10-я моторизованная дивизия для прикрытия тыла была оставлена в Силибии. В течение первой половины дня сюда же подтянулись пешие и передвигавшиеся на гужевом транспорте части корпуса.

Укрывшись в небольшом перелеске восточнее большого шоссе, ведущего из Бузэу в Бухарест, по которому сплошным потоком и совершенно беспрепятственно двигались на юг советские колонны всех родов войск, утром 29 августа на военный совет собрались четыре германских генерала во главе с командиром корпуса бароном фон Бехтольсхаймом. Куда двигаться дальше? После всех высказываний и обсуждения было принято следующее решение: генерал позволяет всем мобильным частям своего корпуса под руковод-

ством своих командиров двигаться на юг, к Дунаю и пока еще дружественной Болгарии. Все пешие части под его командованием выступят вечером для прорыва на запад. Наступившей ночью генерал фон Бехтольсхайм под прикрытием огня штурмовых орудий повел пехотинцев на прорыв вражеских боевых порядков южнее Бузэу. Среди кукурузных полей и виноградников они наткнулись на встречный удар русской пехоты и завязали бой. Части корпуса рассыпались по необозримой равнине, многие погибли, были ранены, попали в плен. Вместе с группой примерно в 100 человек, пробившись сквозь леса в предгорьях Карпат, фон Бехтольсхайм утром 31 августа вышел как раз в то время, когда другие германские части двигались пешим порядком, отступая к перевалу Бузэу. Эта небольшая группа во главе с командиром корпуса стала едва ли не единственным подразделением, отставшим от всего корпуса, которому удалось вырваться из окружения.

Недалеко удалось уйти и моторизованным и танковым частям. Группа генерала Брауна, с которой двигалось еще более 20 штурмовых орудий и 1 танк «Пантера», пыталась прорваться сквозь вражеский заслон на одном из отрезков шоссе Бузэу—Мизил и была уничтожена огнем противника.

Остатки 13-й танковой дивизии и 153-й полевой учебной дивизии вместе с прибившимися к ним одиночками, общим числом примерно в 4—5 тысяч человек, добрались — в первой половине дня 29 августа — до местечка Кэлэраши на Дунае. Но находившиеся там румынские части отказались разрешить им переправу через Дунай и настаивали на интернировании, что по существу означало плен. Поскольку пришедшие сюда части не могли штурмовать сильно укрепленный Кэлэраши, а потери при подобном штурме оказались бы чрезвычайно высоки, то генерал Байер заявил собравшимся у него офицерам, что он не может принять на себя ответственность за подобное развитие событий. Не видя другого выхода, он принял решение сложить оружие и на следующее утро следовать в плен. Всем остальным офицерам и солдатам он предложил либо последовать его примеру, либо попытаться пробиваться самостоятельно. Командование группой он с себя сложил. Подобным же образом до него поступили и многие другие генералы и командиры дивизий... (Только в районе Кэлэраши 1 и 2 сентября советские войска взяли в плен до 6 тысяч немцев, в том числе 18 полковников и более 100 других офицеров. — *Ред.*)

Моторизованные группы 10-й моторизованной дивизии во второй половине дня 30 августа достигли большого лесного массива западнее городка Кэлэраши, примерно в 15 километрах к северу

от Дуная. Там они привели в негодность еще сохранившееся тяжелое вооружение, орудия и транспорт, и прежде всего радиостанции, а вечером стали сооружать переправочные средства из имевшихся подручных материалов типа канистр, бочек из-под бензина, покрышек и т. д.

В первой половине дня 31 августа группе примерно в сто человек с командиром дивизии во главе удалось, несмотря на сильное волнение и огонь двух находившихся выше по течению румынских мониторов, пересечь Дунай и добраться до болгарского берега. Болгарами немцы были интернированы, а затем, поскольку Болгария, как и Румыния, вскоре объявила войну Германии, были выданы Советам.

Отдельные пешие группы были уничтожены уже во время их отхода. Их члены пытались, разбившись на группки в три-четыре человека, пробиться в Болгарию, так как пути в Карпаты на территории Румынии уже были перекрыты. Но это удалось лишь немногим, а остальные так и не смогли избежать русского плена.

XXIX армейский корпус стал последним, который был полностью уничтожен русскими.

31 августа советские войска вступили победителями в румынскую столицу — Бухарест. (Через Бухарест отдельные части советской 46-й армии проследовали 29—30 августа. 30 и 31 августа в Бухарест вступили войска 6-й танковой и 53-й советских армий и части 1-й румынской пехотной добровольческой дивизии им. Тудора Владимиреску. — *Ред.*)

Одна спешно сформированная боевая группа под командованием генерала Винклера, состоявшая из остатков соединений группы армий, прежде всего 12-го зенитного полка, держалась до вечера 30 августа в районе к северо-западу от Бузэу, а на следующий день удерживала проход к перевалу Бузэу[1*], задерживая противника в долине Бузэу. Благодаря действиям этой группы многочисленным тыловым частям и обозным командам группы армий, войска которой с 25 августа отступали через Бузэу, а также большому числу отбившихся от своих частей солдат удалось уйти в венгерскую часть Карпат. Здесь в районе Семиградья[2] спешно создавалась новая тонкая германская оборонительная линия из спешно собранных остатков разбитых соединений и частей, которые вскоре пришлось отводить назад.

[1*] Через Карпаты в Трансильванию.

[2] Трансильвания (*лат.* Transsilvania (Залесье), также Ардял, *рум.* Transilvania (Ardealul), *нем.* Siebenbérgen (Семиградье), *венг.* Erdüly) — историческая венгерская/румынская область на северо-западе Румынии.

Еще несколько слов о румынах.

23 августа в Румынии состоялся хорошо подготовленный государственный переворот. Существовавшее до этого дня правительство маршала Антонеску было арестовано, уже вечером этого же дня юный король Михай обратился по радио с сообщением о перемирии с Советским Союзом и отдал приказ всем румынским войскам прекратить военные действия против русских. О тяжелых последствиях этого предательства для германских войск, о разгоревшейся местами борьбе между германскими и румынскими войсками в отдельных местностях Румынии сказано ничего не было.

Немногие румынские соединения и части накануне или с началом русского наступления решили избежать такого прямого предательства, как, например, 5-я кавалерийская дивизия[1*]. Другие, как румынская 4-я горнострелковая бригада, тут же побросали оружие и оголили фронт. Большинство же румынских дивизий без какого-либо сопротивления начали отход, поскольку отдельные высшие румынские офицеры и командиры знали о готовящемся перевороте и дали добро на отход своих войск, считая, что войне конец и надо идти по домам. Однако некоторые соединения, как, например, 1-я кавалерийская бригада и 11-я пехотная дивизия, мужественно сражались плечом к плечу с германскими войсками.

Однако отнюдь не предательство румын привело к прорыву германо-румынского фронта. Следовало бы усвоить еще уроки Сталинграда в ноябре 1942 года, где советские войска смогли прорвать удерживавшийся румынами фронт, в результате чего в котел попала «первая» 6-я армия. Ныне ее судьбу повторила «вторая» (скорее, «третья» — от «второй» в результате боев на Правобережной Украине мало что осталось. — *Ред.*) 6-я армия. Румынские солдаты просто по своему менталитету, подготовке, вооружению и командованию были не способны противостоять мощному русскому наступлению. Это следовало принять во внимание высшему германскому командованию.

Советы обошлись со своим новым союзником (вскоре после этого Румыния объявила войну Германии) не слишком дружественно. Между 23 и 31 августа в ходе боевых действий Красная армия взяла в плен более 130 тысяч румынских солдат. Расформированные румынские армии и корпуса были разоружены, а около 1,5 миллиона румынских солдат отправлены в Советский Союз на принудительные работы. (Чтобы хотя бы частично «ударным

[1*] Ничем не подтвержденное утверждение.

трудом» возместить разрушения, грабежи и насилия румынских оккупантов в 1941—1944 годах на оккупированной территории СССР. — *Ред.*) Из коммунистических кадров и вновь призванных контингентов была сформирована новая румынская 1-я армия, которой «было позволено» сражаться на стороне русских.

Бойцы пробиваются к своим

Но вернемся к германским войскам, к обычным солдатам. Каждый из этих бойцов был готов сделать все возможное и невозможное, чтобы ни за что на свете не попасть в плен, и готов был пройти многокилометровый путь в поисках нового германского фронта. Уже давно пространство между Прутом и Карпатами находилось в руках врага. Преследуемые и травимые неприятелем, немецкие солдаты, делая изматывающие пешие переходы и терпя неописуемые лишения, снова и снова стремились воссоединиться с германскими частями. Но надежды таяли, фронт в предгорьях Карпат не стоял на месте, но день ото дня удалялся. Число тех бойцов, кому удалось достичь предгорий Карпат, можно оценить в 18—20 тысяч человек. Их следы теряются в этой лесистой горной местности: многие уже там попали в плен, другие умерли в одиночестве, были убиты русскими или румынскими солдатами, скончались от ран и болезней.

Лишь очень немногим удалось вынести все мытарства и с колоссальным напряжением сил выйти к германским оборонительным позициям, находящимся уже в Венгрии. Некоторые потеряли ориентировку и неделями двигались за все более и более откатывавшимся назад германским фронтом. В конце концов принимавшие таких бойцов штабы доложили, что из состава 6-й армии к своим пробилось только около 350 человек, а из 8-й армии — 1200 солдат.

Среди них были майор Шваммбергер, обер-лейтенант Штайнмайер и один обер-ефрейтор из 161-й дивизии, которые 23 сентября вышли к германским войскам в районе Семиградья (Трансильвании).

Был совершенно оборванный и едва узнаваемый один из офицеров 79-й дивизии — единственный вернувшийся из состава всей дивизии.

Был обер-лейтенант Барон из 444-го разведбатальона корпуса, который с пятью солдатами 258-й дивизии вечером 3 октября вышел к германской передовой уНоймаркта (Венгрия), тогда как

командир LII корпуса генерал Бушенхаген с восемью солдатами пешком добрался до Карпат и в лесу западнее Бакэу 13 сентября из-за предательства румын был выдан русским.

Был капитан Платц из 258-й дивизии, который с десятью солдатами 7 сентября на венгерской границе вышел прямо к германской передовой, прежде чем она была отведена назад.

Был тот 21-летний ефрейтор из 376-й дивизии, который 8 сентября после десятидневных скитаний вышел в расположение одной из частей 4-й горнострелковой дивизии, на следующий день в ее рядах принял участие в бою и спустя шесть дней попал в русский плен.

Ниже мы приводим рассказы некоторых из этих солдат.

Обер-лейтенант Барон (444-й разведбатальон корпуса):

«28 августа — собрались в лесу южнее Хуши. Здесь я доложился генералу Бушенхагену, увидев его сидящим на опушке леса. Вместе с ним были подполковник Вольман, его помощник по разведке, и обер-ефрейтор Штайн, его денщик. Солдаты в разговорах между собой рассказывали об отважном поведении генерала во время броска через заболоченное пространство на Пруте. Сам генерал держался уверенно и считал, что мы вполне сможем пробиться к новой германской линии фронта.

После краткого отдыха мы продолжили движение в западном направлении. Когда стемнело, встали лагерем на ночевку. С немногими еще остававшимися при мне солдатами я держался поблизости от нашего генерала. Он вкратце переговорил со мной о наших планах.

В последующие дни и ночи мы двигались в юго-западном направлении. Довольно часто приходилось вступать в боевое соприкосновение с неприятелем. Есть было практически нечего, разве что то один, то другой из нас еще находил где-то у себя в карманах остатки пайкового шоколада. Чтобы заглушить чувство голода, мы грызли созревшие на полях кукурузные початки. Из-за постоянно терзавшего нас голода наши физические силы быстро слабели. Дважды нам удавалось выпросить немного хлеба, а однажды нам даже дали вина. К сожалению, всего этого было так мало, что никто из нас ни разу так и не наелся досыта. Все это время блужданий в густых лесах, без дорог и тропинок, генерал оставался для нас образцом спокойствия и уверенности.

В течение 28 и 29 августа на нас наткнулись майоры Брюкнер и Дитфельд и капитан Виссиг. Генерал Бушенхаген намеревался

двигаться в юго-западном направлении. Он предполагал, что в окрестностях Бырлада есть вероятность выйти к германским позициям. Ранее сообщалось, что на Серете планировалось создать новую германскую оборонительную линию, и генерал предполагал, что на рубеже рек Тротуш—Серет новую передовую уже могут занимать германские войска. Как потом стало известно, это предположение оказалось обманчивым. Рассказы местных жителей звучали еще менее обнадеживающе и противоречили друг другу. Одни рассказывали, что фронт проходил уже по перевалам Карпат, в то время как другие утверждали, что русские уже заняли Будапешт. На этой стадии мы решили уклониться к западу и западнее городка Онешти перебраться через Тротуш. Отсюда генерал намеревался продвигаться долиной Слэника вверх по течению этой реки, а затем преодолеть Карпаты. О сдаче в плен в нашей команде никто даже не помышлял. Мы были полны решимости, если окажется необходимым, добраться даже до Будапешта. Во время переходов и сражений в протянувшейся юго-западнее Хуши лесистой местности я, как адъютант командующего, получил от генерала задание вести передовую группу (я был счастливым обладателем походного компаса), отражать удары русских, наносить контрудары и перехватывать разведгруппы неприятеля. Должен сказать, что все это мне удавалось.

Все добытые продукты честно делились между всеми. Красное вино в сочетании с захваченными у русских сухарями действовало довольно сильно, к сожалению, пропитания удавалось добыть очень мало. Нам еще везло в том, что ночи стояли довольно теплые, а днем было даже жарко. Поскольку показываться днем из леса нам было нельзя, то часто нас донимал не только голод, но и жажда. Дожди начались только тогда, когда мы добрались до Серета.

На 28 августа в нашей боевой группе еще было около 2 тысяч человек, но в последующие дни это число все больше и больше сокращалось. Мы теряли людей убитыми, ранеными и попавшими в плен. Некоторые, обессилев от голода или болезней, тоже отставали от нас. Но большинство наших людей мы потеряли во время ночных переходов по густым лесам и во время стычек с преследующими нас русскими. Через четверо суток в группе все еще оставалось около 500 человек.

1 сентября у селения Албешти (к востоку от Красны на реке Бырлад) мы подошли к краю большого лесного массива. Дальше путь вел по совершенно открытой равнине. Покинуть скрывающий нас лес и двигаться дальше по открытой местности для на-

шей все еще сильной боевой группы было неприемлемо. Генерал принял решение разделить нашу группу на более мелкие отряды по тридцать человек. Сам же я оказался в одном отряде вместе с генералом.

В ночь с 1 на 2 сентября мы под сильным обстрелом вырвались из леса на простор равнины. Около двух часов, спасая свои жизни, мы двигались только перебежками. Затем нам все же удалось уйти от погони. В ту же ночь мы еще смогли пересечь долину реки Бырлад. В течение следующих дней мы миновали область между Бырладом и Серетом. Днем мы скрывались в небольших перелесках, а ночами двигались дальше. Часто мимо тех мест, где мы скрывались, проходили колонны русских, но нас они не замечали. Переходы потребовали от нас все до последних сил. В течение каждой из ночей приходилось по семь-восемь раз подниматься и спускаться с холмов, пересекать бесконечные кукурузные поля, держаться подальше от проезжих дорог и поселков. Лишь трижды за все это время мы заходили по ночам в небольшие румынские села, чтобы разжиться там какой-нибудь едой. Добыть удавалось очень мало, русские уже успели провести в этом отношении основательную работу. Все же там нашлось кое-какое продовольствие, ставшее приятным дополнением к молодым початкам кукурузы, которыми мы постоянно питались. Нам удалось достать даже немного молока, которое было отдано самым ослабленным, пару раз нам перепало по нескольку яиц, мамалыга и виноградное вино. Генерал Бушенхаген, разумеется, получал такую же долю, что и остальные.

Поскольку ночного отдыха мы были лишены, то наши силы, несмотря на эту малую подкормку, быстро убывали. Особенно изматывали подъемы и спуски с холмов. Обычно мы старались подниматься по глубоким канавам или оврагам, промытым дождевой водой, на склонах холмов. Все чаще нам приходилось делать остановки для отдыха. При каждой такой остановке я сразу бросался на землю и тут же засыпал.

В ночь с 6 на 7 сентября мы подошли к реке Серет. Весь световой день мы скрывались в прибрежном лесу. При этом только чудом нам удалось ускользнуть от внимания красноармейцев, которые прошли через этот лес. С наступлением ночи мы форсировали Серет вплавь, переправившись на западный берег реки. Также незамеченными нам удалось перебраться и через плотно охраняемое русскими шоссе Бузэу—Аджуд. После шоссе мы снова двигались по большому лесному массиву. К его западной границе мы подошли в ночь с 8 на 9 сентября. Здесь русские устроили сильный заслон, который должен был перехватывать остатки разбитых гер-

манских групп. Прорваться сквозь него было нереально. Поэтому в последующие ночи мы уклонились от него несколько севернее. Как и раньше, в течение светлого времени суток мы скрывались в лесах. Однажды мы столкнулись с русскими, при этом большая часть нашей группы в ужасе бежала. В ночь на 11 сентября нам, наконец, удалось миновать этот заслон. Затем мы снова повернули к юго-западу, незамеченными пересекли шоссе Бузэу—Онешти и на рассвете 12 сентября стояли на холме около населенного пункта Карактаул. Нигде вокруг не было видно лесов, само село было занято врагом, который мог нас заметить. Чтобы затруднить преследование, генерал принял решение разделить нашу группу, в которой еще было 25 человек. Со мной пошли девять бойцов. Времени на разговоры и рассуждения не оставалось. Мы договорились, куда кому идти. Генерал Бушенхаген решил двигаться со своей группой на северо-запад. Я со своими людьми предпочел направиться в западно-юго-западном направлении...»

Капитан Платц (258-я пехотная дивизия)[1*]:

«Пробившись через заслон русских (29 августа), мы быстро добрались до Бырлада, через который перебрались по неповрежденному мосту. Сопротивления неприятеля не было. Множество солдат, в основном пеших, и лишь немногие на мотоциклах, двигались на запад. Поскольку я располагал плавающим автомобилем-вездеходом, то поехал напрямик, не придерживаясь дороги. Около заболоченной низменности подсадил к себе офицера из штаба 370-й дивизии, который не мог идти из-за раны. Около 10.00 мы добрались до поселка Фолтешти. Перед деревней я заметил начальника штаба 258-й дивизии, который тоже двигался на запад. Он переговорил со своим коллегой из 376-й дивизии. Оба они согласились с тем, чтобы после двухчасового отдыха продвигаться дальше на запад в направлении на Кронштадт (Брашов. — *Ред.*). После окончания отдыха, во время которого солдаты продолжали подходить из района котла в Вуткани, я выехал из деревни вместе с начальником штаба 258-й дивизии в сопровождении еще восьми грузовиков в направлении Силистеи. Прибыв туда, мы узнали у местного населения, что русские войска уже двигаются по шоссе западнее Силистеи, однако в окрестностях их пока нет.

Мы ехали по шоссе, которое уходило из Силистеи на юг. Здесь на дороге нас внезапно атаковали русские. Завязалась краткая

[1*] *Киссель Г.* Катастрофа в Румынии 1944 года.

перестрелка, в результате которой наша группа, в которой было около тридцати человек, отогнала врага и смогла продолжать движение. Офицер штаба 370-й дивизии получил слепое пулевое ранение в спину, которое стало его восьмым ранением. Мы двинулись дальше, тем временем стало темнеть, а нам еще предстояло перебраться через реку Тутова. Русские часовые у деревни Погана нас не заметили, мост через реку также не охранялся, так что мы на южной окраине села Боджешти снова смогли отклониться в западном направлении. Затем мы переночевали в небольшом леске.

Неприятель установил за выходящими из котла в Вуткани разбитыми частями воздушное наблюдение, его штурмовики наносили по крупным группам удары с воздуха.

Утром 30 августа мы продолжили свое движение. Кормиться приходилось за счет запасов гражданского населения, которое относилось к нам дружественно. Румынские солдаты, которых мы встречали по дороге, частью были вооружены, а частью без оружия, но враждебности к нам не проявляли.

Желание у нас было только одно — как можно быстрее покинуть эти места, избежав внимания находившихся здесь советских частей. В лесу северо-западнее поселка Тавадарешти мы встретили нескольких румынских крестьян, которых мы расспросили о ситуации с мостами на Серете. От них узнали, что в районе села Богоаза должен сохраниться приличный мост. Сначала мы решили дождаться темноты. В течение этого времени встретили группу из тринадцати солдат 10-й моторизованной дивизии, которые под командованием одного обер-лейтенанта пробивались на запад. Мы отдали им карту в масштабе 1:300 000.

Около 20.00 мы подъехали к Сирету, но упомянутого местными моста через него не обнаружили. Поэтому мы двинулись по очень хорошему шоссе, которое шло восточнее Серета с северо-запада на юго-восток, и вскоре увидели пребывавший в отличном состоянии и неохраняемый мост, по которому и перебрались на другую сторону. В низовьях Серета мы тоже не наблюдали передвижения неприятеля. Незадолго до железнодорожного моста шедшая передо мной машина — я вел четвертую в группе — внезапно остановилась. Мы все заглушили моторы и прислушались. Примерно в 150 метрах от нас было слышно, как по какому-то поводу веселятся русские. Первой из наших машин нигде видно не было. Здесь выяснилось, что у второго грузовика закончилось горючее. Его экипаж теперь должен был следовать дальше на запад уже пешком. Мы были неподалеку от железнодорожного моста и в не-

посредственной близости от шоссе Бузэу—Аджуд. Там, где нужная нам проселочная дорога вливалась в шоссе, находился русский часовой, который оказался внимательным и выстрелил по шедшей впереди моей машине. Я понесся от него с самой большой скоростью, которую только мог выжать, обогнал несколько вражеских орудий и, наконец, свернул на обочину в кукурузное поле. Здесь закончилось горючее и у нашей машины. Мы привели ее в негодность и пешком двинулись в западном направлении. У меня еще оставались компас и карта в масштабе 1:300 000, ориентироваться по которым было довольно трудно, а позднее, в горах, и вовсе невозможно. Сколько-нибудь существенной еды у нас долго не было, так что питаться приходилось главным образом виноградом и водой. В лесу северо-восточнее Боршани мы переночевали.

На рассвете 31 августа мы двинулись дальше в юго-восточном направлении. Идти приходилось медленно, поскольку с нами был тяжелораненый офицер штаба 370-й дивизии, которого время от времени приходилось даже нести, так что продвигались мы с большим напряжением сил. Двигаться по дорогам было нельзя, поэтому мы старались держаться подальше от них, чтобы избежать встреч с русскими. Около 17.00 мы вышли на границу леса и на берег реки Тротуш, примерно в трех километрах восточнее Боршани. Здесь я до вечера наблюдал за движением по шоссе. Там передвигались в основном тыловые снабженцы на грузовиках и телегах, порой громыхали танки. Окружающие деревни отнюдь не казались переполненными русскими частями, поэтому я принял решение с наступлением темноты перебраться через Тротуш, железную дорогу и шоссе, чтобы скрыться в лесу южнее Боршани—Былка.

При свете луны мы перешли вброд Тротуш — неглубокое место я высмотрел еще во второй половине дня — и подобрались к железной дороге. Вода в Тротуше оказалась нам по пояс, причем течение было довольно сильным. Железную дорогу и шоссе нам удалось миновать незамеченными, после чего вскоре мы уже углубились в лес южнее Боршани. Ближе к утру до нас донесся лязг танковых гусениц и сильный рев моторов, мы сменили направление движения на западное и, оказавшись в чаще леса, устроились там на ночлег. Офицер штаба 370-й дивизии не мог сдержать стонов из-за сильной боли. Ближе к вечеру мы снова двинулись в западном направлении, шли до рассвета и оказались предположительно на южной окраине селения Балка. Высмотрев стоящий на отшибе дом, мы понаблюдали за ним в течение часа и, не увидев там русских, решили зайти туда, поскольку у нас не было

никакой еды. Хозяева дома встретили нас довольно приветливо и снабдили кукурузой и фруктами. Офицер 370-й дивизии принял решение остаться в этом доме, так как ему было необходимо залечить свои раны. Хозяева дома устроили его в погреб для картофеля и обещали позаботиться о нем. По их словам, русских в поселке не было. От них мы также узнали, что шоссе Аджуд—Онешти используется только для снабжения русских войск.

С наступлением темноты мы втроем — обер-вахмистр Гжил, обер-ефрейтор Бирке и я — вышли из поселка, как и раньше, в западном направлении. Мы снова держались в стороне от дорог. В ночь с 1 на 2 сентября мы спали в лесу юго-восточнее поселка Маринешти. Пустившись в путь около полудня следующего дня, мы подошли к небольшой железнодорожной станции. Здесь оказалось много румынских солдат, которые встретили нас дружески и обильно поделились с нами провизией. Румыны, по-видимому тоже вырвавшиеся из котла, обещали проводить нас в окрестности горы Оушор (753 м. — *Ред.*). Двое из них шли с нами весь день и к вечеру вывели нас в нужное место. По дороге мы то и дело встречали мелкие группы румынских солдат, которые были без оружия. Все они с готовностью отвечали на наши вопросы и рассказали, что тоже встречали небольшие группы германских солдат. От них мы также узнали, что русские организовали постоянную разведку территории с воздуха, используя для этого устаревшие медленные бипланы.

Мы снова переночевали в лесу, а утром 3 сентября подошли к какому-то селу. Убедившись, что неприятеля в нем нет, мы вошли в один из домов. Его хозяева не позволили нам остаться, но вскоре вынесли нам хлеб из кукурузной муки и сало. По всей округе, рассказали они, много русских патрулей, которые строго карают местных жителей, оказывающих помощь германским солдатам. Село называлось Гура-Вэи. От него мы пошли дальше, встречая по дороге лишь отдельных пастухов.

Проведя еще одну ночь в лесу, мы снова двинулись дальше, следуя теперь только по компасу. В этом районе деревни больше не встречались, так что ориентироваться по карте теперь стало невозможно. Когда мы, окончательно потеряв дорогу, до середины дня блуждали по каким-то поросшим лесом холмам, начался дождь. Вскоре он перешел в настоящий ливень, так что мы вскоре, несмотря на наши плащ-палатки, промокли до нитки. Уже под вечер, после долгих блужданий сквозь густой подлесок, подъемов и спусков, мы наконец выбрались к какой-то группе домов, полных людей. Оказалось, что это какая-то пограничная венгер-

ская станция, на которой уже собралось около пятидесяти германских солдат, все вышедшие из котла под Вуткани.

Здесь мы остались на всю ночь, высушили свое обмундирование, сварили картошки и закусили яблоками. На следующее утро продолжили свой путь, к нам присоединилась еще одна группа численностью около двадцати человек. Через некоторое время снова пошел дождь. Около полудня на старой тропе через перевал в Карпатах мы подошли к другой пограничной избушке. Она стояла пустой, никаких припасов в ней не оказалось. Еще через пару часов под проливным дождем мы наткнулись на двух бесхозных лошадей. Одну из них мы пристрелили, затем, сумев развести под дождем костер, поджарили себе мясо. Покончив с едой, двинулись дальше через перевал. Здесь, на высоте, нам встречались многочисленные группы солдат. С раннего утра на западе был слышен звук сражения, в основном все заглушал гром артиллерии. Фронт, стало быть, находился уже недалеко. После обеда мы встретили группу солдат, которые возвращались с того направления, — они сообщили нам, что дорога вниз от перевала выводит напрямую к русским. Поэтому я принял решение уклониться к югу, чтобы по возможности обойти фронт. Ночь мы провели в заброшенном доме.

6 сентября мы продолжили свой путь сначала в южном направлении, а примерно через час снова повернули на запад. По дороге нам встретилась вершина, на которой не рос лес, и мы поднялись на нее. Нашему взору открылось плоскогорье, на котором располагалось несколько деревень, шум сражения доносился спереди справа. Мы было решили, что смогли обогнуть фронт и обошли русскую передовую с юга. Эта мысль придала нам силы, мы поспешили спуститься в долину и обогнули еще одну, более низкую гору, следуя по направлению к увиденному нами плоскогорью. Но тут внезапно мы услышали совсем недалеко от себя топот шагов и шум моторов. Примерно в 100 метрах от нас за деревьями проходил проселок, по которому двигалась колонна солдат. Однако это были не германские солдаты, как мы было надеялись, но передовая маршевая колонна русских. Поскольку пересекать дорогу, по которой они двигались, с группой в двадцать человек при дневном свете было немыслимо, мы снова разделились на более мелкие группы. Со мной осталось около десяти человек.

Когда после прохождения очередной русской колонны дорога на какое-то время опустела, я решился, вместе со своими людьми, броском пересечь ее. Двигаться снова на юг представлялось мне нецелесообразным, прежде всего потому, что мы для этого не были

готовы физически, так как очень ослабли. Нам удалось перебежкой пересечь дорогу, оставшись не замеченными русскими. Поскольку мы не знали, где именно мы находимся в тылу русских войск, то снова двинулись в путь только с наступлением темноты и прошли вблизи вражеской артиллерийской батареи. Так как, продираясь во тьме ночи сквозь чащу леса, мы наделали бы много шума, то сначала мы дождались восхода луны около полуночи. При ее свете оказалось, что недалеко от нас находится русский часовой, охраняющий стоящих примерно в 20 метрах от нас лошадей. Быстро покинув это место, мы снова переночевали в небольшом леске.

Утром 7 сентября мы разглядели впереди у горизонта село, в котором шел бой. Двигаясь к нему, мы встретили пастуха, который рассказал нам, что это село называется Геленкс, до него около шести километров и оно все еще занято германской частью. Мы двинулись сначала в южном, а потом в юго-западном направлении. Перевалив через очередную высоту, мы наткнулись на лагерь венгерских беженцев, где нас снабдили продуктами. Но вскоре, при известии о том, что сюда двигаются русские, нам пришлось его покинуть. Один старик, который кое-как говорил по-немецки, рассказал нам про дорогу к германской передовой. Он также подтвердил, что село Геленкс еще занято германскими и венгерскими войсками.

Мы двинулись вверх по склону в направлении тропы, ведущей в Геленкс. Вскоре село уже лежало перед нами. С севера были слышны шум боя и рев самолетных моторов. Около 19.00 мы вошли в Геленкс. На окраине села мы встретили двух саперов, у которых был приказ взорвать мост, когда по нему пройдут отступающие германские войска.

Мы выполнили свой долг и спаслись...»

Обер-лейтенант Штайнмайер (161-я пехотная дивизия)[1*]:

«28 августа. После броска из заболоченной низины на Пруте я собрал боевую группу численностью 400 человек и с ней добрался до лесного массива южнее Хуши. У взятого в плен русского майора, которого мы захватили в рукопашной схватке, мы нашли карту местности вплоть до Серета, которая позже сослужила нам хорошую службу. В лесном массиве я встретил своего знакомого офицера из нашей дивизии, майора Шваммбергера, который уже

[1*] *Киссель Г.* Катастрофа в Румынии 1944 года.

предыдущей ночью с горсткой своих людей смог сюда прорваться. Мы решили объединиться и вместе попытаться воссоединиться с германскими войсками на новой линии фронта.

Этим же вечером, предчувствуя опасность, мы начали движение на юго-запад и на следующее утро подошли к большому шоссе Васлуй—Бырлад восточнее Делени. В качестве главного направления движения было определено юго-западное — заранее, еще генералом Мюллером. Но так как именно в этом направлении мы наблюдали небывало напряженное передвижение танков, моторизованных и гужевых колонн противника, а также пешую переброску пехоты, то на основании этого мы пришли к заключению, что удар противника от Ясс будет развиваться на юг, на Галац и Фокшаны, а потому приняли решение двигаться не на юго-запад, а на запад, с целью воссоединения с германскими войсками на Серете. Утром мы слышали звуки нарастающего боя, прежде всего стрельбу из тяжелых орудий, что, по нашему пониманию, значило — русские уже окружили весь лесной массив и сжимают кольцо, чтобы уничтожить находящиеся в нем германские войска.

С утра 30 августа нам пришлось уходить от преследования поисковой команды врага, и наша группа разделилась. В последующие дни мы почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день вступали в боевое соприкосновение с врагом, чаще всего ночью, в результате чего наша группа быстро сократилась до 50 человек, а позднее в ней осталось всего 11 солдат. Порой мы несли тяжелые потери, порой с нами сливались другие группы, которые, выходя из лесов и кукурузных полей, наталкивались на нашу и без всяких усилий с нашей стороны пополняли ее личный состав. 5 сентября мы вплавь преодолели Серет и, глубоко разочарованные, не обнаружили на другом его берегу германских войск, но, не лишившись энергии и мужества, отправились дальше на их поиски.

Спустя сутки после этого в предгорьях Карпат мы были обстреляны и окружены румынскими солдатами. После полуторачасового боя нам, семерым оставшимся, удалось вырваться из этого окружения. После этого случая мы всегда обращали внимание на то, чтобы не сближаться с румынами. Однажды нам удалось захватить двух русских, у которых мы позаимствовали две винтовки и довольно значительное количество боеприпасов.

Питались мы в основном фруктами, огурцами, кукурузными початками, сырым или печеным картофелем, а также тем, чем нам удавалось разжиться в деревнях, куда мы заходили только за едой, которой тамошние крестьяне более или менее добровольно

делились с нами. После того как они все чаще стали наводить на нас русские патрули, мы стали избегать вступать в контакт с румынским населением.

Однажды мы нашли немецкую листовку ОКХ (Главного командования сухопутных сил) с призывом к солдатам 6-й армии и схемой линии фронта в Карпатах. Хотя она была датирована довольно давним числом, эта схема все же дала нам достаточно важную информацию. Иногда до нас доносился отдаленный орудийный гром. Однако радовались мы слишком рано, поскольку, хотя мы целыми днями двигались в том направлении, фронт все не приближался, так как наши войска отступали.

В середине сентября стало ощущаться планомерное наводнение местного населения со стороны Советов всякими подстрекательскими слухами и дезинформацией о положении на фронте, направленной на то, чтобы смутить всех германских солдат, пробивающихся к своим, и поколебать их решимость сделать это. По мере того как мы приближались к линии фронта, среди населения стали распространяться слухи о том, что линии фронта будто бы больше нет, а есть только один большой новый котел, который вот-вот будет ликвидирован.

Этими топорными методами врагу не удалось подорвать нашу волю прорваться к германским войскам — несмотря на все усиливающееся телесное изнеможение, на все растущее обременение ранеными, которых приходилось тащить с собой, несмотря на толстые мозоли на наших ногах, несмотря на все новые и новые разочарования, когда мы были уже вблизи германского фронта, а он снова и снова откатывался назад. Почти каждый день мы попадали под удары врага, его оперативные группы преследовали нас. Но всякий раз нам удавалось проскользнуть буквально под носом у русских поисковых команд, а потом и уйти, напрягая последние силы, через Карпаты в леса Южной Венгрии.

Наконец, 23 сентября мы — Шваммбергер, один обер-ефрейтор из другой дивизии и я — после 23 дней пеших переходов, оставив за плечами более 750 километров, вышли в расположение германских войск...»

Эта горстка пробившихся была не единственной, которые смогли вернуться к своим. Еще около 10 тысяч человек из состава окруженных частей 6-й и 8-й армий смогли добраться до расположения германских войск через Галац и Плоешти, и среди них, например, оказалось около 500 человек ремонтно-технических подразделений 257-й пехотной дивизии.

6-я армия была полностью уничтожена.

В 8-й же армии, на ее левом фланге, осталось три германские дивизии, не испытавшие удара вражеских сил.

Они оказались всем тем, что уцелело после полного коллапса всей группы армий «Южная Украина», которая по воле Гитлера должна была оборонять Румынию, от двух германских армий, стоявших на румынском фронте. Около 21 сильной германской дивизии полного состава было уничтожено всего лишь за 9 дней (и еще одна чуть позже. — *Ред.*).

Советское командование снова в ходе одной крупномасштабной операции, проведенной с сосредоточением мощнейших сил и стремительностью, в ходе которой было задействовано неслыханное ранее (преувеличение автора. — *Ред.*) количество солдат, танков, артиллерии и авиации, взломало и разгромило весь германо-румынский фронт. Его больше не существовало.

В «Журнале боевых действий» группы армий «Южная Украина» 5 сентября 1944 года после окончания основных сражений сделана следующая запись:

«Окруженные корпуса и дивизии 6-й армии отныне должны окончательно рассматриваться как потерянные. Больше не существует надежды на то, что какая-либо из окруженных частей сможет пробиться из котла. Это крупнейшее поражение, которое постигло группу армий.

Были потеряны:

6 штабов корпусов (IV, VII, XXIX, XXX, XXXXIV и LII армейские корпуса), при этом погибли двое из командующих корпусами генералов, трое были пленены и только один смог пробиться к своим.

18 пехотных дивизий (9, 15, 62, 76, 79, 106, 161, 257, 258, 284, 294, 302, 306, 320, 355, 370, 376 и 384-я), а также 153-я полевая учебная дивизия, 10-я моторизованная дивизия, 13-я танковая дивизия и танковая группа Брауна. Из числа командиров дивизий 5 генералов пали в боях, 12 попали в плен (а кроме них, еще 13 генералов) и только один вышел из окружения.

7 бригад штурмовых орудий и много армейских и корпусных групп.

Кроме этого, вся военная техника и снаряжение».

О пребывании в советском плену пишет уже упоминавшийся офицер 62-й пехотной дивизии:

«После пленения мы три дня оставались в сборном лагере в Хынчешти, а затем около 20 тысяч заключенных пешим маршем

переместили в Тирасполь, примерно в 120 километрах. Этот путь мы проделали за 72 часа под охраной русских солдат. Вместе с нами должны были брести и легкораненые, имеющим ранение в ноги никакого транспорта не было предоставлено. Всех, кто не мог идти дальше, красноармейцы расстреливали из автоматов. Через поселок Тигина мы должны были пройти «показательным маршем» для местного населения, которое заставили выйти из своих домов на улицу. Люди покорно стояли, опустив взгляды, пока мы проходили мимо них.

В Тирасполе нас, примерно 60 тысяч военнослужащих, расположили лагерем на Днестре, прямо под открытым небом. 13 сентября около 800 немецких и 300 румынских офицеров были погружены в вагоны и 1 октября доставлены в Елабугу, где находился самый крупный в Советском Союзе лагерь для пленных офицеров. Будучи обвиненным в надуманных военных преступлениях, я побывал в различных концентрационных и штрафных лагерях, в том числе и в Воркуте недалеко от Северного Ледовитого океана и в Сибири, и лишь в 1955 году, после десяти лет, проведенных в советском плену, вернулся на Родину».

Потери германской стороны в этом сражении так никогда и не было точно установлены. Оценочно называлась цифра примерно в 125 тысяч погибших. Около 80 тысяч пленных умерли в русских сборных лагерях в Румынии, известных как лагеря голодной смерти, при транспортировке в Советский Союз и в советских лагерях. Число вернувшихся из России военнопленных составляет около 70 тысяч человек.

В официальном сообщении советского Верховного главнокомандования от 13 (3. — *Ред.*) сентября 1944 года германские потери оцениваются в 256 тысяч человек, из них 150 тысяч убитых и 106 тысяч пленных. Из огромного числа потерянного вооружения и снаряжения всех видов следует назвать: 830 танков и штурмовых орудий (490 уничтожено, 340 захвачено. — *Ред.*), 330 самолетов (338; 298 уничтожено, 40 захвачено. — *Ред.*), 3500 орудий и минометов (1,5 тысячи уничтожено, более 2 тысяч захвачено. — *Ред.*), 35 тысяч автомашин (в том числе 18 тысяч захвачено. — *Ред.*). (Потери советских войск в Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции 20—29 августа 1944 года составили: безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) 13 197 человек. Санитарные потери 53 933 человека. Потеряно 75 танков, 108 орудий и минометов, 111 боевых самолетов. — *Ред.*)

Из сводок вермахта

26 августа

«...На румынском участке Восточного фронта наши дивизии, отразив многочисленные удары врага, в соответствии с отданным им приказом отошли на новые рубежи...»

27 августа

«...В Румынии моторизованные части и крупные танковые силы неприятеля продвигаются дальше на юг. Германские боевые группы предпринимают усилия, ведя тяжелые бои, чтобы проломить советские заслоны по обеим сторонам в нижнем течении Прута...»

28 августа

«...В Румынии наши войска ведут тяжелые бои, взламывая фронт противника в нижнем течении Прута. В ходе дальнейшего наступления в южном и западном направлении противник форсировал Серет и, несмотря на ожесточенное сопротивление наших войск, овладел городом Фокшани. При этом им потеряно много танков...»

29 августа

«...В Румынии наши войска сражаются по обе стороны нижнего течения Прута, отражая направленные со всех сторон удары врага. Юго-западнее нижнего течения Сирета после упорных боев в руки Советов перешел город Бузэу. При этом были подбиты 27 вражеских танков. В южной части Восточных Карпат в пограничном с Венгрией районе продолжаются ожесточенные бои германских и венгерских войск с наступающими советскими боевыми группами...»

Соединения группы армий «Южная Украина» (с запада на восток)

Командование группы армий (генерал-полковник Фриснер)
Резерв командования:
10-я моторизованная дивизия
153-я полевая учебная дивизия
959-я артиллерийская бригада

Германская 8-я армия (генерал пехоты Вёлер)
Резерв командования:
румынская танковая дивизия «Великая Румыния»
румынская 8-я пехотная дивизия
румынская 18-я горнострелковая дивизия
905-я бригада штурмовых орудий

XVII армейский корпус (генерал горных войск Крейзинг)
8-я егерская дивизия
3-я горнострелковая дивизия
румынские пограничные части

Румынский VII армейский корпус
румынская 103-я горнострелковая бригада
румынская 104-я горнострелковая бригада

Румынский I армейский корпус
румынская 20-я пехотная дивизия
румынская 6-я пехотная дивизия

Румынский V армейский корпус
румынская 1-я гвардейская пехотная дивизия
румынская 4-я пехотная дивизия

LVII армейский корпус (генерал танковых войск Кирхнер)
46-я пехотная дивизия
румынская 1-я пехотная дивизия
румынская 13-я пехотная дивизия
286-я бригада штурмовых орудий
румынская 4-я армия (генерал Аврамеску)

Румынский VI армейский корпус
румынская 5-я пехотная дивизия
румынская 101-я горнострелковая бригада
76-я пехотная дивизия
325-я бригада штурмовых орудий

Румынский IV армейский корпус
румынская 7-я пехотная дивизия
румынская 3-я пехотная дивизия
румынская 5-я кавалерийская дивизия
румынская 102-я горнострелковая бригада

IV армейский корпус
79-я пехотная дивизия
румынская 11-я пехотная дивизия
376-я пехотная дивизия
228-я бригада штурмовых орудий

Румынская армейская группа (генерал-полковник Думитреску)
Резерв командования:
13-я танковая дивизия
румынская 1-я кавалерийская дивизия

Германская 6-я армия (генерал артиллерии Фреттер-Пико)

VII армейский корпус (генерал артиллерии Хелль)
370-я пехотная дивизия
106-я пехотная дивизия
румынская 14-я пехотная дивизия
236-я бригада штурмовых орудий

XXXXIV армейский корпус (генерал-лейтенант Мюллер)
62-я пехотная дивизия
258-я пехотная дивизия
282-я пехотная дивизия
335-я пехотная дивизия
911-я бригада штурмовых орудий

LII армейский корпус (генерал пехоты Бушенхаген)
161-я пехотная дивизия
294-я пехотная дивизия
320-я пехотная дивизия
243-я бригада штурмовых орудий

XXX армейский корпус (генерал-лейтенант Постель)
384-я пехотная дивизия
302-я пехотная дивизия
257-я пехотная дивизия
15-я пехотная дивизия
306-я пехотная дивизия
239-я бригада штурмовых орудий (перевезена в тыл)

Румынская 3-я армия

XXIX армейский корпус (генерал-лейтенант барон фон Бехтольсхайм)
румынская 4-я горнострелковая бригада
румынская 21-я пехотная дивизия
9-я пехотная дивизия
278-я бригада штурмовых орудий

Румынский III армейский корпус
румынская 15-я пехотная дивизия
румынская 2-я пехотная дивизия
румынская 110-я пехотная дивизия

Румынский II армейский корпус
румынская 9-я пехотная дивизия
охранные батальоны и батальоны береговой охраны на побережье Черного моря

Авиация

Командование 4-го воздушного флота (генерал-лейтенант Дайхманн)
Командование 1-го воздушного корпуса
15-я зенитная дивизия с 4 зенитными полками

В состав 1-го воздушного корпуса входили следующие германские подразделения: более 7 разведывательных эскадрилий, 1 бомбардировочная группа, 1 штурмовая группа, 1 противотанковая штурмовая эскадрилья, 2 эскадрильи ночных штурмовиков и 3 группы истребителей общей численностью 318 самолетов.

Из них на 20 августа находилось в боеготовом состоянии 232 самолета, в том числе 60 разведчиков, 43 бомбардировщика, 57 штурмовиков и ночных штурмовиков, 41 истребитель и 31 ночной истребитель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бухнер Алекс

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск.
Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинев

1944

Ответственный за выпуск *Е.Л. Шведова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 21.12.2012.
Формат 60×90$^1/_{16}$. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0.
Уч.-изд. л. 21,25 + вклейка = 22,31.
Тираж 3 000 экз. Заказ № B1837.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003. г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна д. 25

КИТ ЛОУ

ЖЕСТОКИЙ КОНТИНЕНТ

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война, самая разрушительная в истории человечества, не только разорила народы, но и посеяла недоверие между странами. И то, что Европа сумела выбраться из послевоенной разрухи и стать процветающим толерантным обществом, выглядит настоящим чудом. Историки, политики и экономисты отмечали, что окончание войны стало не только концом репрессий и насилия, но и духовным, нравственным и экономическим возрождением целого континента. В своей книге Кит Лоу совершил попытку пролить свет на истинные, иногда ужасающие события, происходящие в послевоенной Европе, и на то влияние, которое они оказали на ее дальнейшее развитие.

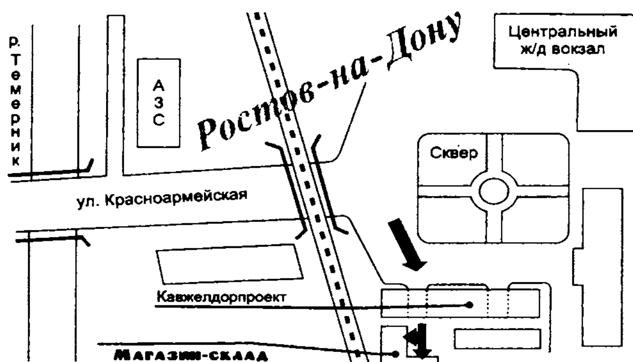
Переплет, формат 130×206 мм, объем 480 с.

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф»

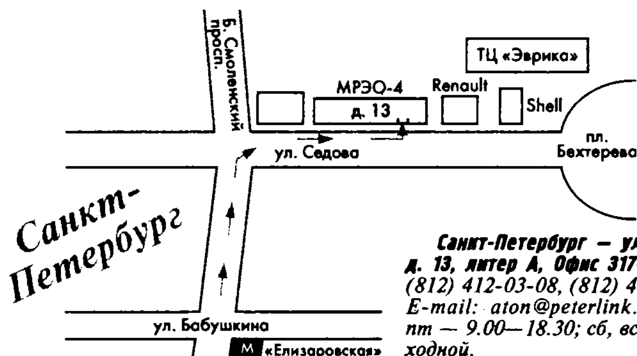

Москва — ул. Октябрьская, д. 18, *тел. для справок: (495) 684-49-89,* ***мелкооптовый отдел*** *— тел. (495) 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00,* ***курьерская доставка книг по Москве.***

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), *тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.*

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН»

Санкт-Петербург — ул. Седова, д. 13, литер А, Офис 317-А, *тел.: (812) 412-03-08, (812) 412-79-13. E-mail: aton@peterlink.ru. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной.*